

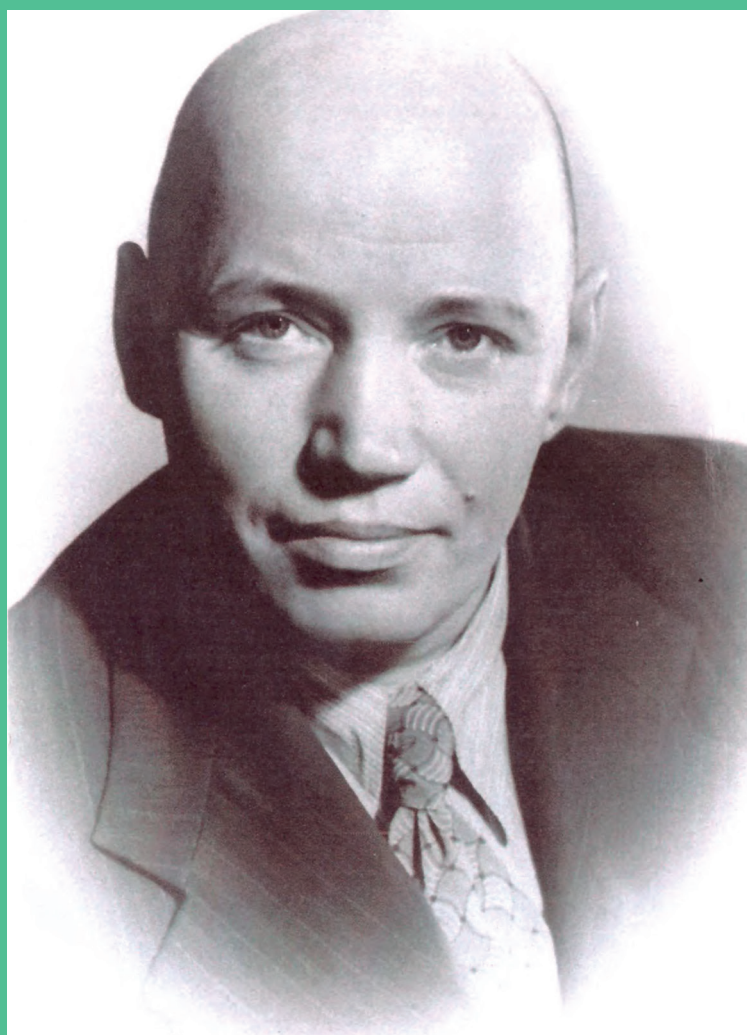
ISSN: 2500-0837 (Print)  
eISSN: 2687-0363 (Online)

# ТЕОРИЯ государства и права

2024

январь-февраль-март

ДЕНИСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

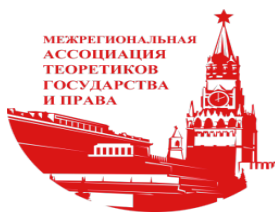


№1 (35)

Москва

Россия





ISSN 2500-0837 (Print)  
eISSN 2687-0363 (Online)

2024 / № 1 (35)

## **ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

Научный журнал основан в 2016 г. и является официальным изданием Межрегиональной общественной организации «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»

2024 / № 1 (35)

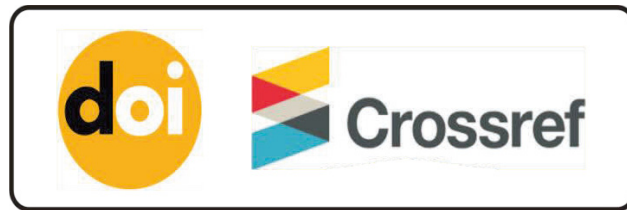
## **THEORY OF STATE AND LAW**

The academic journal is established in 2016 and is the official publication of the Interregional Public Organization "Interregional Association of Theorists of State and Law"

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (квартиль 1)

The journal is included by the Higher Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia in the List of Peer-Reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of Doctor of Science (quartile 1)

## Индексация журнала



## ДЕНИСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ



**Межрегиональная ассоциация теоретиков  
государства и права  
приглашает принять участие в работе  
XI Международной научно-теоретической конференции  
«Человек-природа, личность-общество, гражданин-государство  
в условиях информатизации и цифровизации российского общества  
в интересах устойчивого развития»**

**XI International Scientific Conference  
“Man-nature, personality-society, citizen-state in the context  
of informatization and digitalization of Russian society in the interests  
of sustainable development”**

**14–16 июня 2024 года (10.00–16.00)  
Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3**

Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, редколлегии журналов «Теория государства и права», «Юридическая мысль», «Вестник общей и отраслевой теории права», «Современное российское право», «Вестник Института права Башкирского государственного университета», «Вестник Костромского государственного университета», «Вектор науки Тольяттинского государственного университета», «Миграционное право», «Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores» (Мексика) 14–16 июня 2024 года (Санкт-Петербург) **в очно-заочном формате** проводят XI Международную научно-теоретическую конференцию «Человек-природа, личность-общество, гражданин-государство в условиях информатизации и цифровизации российского общества в интересах устойчивого развития».

К выступлению с докладами приглашаются доктора и кандидаты наук, аспиранты (адъюнкты) и соискатели, студенты, практикующие юристы.

**Регистрация 14 июня 2022 года: 9.30–10.00 (московское время), начало работы конференции: 10.30, перерыв: 13.00 – 14.00, окончание работы конференции: 16.00.**

Рабочие языки конференции – русский и английский.

Проезд и проживание иностранными и иногородними участниками оплачиваются и организуются самостоятельно.

Просим Вас подтвердить свое участие в конференции (указав форму участия), пройдя электронную регистрацию до **5 июня 2024 года** по электронной почте: mat-gip2017@yandex.ru или lawinst-spb@mail.ru в целях составления программы конференции.

## **Теория государства и права**

---

Доклады, статьи, сообщения надо направить до 30 июня 2024 года в электронном виде по адресу: matgir2017@yandex.ru или SVKomarov2008@yandex.ru.

### ***Российский индекс научного цитирования***

Информация о материалах, опубликованных в журналах по тематике конференции, будет размещена в системе E-library (РИНЦ).

***Материалы конференции будут размещены в номере 2-1 журнала «Теория государства и права», в других журналах информационных партнеров.***

### ***УЧАСТИЕ В РАБОТЕ КОНФЕРЕНЦИИ – БЕСПЛАТНОЕ***

Рассылка журнала в электронном виде вместе с сертификатом об участии будет производиться по мере выхода журнала в свет.

Авторам, заказавшим печатный вариант, рассылка будет производиться централизованно, посредством почты России, простой бандеролью после 20 августа 2022 года за счет авторов.

## Информационные партнеры



Компания  
«Консультант-Плюс»

Журнал  
«Миграционное  
право»



Компания «Гарант»



Журнал «Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores» (Мексика)

Журнал  
«Теория  
государства  
и права»

Журнал  
«Юридическая  
наука»

Журнал  
«Современное  
российское право»

Журнал  
«Юридическая  
мысль»

Вестник  
Костромского  
государственного  
университета

Журнал  
«Вектор науки Тольяттинского  
государственного университета»  
Серия: Юридические науки

Журнал  
«Вестник  
Института права  
Башкирского  
государственного  
университета»

## СОДЕРЖАНИЕ

### 5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

	<b>Стр.</b>
<i>Азнагулова Г.М.</i>	Формирование права как процесс смыслообразования..... 14
<i>Артемов И.А.</i>	Место и роль международных договоров в системе источников российского права в современный период..... 25
<i>Борисова О.Г.</i>	Совершенствование системы защиты от пандемии в СССР (1917–1991 гг.)..... 33
<i>Воробьев С.М., Комаров С.А.</i>	Цифровой суверенитет Российской Федерации: теоретико-правовой анализ..... 45
<i>Гусев Е. С.</i>	Правовая культура в эпоху цифровизации..... 60
<i>Гутман М.Ю., Старовойтова О.Э., Уткин Н.И.</i>	Правовое регулирование противодействия терроризму в Российской Федерации..... 74
<i>Дроздова А.М., Игнатьева С.В., Крижановская Г.Н.</i>	Государственная служба и суверенитет государства допетровской России..... 87
<i>Захарцев С.И., Кривоносова Д.В., Сальников В.П.</i>	Ментальность народа и правовое развитие государства..... 100
<i>Иванова Е.Л.</i>	Правовое лицемерие в публично-правовых отношениях: вопросы теории и практики..... 116
<i>Иванова С. Е.</i>	Легитимность государственных институтов в секулярном и постсекулярном политико-правовом пространстве..... 130
<i>Мазурин С.Ф.</i>	Исторические проблемы развития государственности в России..... 141
<i>Мурсалимов К.Р.</i>	Государство, право, закон: противоречие и взаимосвязь..... 148
<i>Мякина С.Б., Соловьев А.А., Шеяфетдинова Н.А.</i>	Постмортальная репродукция как составляющая социальной функции государства..... 156
<i>Паисий (Кузнецов А.А.), Сальников В.П., Масленников Д.В., Прокофьев К.Г.</i>	Иммануил Кант о нравственных основаниях государства и его отношении к церкви как к «этической общности» (к 300-летию философа)..... 166



# Theory of State and Law

<i>Певцова Е.А.</i>	Современная теория права о соотношении правовой культуры, правового сознания и правового воспитания.....	188
<i>Петрунина А.А.</i>	Правовое регулирование нейронных сетей: проблемы и перспективы развития.....	215
<i>Прокофьев К.Г.</i>	Институт семьи в системе ценностного консенсуса российского общества: нравственный и правовой аспекты.....	225
<i>Сальников М.В., Прокофьев К.Г., Морозов А.И., Борисенко О.М.</i>	Нравственно-правовые ценности как основание профессиональной культуры сотрудников государственной службы.....	234
<i>Хабибулин А.Г.</i>	Идеология как фактор политической субъектности государства.....	251

## 5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Самусевич А.Г.</i>	Интерпретационная деятельность как форма конституционного правоприменения (часть 1).....	259
<i>Шафигулин К.В.</i>	Отдельные проблемы реализации права граждан Российской Федерации при оказании медицинской помощи.....	272
<b>АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЗА 2023 ГОД.....</b>		<b>283</b>

## CONTENT

### 5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

	<b>Pages</b>	
<i>Aznagulova G.M.</i>	Formation of law as a process of meaning formation.....	19
<i>Artemyev I.A.</i>	The place and role of international treaties in the system of sources of Russian law in the modern period.....	29
<i>Borisova O.G.</i>	Improving the pandemic protection system in the USSR (1917–1991) .....	39
<i>Vorobyov S.M., Kotarov S.A.</i>	Digital sovereignty of the Russian Federation: theoretical and legal analysis.....	53
<i>Gusev E. S.</i>	Legal culture in the era of digitalization.....	67
<i>Gutman M.Yu., Starovoitova O.E., Utkin N.I.</i>	Legal regulation of countering terrorism in the Russian Federation .....	80

# Теория государства и права

<i>Drozdova A.M., Ignatieva S.V., Krizhanovskaya G.N.</i>	Public service and sovereignty of the state of pre-Petrine Russia: historical and legal analysis.....	93
<i>Zakhartsev S.I., Krivonosova D.V., Salnikov V.P.</i>	The mentality of the people and the legal development of the state.....	108
<i>Ivanova E.L.</i>	Legal hypocrisy in public legal relations: issues of theory and practice.....	123
<i>Ivanova S. E.</i>	Legitimacy of state institutions in the secular and post-secular political and legal space.....	135
<i>Mazurin S.F.</i>	Historical problems of the development of statehood in Russia.....	144
<i>Mursalimov K.R.</i>	State, law, law: contradiction and relationship .....	152
<i>Myakinina S.B., Solovyov A.A., Sheyafetdinova N.A.</i>	Postmortem reproduction as a component of the social function of the state.....	161
<i>Paisiy (Kuznetsov A.A.), Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Prokofiev K.G.</i>	Immanuel Kant on moral foundations the state and its relationship to the church as to the “ethical community” (to the 300th anniversary of the philosopher) .....	177
<i>Pevtsova E.A.</i>	Modern theory of law on the relationship between legal culture, legal consciousness and legal education.....	202
<i>Petrunina A.A.</i>	Legal regulation of neural networks: problems and development prospects .....	220
<i>Prokofiev K.G.</i>	The institution of family in the system of value consensus of Russian society: moral and legal aspects .....	229
<i>Salnikov M.V., Prokofiev K.G., Morozov A.I., Borisenko O.M.</i>	Moral and legal values as the basis for the professional culture of civil service employees .....	243
<i>Khabibulin A.G.</i>	Ideology as a factor in the political subjectivity of the state .....	255

## 5.1.2. PUBLIC LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

<i>Samusevich A.G.</i>	Interpretive activity as a form of constitutional law enforcement (part 1) .....	265
<i>Shafigulin K.V.</i>	Selected problems of implementing the rights of citizens of the Russian Federation in the provision of medical care .....	277

## *РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:*

**Комаров Сергей Александрович**, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия) (учредитель, председатель совета)

**Азнагулова Гузель Мухаметовна**, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

**Арзамаскин Николай Николаевич**, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия) (член совета)

**Артемьев Андрей Борисович**, кандидат юридических наук, доцент (г. Коломна, Россия) (член совета)

**Баранов Владимир Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (г. Нижний Новгород, Россия) (член совета)

**Бастрыкин Александр Иванович**, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия) (член совета)

**Дроздова Александра Михайловна**, доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь, Россия) (член совета)

**Ивлиев Павел Валентинович**, кандидат юридических наук, доцент (г. Рязань, Россия) (член совета)

**Ирошников Денис Владимирович**, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

**Калинин Алексей Юрьевич**, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

**Крылова Елена Геннадьевна**, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

**Липинский Дмитрий Анатольевич**, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия) (член совета)

**Матвеев Антон Геннадьевич**, доктор юридических наук, доцент (г. Пермь, Россия) (член совета)

**Михайлова Ирина Александровна**, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия) (член совета)

**Мицкая Елена Владимировна**, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан) (член совета)

**Певцова Елена Александровна**, доктор юридических наук, профессор (г. Москва) (член совета)

**Прокопович Галина Алексеевна**, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

**Пузиков Руслан Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия) (член совета)

**Пуиг Эспиноса Хосе Серхио**, доктор политических наук (г. Мехико, Мексика) (член совета)

**Ревна Мария Борисовна**, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия) (член совета)

**Сальников Виктор Петрович**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (г. Санкт-Петербург, Россия) (член совета)

**Сарабариа Кориг Маура де ла Каридад**, доктор педагогических наук, профессор (г. Мехико, Мексика) (член совета)

## Теория государства и права

---

**Спирин Михаил Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

**Тирских Максим Геннадьевич**, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия)

**Хачатуров Рудольф Леонович**, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия) (член совета)

**Цыбулевская Ольга Ивановна**, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия) (член совета)

**Чепус Алексей Викторович**, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

**Эбзеев Борис Сафарович**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия) (член совета)

**Юдин Валерий Иванович**, доктор политических наук, доцент, помощник сенатора Российской Федерации (г. Москва, Россия) (член совета)

### *РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:*

**Комаров Владимир Сергеевич**, главный редактор, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

**Воробьев Сергей Михайлович**, заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

**Саматов Андрей Валерьевич**, ответственный секретарь редакции (г. Москва, Россия)

**Альбиков Равиль Фатхулович**, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва)

**Белянская Ольга Викторовна**, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

**Галиев Фарит Хатипович**, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

**Джалилов Эльвис Алимович**, кандидат юридических наук (г. Тольятти, Россия)

**Зелепукин Роман Валерьевич**, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

**Ирошников Денис Владимирович**, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

**Комарова Татьяна Львовна**, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия) (г. Москва, Россия)

**Кузьмин Игорь Александрович**, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия)

**Малиненко Эльвира Владимировна**, кандидат юридических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону, Россия)

**Мамитова Наталия Викторовна**, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

**Полищук Николай Иванович**, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

**Попова Анна Владиславовна**, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

**Хабибулин Алик Галимзянович**, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-65110 от 28.03.2016 г.

Журнал выходит с периодичностью 4 раза в год.

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (квартиль 1).

Журнал «Теория государства и права» основан в 2016 году.

Учредитель: Комаров Сергей Александрович.

ISSN: 2500-0837 (Print); e-ISSN: 2687-0363 (Online)

© Теория государства и права, 2024.

© Авторы, 2024.

Полнотекстовая версия журнала и архив номеров с 2016 г. по настоящее время доступна в Интернете на сайте Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (<http://matgip.ru/journal>).

### ***Подписной индекс в Объединенном каталоге***

***«Пресса России» – 38960***

Подписку на журнал можно оформить также и на сайте ***www.matgip.ru***

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Полнотекстовые выпуски журнала в свободном доступе представлены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU

При цитировании ссылка на конкретную статью в журнале обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей и результаты проверки текста на антиплагиат несут авторы.

### ***Editorial and publishing council:***

**Komarov Sergey Aleksandrovich**, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (chairman of the board)

**Aznagulova Guzel Mukhametovna**, Doctor of legal sciences, Associate professor (Moscow, Russia) (Council Member)

**Arzamaskin Nikolay Nikolaevich**, Doctor of legal sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia) (Council Member)

**Artemyev Andrey Borisovich**, Candidate of legal sciences, Associate professor (Kolomna, Russia) (Council Member)

**Baranov Vladimir Mikhaylovich**, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia) (Council Member)

**Bastrykin Alexander Ivanovich**, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia) (Council Member)

**Drozdova Aleksandra Mikhaylovna**, Doctor of legal sciences, Professor (Stavropol, Russia) (Council Member)

## Теория государства и права

---

**Iroshnikov Denis Vladimirovich**, Doctor of legal sciences, Associate professor (Moscow, Russia) (Council Member)

**Ivliev Pavel Valentinovich**, Candidate of legal sciences, Associate professor (Ryazan, Russia) (Council Member)

**Kalinin Alexey Yuryevich**, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

**Krylova Elena Gennadyevna**, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

**Lipinsky Dmitry Anatolyevich**, Doctor of legal sciences, Professor (Tolyatti, Russia) (Council Member)

**Matveev Anton Gennadievich**, Doctor of Law, Associate professor (Permian, Russia) (Council Member)

**Mikhailova Irina Alexandrovna**, Doctor of Law, Professor (Ryazan, Russia) (Council Member)

**Mitskaya Elena Vladimirovna**, Doctor of legal sciences, Professor (Shymkent, the Republic of Kazakhstan) (Council Member)

**Pevtsova Elena Aleksandrovna**, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

**Puig Espinosa José Sergio**, Doctor of Political Sciences (Mexico City, Mexico) (Council Member)

**Prokopovich Galina Alekseevna**, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

**Puzikov Ruslan Vladimirovich**, Candidate of legal sciences, Associate professor (Tambov, Russia) (Council Member)

**Revnova Maria Borisovna**, Candidate of legal sciences, Associate professor (St. Petersburg, Russia) (Council Member)

**Sal'nikov Victor Petrovich**, Doctor of legal sciences, Professor, Honored worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia) (Council Member)

**Salabarría Roig Maura de la Caridad**, Doctor of Pedagogical Sciences (Mexico City, Mexico) (Council Member)

**Spirin Mikhail Yuryevich**, PhD in Law, Associate Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

**Khachaturov Rudolf Levonovich**, Doctor of Law, Professor (Tolyatti, Russia) (Council Member)

**Tsybulevskaya Olga Ivanovna**, Doctor of legal sciences, Professor (Saratov, Russia) (Council Member)

**Chepus Alexey Viktorovich**, Doctor of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia) (Council Member)

**Ebzeev Boris Safarovich**, Doctor of legal sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia) (Council Member)

**Yudin Valery Ivanovich**, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Assistant to the Senator of the Russian Federation (Moscow, Russia) (Council Member)

### *Editorial board:*

**Komarov Vladimir Sergeyevich**, Editor in chief, PhD in Law, Associate professor (St. Petersburg, Russia)

# Theory of State and Law

---

**Vorobiev Sergey Mikhaylovich**, Deputy editor, Doctor of legal sciences, Professor (Ryazan, Russia)

**Samatov Andrey Valeryevich**, Executive secretary of the editorial board (Moscow, Russia)

**Albikov Ravil Fatkhulovich**, PhD in Law, Associate Professor (Moscow, Russia)

**Belyanskaya Olga Viktorovna**, PhD in Law, Associate professor (Tambov, Russia)

**Galiyev Farit Hatipovich**, Doctor of legal sciences, Professor (Ufa, Russia)

**Jalilov Elvis Alimovich**, PhD in Law (Tolyatti, Russia)

**Zelepukin Roman Valerievich**, PhD in Law, Associate Professor (Tambov, Russia)

**Iroshnikov Denis Vladimirovich**, PhD in Law, Associate professor (Moscow, Russia)

**Komarova Tatyana Lvovna**, PhD in Law, Associate professor (St. Petersburg) (Moscow, Russia)

**Kuzmin Igor Aleksandrovich**, PhD in Law, Associate Professor (Irkutsk, Russia)

**Malinenko Elvira Vladimirovna**, PhD in Law, Associate Professor (Rostov-on-Don)

**Mamitova Natalia Viktorovna**, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

**Polishchuk Nikolay Ivanovich**, Doctor of legal sciences, Professor (Ryazan, Russia)

**Popova Anna Vladislavovna**, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

**Khabibulin Alik Galimzyanovich**, Doctor of legal sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

«Theory of State and Law» is registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. The certificate ПИ № ФС77-65110, March 28, 2016. The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals and publications, where main research results of doctoral dissertations should be published.

ISSN 2500-0837 (Print); eISSN 2687-0363 (Online)

«Theory of State and Law» according to the union catalog «Press of Russia»

© The Theory of State and Law, 2024.

© Authors, 2024.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library ([www.elibrary.ru](http://www.elibrary.ru)), as well as at the site of the Interregional association of theorists of the state and the law ([www.matgip.ru](http://www.matgip.ru))

***The journal is listed in the Citation index system of the Union Catalogue "Russian Press" (index 38960)***

You can subscribe to the magazine also on the website **[www.matgip.ru](http://www.matgip.ru)**

At citing the reference to a particular series of «Theory of State and Law» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

## 5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

### Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI 10.47905/MATGIP\_2024\_1\_35\_14

Г.М. Азнагулова\*

### ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВА КАК ПРОЦЕСС СМЫСЛОБРАЗОВАНИЯ

***Аннотация.** Правотворчество, являясь одним из важных компонентов правовой системы общества, играет определяющую роль в ее деятельности и эффективности. Охватывая широкую сферу общественной и государственной деятельности и будучи обусловлено социальными факторами, оно направлено на созидание новой социальной реальности и тем самым на совершенствование системы общественных отношений. Возводя в закон волю государства, процесс формирования права отражает потребности, интересы и ценности личности, общества и государства, основанные на традиционных национально-государственных взглядах на природу и общество, ценностном отношении к миру в целом национального общества. В качестве интеллектуального процесса, базирующегося на глубинных знаниях о национальном обществе, социальных, экономических, политических и духовно-культурных явлениях обществе, правотворчество, имея своим исходным моментом прогноз развития общества, ориентировано на создание и совершенствование модели регулирования общественных отношений в государстве. Разрабатываемый новый законопроект приобретает свое истинное значение лишь в том случае, если он входит в правовую систему общества в качестве однородного элемента и может занять достойное место как новый элемент в системе смысловых связей самой системы права. С этих позиций разработку нормативного правового акта при формировании права можно рассматривать как смыслообразование, который представляет собой процесс расширения смысловых связей разрабатываемого законопроекта внутри правовой системы общества и, прежде всего, ее системообразующего фактора – системы права, тем самым новый закон «входит» в смысловую систему позитивного права государства и становится элементом духовной культуры общества.*

**Ключевые слова:** правотворчество, формирование права, правовая система общества, воля государства, интересы в праве, смысл в праве, смысловые связи в системе права.

---

\* Азнагулова Гузель Мухаметовна, главный научный сотрудник, и.о. заведующего отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор. E-mail: agm09@mail.ru



Общепризнанное значение права как регулятора общественных отношений изначально предусматривает, что его воплощение в форме позитивного закона, действующего в государстве, выражает, с одной стороны, известное гегелевское положение о том, что «в праве заключено одновременно и определение осуществления, и лишь вторым вопросом является, что должно быть осуществлено» [1, с. 385], а с другой стороны, объективно отражает принцип свободы государственной воли, который может быть истиной будучи только автономной, ибо при гетерономии воли формообразование права может отражать интересы, чуждые национальным потребностям, интересам и ценностям. Следовательно, законотворческий процесс, осуществляемый представительными органами власти, а также высшими государственными органами власти, неизбежно базируется на определенных методологических основах, которые заключают в себе наряду с общетеоретическими принципами традиционные национально-государственные взгляды на природу и общество, ценностное отношение к миру в целом национального общества.

Правотворческий процесс, имеющий глубокую социальную обусловленность, есть осуществление на деле идей свободы, равенства и справедливости и ценностного восприятия мира того народа, от имени которого он осуществляется. По Гегелю, «определение стороны свободы состоит в том, что свободу полностью осуществляется. Свобода должна стать действительной посредством права, с этим связаны как *моральное*, так и *нравственное* вообще, и все нравственные сферы, охватываемые го-сударством» [1, с. 387]. Отсюда, морально-нравственные и мировоззренческие аспекты общества могут служить определяющими моментами правотворческого процесса, находясь в полном тождестве как с социальными, так и нравственными основаниями генезиса национального права как такового [5].

Возвращаясь к вышеприведенному замечанию Гегеля, что «лишь вторым вопросом является, что должно быть осуществлено», отметим следующее. Всегда разрабатываемый новый законопроект приобретает свое истинное значение лишь в том случае, если он входит в правовую систему общества в качестве однородного элемента и может занять достойное место как новый элемент в системе смысловых связей самой системы права. С этих позиций при таком понимании разработку нормативного правового акта можно рассматривать как смыслообразование при формировании права, что представляет собой процесс расширения смысловых связей разрабатываемого законопроекта внутри правовой системы общества и, прежде всего, ее системообразующего фактора – системы права, тем самым новый закон «входит» в смысловую систему позитивного права государства и становится элементом духовной культуры общества.

При этом особое значение имеет правовая экспертиза законопроекта, на что указывается в юридической литературе. Достаточно сослаться на тот факт, что при определении предмета правовой экспертизы, как правило, не акцентируется внимание на такой важной ее задаче как соотнесение целей и задач проекта нормативного правового акта с избранными средствами правового регулирования и определение соразмерности выбранных средств поставленной цели. На практике недооценка этого аспекта правовой экспертизы приводит к тому, что вследствие неверно избранных средств правового регулирования субъекты правотворчества несоразмерно высоко в сравнении с поставленными целями ограничивают права отдельных категорий граждан. Такого рода нормотворческие ошибки неоднократно служили основанием для признания положений действующих федеральных законов не соответствующими Конституции Российской Федерации [8, с. 549].

Процесс расширения смысловых связей разрабатываемого законопроекта внутри правовой системы общества осуществляется в контексте отношений и связей законодателя к актуализированным социальным явлениям с опорой на пространственные и временные особенности действующего права. В зависимости от целей, на достижение которых направлена воля законодателя, различается смыслообразование разных порядков. При этом наивысшие смыслообразующие связи определяются конечными целями конкретного законотворческого процесса. Благодаря приданию конкретного смысла нормативному правовому акту и включению его в системы смысловых связей системы действующих законов, нормативный правовой акт обретает свое место и функциональное значение в правовой системе общества.

Смысловые связи нормативных правовых актов в системе права представляют собой разветвленную цепь внутренних отношений, где определенная группа элементов является приоритетной в функционировании системы. Тогда уместно говорить об аналогии смысловой системы права как определенной целостности с нейронной сетью головного мозга, лишь некоторые закономерности функционирования которой стали известны современной науке [3, с. 49–54].

Важное значение результата смыслообразования в правотворческом процессе состоит в том, что позитивные законы, действующие в государстве, при возникновении пробела в праве в правоприменительной деятельности могут быть использованы по аналогии. Совокупность законов государства составляет целостную смысловую систему, в которой отдельные нормативные акты во взаимодействии со всеми элементами правовой системы, занимая в установленной иерархии свои места, вносят свой вклад в достижение конечных целей национального права.

Носителем смысла в праве выступает текст закона. Особенный смысл текста заключается в том, что он определяется через более широкий контекст, то есть приходим к вопросу о соотношении части и целого. Это означает, смысл содержится в *целом*, хотя *целое* определяется его частями. Смысл всегда включен в единую смысловую систему, в формировании которой первостепенную роль играют универсалии культуры и культура общества в целом.

Согласно Д.А. Леонтьеву образование смысловых связей заключено в практической деятельности субъекта по достижению конкретных целей по удовлетворению определенных потребностей и интересов [4]. Поскольку главным субъектом правотворчества выступает государство в лице своих уполномоченных органов, то прежде всего речь идет об осуществлении посредством права государственных интересов. Значимой для правотворческого процесса является гегелевская идея о соотношении особенного и всеобщего интересов: «то обстоятельство, что цель государства есть всеобщий интерес как таковой, в нем – сохранение особенных интересов, субстанцию которых он составляет, представляет собой: 1) абстрактную действительность или субстанциональность; но она есть 2) его необходимость, поскольку она распадается на понятийное различие его деятельности» [1, с. 294].

В условиях международной регионализации наднациональные объединения государств, реализуя общие социально-экономические и политические интересы и цели, в рамках наднационального правотворчества отражают особенные интересы, посредством которых интересы государств-участников занимают свое место во всеобщем интересе и реализуются в деятельности самого объединения.

Смыслообразующая функция правотворческого органа имеет важное значение, что обусловлено тем, что смысл, охватываемый нормативно-правовым актом

в рамках системы права, выполняет когнитивную регулятивную конститутивную коммуникативную прогностическую функции. Правотворчество и правоприменение, будучи важными элементами правовой системы общества, в своем осуществлении подчиняются определенному процессуальному порядку, разделенному на юридически значимые и содержательно различимые этапы – стадии законодательного процесса.

В данной работе мы воздерживаемся от расширительного толкования правотворческого процесса, сторонники которого в качестве начальной стадии этого процесса помимо юридической деятельности представительного органа рассматривают деятельность иных государственных органов, общественных организаций, других органов государственной власти, научного сообщества по подготовке и обсуждению проектов правовых актов, поскольку подобная деятельность не создает процессуальные правовые отношения прав и обязанностей, ведет в размытию понятия правотворчества, нечеткости границ правотворчества как феномена права.

Ясно обозначенные стадии законодательного процесса как юридически и качественно определенные этапы с четко обозначенными функциональными целями служат обеспечению законности, расширению демократических основ деятельности государства при реализации национально-государственных потребностей и интересов, возведении автономной государственной воли в закон. Принятый в Российской Федерации процесс рассмотрения законопроектов в представительных органах государственной власти с теоретико-правовых позиций есть ничто иное, как смыслообразование в правотворческой деятельности, представляющего собой процесс расширения смысловых связей при рассмотрении вносимого законопроекта в контексте жизненных отношений человека с духовным и материальным миром и результатом которого усматривается включение в смысловую систему действующего в государстве позитивного права.

Так, к примеру, в соответствии со статьей 116 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации определяется рассмотрение законопроектов в трех чтениях, если иное не предусмотрено действующим законодательством. Статья 118 Регламента гласит, что при рассмотрении законопроекта в первом чтении проводится обсуждение его концепции, оцениваются основные положения с точки зрения их соответствия Конституции страны, его актуальность и практическая значимость. Последующие рассмотрения законопроекта во втором и третьем чтениях наряду с расширением его смысловых связей служат закреплению государственной воли в законе, обсуждением поправок к законопроекту и принятия окончательного решения. Важно отметить, что во всех трех чтениях при рассмотрении законопроекта четко реализуется смыслообразующая роль воли государства.

Вместе с тем, следует отметить, немаловажное значение подготовительной работы, осуществляемой общественностью, особенно научным сообществом [6], в подготовке и обсуждении проектов законов. В содержательном аспекте результаты этой работы содержат анализ социально-экономической системы, включая вопросы образования, здравоохранения, социальной защиты населения, материнства и детства с опорой на обычаи и традиции народа, психологию различных социальных групп и общества в целом, а также теорию познания, понимание системного характера социально-экономических и правовых явлений в их взаимосвязи и статистического характера функционирования элементов системы.

В отечественном праве возникновение правоотношений (прав и обязанностей) признается определяющим признаком начала правотворческого процесса:

«правотворческий процесс начинается лишь с того момента, когда дело создания нормативного акта становится на правовую почву, когда возникают правоотношения по поводу его подготовки и принятия» [7, с. 149–228].

Такой подход, по сути, по терминологии У.Э. Деминга, позволяет получить *систему глубинных знаний*, элементами которой являются:

- понимание системы;
- знания вероятностного характера конечных результатов;
- общепринятые методы теории познания;
- знания психологии личности и коллектива [2, с. 84–101].

Полученные таким путем глубинные знания социальных реалий действующего позитивного права государства являются предпосылкой и основанием разработки и принятия нормативных правовых актов.

Поскольку право характеризуется всеобщностью, а форма права в виде закона имеет общеобязательный характер, для позитивного воздействия права на социально-экономическое развитие страны первостепенное значение приобретает истинность реализуемой в законах воли, объемлющей общенародные потребности, интересы и ценности. Поэтому с необходимостью научной разработки истинных государственных интересов необходимо законодателям обладать глубинными знаниями социальной реальности наряду с пониманием действующего законодательства, системно-организационной и смысловой связи с совокупностью социальных феноменов.

Социальное развитие страны не есть изолированный самостоятельный процесс, а идет в тесной взаимосвязи со всей совокупностью социальных изменений, государственное регулирование которых вызывает необходимость разработки соответствующих правовых норм. Тогда позитивное право является необходимой основой осуществления на практике доктринальных положений, теорий и концепций совершенствования государственного управления, распределения властных полномочий внутри структурных образований системы государственных органов. Плодотворная идея разделения властей, практикуемая государствами после Великой Французской революции, показывает свою необходимость и состоятельность, имея незыблемую теоретическую базу и в своей основе неукоснительное осуществление права.

Таким образом, правотворчество, являясь одним из важных компонентов правовой системы общества, играет определяющую роль в ее эффективности. Охватывая широкую сферу общественной и государственной деятельности и будучи обусловлено социальными факторами, оно направлено на созидание новой социальной реальности и тем самым на совершенствование системы общественных отношений. Возводя в закон волю государства, процесс формирования права отражает потребности, интересы и ценности личности, общества и государства, основанные на традиционных национально-государственных взглядах на природу и общество, ценностном отношении к миру в целом национального общества.

В качестве интеллектуального процесса, базирующегося на глубинных знаниях о национальном обществе, социальных, экономических, политических и духовно-культурных явлениях обществе, правотворчество, имея своим исходным моментом прогноз развития общества, ориентировано на создание и совершенствование модели регулирования общественных отношений в государстве. Разрабатываемый новый законопроект приобретает свое истинное значение лишь в том случае, если он входит в правовую систему общества в качестве однородного элемента и может занять достойное место как новый элемент в системе смысловых связей самой системы права.

В заключение отметим, что с этих позиций разработку правового акта при формировании права следует рассматривать как смыслообразование, который представляет собой процесс расширения смысловых связей разрабатываемого законопроекта как внутри правовой системы общества и, прежде всего, ее системообразующего фактора – системы права, ибо самым новым закон «входит» в смысловую систему позитивного права государства, так и то, что законопроект становится элементом духовной культуры общества.

## Библиографический список

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права: пер. с нем. / ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц., авт. вступит. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
2. Деминг У.Э. Новая экономика. – М.: ЭКСМО, 2008. – 208 с.
3. Каку Митио. Будущее разума. Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2015. – 502 с.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
5. Мальцев Г. В. Нравственные основания права: монография / Г.В. Мальцев. – 2-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 400 с.
6. Пашенцев Д.А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. – Серия: Юридические науки. – 2021. – № 3 (43). – С. 31–39.
7. Правотворчество в СССР. Под ред. проф. А.В. Мицкевича. – М.: Юрлит, 1974. – 320 с.
8. Veselov I.G., Komarov S.A. Optimization of legal expertise of draft laws submitted to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: article // Japanese Educational and Scientific Review, 2015, No.1. (9) (January-June). Vol. XI. "Tokyo University Press", 2015. P. 546–555.

---

**Для цитирования:** Азнагулова Г.М. Формирование права как процесс смыслообразования: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 14–19.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_14

## FORMATION OF LAW AS A PROCESS OF MEANING DEVELOPMENT

Guzel M. Aznagulova \*

***Annotation.** Lawmaking, being one of the important components of the legal system of society, plays a determining role in its efficiency and effectiveness. Covering a wide sphere of public and state activity and being conditioned by social factors, it is aimed at creating a new social reality and thus at improving the system of social relations. Raising the will of the state into law, the process of law formation reflects the needs, interests and values of the individual, society and the state, based on traditional national-state views on nature and society, value attitude to the world as a whole of the national society. As an intellectual process based on profound knowledge of the national society, social, economic, political and spiritual-cultural phenomena of the society, law-making, having as its starting point the forecast of the development of society, is oriented to the creation and improve-*

---

\* **Aznagulova Guzel Mukhametovna**, chief researcher, acting Head of the Department of Theory of Law and Interdisciplinary Studies of Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor. E-mail: agm09@mail.ru

*ment of the model of regulation of social relations in the state. A new draft law being developed acquires its true meaning only if it enters the legal system of society as a homogeneous element and can take a worthy place as a new element in the system of semantic relations of the system of law itself. From these positions, the development of a normative legal act in the formation of law can be considered as meaning development, which is a process of expanding the semantic links of the developed draft law within the legal system of society and, above all, its system-forming factor – the system of law, thus the new law "enters" into the semantic system of positive law of the state and becomes an element of the spiritual culture of society.*

**Key words:** *lawmaking, formation of law, legal system of society, the will of the state, interests in law, meaning in law, semantic links in the system of law.*

The generally accepted significance of law as a regulator of social relations initially provides that its embodiment in the form of a positive law operating in the state expresses, on the one hand, the well-known Hegelian proposition that "law simultaneously contains the definition of implementation, and only the second question is, what must be accomplished" [1, p. 385], and on the other hand, it objectively reflects the principle of freedom of state will, which can only be truth if it is autonomous, because with heteronomy of will, the formation of law can reflect interests that are alien to national needs, interests and values. Consequently, the legislative process carried out by representative authorities, as well as by the highest state authorities, is inevitably based on certain methodological foundations, which include, along with general theoretical principles, traditional national-state views on nature and society, the value attitude towards the world as a whole of the national society.

The law-making process, which has deep social conditioning, is the implementation in practice of the ideas of freedom, equality and justice and the value perception of the world of the people on whose behalf it is carried out. According to Hegel, "the definition of the side of freedom is that freedom is fully realized. Freedom must become valid through law, and this is related to both the moral and ethical in general, and all moral spheres covered by the state" [1, p. 387]. Hence, the moral and ideological aspects of society can serve as defining moments of the law-making process, being in complete identity with both the social and moral foundations of the genesis of national law as such [5].

Returning to Hegel's above remark that "only the second question is what is to be accomplished," we note the following. A new bill that is always being developed acquires its true significance only if it enters the legal system of society as a homogeneous element and can take its rightful place as a new element in the system of semantic connections of the legal system itself. From these positions, with this understanding, the development of a normative legal act can be considered as meaning-making in the formation of law, which is a process of expanding the semantic connections of the draft law being developed within the legal system of society and, above all, its system-forming factor – the legal system, thereby the new law "enters" into the semantic system of positive law of the state and becomes an element of the spiritual culture of society.

In this case, the legal examination of the bill is of particular importance, as indicated in the legal literature. It is enough to refer to the fact that when determining the subject of legal expertise, as a rule, attention is not focused on such an important task as correlating the goals and objectives of the draft normative legal act with the chosen means of legal regulation and determining the proportionality of the chosen means to the goal. In practice, underestimation of this aspect of legal expertise leads to the fact that, due to incorrectly chosen means of legal regulation, law-making subjects disproportionately restrict the

rights of certain categories of citizens in comparison with their goals. This kind of rule-making errors has repeatedly served as the basis for recognizing the provisions of existing federal laws as inconsistent with the Constitution of the Russian Federation [8, p. 549].

The process of expanding the semantic connections of the draft law being developed within the legal system of society is carried out in the context of the relations and connections of the legislator to updated social phenomena, based on the spatial and temporal features of the current law. Depending on the goals towards which the will of the legislator is aimed, the formation of meaning of different orders differs. At the same time, the highest meaning-forming connections are determined by the ultimate goals of a particular legislative process. By giving specific meaning to a normative legal act and including it in the system of semantic connections of the system of existing laws, a normative legal act acquires its place and functional significance in the legal system of society.

The semantic connections of normative legal acts in the legal system represent an extensive chain of internal relations, where a certain group of elements is a priority in the functioning of the system. Then it is appropriate to talk about the analogy of the semantic system of law as a certain integrity with the neural network of the brain, only some of the patterns of functioning of which have become known to modern science [3, p. 49–54].

The important significance of the result of sense-making in the law-making process is that the positive laws in force in the state, if a gap in the law arises in law enforcement activities, can be used by analogy. The totality of state laws constitutes an integral semantic system in which individual normative acts, in interaction with all elements of the legal system, taking their places in the established hierarchy, contribute to achieving the ultimate goals of national law.

The bearer of meaning in law is the text of the law. The special meaning of the text lies in the fact that it is defined through a broader context, that is, we come to the question of the relationship between the part and the whole. This means that the meaning is contained in the whole, although the whole is determined by its parts. Meaning is always included in a single semantic system, in the formation of which the universals of culture and the culture of society as a whole play a primary role.

According to D.A. Leontiev, the formation of semantic connections lies in the practical activities of the subject to achieve specific goals to satisfy certain needs and interests [4]. Since the main subject of lawmaking is the state represented by its authorized bodies, we are primarily talking about the implementation of state interests through law. Significant for the law-making process is the Hegelian idea of the relationship between special and general interests: “the fact that the goal of the state is the general interest as such, in it the preservation of special interests, the substance of which it constitutes, represents: 1) abstract reality or substantiality; but it is 2) his necessity, since it breaks down into the conceptual difference of his activity” [1, p. 294].

In the context of international regionalization, supranational associations of states, realizing common socio-economic and political interests and goals, within the framework of supranational law-making reflect special interests through which the interests of the participating states take their place in the general interest and are realized in the activities of the association itself.

The meaning-making function of a law-making body is important, which is due to the fact that the meaning covered by a normative legal act within the framework of the legal system performs a cognitive regulatory constitutive communicative prognostic function. Lawmaking and law enforcement, being important elements of the legal system of so-

ciety, in their implementation are subject to a certain procedural order, divided into legally significant and meaningfully distinguishable stages – stages of the legislative process.

In this work, we refrain from a broad interpretation of the law-making process, the supporters of which, as the initial stage of this process, in addition to the legal activities of the representative body, consider the activities of other government bodies, public organizations, other government bodies, the scientific community in the preparation and discussion of draft legal acts, since such activity does not create procedural legal relations of rights and obligations, leads to blurring of the concept of law-making, unclear boundaries of law-making as a phenomenon of law.

Clearly designated stages of the legislative process as legally and qualitatively defined stages with clearly defined functional goals serve to ensure the rule of law, expand the democratic foundations of state activity in the implementation of national-state needs and interests, and elevate the autonomous state will into law. The process of consideration of bills adopted in the Russian Federation in representative bodies of state power from a theoretical and legal position is nothing more than the formation of meaning in law-making activity, which is a process of expanding semantic connections when considering the introduced bill in the context of a person's life relations with the spiritual and material world and the result of which is seen inclusion of the positive law in force in the state into the semantic system.

So, for example, in accordance with Article 116 of the Rules of Procedure of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, consideration of bills in three readings is determined, unless otherwise provided by current legislation. Article 118 of the Regulations states that when considering a bill in the first reading, its concept is discussed; the main provisions are assessed from the point of view of their compliance with the Constitution of the country, its relevance and practical significance. Subsequent consideration of the bill in the second and third readings, along with the expansion of its semantic connections, serves to consolidate the state will in the law, discuss amendments to the bill and make a final decision. It is important to note that in all three readings when considering the bill, the meaning-forming role of the will of the state is clearly realized.

At the same time, it should be noted that the preparatory work carried out by the public, especially the scientific community [6], is of no small importance in the preparation and discussion of draft laws. In the substantive aspect, the results of this work contain an analysis of the socio-economic system, including issues of education, healthcare, social protection of the population, motherhood and childhood, based on the customs and traditions of the people, the psychology of various social groups and society as a whole, as well as the theory of knowledge, understanding of the systemic nature of socio-economic and legal phenomena in their interrelation and the statistical nature of the functioning of the elements of the system.

In domestic law, the emergence of legal relations (rights and obligations) is recognized as a defining feature of the beginning of the law-making process: “the law-making process begins only from the moment when the matter of creating a normative act becomes legal, when legal relations arise regarding its preparation and adoption” [7, p. 149–228].

This approach, in essence, in the terminology of W.E. Deming, allows you to obtain a system of in-depth knowledge, the elements of which are:

- understanding of the system;
- knowledge of the probabilistic nature of the final results;
- generally accepted methods of the theory of knowledge;
- knowledge of the psychology of the individual and the team [2, p. 84–101].



## Theory of State and Law

---

The in-depth knowledge of the social realities of the current positive law of the state obtained in this way is a prerequisite and basis for the development and adoption of normative legal acts.

Since law is characterized by universality, and the form of law in the form of a law is generally binding, for the positive impact of law on the socio-economic development of the country, the truth of the will realized in the laws, which embraces the needs, interests and values of the people, is of paramount importance. Therefore, with the need for scientific development of true state interests, it is necessary for legislators to have in-depth knowledge of social reality along with an understanding of the current legislation, systemic organizational and semantic connections with the totality of social phenomena.

The social development of a country is not an isolated independent process, but is closely interconnected with the entire set of social changes, state regulation of which necessitates the development of appropriate legal norms. Then positive law is a necessary basis for the implementation in practice of doctrinal provisions, theories and concepts for improving public administration, distribution of power within the structural formations of the system of government bodies. The fruitful idea of separation of powers, practiced by states after the Great French Revolution, shows its necessity and consistency, having an unshakable theoretical basis and, at its core, the strict implementation of law.

Thus, lawmaking, being one of the important components of the legal system of society, plays a decisive role in its effectiveness. Covering a wide sphere of social and state activity and being determined by social factors, it is aimed at creating a new social reality and thereby improving the system of social relations. By elevating the will of the state into law, the process of law formation reflects the needs, interests and values of the individual, society and the state, based on traditional national-state views on nature and society, and the value attitude towards the world as a whole of the national society.

As an intellectual process based on in-depth knowledge about national society, social, economic, political and spiritual-cultural phenomena of society, lawmaking, having as its starting point a forecast of the development of society, is focused on creating and improving a model for regulating social relations in the state. A new bill being developed acquires its true significance only if it enters the legal system of society as a homogeneous element and can take its rightful place as a new element in the system of semantic connections of the legal system itself.

In conclusion, we note that from these positions, the development of a legal act in the formation of law should be considered as meaning formation, which is a process of expanding the semantic connections of the draft law being developed both within the legal system of society and, above all, its system-forming factor – the legal system, since the newest law "is included" in the semantic system of positive law of the state, and the fact that the bill becomes an element of the spiritual culture of society.

### Bibliography

1. Hegel G.V.F. Philosophy of law: trans. with him. / ed. and comp. YES. Kerimov and V.S. Nersesyants, author. will enter. Art. and note. V.S. Nersesyants. Moscow: Mysl, 1990. 524 p.
2. Deming W.E. New economy. Moscow: EKSMO, 2008. 208 p.
3. Kaku Michio. The future of the mind. Per. from English. Moscow: Alpina non-fiction, 2015. 502 p.
4. Leontyev D.A. Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality. Moscow: Smysl, 2003. 487 p.

5. Maltsev G.V. Moral foundations of law: monograph / G.V. Maltsev. 2nd ed., revised. Moscow: Norma: INFRA-M, 2023. 400 p.

6. Pashentsev D.A. Main directions and features of the development of legislation in the conditions of digitalization and transition to a new technological structure // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences. 2021. No. 3 (43). Pp. 31–39.

7. Lawmaking in the USSR. Ed. prof. A.V. Mickiewicz. Moscow: Yurlit, 1974. 320 p.

8. Veselov I.G., Komarov S.A. Optimization of legal expertise of draft laws submitted to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: article // Japanese Educational and Scientific Review, 2015, No.1. (9) (January-June). Volume XI. "Tokyo University Press", 2015. P. 546–555.

---

**For citation:** Aznagulova G.M. Formation of law as a process of meaning formation: article // Theory of State and Law. 2024. No. 1 (35). P. 19–24.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_14

## Научная статья

УДК 34.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_25

И.А. Артемьев\*

## МЕСТО И РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ РОССИЙСКОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы соотношения норм международного права и норм российского законодательства, а также приоритета норм, закреплённых в Конституции Российской Федерации над нормами международных договоров заключённых Российской Федерацией.*

***Ключевые слова:** теория государства и права, международное право, источники права, международные договоры, статус международных договоров, приоритет норм права.*

Международные договоры представляют собой соглашение между государствами или иными субъектами международного права, устанавливающее, изменяющее или прекращающее их взаимные права и обязанности в политической, экономической, научно-технической, культурной и иных сферах международных отношений [21]. Международные договоры являются частным видом правовых договоров, выделяемых от обычных договоров по содержательному признаку: правовые договоры включают в себя правила общего характера, нормы поведения, обязательные для всех [20, с. 531–532]. Указанные признаки обуславливают отнесение правовых договоров к источникам права.

Исходя из преамбулы Федерального закона от 15.07.1995 № 101 «О международных договорах Российской Федерации», международные договоры образуют правовую основу межгосударственных отношений, содействуют поддержанию всеобщего мира и безопасности, развитию международного сотрудничества в соответствии с целями и принципами Устава ООН. Международным договорам принадлежит важная роль в защите основных прав и свобод человека, в обеспечении законных интересов государств [10].

По своей правовой сути международный договор – это явно выраженное соглашение между различными субъектами международного права, и в первую очередь между государствами, призванное регулировать возникающие между ними отноше-

---

\* **Артемьев Иван Андреевич** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: ivanaartemjev@yandex.ru

Научный руководитель – **Комаров Сергей Александрович**, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, Заслуженный работник науки и образования РАЕ, доктор юридических наук, профессор. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

ния путем установления, прекращения или изменения из взаимных прав и обязанностей [10, с. 532].

Ссылаясь на Конституцию РФ, ранее упомянутый Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» закрепляет статус международных договоров как составной части правовой системы РФ, наравне с общепризнанными принципами и нормами международного права. Провозглашается, что Российская Федерация выступает за неукоснительное соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права – принципу добросовестного выполнения международных обязательств.

Согласимся с мнением Б.И. Осминина о том, что «способы внутригосударственного осуществления международных договорных обязательств, место, которое отводится международным договорам в иерархической системе источников внутригосударственного права, и подходы к решению проблемы самоисполнимости, непосредственной применимости международных договоров (договорных положений) тесно взаимосвязаны. Именно этими тремя составляющими определяются порядок взаимодействия национального права и международных договоров, практика реализации международных договорных обязательств в национальной правовой системе» [2, с. 127].

Особая роль международных договоров как части правовой системы РФ устанавливается частью 4 статьи 15 Конституции РФ, согласно которой, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора [1; 19]. В целях регулирования гражданских правоотношений законодателем и вовсе было установлено, что международные договоры Российской Федерации применяются к отношениям, указанным в пунктах 1 и 2 статьи 2 Гражданского кодекса РФ, непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание внутригосударственного акта [3, п.2. ст. 7].

Примат международных договоров РФ над законами закрепляется также в части 2 статьи 1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [4], части 2 статьи 1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [5], статьи 10 Трудового кодекса Российской Федерации [6], части 3 статьи 1 Уголовно-процессуального кодекса РФ [7].

Точка зрения о необходимости признания приоритета международного права над национальным стала формироваться в 70-е годы XX века. Новый виток развития был задан после принятия Конституции 1993 года (в частности, упомянутой выше статье 15) [1; 19]. Однако уже во время официального закрепления приоритета правил международных договоров в Конституции РФ среди ученых-правоведов встречалась критическая оценка рассматриваемой нормы [23, с. 18].

Со временем подобные настроения стали проявляться и у законодателя. 2020 год ознаменовался новеллами в российском законодательстве, призванными снизить влияние международных договоров в системе источников права Российской Федерации. В статью 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» была введена часть 4, закрепляющая, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, противоречащим Конституции РФ, не подлежат исполнению в Российской Федерации [10].

Кроме того, была дополнена статья 34 Конституции Российской Федерации [1; 19], которая в новой редакции отнесла к компетенции Конституционного Суда РФ разрешение вопросов о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащим Конституции РФ, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае, если это решение противоречит основам публичного правопорядка РФ. Аналогичное положение нашло отражение в пункте «б» части 5.1 статьи 125 Конституции РФ [1; 19].

Снижение роли международных договоров в Российской Федерации подтверждается рядом законов, принятых в 2020–2021 годах и вносящих изменения в статьи ряда кодифицированных нормативных правовых актов, посвященных источникам регулирования. Так, Федеральным законом от 08.12.2020 года № 427, в статью 7 ГК РФ было внесено следующее дополнение: «Не допускается применение правил международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации. Такое противоречие может быть установлено в порядке, определенном федеральным конституционным законом» [11].

Аналогичные новеллы появились в Трудовом кодексе РФ [6], Гражданском процессуальном кодексе РФ [4], Арбитражном процессуальном кодексе РФ [2] и Кодексе административного судопроизводства РФ [5], Земельном [8] и Жилищном кодексах РФ [9].

В рамках рассматриваемой темы нельзя не упомянуть произведенную в феврале 2023 года в связи с выходом РФ из Совета Европы денонсацию 21 межгосударственного соглашения, среди которых: Европейская конвенция по правам человека, Европейская хартия местного самоуправления, Европейская конвенция о пресечении терроризма, Генеральное соглашение о привилегиях и иммунитетах Совета Европы, Устав Совета Европы [12, 13, 14, 15, 16, 17].

Частью 3 статьи 46 Конституции РФ гарантируется право каждого в соответствии с международными договорами РФ обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. В июне 2022 года в Российской Федерации были приняты законы о выходе из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека, что в определенной степени затрудняет реализацию указанного конституционного права [17]. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) оказал положительное влияние на российскую правовую систему, но ностальгировать по "импортному" правосудию не стоит. Такое мнение высказал председатель Конституционного суда РФ Валерий Зорькин в ходе выступления на X Всероссийском съезде судей [18].

Представляется, что тенденция снижения роли международных договоров в системе источников отечественного права останется неизменной в ближайшее время. Основные причины возникшего процесса: международная напряженность, взаимные обвинения в несоблюдении межгосударственных соглашений, отсутствие правовых механизмов по обеспечению сторонами соблюдения международных договоров, а также давно формирующаяся критика среди значительной части видных российских ученых-правоведов приоритета международных договоров над национальным законодательством – маловероятно отойдут в прошлое в обозримой перспективе.

# Теория государства и права

## Библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
2. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
8. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
9. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
10. Федеральный закон от 15.07.1995 N 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О международных договорах Российской Федерации» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
11. Федеральный закон от 08.12.2020 года № 427 «О внесении изменений в статью 7 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
12. Федеральный закон от 30.04.2021 №110 «О внесении изменения в статью 10 Трудового кодекса Российской Федерации» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
13. Федеральный закон от 08.12.2020 №428 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части недопущения применения правил международных договоров Российской Федерации в истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
14. Федеральный закон от 30.04.2021 «О внесении изменений в статью 4 Земельного кодекса Российской Федерации и статью 9 Жилищного кодекса Российской Федерации» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
15. Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
16. Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
17. Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
18. Валерий Зорькин: ЕСПЧ положительно повлиял на правовую систему России, но ностальгии по импортному правосудию нет // <https://rg.ru/2022/11/29/valerij-zorkin-espch-polozhitelno-povliial-na-pravovuiu-sistemu-rossii-no-nostalgii-po-importnomu-pravosudiiu-net.html?ysclid=lrxfv15b37587458170>
19. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с. (Серия: Профессиональный комментарий).
20. Марченко М.Н. Теория государства и права: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 648 с. – С. 531–532.
21. Международный договор // <http://council.gov.ru/services/reference/10262/>

22. Осминин Б.И. Международные договоры в российской правовой системе (к 20-летию федерального закона "О международных договорах Российской Федерации") // Журнал Российского права. 2015. № 12. С. 126–139.

23. Усенко Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российской Конституции // Московский журнал международного права. – 1995. – № 2. – С. 18.

---

**Для цитирования:** Артемьев И.А. Место и роль международных договоров в системе источников российского права в современный период: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 25–29.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_25

### THE PLACE AND ROLE OF INTERNATIONAL TREATIES IN THE SYSTEM OF SOURCES OF RUSSIAN LAW IN THE MODERN PERIOD

Ivan A. Artemyev\*

**Annotation.** *The article discusses the relationship between the norms of international law and the norms of Russian legislation, as well as the priority of the norms enshrined in the Constitution of the Russian Federation over the norms of international treaties concluded by the Russian Federation.*

**Key words:** *theory of state and law, international law, sources of law, international treaties, status of international treaties, priority of legal norms.*

International treaties are an agreement between states or other subjects of international law that establishes changes or terminates their mutual rights and obligations in the political, economic, scientific, technical, cultural and other spheres of international relations [21]. International treaties are a special type of legal agreements, distinguished from ordinary agreements according to their content: legal agreements include rules of a general nature, norms of behavior that are binding on everyone [20, p. 531–532]. These features determine the classification of legal contracts as sources of law.

Based on the preamble of Federal Law No. 101 of July 15, 1995 “On International Treaties of the Russian Federation,” international treaties form the legal basis for interstate relations, contribute to the maintenance of universal peace and security, and the development of international cooperation in accordance with the goals and principles of the UN Charter. International treaties play an important role in protecting fundamental human rights and freedoms and ensuring the legitimate interests of states [10].

In its legal essence, an international treaty is an explicit agreement between various subjects of international law, and primarily between states, designed to regulate the relations arising between them by establishing, terminating or changing mutual rights and obligations [10, p. 532].

---

\* **Artemyev Ivan Andreevich** – graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Private educational institution of higher education “Law Institute” (St. Petersburg). E-mail: ivanaartemjev@yandex.ru

Scientific supervisor – **Komarov Sergey Aleksandrovich**, President of the Interregional Association of State and Law Theorists, Scientific Director of the Private educational institution of higher education “Law Institute” (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Honored Worker of Science and Education RAE, Doctor of Law, Professor. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

Referring to the Constitution of the Russian Federation, the previously mentioned Federal Law “On International Treaties of the Russian Federation” establishes the status of international treaties as an integral part of the legal system of the Russian Federation, on a par with the generally recognized principles and norms of international law. It is proclaimed that the Russian Federation stands for strict compliance with treaty and customary norms and reaffirms its commitment to the fundamental principle of international law – the principle of faithful fulfillment of international obligations.

We agree with the opinion of B.I. Osminin that “the methods of domestic implementation of international treaty obligations, the place given to international treaties in the hierarchical system of sources of domestic law, and approaches to solving the problem of self-execution, direct applicability of international treaties (treaty provisions) are closely interrelated. It is these three components that determine the order of interaction between national law and international treaties, the practice of implementing international treaty obligations in the national legal system” [2, p. 127].

The special role of international treaties as part of the legal system of the Russian Federation is established by part 4 of Article 15 of the Constitution of the Russian Federation, according to which, if an international treaty of the Russian Federation establishes rules other than those provided for by law, then the rules of the international treaty apply [1; 19]. In order to regulate civil legal relations, the legislator established that international treaties of the Russian Federation apply directly to the relations specified in paragraphs 1 and 2 of Article 2 of the Civil Code of the Russian Federation, except in cases where it follows from an international treaty that its application requires the publication of a domestic act [3, clause 2. Art. 7].

The primacy of international treaties of the Russian Federation over laws is also enshrined in Part 2 of Article 1 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation [4], Part 2 of Article 1.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation [5], Article 10 of the Labor Code of the Russian Federation [6], Part 3 of Article 1 Criminal Procedure Code of the Russian Federation [7].

The point of view on the need to recognize the priority of international law over national law began to take shape in the 70s of the 20th century. A new round of development was set after the adoption of the 1993 Constitution (in particular, the above-mentioned Article 15) [1; 19]. However, already during the official consolidation of the priority of the rules of international treaties in the Constitution of the Russian Federation, a critical assessment of the norm in question was encountered among legal scholars [23, p. 18].

Over time, similar sentiments began to appear among the legislator. The year 2020 was marked by innovations in Russian legislation designed to reduce the influence of international treaties in the system of sources of law of the Russian Federation. Part 4 was introduced into Article 5 of the Federal Law “On International Treaties of the Russian Federation,” which stipulates that decisions of interstate bodies adopted on the basis of the provisions of international treaties of the Russian Federation in their interpretation, contrary to the Constitution of the Russian Federation, are not subject to execution in the Russian Federation [10].

In addition, Article 34 of the Constitution of the Russian Federation was supplemented [1; 19], which in the new edition brought within the competence of the Constitutional Court of the Russian Federation the resolution of questions about the possibility of executing decisions of interstate bodies adopted on the basis of the provisions of international treaties of the Russian Federation in their interpretation, contrary to the Constitution of the Russian Federation, as well as the possibility of executing a decision of a foreign or international (interstate) court, foreign or international court of arbitration (arbitration), imposing



obligations on the Russian Federation, if this decision contradicts the fundamentals of public law and order of the Russian Federation. A similar provision is reflected in paragraph “b” of Part 5.1 of Article 125 of the Constitution of the Russian Federation [1; 19].

The declining role of international treaties in the Russian Federation is confirmed by a number of laws adopted in 2020–2021 and amending the articles of a number of codified normative legal acts dedicated to sources of regulation. Thus, by Federal Law No. 427 of December 8, 2020, the following addition was made to Article 7 of the Civil Code of the Russian Federation: “The application of the rules of international treaties of the Russian Federation in their interpretation that is contrary to the Constitution of the Russian Federation is not permitted. Such a contradiction can be established in the manner determined by federal constitutional law” [11].

Similar innovations appeared in the Labor Code of the Russian Federation [6], Civil Procedure Code of the Russian Federation [4], Arbitration Procedural Code of the Russian Federation [2] and the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation [5], Land [8] and Housing Codes of the Russian Federation [9].

Within the framework of the topic under consideration, it is impossible not to mention the denunciation of 21 interstate agreements made in February 2023 in connection with the withdrawal of the Russian Federation from the Council of Europe, including: the European Convention on Human Rights, the European Charter of Local Self-Government, the European Convention for the Suppression of Terrorism, the General Agreement on Privileges and Immunities of the Council of Europe, Statute of the Council of Europe [12–17].

Part 3 of Article 46 of the Constitution of the Russian Federation guarantees the right of everyone, in accordance with international treaties of the Russian Federation, to appeal to interstate bodies for the protection of human rights and freedoms if all available domestic remedies have been exhausted. In June 2022, the Russian Federation adopted laws on withdrawal from the jurisdiction of the European Court of Human Rights, which to a certain extent complicates the implementation of this constitutional right [17]. The European Court of Human Rights (ECHR) has had a positive impact on the Russian legal system, but there is no point in being nostalgic for “imported” justice. This opinion was expressed by the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation Valery Zorkin during a speech at the X All-Russian Congress of Judges [18].

It seems that the trend towards a reduction in the role of international treaties in the system of sources of domestic law will remain unchanged in the near future. The main reasons for the emerging process: international tension, mutual accusations of non-compliance with interstate agreements, the lack of legal mechanisms to ensure compliance by parties with international treaties, as well as long-forming criticism among a significant part of prominent Russian legal scholars of the priority of international treaties over national legislation – are unlikely to become a thing of the past in foreseeable future.

### Bibliography

1. “The Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
2. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated July 24, 2002 No. 95-FZ (as amended on December 25, 2023) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
3. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on July 24, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on October 1, 2023) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

4. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 N 138-FZ (as amended on December 25, 2023) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
5. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 N 195-FZ (as amended on December 25, 2023) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
6. Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001 No. 197-FZ (as amended on December 25, 2023) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
7. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on December 25, 2023) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
8. Land Code of the Russian Federation dated October 25, 2001 No. 136-FZ (as amended on December 25, 2023) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
9. Housing Code of the Russian Federation dated December 29, 2004 No. 188-FZ (as amended on December 25, 2023) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
10. Federal Law of July 15, 1995 N 101-FZ (as amended on December 8, 2020) "On International Treaties of the Russian Federation" // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
11. Federal Law of December 8, 2020 No. 427 "On Amendments to Article 7 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
12. Federal Law of April 30, 2021 No. 110 "On Amendments to Article 10 of the Labor Code of the Russian Federation" // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
13. Federal Law of December 8, 2020 No. 428 "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in terms of preventing the application of the rules of international treaties of the Russian Federation in an interpretation that is contrary to the Constitution of the Russian Federation" // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
14. Federal Law of April 30, 2021 "On Amendments to Article 4 of the Land Code of the Russian Federation and Article 9 of the Housing Code of the Russian Federation" // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
15. Federal Law of June 11, 2022 No. 180-FZ "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
16. Federal Law of June 11, 2022 No. 183-FZ "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation and invalidation of certain provisions of legislative acts of the Russian Federation" // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
17. Federal Law No. 43-FZ of February 28, 2023 "On the termination of international treaties of the Council of Europe in relation to the Russian Federation" // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
18. Valery Zorkin: The ECHR has had a positive impact on the Russian legal system, but there is no nostalgia for imported justice // <https://rg.ru/2022/11/29/valerij-zorkin-espch-polozhitelno-povliial-na-pravovuiu-sistemu-rossii-no-nostalgii-po-importnomu-pravosudiiu-net.html?ysclid=lrfoxv15b37587458170>
19. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarova. Moscow: Publishing house "Urayt", 2023. 325 p. (Series: Professional Commentary).
20. Marchenko M.N. Theory of state and law: textbook. 2nd ed., revised. and additional. Moscow: TK Welby, Prospekt Publishing House, 2005. 648 p. Pp. 531–532.
21. International treaty // <http://council.gov.ru/services/reference/10262/>
22. Osminin B.I. International treaties in the Russian legal system (to the 20th anniversary of the federal law "On International Treaties of the Russian Federation") // Journal of Russian Law. 2015. No. 12. P. 126–139.
23. Usenko E.T. Correlation and interaction of international and national law and the Russian Constitution // Moscow Journal of International Law. 1995. No. 2. P. 18.

---

**For citation:** Artemyev I.A. The place and role of international treaties in the system of sources of Russian law in the modern period: article // Theory of State and Law. 2024. No. 1 (35). P. 29–32.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_25

## Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI 10.47905/MATGIP.2024\_1\_35\_33

О.Г. Борисова\*

## СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ОТ ПАНДЕМИИ В СССР (1917–1991 ГГ.)

**Аннотация.** Представленная статья представляет собой краткое обзорное исследование и анализ опыта борьбы советской системы здравоохранения с пандемиями и массовыми заболеваниями эпидемиологического характера. Цель исследования указанной темы – изучение деятельности Советского Союза на уровне государства по предотвращению и борьбе с чрезвычайными ситуациями пандемического характера, а также рассмотрение в общих чертах созданной в СССР системы противодействия массовым заболеваниям и эпидемиям на территории своего государства. Необходимость проведения представленного исследования имеет особое значение, так как начавшаяся в 2019 году пандемия COVID-19, затронувшая Россию, поспособствовала выявлению различных уязвимостей и недостатков отечественной системы здравоохранения. Использование опыта и методов построенной советским государством системы здравоохранения для борьбы с массовыми заболеваниями среди населения помогут в дальнейшем применять на практике накопленные знания и умения для противодействия массовым заболеваниям различного характера. Анализ позволил выделить важные аспекты функционирования советской системы здравоохранения, а также способы и методы противодействия массовым заболеваниям со стороны государства.

**Ключевые слова:** законодательство; ограничение прав и свобод; пандемия; здравоохранение; государственное регулирование; СССР; государственное управление; государственный аппарат; массовые заболевания; медицина.

Советский Союз с самого начала своего существования был вынужден сталкиваться с пандемическими и эпидемиологическими ситуациями. Успешность борьбы с массовыми заболеваниями в СССР в первую очередь связана с грамотно выстроенной государством системой здравоохранения, которая начала формироваться сразу после Октябрьской революции.

Впервые Народный комиссариат здравоохранения, как главный государственный орган, ведающий вопросами создания и развития системы здравоохранения в Советской России, был создан 10 июля 1918 года. В этот день была принята Конституция РСФСР, где в перечне создаваемых органов исполнительной власти был указан и данный орган власти (ст. 43) [1].

---

\* **Борисова Оксана Геннадьевна**, аспирантка кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, адвокат Башкирской республиканской коллегии адвокатов. E-mail: bog76@bk.ru

Научный руководитель – **Нигматуллин Ришат Вахидович**, заведующий кафедрой международного права и международных отношений Института права Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, профессор. E-mail: nigm2004@mail.ru

Долгое время бессменным руководителем Наркомздрава советского государства был ученый и врач Н.А. Семашко. Именно ему принадлежит основной вклад в создание первой советской системы здравоохранения, которая в последующем также была взята за основу в этом качестве в социалистических странах по всему миру [10, с. 55].

Первой масштабной эпидемией в послереволюционной России, пришедшей с полей Первой мировой войны, была эпидемия сыпного тифа. В 1917 году, в России еще существовала старая дореволюционная система здравоохранения, которая устаревшими методами пыталась противодействовать распространению заболевания. С переменными успехами, в течение четырех лет, удалось подавить заболеваемость в России, при этом число погибших составило свыше 3 миллионов человек [9, с. 112].

По настоящему серьезным испытанием для здравоохранения в молодой Советской республике стала общеевропейская эпидемия испанского гриппа 1918–1920 гг., унесшая жизни более 50 миллионов человек по всему континенту. Исключительный массовый характер заболевания, быстрое распространение в условиях начавшейся Гражданской войны и появление попутных мелких очагов других эпидемий по всей России, вынудили советское правительство принять чрезвычайные меры по борьбе с массовой заболеваемостью населения.

В 1922 году Совет Народных Комиссаров издает декрет «О санитарных органах республики», который стал первым важным шагом на пути создания советской системы здравоохранения. Указанным декретом устанавливалась единая централизованная система органов санитарного контроля по всей России, были четко определены их полномочия и круг компетенции [2].

Необходимо отметить, что такая строгая система подчинения нижестоящих органов здравоохранения вышестоящим во главе с Народным комиссариатом (потом Министерством) здравоохранения и полностью получающих финансирование из средств государственного бюджета, получила на звание «система Семашко».

Главными задачами перед санитарными органами в РСФСР стали: надзор за соблюдением санитарных норм по отношению к природным объектам, по отношению к жилым объектам, товарам и продовольствию; проведение различных мероприятий, направленных на борьбу с эпидемиями и массовыми заболеваниями; обеспечение охраны здоровья несовершеннолетних; просвещение населения по вопросам санитарной чистоты и профилактики различных заболеваний; ведение статистики по заболеваниям и заболеваемости населения.

Помимо этого, в каждом регионе РСФСР вводились должности санитарных врачей и их помощников исходя из конкретной численности населения. Санитарные врачи получили широкие полномочия по контролю и надзору по соблюдению санитарных предписаний, а также получили возможность принудительного закрытия помещений или изъятия продукции в случае их несоответствия принятым санитарным и эпидемиологическим стандартам.

Благодаря своевременно принятым мерам и грамотному подходу к организации деятельности здравоохранительных органов, количество заболевших, как и смертельных случаев, было снижено. К концу эпидемии, Советская Россия уже стала государством с развитой здравоохранительной системой, прошедшей проверку на прочность и эффективность своей деятельности по всей стране.

Важно отметить, что серьезным достижением, доказавшим свою действенность, стало использование государством агитационной деятельности по просвеще-

нию населения в вопросах здравоохранения. К этой работе были привлечены известные деятели культуры и искусства, которые создавали графические изображения и лозунги для распространения среди граждан идеи соблюдения санитарных и гигиенических правил. Так, большое число лозунгов и стихотворений на данную тему создал советский поэт В.В. Маяковский [4, с. 67].

Чаще всего, чтобы агитация была понятна всем слоям населения, включая лиц без образования, использовались наглядные материалы. По России были пущены специальные агитпоезда, распространяющие среди крестьянского населения необходимость использовать средства гигиены и, при малейших признаках заболевания, обязательно обращаться в государственные медицинские учреждения.

По стране ездили специальные агитаторы-лекторы, которые выступали с различными просветительскими лекциями для населения, отвечали на их вопросы, распространяли медицинскую литературу популярного характера в качестве наглядного пособия.

К следующему массовому заболеванию на территории уже СССР – эпидемии гриппа – советская система здравоохранения была подготовлена. В 1926 году, в центральной части России началась масштабная эпидемия нового гриппа. Важной особенностью эпидемиологической вспышки было то, что на тот момент эффективного способа борьбы с самим заболеванием не было, главный упор со стороны государства был направлен на профилактические мероприятия, санитарное просвещение среди широких слоев населения, а также на обеспечение населению мер защиты от данного заболевания. В результате этого вторая волна заболевания была отражена, а сама эпидемия продолжалась всего один год.

В целях превентивной подготовки к возможным будущим пандемиям и эпидемиям, заранее заготавливались дополнительные больничные места в больницах страны, увеличен выпуск медицинских препаратов и средств помощи, набрано в медицинские учреждения большее число санитарных работников и врачей, обновлен автопарк для транспортировки заболевших.

Важным мероприятием стала тщательная санитарная проверка и обработка общественных мест и мест скопления большого числа людей. Особо такой проверке подверглись вокзалы и речные порты, бани, гостиничные объекты, а также места ночлега [3, с. 32].

В 1935 году была создана Всесоюзная государственная санитарная инспекция, которую курировал Совет Народных Комиссаров СССР. Главной задачей при создании указанного органа была необходимость объединить и осуществить координацию между санитарными службами Советского Союза, а также была поставлена цель создать государственный орган, который бы осуществлял надзор за соблюдением санитарных норм и осуществлял функции контроля за санитарными службами. Впоследствии, Всесоюзная инспекция вошла в созданный в 1936 году единый общесоюзный Народный комиссариат здравоохранения СССР.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны, Советский Союз уже обладал развитой системой здравоохранения, накопил опыт борьбы с пандемиями и массовыми эпидемиями и имел эффективный механизм пресечения и распространения заболеваний среди населения.

В 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, опыт борьбы с распространением инфекций и массовых заболеваний в условиях чрезвычайных обстоятельств вновь стал особо актуален.

В фронтовых условиях, когда большую часть времени солдаты проводили в окопах и траншеях, сформировалась благоприятная атмосфера для активного и массового распространения разного рода инфекций и эпидемий.

Наиболее серьезные эпидемиологические инциденты произошли в Сталинграде, в период решающей битвы, где количество участников было высоким. В 1942 году на линии фронта вспыхнула эпидемия сыпного тифа [8, с. 73]. Руководство страны отреагировало быстро: в городе были созданы сеть бань и помывочных пунктов, станций обеззараживания. Это дало кратковременные результаты, однако скоро количество зараженных вновь начало расти из-за начавшейся эпидемии холеры. Чтобы предотвратить повальное распространение инфекции в городе, где происходили боевые действия, были приняты срочные меры со стороны городского управления. Было строжайшим образом запрещено купаться в Волге, возле каждого водопроводного источника дежурили санитары, периодически проверяющие воду на предмет наличия вирусов холеры. Помимо этого, было приготовлено в местных госпиталях свыше двух тысяч больничных мест для зараженных граждан.

В качестве особой меры, была вызвана из Москвы специальная биохимическая лаборатория, которая была размещена прямо в осажденном городе. Под обстрелами, было развернуто активное производство вакцин от холеры, которые тут же распространялись по воинским соединениям вдоль всей линии фронта [5, с. 30].

Так, благодаря гибкости и оперативности советской системы здравоохранения быстро подавлялись очаги и вспышки массовых заболеваний во время Великой Отечественной войны.

Послевоенный период истории СССР также характеризуется развитой и высокоэффективной системой здравоохранения. В начале 50-х годов было широко распространено производство различных антибиотиков и лекарственных средств [6, с. 1011]. Также, строгий государственный контроль и немедленная реакция позволяла быстро выявлять и пресекать очаги появления инфекций.

Одним из показательных случаев оперативности и эффективности советской системы здравоохранительного реагирования, стала вспышка черной оспы в Москве в 1959 году. Вернувшийся из Индии в СССР гражданин завез с собой вирусы черной оспы.

Моментально были привлечены все ресурсы для предотвращения распространения в многомиллионной Москве опасного заболевания. К пресечению распространения инфекции привлеклись правоохранительные органы, спецслужбы, служащие вооруженных сил и сотрудники различных отделений Минздрава СССР. Руководством страны был предложен оперативный план по ликвидации возникшего очага заболевания.

Был проведен анализ всех контактов больного со всеми людьми, установлены их имена и места проживания. Одного из знакомых заболевшего, который находился в самолете на пути в Париж, вернули обратно, развернув в воздухе самолет. Всех пассажиров данного самолета немедленно поместили под карантин. Под наблюдение врачей поместили всех родственников заболевшего, таксиста, который вез его из аэропорта, сотрудников таможни аэропорта.

Больницу, куда был помещен заболевший, также закрыли вместе со всем персоналом на карантин. Выезды из Москвы были полностью перекрыты, авиа- и железнодорожное сообщение было временно прекращено со столицей.

В течение короткого промежутка времени была создана вакцина в количестве 10 миллионов доз. В экстренном режиме была проведена массовая вакцинация 5 миллионов жителей Москвы и 4 миллиона граждан из Подмосковной области [7, с. 155].

Похожая история произошла в 1970 году на юге СССР. Внезапная вспышка холеры охватила города на побережьях Черного и Каспийского морей. Города, в которых были выявлены очаги эпидемии, были моментально закрыты на полный карантин. Также в срочном порядке была проведена массовая вакцинация жителей указанных регионов. Усилиями советских медицинских работников и сотрудников Красного Креста были привиты около 150 тысяч человек [11, с. 27].

Таким образом, можно увидеть, что к 70-м годам в СССР сложилась оперативная и быстро реагирующая на возникающие очаги массовых заболеваний система здравоохранения, которая позволяла в критических ситуациях быстро мобилизовать все медицинские и иные ресурсы для своевременной борьбы с инфекциями и проявлениями разного рода заболеваний.

Другим известным массовым заболеванием в позднем СССР стала эпидемия сибирской язвы в Свердловске (ныне Екатеринбург). До сих пор не утихают споры о причинах возникновения данной эпидемии. По официальной версии, эпидемия началась из-за употребления в пищу мяса зараженных животных. По другой, не менее популярной версии, произошла утечка из военно-биологической лаборатории, находившейся в черте города. Была проведена масштабная информационная кампания по оповещению и предупреждению жителей города. Своевременно выделено около 500 больничных мест для заболевших граждан. Вскоре была проведена массовая вакцинация жителей Свердловска, а также осуществлена дезинфекция улиц и открытых местностей в черте города.

Подводя итоги, можно выделить основные характерные черты советской системы здравоохранения, которые были направлены на пресечение и ликвидацию пандемий, эпидемий и иных заболеваний массового характера.

Система здравоохранения, заложенная в СССР еще в начале 20-х годов XX века, поспособствовала созданию в стране единой иерархичной здравоохранительной системы, которая стала настоящим прорывом в глазах современников и по оценке современных исследователей. Многие государства, как социалистического блока, так и другие заимствовали целиком или отдельные элементы советской системы.

Помимо этого, одной из главных заслуг СССР стал широкий доступ практически всех слоев населения к здравоохранительной системе, а также оперативность и эффективность этой системы в борьбе против пандемий и прочих массовых заболеваний. Благодаря грамотному выстраиванию здравоохранительного аппарата в Советском Союзе стало возможным кардинально снизить детскую смертность, полностью подавить многие массовые заболевания, такие как: чуму, холеру, оспу и др.

Советская система противодействия пандемиям и эпидемиям предполагала использование массовой вакцинации населения, методик диспансеризации, активное участие государственных органов и учреждений по санитарной обработке общественных мест и природных ресурсов, проведение специальной мелиорации земель, направленной на ее обеззараживание.

Активное развитие медицинских образовательных учреждений поспособствовало формированию слоя высокопрофессиональных медицинских работников, а материальные вложения со стороны государства в фармацевтические учреждения и испытательные лаборатории позволили расширить доступ населения к лекар-

ственным средствам и препаратам, направленным против опасных и заразных заболеваний. Это в определенной степени также снизило зависимость Советского Союза от импорта таких лекарственных средств. К недостаткам такой системы борьбы с пандемиями и эпидемиями можно назвать упор на острые и массовые заболевания в ущерб хроническим, а также сильный бюрократический подход, иногда мешавший своевременному принятию необходимых мер.

В целом, можно сказать, что советская система здравоохранения по заслугам считалась одной из самых развитых и действенных в мире, способной в кратчайшие сроки быстро и максимально эффективно осуществлять борьбу на территории СССР с пандемиями, эпидемиями и другими массовыми заболеваниями.

### Библиографический список

1. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским Съездом Советов от 10 июля 1918 г. // Электронный музей конституционной истории России [Электронный ресурс] // URL: <http://rusconstitution.ru/term/30/> (дата обращения: 18.02.2023) (утратил силу).
2. Декрет *Совета Народных Комиссаров РСФСР* от 15 сентября 1922 г. «О санитарных органах республики» // Сайт Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rospotrebnadzor.ru/region/history/historydoc/decret.php> (дата обращения: 18.02.2023) (утратил силу).
3. *Альбицкий В.Ю., Шер С.А.* Опыт борьбы с острыми детскими инфекциями в Советской России (1930–1940) // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. – 2021. – № 3. – С. 32–37.
4. *Баранов Е.Ю.* Эпидемическая ситуация в СССР в 1930-е гг. (историографический аспект) // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 12. – С. 62–84.
5. *Гончарова С.Г.* Взаимодействие Наркомздрава СССР и главного военно-санитарного управления в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. – 2017. – № 4. – С. 28–33.
6. *Затравкин С.Н., Вишленкова Е.А.* Восстановление или создание? Послевоенная реформа советского здравоохранения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2020. – Т. 28. – № 5. – С. 1011–1016.
7. *Затравкин С.Н., Вишленкова Е.А., Чалова В.В.* Состояние и возможности советского здравоохранения в 1960–1980-х годах // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2021. – Т. 29. – № 1. – С. 153–160.
8. *Серебряный Р.С., Камельских Д.В.* Борьба с эпидемиями среди гражданского населения СССР в первый период Великой Отечественной войны // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. – 2021. – № 4. – С. 72–79.
9. *Хмель А.А., Дедова Н.Г., Кочеткова И.О., Лобанова Е.Е.* Эпидемия тифа в России (1918–1921): итоги и уроки // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. – 2021. – № 4. – С. 110–115.
10. *Цзинжун В.* К истории эпидемий в России (СССР) и Хэйлуңцзяне (1902–1926 гг.) // Современная научная мысль. – 2021. – № 4. – С. 55–60.
11. *Шалацкая Е.П., Курапов А.А.* Организация борьбы с эпидемией холеры в г. Астрахани и Астраханской области в 1970 г. // История и архивы. – 2022. – № 1. – С. 26–43.

---

**Для цитирования:** *Борисова О.Г.* Совершенствование системы защиты от пандемии в СССР (1917–1991 гг.): статья // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 33–38.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_33



## IMPROVING THE PANDEMIC PROTECTION SYSTEM IN THE USSR (1917–1991)

Oksana G. Borisova \*

**Annotation.** *The presented article is a brief overview study and analysis of the experience of the Soviet health care system with pandemics and mass diseases of an epidemiological nature. The purpose of the study of this topic is to study the activities of the Soviet Union at the state level to prevent and combat pandemic emergencies, as well as to consider in general terms the system created in the USSR to counter mass diseases and epidemics on the territory of its state. The need to conduct the presented study is of particular importance, since the COVID-19 pandemic that began in 2019, which affected Russia, contributed to the identification of various vulnerabilities and shortcomings of the domestic health care system. The use of experience and methods of the health care system built by the Soviet state to combat mass diseases among the population will help in the future to apply in practice the accumulated knowledge and skills to counter mass diseases of various types. The analysis made it possible to highlight important aspects of the functioning of the Soviet health care system, as well as methods and methods of preventing mass diseases on the part of the state.*

**Key words:** *legislation; restriction of rights and freedoms; pandemic; health care; state regulation.*

From the very beginning of its existence, the Soviet Union was forced to deal with pandemic and epidemiological situations. The success of the fight against mass diseases in the USSR is primarily associated with a well-built health care system by the state, which began to take shape immediately after the October Revolution.

For the first time, the People's Commissariat of Health, as the main state body in charge of the creation and development of the health care system in Soviet Russia, was created on July 10, 1918. On this day, the Constitution of the RSFSR was adopted, where this authority was also indicated in the list of created executive authorities (Article 43) [1].

For a long time, the permanent head of the People's Commissariat of Health of the Soviet state was the scientist and doctor N.A. Semashko. It was he who made the main contribution to the creation of the first Soviet healthcare system, which was subsequently also taken as a basis in this capacity in socialist countries around the world [10, p. 55].

The first large-scale epidemic in post-revolutionary Russia, which came from the fields of the First World War, was an epidemic of typhus. In 1917, Russia still had the old pre-revolutionary health care system, which tried to counteract the spread of the disease using outdated methods. With varying success, over the course of four years, it was possible to suppress the incidence of disease in Russia, while the death toll was over 3 million people [9, p. 112].

A truly serious test for healthcare in the young Soviet republic was the pan-European Spanish flu epidemic of 1918–1920, which claimed the lives of more than 50 mil-

---

\* **Borisova Oksana Gennadiyevna**, graduate student of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, lawyer of the Bashkir Republican Bar Association. E-mail: bog76@bk.ru

Scientific supervisor – **Nigmatullin Rishat Vakhidovich**, head of the department of international law and international relations at the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Doctor of Law, Professor. E-mail: nigm2004@mail.ru

lion people across the continent. The exceptional mass nature of the disease, its rapid spread during the outbreak of the Civil War and the emergence of associated small foci of other epidemics throughout Russia forced the Soviet government to take emergency measures to combat the massive incidence of the population.

In 1922, the Council of People's Commissars issued a decree "On the sanitary bodies of the republic," which became the first important step towards creating the Soviet health care system. This decree established a unified centralized system of sanitary control bodies throughout Russia; their powers and terms of reference were clearly defined [2].

It should be noted that such a strict system of subordination of lower health care bodies to higher ones, headed by the People's Commissariat (later the Ministry) of Health and receiving full funding from the state budget, was called the "Semashko system".

The main tasks for sanitary authorities in the RSFSR were: supervision of compliance with sanitary standards in relation to natural objects, in relation to residential facilities, goods and food; carrying out various activities aimed at combating epidemics and mass diseases; ensuring the health of minors; educating the population on issues of sanitary cleanliness and prevention of various diseases; maintaining statistics on diseases and morbidity of the population.

In addition, in each region of the RSFSR, positions of sanitary doctors and their assistants were introduced based on the specific population size. Sanitary doctors received broad powers to control and supervise compliance with sanitary regulations, and also received the opportunity to forcefully close premises or confiscate products if they do not comply with accepted sanitary and epidemiological standards.

Thanks to timely measures taken and a competent approach to organizing the activities of health authorities, the number of cases, as well as deaths, was reduced. By the end of the epidemic, Soviet Russia had already become a state with a developed healthcare system, which had been tested for the strength and effectiveness of its activities throughout the country.

It is important to note that a serious achievement that has proven its effectiveness has been the use by the state of propaganda activities to educate the population on health issues. Famous cultural and artistic figures were involved in this work, who created graphic images and slogans to disseminate among citizens the idea of observing sanitary and hygienic rules. Thus, a large number of slogans and poems on this topic were created by the Soviet poet V.V. Mayakovsky [4, p. 67].

Most often, visual materials were used to make the campaign understandable to all segments of the population, including those without education. Special propaganda trains were launched throughout Russia, disseminating among the peasant population the need to use hygiene products and, at the slightest sign of illness, to go to state medical institutions.

Special agitators and lecturers traveled around the country, giving various educational lectures to the population, answering their questions, and distributing popular medical literature as a visual aid.

The Soviet healthcare system was prepared for the next mass disease on the territory of the USSR – an influenza epidemic. In 1926, a large-scale epidemic of a new influenza began in the central part of Russia. An important feature of the epidemiological outbreak was that at that time there was no effective way to combat the disease itself; the main emphasis on the part of the state was aimed at preventive measures, health education among the general population, as well as providing the population with protective measures

against this disease. As a result, the second wave of the disease was repelled, and the epidemic itself lasted only one year.

In order to preventively prepare for possible future pandemics and epidemics, additional hospital beds were prepared in advance in the country's hospitals, the production of medical supplies and aids was increased, a larger number of sanitary workers and doctors were recruited to medical institutions, and the fleet of vehicles for transporting sick people was updated. .

An important event was a thorough sanitary check and treatment of public places and places where large numbers of people gather. Train stations and river ports, bathhouses, hotel facilities, as well as overnight accommodations were especially subject to such inspection [3, p. 32].

In 1935, the All-Union State Sanitary Inspectorate was created, which was supervised by the Council of People's Commissars of the USSR. The main task in creating this body was the need to unite and coordinate between the sanitary services of the Soviet Union, and the goal was also to create a state body that would oversee compliance with sanitary standards and exercise control functions over sanitary services. Subsequently, the All-Union Inspectorate became part of the unified all-Union People's Commissariat of Health of the USSR, created in 1936.

Thus, by the beginning of the Great Patriotic War, the Soviet Union already had a developed healthcare system, had accumulated experience in combating pandemics and mass epidemics, and had an effective mechanism for suppressing and spreading diseases among the population.

In 1941, when the Great Patriotic War began, the experience of combating the spread of infections and mass diseases under emergency conditions again became particularly relevant.

In front-line conditions, when soldiers spent most of their time in trenches and trenches, a favorable atmosphere was formed for the active and massive spread of various types of infections and epidemics.

The most serious epidemiological incidents occurred in Stalingrad, during the decisive battle, where the number of participants was high. In 1942, a typhus epidemic broke out on the front line [8, p. 73]. The country's leadership responded quickly: a network of bathhouses, washing stations, and disinfection stations were created in the city. This gave short-term results, but soon the number of infected people began to grow again due to the outbreak of a cholera epidemic. To prevent the general spread of infection in the city where the fighting took place, urgent measures were taken by the city government. It was strictly forbidden to swim in the Volga; orderlies were on duty near each water source, periodically checking the water for the presence of cholera viruses. In addition, over two thousand hospital beds were prepared in local hospitals for infected citizens.

As a special measure, a special biochemical laboratory was called from Moscow, which was located directly in the besieged city. Under shelling, active production of cholera vaccines was launched, which were immediately distributed to military formations along the entire front line [5, p. 30].

Thus, thanks to the flexibility and efficiency of the Soviet healthcare system, outbreaks and outbreaks of mass diseases were quickly suppressed during the Great Patriotic War.

The post-war period in the history of the USSR is also characterized by a developed and highly effective healthcare system. In the early 50s, the production of various

antibiotics and medicines was widespread [6, p. 1011]. Also, strict government control and immediate response made it possible to quickly identify and suppress outbreaks of infections.

One of the illustrative cases of the efficiency and effectiveness of the Soviet health response system was the outbreak of smallpox in Moscow in 1959. A citizen who returned from India to the USSR brought with him the blackpox viruses.

All resources were immediately mobilized to prevent the spread of a dangerous disease in multimillion-dollar Moscow. Law enforcement agencies, special services, members of the armed forces and employees of various departments of the USSR Ministry of Health were involved in suppressing the spread of infection. The country's leadership proposed an operational plan to eliminate the emerging outbreak of the disease.

An analysis of all contacts of the patient with all people was carried out, their names and places of residence were established. One of the sick person's acquaintances, who was on the plane on the way to Paris, was brought back by turning the plane around in the air. All passengers on this plane were immediately placed under quarantine. All relatives of the sick person, the taxi driver who took him from the airport, and airport customs officers were placed under the supervision of doctors.

The hospital where the sick person was admitted was also closed along with all staff for quarantine. Exits from Moscow were completely blocked; air and railway communications with the capital were temporarily suspended.

Within a short period of time, 10 million doses of vaccine were created. Mass vaccination of 5 million Moscow residents and 4 million citizens from the Moscow region was carried out in an emergency mode [7, p. 155].

A similar story happened in 1970 in the south of the USSR. A sudden outbreak of cholera swept through cities on the coasts of the Black and Caspian Seas. Cities in which outbreaks of the epidemic were identified were immediately closed for complete quarantine. Mass vaccination of residents of these regions was also urgently carried out. Through the efforts of Soviet medical workers and Red Cross employees, about 150 thousand people were vaccinated [11, p. 27].

Thus, it can be seen that by the 70s, the USSR had developed an operational health care system that quickly responded to emerging outbreaks of mass diseases, which made it possible in critical situations to quickly mobilize all medical and other resources for the timely fight against infections and manifestations of various kind of diseases.

Another well-known mass disease in the late USSR was the anthrax epidemic in Sverdlovsk (now Yekaterinburg). Disputes about the causes of this epidemic are still ongoing. According to the official version, the epidemic began due to the consumption of meat from infected animals. According to another, no less popular version, a leak occurred from a military biological laboratory located within the city. A large-scale information campaign was carried out to alert and warn city residents. About 500 hospital beds were promptly allocated for sick citizens. Soon, mass vaccination of Sverdlovsk residents was carried out, and streets and open areas within the city were disinfected.

To summarize, we can highlight the main characteristic features of the Soviet healthcare system, which were aimed at suppressing and eliminating pandemics, epidemics and other diseases of a mass nature.

The healthcare system established in the USSR back in the early 20s of the 20th century contributed to the creation of a unified hierarchical healthcare system in the country, which became a real breakthrough in the eyes of contemporaries and in the assessment of

modern researchers. Many states, both the socialist bloc and others, borrowed entire or individual elements of the Soviet system.

In addition, one of the main merits of the USSR was the wide access of almost all segments of the population to the healthcare system, as well as the efficiency and effectiveness of this system in the fight against pandemics and other mass diseases. Thanks to the competent development of the healthcare system in the Soviet Union, it became possible to radically reduce child mortality and completely suppress many widespread diseases, such as plague, cholera, smallpox, etc.

The Soviet system of combating pandemics and epidemics assumed the use of mass vaccination of the population, medical examination methods, the active participation of government bodies and institutions in the sanitary treatment of public places and natural resources, and special land reclamation aimed at its disinfection.

The active development of medical educational institutions contributed to the formation of a layer of highly professional medical workers, and material investments from the state in pharmaceutical institutions and testing laboratories made it possible to expand the population's access to medicines and drugs against dangerous and contagious diseases. This, to a certain extent, also reduced the dependence of the Soviet Union on the import of such medicines. The disadvantages of such a system for combating pandemics and epidemics include the emphasis on acute and mass diseases to the detriment of chronic ones, as well as a strong bureaucratic approach, which sometimes prevented the timely adoption of necessary measures.

In general, we can say that the Soviet healthcare system was deservedly considered one of the most developed and effective in the world, capable of quickly and most effectively combating pandemics, epidemics and other mass diseases on the territory of the USSR in the shortest possible time.

### Bibliography

1. Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic. Adopted by the V All-Russian Congress of Soviets on July 10, 1918 // Electronic Museum of the Constitutional History of Russia [Electronic resource] // URL: <http://rusconstitution.ru/term/30/> (date of access: 02.18.2023) (lost force).
2. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of September 15, 1922 "On the sanitary authorities of the republic" // Website of the Federal Service for Supervision of the Protection of Consumer Rights and Human Welfare [Electronic resource] // URL: <https://www.rospotrebnadzor.ru/region/history/historydoc/decret.php> (date of access: 02/18/2023) (lost force).
3. Albitsky V.Yu., Sher S.A. Experience in combating acute childhood infections in Soviet Russia (1930–1940) // Bulletin of the National Research Institute of Public Health named after N. A. Semashko. 2021. No. 3. P. 32–37.
4. Baranov E.Yu. Epidemic situation in the USSR in the 1930s. (historiographical aspect) // Genesis: historical studies. 2020. No. 12. P. 62–84.
5. Goncharova S.G. Interaction between the People's Commissariat of Health of the USSR and the Main Military Sanitary Directorate during the Great Patriotic War (1941–1945) // Bulletin of the National Research Institute of Public Health named after N. A. Semashko. 2017. No. 4. Pp. 28–33.
6. Zatravkin S.N., Vishlenkova E.A. Restoration or creation? Post-war reform of Soviet healthcare // Problems of social hygiene, healthcare and history of medicine. 2020. T. 28. No. 5. P. 1011–1016.
7. Zatravkin S.N., Vishlenkova E.A., Chalova V.V. The state and capabilities of Soviet healthcare in the 1960–1980s // Problems of social hygiene, healthcare and history of medicine. 2021. T. 29. No. 1. P. 153–160.

8. Serebryany R.S., Kamelskikh D.V. The fight against epidemics among the civilian population of the USSR in the first period of the Great Patriotic War // Bulletin of the National Research Institute of Public Health named after N. A. Semashko. 2021. No. 4. P. 72–79.

9. Khmel A.A., Dedova N.G., Kochetkova I.O., Lobanova E.E. Typhoid epidemic in Russia (1918–1921): results and lessons // Bulletin of the National Research Institute of Public Health named after N. A. Semashko. 2021. No. 4. P. 110–115.

10. Jingrong V. On the history of epidemics in Russia (USSR) and Heilongjiang (1902–1926) // Modern scientific thought. 2021. No. 4. P. 55–60.

11. Shalatskaya E.P., Kurapov A.A. Organization of the fight against the cholera epidemic in Astrakhan and the Astrakhan region in 1970 // History and archives. 2022. No. 1. P. 26–43.

---

**For citation:** Borisova O.G. Improving the pandemic protection system in the USSR (1917–1991): article // Theory of State and Law. 2024. No. 1 (35). P. 39–44.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_33

## Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI 10.47905/MATGIP.2024\_1\_35\_45

## ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

**С. М. Воробьев\***

**С. А. Комаров\*\***

***Аннотация.** Развитие глобализационных процессов способствует государственно-правовому переосмыслению политики в сфере цифровизации государства и общества. Современные вызовы порождают множественные риски, способствующие нарушению прочности государственного суверенитета. В этих условиях требуется правовое обеспечение государственного суверенитета и его разновидностей.*

*В настоящей статье была предпринята попытка сделать теоретико-правовой анализ цифрового государственного суверенитета. Авторы статьи предлагают и обосновывают авторские определения, признаки государственного и цифрового государственного суверенитета. По их научному замыслу цифровой государственный суверенитет находится в прямой взаимосвязи с государственным суверенитетом, как в практическом, так и теоретическом плане. Авторы считают, что проблемы государственного суверенитета и его разновидностей должны подвергнуться существенному нормативному сопровождению, ввиду преодоления имеющей место правовой неопределенности.*

*Содержание статьи отражает авторскую позицию по данной проблематике и может не совпадать с мнениями других авторов.*

***Ключевые слова:** государство, государственный суверенитет, цифровой государственный суверенитет, признаки суверенитета, государственная власть, технологии, цифровая экономика, право.*

В силу сложившейся сложной геополитической ситуации в отношениях Российской Федерации с недружественными странами, возрастает роль обеспечения суверенитета российского государства. Это в свою очередь обусловлено созданием нового миропорядка, основанного на обеспечении многополярного мира и отстаиванием своей исключительной государственной воли в различных сферах международных отношений. Видоизменяющаяся картина миропорядка должна затрагивать сферу не только международного права вообще, но и интересовать теоретико-правовую

---

\* **Воробьев Сергей Михайлович**, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент. E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru. [Http://orcid.org/0000-0003-0734-7456](http://orcid.org/0000-0003-0734-7456)

\*\* **Комаров Сергей Александрович**, Президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, Заслуженный работник науки и образования РАН, доктор юридических наук, профессор. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru. [Http://orcid.org/0000-0002-0425-0897](http://orcid.org/0000-0002-0425-0897)

науку – в частности, особенно в условиях адаптивирования теоретических институтов к современным реалиям обеспечения государственных интересов во внутренних и внешне политических отношениях. Это необходимо осуществлять для комплексного межотраслевого понимания сущности трансформации государственных институтов к геополитическим реалиям.

На фоне видоизмененного миропорядка наблюдается выработка государствами совершенно новых разновидностей государственного суверенитета в тех сферах общественных отношений, где возрастает роль государственного влияния, например, появились такие виды суверенитета, как информационный, интеллектуальный, технологический, продовольственный, цифровой, экономический и другие. Теория государства и права и отраслевые науки, не выработали единообразного подхода к формулировкам новых разновидностей суверенитета, более того, наблюдается отсутствие их правового обеспечения. В связи с чем, в настоящей статье мы проанализируем разновидность нового вида суверенитета, как цифровой, основываясь на имеющихся достижениях юридической науки в сфере государственного правопонимания института государственного суверенитета.

В тексте положений Конституции Российской Федерации имеется целая система конституционных норм, направленных на поддержание государственного суверенитета [1; 16]. Полагаем, что именно содержание этих норм являются отправными началами для регулирования новых видов государственных суверенитетов, так как именно они раскрывают сущностную и отправную основу для выстраивания всего комплекса отношений по обеспечению государственного суверенитета и его разновидностей. Конституционные нормы устанавливают исходные положения (ориентиры), направленные на выработку правовой базы для регулирования и постоянного совершенствования государственного суверенитета. Обратимся к содержанию конституционных норм, обеспечивающих системное функционирование государственного суверенитета.

Одно из положений преамбулы Конституции Российской Федерации содержит концептуальный вектор для выстраивания отношений по обеспечению государственного суверенитета, в частности в ней говорится: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации ... возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы... признаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Положения ч. 1 ст. 4 Конституции Российской Федерации устанавливают, что: «Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию». При этом ч. 3 ст. 4 раскрывает важные условия по действию суверенитета, в частности: «Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории» [1; 16].

При этом норма ч. 2.1 ст. 67 Конституции Российской Федерации прямо направлена на усиление всего государственного механизма по обеспечению суверенитета Российской Федерации, в ней сказано: «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются» [1; 16].

С учетом этого мы видим, что Конституция Российской Федерации закрепляет целеполагающие начала, гарантирующие, обеспечительные и охранительные нормы, направленные на постоянное функционирование на всей территории государ-



ства с целью выстраивания оптимальных условий по действию государственной политики в сфере обеспечению государственного суверенитета. Следует иметь в виду, что законодатель направляет свои усилия на совершенствование конституционных положений с целью исключения всевозможных рисков, связанных с нарушением государственного суверенитета [16].

В свою очередь государственный суверенитет основывается на следующих принципах: политико-юридический характер государственного суверенитета, атрибутивность государственного суверенитета, реальность государственного суверенитета, неисчерпаемость суверенных прав, непрерывность государственного суверенитета [9, с. 4–6].

Учитывая обозначенные нами принципы государственного суверенитета, можно выделить его взаимосвязанные признаки, обеспечивающие его целостное свойство. К данным признакам относятся: постоянство государственного суверенитета, обеспечение целостности и единства территории государства, верховенство государственной власти, легальное применение мер принуждения и отражение агрессии, посягающей на суверенность государства.

Обратимся к теоретическим определениям государственного суверенитета.

Французский политический мыслитель XVI в. Ж. Боден в своем труде «Шесть книг о республике» (1575) впервые дал определение суверенитета: «наивысшая, абсолютная и постоянная власть над гражданами и подданными» [14, с. 187].

Согласно концепции Т. Гоббса государство обладает суверенитетом, а не сама власть и население. Государство установлено, когда множество людей договариваются и заключат соглашение каждый с каждым о том, что в целях водворения мира среди них и защиты от других каждый из них будет признавать свои собственные все действия и суждения того человека или собрания людей, которому большинство дает право представлять лицо всех, независимо от того голосовал ли он за или против них. Из этого установления государства производятся все права и способности того или тех, на кого соглашением собравшегося народа перенесена верховная власть [10, с. 134].

С позиции Г. Еллинека суверенитет есть не безграничность, а способность юридически не связанной внешними силами государственной власти к исключительному самоопределению, а потому и самоограничению путем установления правопорядка, на основе которого деятельность государства только и приобретает подлежащий правовой квалификации характер. Суверенитет означает таким образом, свойство государственной власти, в силу которого она обладает исключительной способностью к правовому самоопределению и самообязыванию [13, с. 352].

Г. Ф. Шершеневич считал, что: «Если государственная власть высшая, то все другие власти, действующие на той же территории, обуславливают ее, имеют производный характер. Это свойство называется суверенитетом. Суверенитет есть необходимое свойство государственной власти, и ни отбросить его, ни сгладить невозможно из опасения не только противоречия логики, но и противоречия исторической действительности [19, с. 215].

Как видно из анализа приведенных определений государственного суверенитета, различных ученых конца XVI в. начала XX в. сущностная характеристика суверенитета была сведена только к свойству государственной власти. Однако, с течением времени произошла трансформация научных взглядов о государственном суверенитете и его сущностном свойстве. Приведем различные современные определения государственного суверенитета, раскрывающие обозначенные нами особенности.

По мнению А. Л. Бредихина суверенитет – это необходимый признак государства, определяемый в единстве политического содержания, состоящего в возможности носителя верховной государственной власти независимо, самостоятельно формировать, а также осуществлять свою волю, и юридической формы, означающей закрепление свойств суверенитета в системе законодательства, структуре и компетенции органов государственной власти [8, с. 21].

Ф. С. Бекирова определяет суверенитет государства, как качество государства самостоятельно и независимо от каких-либо других стран реализовывать свои функции как на территории данного государства и за его пределами, так и на международной арене [7, с. 80].

Н. И. Грачев трактует суверенитет как признанная государствообразующим народом (легитимная), внешне непроемкая, постоянная, юридически неограниченная верховная власть, обладающая универсальным полномочием на управление государством в целом и концентрирующая монопольное право на принятие окончательных решений по всем вопросам общегосударственного значения [11, с. 10].

В. В. Красинский определяет государственный суверенитет как верховенство и независимость государственной власти внутри страны и за ее пределами, которые проявляются в способности государства самостоятельно решать любые внутри- и внешнеполитические задачи, обеспечивать реализацию своих властных полномочий в отношении всех субъектов права в пределах территориальной юрисдикции [17, с. 750].

Приведенные нами современные определения государственного суверенитета свидетельствуют о непостоянстве и разнообразии научных точек зрения в этой сфере. Анализ понятий государственного суверенитета показал, что в их основе задействованы различные компоненты (государство, государственная власть), образующие основу и определяющие выстраивание всей системы отношений по его обеспечению. При этом мы склоняемся в большей степени к позиции о том, что государственный суверенитет является признаком государства. Это объясняется тем, что государственная власть осуществляет свою деятельность на территории государства и за его пределами; государственная власть отражает непосредственные интересы государства; государственная власть реализует государственную политику; государственная власть непосредственно управляет всеми сферами государства. Из этого мы видим непосредственную зависимость государственной власти от самого государства. Кроме этого, рассмотрение государственного суверенитета непосредственно, через государство позволяет расширять разновидности государственного суверенитета.

С учетом этого *государственный суверенитет, есть качественный признак государства, отражающий в себе функциональные особенности государственной власти по реализации государственной политики в масштабах территории государства и за ее пределами.* Суверенитет является важнейшим признаком государства, который означает независимость и самостоятельность в определении и проведении политики как внутри, так и вне государства. Суверенитет государства означает его верховенство по отношению к любым другим организациям, существующим на его территории [15, с. 51].

Рассмотрев теоретические особенности государственного суверенитета, являющиеся базисом для всех имеющих место разновидностей суверенитета, представляется возможным обратиться к характеристике цифрового суверенитета и его правовым основам. Стоит сразу оговориться, что специального нормативного акта,

определившего понятие и закрепившего правовые основы цифрового суверенитета в России, к сожалению, пока нет. Однако, в тексте некоторых стратегических документов содержится упоминание о нем и его признаках.

Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 была утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [2]. Во втором разделе «Россия в современном информационном обществе» констатируется существование в стране информационного общества. В ст. 7. Стратегии отмечается, что электронные средства массовой информации, информационные системы, социальные сети, доступ к которым осуществляется с использованием сети «Интернет», стали частью повседневной жизни россиян. При этом ст. 8. Стратегии констатирует, что в России информационное общество характеризуется широким распространением и доступностью мобильных устройств (в среднем на одного россиянина приходится два абонентских номера мобильной связи), а также беспроводных технологий, сетей связи. Создана система предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме.

Граждане имеют возможность направить в электронной форме индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

Одним из направлений устойчивого функционирования инфраструктуры Российской Федерации, согласно п. д ст. 29 Стратегии является замена импортного оборудования, программное обеспечение и электронная компонентная база российских аналогов, обеспечение технологической и производственной независимости и информационной безопасности. В ст. 35 Стратегии сказано, что создание российских информационных и коммуникационных технологий осуществляется в целях получения государством и гражданами новых технологических преимуществ, использования и обработки информации, доступа к ней, получения знаний, формирования новых рынков и обеспечения лидерства на них.

Положения ст. 39 Стратегии определяет, что целью создания новой технологической основы для развития экономики и социальной сферы является повышение качества жизни граждан на основе широкого применения отечественных информационных и коммуникационных технологий, направленных на повышение производительности труда, эффективности производства, стимулирование экономического роста, привлечение инвестиций в производство инновационных технологий, повышение конкурентоспособности Российской Федерации на мировых рынках, обеспечение ее устойчивого и сбалансированного долгосрочного развития.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 г. № 1632-р была утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [3]. В разделе IV настоящей Программой была определена цель направления, касающаяся информационной безопасности, ею является достижение состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации в условиях цифровой экономики.

Для управления развитием цифровой экономики была сформирована «дорожная карта», которая по основным направлениям включает описание целей, ключевых вех и задач, а также сроков их достижения. «Дорожная карта» в направлении

развития цифровой экономики – информационная безопасность к 2020 г. зафиксирован комплекс государственных мер по созданию каркаса инфраструктуры безопасности цифровой экономики, в том числе в области новейших технологий, обеспечен цифровой суверенитет Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 25.06.2022 г. № 1639-р утверждена «Комплексная программа развития авиационной отрасли Российской Федерации до 2030 года» [4]. В разделе VII определен комплекс мер направленных на повышение уровня цифрового суверенитета. В частности, в целях повышения уровня цифрового суверенитета в гражданской авиации Российской Федерации необходимы формирование программы приоритетного импортозамещения по каждой категории цифровых сервисов с формированием отраслевых групп участников и концентрация усилий на решении задач скорейшего внедрения отечественных программных продуктов. При этом реализацию тех цифровых сервисов, которые подразумевают создание государственного информационного сегмента, использование единых отраслевых стандартов либо «единое окно» цифровых услуг отрасли, целесообразно рассматривать в рамках создания и развития цифровой платформы транспортного комплекса Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.11.2023 г. № 3339-р утверждена «Стратегия развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года» [5]. В разделе 6 о спутниковой связи и российском рынке спутниковой связи зафиксированы подходы, направленные на повышение цифрового суверенитета. В частности, мультиорбитальный и мультисервисный подходы обеспечивают потребности экономики страны современными услугами связи, а также обеспечивают повышение цифрового суверенитета и конкурентоспособности Российской Федерации на международном рынке.

Приведенные стратегические документы в своем содержании упоминают о цифровом суверенитете государства и о необходимых мерах по его совершенствованию. Однако, на уровне системы российского законодательства наблюдается обширная правовая неопределенность в понятийном аппарате государственного суверенитета, цифрового государственного суверенитета и других видов. Отсутствие конкретного правового сопровождения государственного суверенитета лишает возможности иметь другим видам государственным суверенитета отправные начала. Это в свою очередь способствует непостоянству определений, взглядов, научных подходов порождает отсутствие выработки единой государственной концепции цифрового суверенитета.

В совокупности возникает ситуация опережения прорыва «чужих» цифровых технологий и отсутствие консолидируемого правового механизма по обеспечению цифрового суверенитета. Имеющейся дисбаланс в праве негативно сказывается на процессах правопонимания и правоприменения в сфере цифрового суверенитета, что будет сопровождать за собой многочисленные внутренние коллизии и противоречия в практическом плане. Все это в совокупности предопределяет необходимость самостоятельного правового регулирования государственного суверенитета и его разновидностей. Обратимся к имеющимся научным определениям цифрового суверенитета.

Одним из первых в 2012 г. определение понятия «цифровой суверенитет» выдвинул П. Белланжер. Он определил цифровой суверенитет как «контроль над сегодняшним днем и нашей общей судьбой, которые являют себя и формируются через применение технологий и компьютерных сетей» [20, р. 154].

П. Н. Астапенко сформулировал определение цифрового суверенитета как способность государства осуществлять односторонние действия в сфере интернет-пространства, основой которой являются собственные конкурентоспособные транс-национальные интернет-сервисы и технологии, руководствуясь национальными целями, интересами и целесообразностью, игнорируя потребности и права других субъектов, включая законные права иных государств [6, с. 324].

Ф. Брокей связывает цифровой суверенитет с использованием отечественного IT-оборудования и приоритетную поддержку отечественных IT-компаний в цифровой сфере; обеспечение безопасности национальной интернет-инфраструктуры, национального интернет-трафика; национальную организацию по использованию больших данных в рамках национального государства [21].

М. Н. Дудин, С. В. Шкодинский, Д. И. Усманов считают возможным предложить следующее определение: под цифровым суверенитетом следует понимать критерий устойчивости архитектуры социально-экономической бизнес-модели перед внешними и внутренними цифровыми вызовами и угрозами различной природы происхождения, а также ее способности к адаптации и проактивной защите собственных интересов в цифровой сфере [12, с. 46].

По мнению Н. Г. Лопатовой цифровой суверенитет представляет собой: способность к независимому самоопределению в отношении доступа, использования и проектирования технологий; контроля над телекоммуникационной инфраструктурой; системами связи и сетью Интернет; безопасности в информационном и медиапространстве; обеспечения контроля за сбором и использованием баз и потоков данных, что определяет не только силу страны с точки зрения технологических возможностей, но и ее полный суверенитет над своими цифровыми активами [18, с. 47].

Анализ приведенных определений цифрового суверенитета свидетельствует о различных подходах к его содержанию, на наш взгляд разница понятий данного института состоит в выделении авторами технической составляющей и указании на государственную роль в обеспечении отношений в этой сфере. Нам представляется, что выработка теоретического понятия цифрового суверенитета должна быть связана напрямую с понятием государственного суверенитета, ввиду юридической природы своего возникновения и развития. Цифровой суверенитет находится в зависимости от государственного суверенитета и отражает государственные интересы в сфере развития собственных цифровых технологий. С учетом данной особенности сформулируем собственное теоретическое определение цифрового суверенитета и приведем его признаки.

*Цифровой государственный суверенитет, есть самостоятельное направление развития государства, отражающее в себе функциональные особенности государственной власти в сфере развития собственных конкурентоспособных цифровых технологий, обеспечения их импортозамещения, создание системы информационной безопасности цифрового пространства, а также развитие цифровой экономики в интересах реализации независимой государственной политики.*

Признаки цифрового государственного суверенитета: стратегические начала, системность, постоянная модернизация цифровых технологий, государственный контроль цифрового пространства, обеспечение цифровой безопасности государства, развитие цифровой экономики.

Таким образом, основываясь на более ранних научных достижениях в сфере государственного и цифрового суверенитета, нами была предпринята попытка вы-

работки самостоятельных определений обозначенных институтов и их непосредственных признаков. Полагаем, что решение проблемы правового регулирования государственного суверенитета и его разновидностей должна быть связана с непосредственной выработкой законодательного акта в этой сфере.

### Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 была утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 г. № 1632-р была утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 25.06.2022 г. № 1639-р утверждена «Комплексная программа развития авиационной отрасли Российской Федерации до 2030 года» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.11.2023 г. № 3339-р утверждена «Стратегия развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
6. *Астапенко П. Н.* Цифровой суверенитет: понятие и соотношение с государственным // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов / Сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 321–324.
7. *Бекирова Ф. С.* Государственный суверенитет в условиях глобализации: понятие, современное толкование // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2018. – № 4. – С. 78–86.
8. *Бредихин А. Л.* Суверенитет как политико-правовой феномен. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 128 с.
9. *Бредихин А. Л., Проценко Е. Д.* Принципы и свойства государственного суверенитета // Академический юридический журнал. – 2016. – № 3. – С. 4–6.
10. *Гоббс Т.* Сочинения. – Т. 2. – М., 1991. – 731 с.
11. *Грачев Н. И.* Государственное устройство и суверенитет в современном мире: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009. – 44 с.
12. *Дудин М. Н., Шкодинский С. В., Усманов Д. И.* Цифровой суверенитет России: барьеры и новые траектории развития // Проблемы рыночной экономики. – 2021. – № 2. – С. 30–49.
13. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. – СПб., 1908. – 599 с.
14. История политических и правовых учений: учеб. для вузов / под общ. ред. акад. РАН, д-ра юрид. наук, проф. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2004. – 933 с.
15. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.
16. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. М.: Изд-во «Юрайт», 2023. 325 с. (Серия: Профессиональный комментарий).
17. *Красинский В. В.* Защита государственного суверенитета: монография. – М.: Норма, 2017. – 790 с.
18. *Лопатова Н. Г.* Цифровой суверенитет в системе национальной безопасности: теоретические и методологические аспекты // Вестник Института экономики НАН Беларуси: сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2022. – Вып. 5. – С. 40–48.
19. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. – М., 1910. – 805 с.

20. Bellanger P. De la souveraineté numérique / P. Bellanger // Le Débat. – 2012. – 3. – P. 149–159.

21. Brokeš F. Russia's Sovereign Internet // Central European Financial Observer. 2018. September 24 // URL: <https://www.financialobserver.eu/cse-and-cis/russias-sovereign-internet/>

---

**Для цитирования:** Воробьев С.М., Комаров С.А. Цифровой суверенитет Российской Федерации: теоретико-правовой анализ: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 45–53.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_45

## DIGITAL SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Sergey M. Vorobyov\*

Sergey A. Komarov\*\*

**Annotation.** *The development of globalization processes contributes to the state and legal rethinking of policy in the field of digitalization of the state and society. Modern challenges give rise to multiple risks that contribute to the violation of the strength of state sovereignty. Under these conditions, legal support for state sovereignty and its varieties is required.*

*This article has attempted to make a theoretical and legal analysis of digital state sovereignty. The authors of the article propose and justify the author's definitions, signs of state and digital state sovereignty. According to their scientific concept, digital state sovereignty is in direct relationship with state sovereignty, both in practical and theoretical terms. The authors believe that the problems of state sovereignty and its varieties should be subject to significant regulatory support, in view of overcoming the existing legal uncertainty.*

*The content of the article reflects the author's position on this issue and may not coincide with the opinions of other authors.*

**Key words:** *state, state sovereignty, digital state sovereignty, signs of sovereignty, state power, technology, digital economy, law.*

Due to the current difficult geopolitical situation in the relations of the Russian Federation with unfriendly countries, the role of ensuring the sovereignty of the Russian state is increasing. This, in turn, is due to the creation of a new world order based on ensuring a multipolar world and defending its exclusive state will in various spheres of international relations. A modified picture of the world order should affect not only the sphere of international law in general, but also be of interest to theoretical and legal science – in particular, especially in the context of adapting theoretical institutions to modern realities of ensuring state interests in internal and external political relations. This must be done for a comprehensive intersectoral understanding of the essence of the transformation of state institutions to geopolitical realities.

---

\* **Vorobyov Sergey Mikhailovich**, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: [sergey.vorobev.78@inbox.ru](mailto:sergey.vorobev.78@inbox.ru). [Http://orcid.org/0000-0003-0734-7456](http://orcid.org/0000-0003-0734-7456)

\*\* **Komarov Sergey Aleksandrovich**, President of the Interregional Association of State and Law Theorists, Scientific Director of the Private Educational Institution of Higher Education "Law Institute" (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Honored Worker of Science and Education RAE, Doctor of Law, Professor. E-mail: [SVKomarov2008@yandex.ru](mailto:SVKomarov2008@yandex.ru). [Http://orcid.org/0000-0002-0425-0897](http://orcid.org/0000-0002-0425-0897)

Against the background of a modified world order, states are witnessing the development of completely new types of state sovereignty in those areas of social relations where the role of state influence is increasing, for example, such types of sovereignty as information, intellectual, technological, food, digital, economic and others have appeared. The theory of state and law and branch sciences has not developed a uniform approach to the formulation of new types of sovereignty; moreover, there is a lack of legal support for them. In this connection, in this article we will analyze a variety of a new type of sovereignty, as digital, based on the existing achievements of legal science in the field of state legal understanding of the institution of state sovereignty.

The text of the provisions of the Constitution of the Russian Federation contains a whole system of constitutional norms aimed at maintaining state sovereignty [1; 16]. We believe that it is the content of these norms that are the starting points for regulating new types of state sovereignty, since they reveal the essential and starting basis for building the entire complex of relations to ensure state sovereignty and its varieties. Constitutional norms establish initial provisions (guidelines) aimed at developing a legal framework for regulating and constantly improving state sovereignty. Let us turn to the content of constitutional norms that ensure the systematic functioning of state sovereignty.

One of the provisions of the preamble of the Constitution of the Russian Federation contains a conceptual vector for building relations to ensure state sovereignty, in particular it states: "We, the multinational people of the Russian Federation... reviving the sovereign statehood of Russia and asserting the inviolability of its democratic foundation... recognize the CONSTITUTION of the RUSSIAN FEDERATION."

Provisions of Part 1 of Art. 4 of the Constitution of the Russian Federation establishes that: "The sovereignty of the Russian Federation extends to its entire territory." At the same time, Part 3 of Art. 4 reveals important conditions for the operation of sovereignty, in particular: "The Russian Federation ensures the integrity and inviolability of its territory" [1; 16].

At the same time, the norm of Part 2.1 of Art. 67 of the Constitution of the Russian Federation is directly aimed at strengthening the entire state mechanism for ensuring the sovereignty of the Russian Federation, it says: "The Russian Federation ensures the protection of its sovereignty and territorial integrity. Actions (with the exception of delimitation, demarcation, re-demarcation of the state border of the Russian Federation with neighboring states) aimed at alienating part of the territory of the Russian Federation, as well as calls for such actions are not allowed" [1; 16].

Taking this into account, we see that the Constitution of the Russian Federation establishes goal-setting principles, guaranteeing, provisional and protective norms aimed at constant functioning throughout the entire territory of the state in order to build optimal conditions for the action of state policy in the field of ensuring state sovereignty. It should be borne in mind that the legislator directs his efforts to improve constitutional provisions in order to eliminate all kinds of risks associated with violation of state sovereignty [16].

In turn, state sovereignty is based on the following principles: the political and legal nature of state sovereignty, the attribution of state sovereignty, the reality of state sovereignty, the inexhaustibility of sovereign rights, the continuity of state sovereignty [9, p. 4–6].

Taking into account the principles of state sovereignty that we have outlined, we can highlight its interconnected features that ensure its integral property. These features include: the permanence of state sovereignty, ensuring the integrity and unity of the territory of the state, the supremacy of state power, the legal use of coercive measures and the reflection of aggression encroaching on the sovereignty of the state.



## Theory of State and Law

---

Let us turn to the theoretical definitions of state sovereignty.

French political thinker of the 16th century. J. Bodin, in his work "Six Books on the Republic" (1575), first defined sovereignty: "the highest, absolute and permanent power over citizens and subjects" [14, p. 187].

According to the concept of T. Hobbes, the state has sovereignty, and not the government itself and the population. A state is established when many people agree and enter into an agreement, each with each other, that in order to establish peace among them and protect them from others, each of them will recognize as their own all the actions and judgments of the person or assembly of people who is hurt -minority gives the right to represent everyone, regardless of whether he voted for or against them. From this establishment of the state are derived all the rights and abilities of the one or those to whom the supreme power is transferred by agreement of the assembled people [10, p. 134].

From the position of G. Jellinek, sovereignty is not limitlessness, but the ability of state power not legally bound by external forces to exclusive self-determination, and therefore self-restraint through the establishment of a legal order, on the basis of which the activities of the state only acquire a character subject to legal qualification. Sovereignty thus means a property of state power, by virtue of which it has an exceptional ability for legal self-determination and self-obligation [13, p. 352].

G. F. Shershenevich believed that: "If state power is supreme, then all other powers operating on the same territory condition it and have a derivative nature. This property is called sovereignty. Sovereignty is a necessary property of state power, and it is impossible to discard it or smooth it out of fear of not only a contradiction of logic, but also a contradiction of historical reality [19, p. 215].

As can be seen from the analysis of the above definitions of state sovereignty, various scientists of the late 16th century beginning of the 20th century the essential characteristic of sovereignty was reduced only to the property of state power. However, over time, there has been a transformation of scientific views about state sovereignty and its essential property. Let us present various modern definitions of state sovereignty, revealing the features we have identified.

According to A.L. Bredikhin, sovereignty is a necessary attribute of the state, defined in the unity of political content, consisting in the ability of the bearer of the supreme state power to independently form and implement his will, and legal form, meaning the consolidation of the properties of sovereignty in the legislative system, structure and competence of public authorities [8, p. 21].

F. S. Bekirova defines the sovereignty of a state as the quality of a state to independently and independently of any other countries implement its functions both on the territory of a given state and beyond, and in the international arena [7, p. 80].

N. I. Grachev interprets sovereignty as recognized by the state-forming people (legitimate), externally non-derivative, permanent, legally unlimited supreme power, possessing universal authority to govern the state as a whole and concentrating the monopoly right to make final decisions on all issues of national importance [11, p. 10].

V. V. Krasinsky defines state sovereignty as the supremacy and independence of state power within the country and abroad, which are manifested in the ability of the state to independently solve any domestic and foreign policy problems, to ensure the implementation of its power in relation to all subjects of law within the territorial jurisdiction [17, p. 750].

The modern definitions of state sovereignty we have given indicate the inconstancy and diversity of scientific points of view in this area. An analysis of the concepts of state

sovereignty showed that they are based on various components (state, state power), which form the basis and determine the building of the entire system of relations to ensure it. At the same time, we are more inclined to the position that state sovereignty is a sign of the state. This is explained by the fact that state power carries out its activities on the territory of the state and beyond its borders; state power reflects the immediate interests of the state; state power implements state policy; state power directly controls all spheres of the state. From this we see the direct dependence of state power on the state itself. In addition, considering state sovereignty directly, through the state, allows us to expand the types of state sovereignty.

Taking this into account, state sovereignty is a qualitative feature of the state, reflecting the functional features of state power for the implementation of state policy within the territory of the state and beyond its borders. Sovereignty is the most important feature of a state, which means independence and independence in determining and pursuing policies both inside and outside the state. The sovereignty of a state means its supremacy in relation to any other organizations existing on its territory [15, p. 51].

Having examined the theoretical features of state sovereignty, which are the basis for all existing varieties of sovereignty, it seems possible to turn to the characteristics of digital sovereignty and its legal foundations. It is worth mentioning right away that, unfortunately, there is no special regulatory act that would define the concept and consolidate the legal foundations of digital sovereignty in Russia. However, the text of some strategic documents contains mention of it and its characteristics.

By Decree of the President of the Russian Federation dated May 9, 2017 No. 203, the "Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030" was approved [2]. The second section, "Russia in the modern information society," states the existence of an information society in the country. In Art. 7. The Strategy notes that electronic media, information systems, social networks, accessed using the Internet, have become part of the everyday life of Russians. At the same time, Art. 8. The Strategy states that in Russia the information society is characterized by the widespread use and availability of mobile devices (on average, there are two mobile phone subscriber numbers per Russian citizen), as well as wireless technologies and communication networks. A system for providing state and municipal services in electronic form has been created.

Citizens have the opportunity to send individual and collective appeals electronically to state bodies and local governments.

One of the directions for the sustainable functioning of the infrastructure of the Russian Federation, according to clause d art. 29 The strategy is to replace imported equipment, software and electronic component base of Russian analogues, ensure technological and production independence and information security. In Art. 35 of the Strategy states that the creation of Russian information and communication technologies is carried out for the purpose of obtaining new technological advantages by the state and citizens, using and processing information, accessing it, obtaining knowledge, forming new markets and ensuring leadership in them.

Provisions of Art. 39 of the Strategy determines that the goal of creating a new technological basis for the development of the economy and social sphere is to improve the quality of life of citizens based on the widespread use of domestic information and communication technologies aimed at increasing labor productivity, production efficiency, stimulating economic growth, attracting investment in the production of innovative technologies, increasing the competitiveness of the Russian Federation in world markets, ensuring its sustainable and balanced long-term development.

By Decree of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017 No. 1632-r, the “Digital Economy of the Russian Federation” program was approved [3]. In Section IV of this Program, the goal of the direction concerning information security was defined, it is to achieve a state of protection of the individual, society and state from internal and external information threats, which ensures the implementation of the constitutional rights and freedoms of man and citizen, worthy quality and standard of living of citizens, sovereignty and sustainable socio-economic development of the Russian Federation in the digital economy.

To manage the development of the digital economy, a “road map” was formed, which in the main areas includes a description of goals, key milestones and tasks, as well as deadlines for their achievement. The “road map” towards the development of the digital economy – information security by 2020 sets out a set of government measures to create a framework for the security infrastructure of the digital economy, including in the field of the latest technologies, and ensures the digital sovereignty of the Russian Federation.

Decree of the Government of the Russian Federation dated June 25, 2022 No. 1639-r approved the “Comprehensive program for the development of the aviation industry of the Russian Federation until 2030” [4]. Section VII defines a set of measures aimed at increasing the level of digital sovereignty. In particular, in order to increase the level of digital sovereignty in civil aviation of the Russian Federation, it is necessary to formulate a priority import substitution program for each category of digital services with the formation of industry groups of participants and concentrate efforts on solving the problems of the speedy implementation of domestic software products. At the same time, it is advisable to consider the implementation of those digital services that imply the creation of a state information segment, the use of uniform industry standards or a “single window” of digital services for the industry within the framework of the creation and development of a digital platform for the transport complex of the Russian Federation.

Resolution of the Government of the Russian Federation dated November 24, 2023 No. 3339-r approved the “Strategy for the development of the communications industry of the Russian Federation for the period until 2035” [5]. Section 6 on satellite communications and the Russian satellite communications market outlines approaches aimed at increasing digital sovereignty. In particular, multi-orbit and multi-service approaches will provide the needs of the country's economy with modern communication services, as well as ensure an increase in the digital sovereignty and competitiveness of the Russian Federation in the international market.

The above strategic documents in their content mention the digital sovereignty of the state and the necessary measures to improve it. However, at the level of the Russian legislative system, there is extensive legal uncertainty in the conceptual apparatus of state sovereignty, digital state sovereignty and other types. The lack of specific legal support for state sovereignty makes it impossible for other types of state sovereignty to have a starting point. This, in turn, contributes to the inconstancy of definitions, views, and scientific approaches and gives rise to the lack of development of a unified state concept of digital sovereignty.

Taken together, a situation arises of ahead of the breakthrough of “alien” digital technologies and the absence of a consolidated legal mechanism to ensure digital sovereignty. The existing imbalance in the law negatively affects the processes of legal understanding and enforcement in the field of digital sovereignty, which will accompany numerous internal conflicts and contradictions in practical terms. All this together predetermines the need for independent legal regulation of state sovereignty and its varieties. Let's turn to the existing scientific definitions of digital sovereignty.

One of the first to define the concept of “digital sovereignty” in 2012 was P. Belanger. He defined digital sovereignty as “control over the present day and our common destiny, which reveal themselves and are shaped through the use of technology and computer networks” [20, p. 154].

P. N. Astapenko formulated the definition of digital sovereignty as the ability of the state to carry out unilateral actions in the Internet space, the basis of which is its own competitive transnational Internet services and technologies, guided by national goals, interests and expediency, ignoring the needs and rights of others subjects, including the legal rights of other states [6, p. 324].

F. Brokeš connects digital sovereignty with the use of domestic IT equipment and priority support for domestic IT companies in the digital sphere; ensuring the security of the national Internet infrastructure and national Internet traffic; a national organization for the use of big data within the nation state [21].

M. N. Dudin, S. V. Shkodinsky, D. I. Usmanov consider it possible to propose the following definition: digital sovereignty should be understood as a criterion for the stability of the architecture of a socio-economic business model in the face of external and internal digital challenges and threats of various natures occurring -walking, as well as her ability to adapt and proactively protect her own interests in the digital sphere [12, p. 46].

According to N. G. Lopatova, digital sovereignty represents: the ability to independent self-determination in relation to access, use and design of technologies; control over telecommunications infrastructure; communication systems and the Internet; security in the information and media space; ensuring control over the collection and use of databases and data flows, which determines not only the country’s strength in terms of technological capabilities, but also its full sovereignty over its digital assets [18, p. 47].

Analysis of the above definitions of digital sovereignty indicates different approaches to its content; in our opinion, the difference in the concepts of this institution consists in the authors highlighting the technical component and indicating the state role in ensuring relations in this area. It seems to us that the development of a theoretical concept of digital sovereignty should be directly related to the concept of state sovereignty, due to the legal nature of its origin and development. Digital sovereignty is dependent on state sovereignty and reflects state interests in the development of its own digital technologies. Taking this feature into account, we will formulate our own theoretical definition of digital sovereignty and present its characteristics.

*Digital state sovereignty is an independent direction of state development, reflecting the functional characteristics of state power in the development of its own competitive digital technologies, ensuring their import substitution, creating an information security system for the digital space, as well as the development of the digital economy in the interests of implementing independent state policy.*

Signs of digital state sovereignty: strategic principles, consistency, constant modernization of digital technologies, state control of the digital space, ensuring the digital security of the state, development of the digital economy.

Thus, based on earlier scientific achievements in the field of state and digital sovereignty, we attempted to develop independent definitions of the designated institutions and their immediate characteristics. We believe that the solution to the problem of legal regulation of state sovereignty and its varieties should be associated with the direct development of a legislative act in this area.

## Bibliography

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated May 9, 2017 No. 203 approved the "Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030" // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
3. Decree of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017 No. 1632-r approved the program "Digital Economy of the Russian Federation" // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated June 25, 2022 No. 1639-r approved the "Comprehensive program for the development of the aviation industry of the Russian Federation until 2030" // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
5. Decree of the Government of the Russian Federation dated November 24, 2023 No. 3339-r approved "Strategy for the development of the communications industry of the Russian Federation for the period until 2035" // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
6. Astapenko P. N. Digital sovereignty: concept and relationship with the state // Current problems of society, economics and law in the context of global challenges / Collection of materials of the XIII International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, 2022. Pp. 321–324.
7. Bekirova F. S. State sovereignty in the context of globalization: concept, modern interpretation // North Caucasian Legal Bulletin. 2018. No. 4. Pp. 78–86.
8. Bredikhin A. L. Sovereignty as a political and legal phenomenon. Moscow: INFRA-M, 2020. 128 p.
9. Bredikhin A. L., Protsenko E. D. Principles and properties of state sovereignty // Academic legal journal. 2016. No. 3. P. 4–6.
10. Hobbes T. Works. T. 2. Moscow, 1991. 731 p.
11. Grachev N.I. State structure and sovereignty in the modern world: questions of theory and practice: abstract. dis. ... Doctor of Law. Sci. Moscow, 2009. 44 p.
12. Dudin M. N., Shkodinsky S. V., Usmanov D. I. Digital sovereignty of Russia: barriers and new trajectories of development // Problems of market economy. 2021. No. 2. P. 30–49.
13. Jellinek G. General doctrine of the state. St. Petersburg, 1908. 599 p.
14. History of political and legal doctrines: textbook. for universities / for general purposes ed. acad. RAS, Doctor of Law. sciences, prof. V.S. Nersesyants. Moscow: Norma, 2004. 933 p.
15. Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for universities / S. A. Komarov. – 10th ed., rev. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. 528 p.
16. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house "Urayt", 2023. 325 p. (Series: Professional commentary).
17. Krasinsky V.V. Protection of state sovereignty: monograph. Moscow: Norma, 2017. 790 p.
18. Lopatova N. G. Digital sovereignty in the national security system: theoretical and methodological aspects // Bulletin of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus: collection. scientific Art. / National acad. Sciences of Belarus, Institute of Economics. 2022. Issue. 5. Pp. 40–48.
19. Shershenevich G. F. General theory of law. Moscow, 1910. 805 p.
20. Bellanger P. De la souveraineté numérique / P. Bellanger // Le Débat. 2012. 3. P. 149–159.
21. Brokeš F. Russia's Sovereign Internet // Central European Financial Observer. 2018. September 24 // URL: <https://www.financialobserver.eu/cse-and-cis/russias-sovereign-internet/>

---

**For citation:** Vorobyov S.M., Komarov S.A. Digital sovereignty of the Russian Federation: theoretical and legal analysis: article // Theory of State and Law. 2024. No. 1 (35). P. 53–59.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_45

## Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI 10.47905/MATGIP\_2024\_1\_35\_60

Е.С. Гусев\*

## ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

***Аннотация.** В эпоху развития цифровых технологий и всеобъемлющей информатизации модернизируются все сферы жизнедеятельности общества, а также правовая культура, ввиду своей специфики, претерпевает значительную трансформацию. В статье затронуты особенности такого изменения, рассматриваются тенденции влияния цифровизации на правовую культуру общества, положительные и отрицательные аспекты данного процесса.*

***Ключевые слова:** правовая культура общества, сознание, динамика правовой психологии, цифровизация права, правосознание.*

Историческое многообразие понятия культуры впечатляет своим количеством. С течением времени оно претерпевало значительные изменения. Изначально указанный термин обозначал обработку почвы человеком, возделывание земли. Впоследствии дефиниция приобрела более глубокий, расширенный смысл и включила в себя процессы воспитания и обучения индивида. В этом значении его впервые использовал римский философ и оратор Марк Туллий Цицерон в произведении «Тускуланские рукописи» (45 г. до н.э.). Позднее, в 1684 году немецкий юрист и философ Самуэль фон Пуфендорф в работе «О праве естественном» при определении культуры пришел к выводу о том, что последняя является оппозицией «естественному состоянию», как все то, что произведено.

В конечном счете, сформировалось следующее понимание: «культура (от лат. cultura – возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание) – система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [19, с. 341].

Этимологический словарь русского языка определяет культуру как «совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей» [18, с. 192].

Как определяется понятие правовая культура? Возможно ли с достаточной степенью достоверности разобраться в указанном словосочетании, до того момента, как в данных целях исследовано понятие право?

Наиболее целесообразным предполагается начать со второго поставленного вопроса. В истории и теории имеется несколько подходов к трактовке сущности

---

\* **Гусев Евгений Сергеевич**, аспирант кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий. E-mail: evgenygu@mail.ru

Научный руководитель – **Азнагулова Гузель Мухаметовна**, главный научный сотрудник, руководитель отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент. E-mail: agm09@mail.ru

и определения права: легистский и юридический. Согласно первому, под правом понимается «продукт государства (его власти, воли, усмотрения, произвола): право-приказ (принудительное установление, правило, норма, акт) официальной (государственной) власти, и только такой властный приказ есть право». С юридической точки зрения право – «нечто объективное, не зависящее от воли, усмотрения или произвола законоустанавливающей (государственной) власти, т.е. определенное, отличное от других, социальное явление (особый социальный регулятор и т.д.) со своей объективной природой, своей сущностью и отличительными особенностями, словом со своим особым принципом» [20, с. 305–306].

Соглашусь с Азнагуловой Г.М., которая в соавторстве с Малаховым В.П. приходит к выводу о том, что «право – взаимоинтенциональные акты постижения смысловых образований, укорененных в конкретно-исторических ситуациях общения» [3, с. 37].

Сквозь призму результатов проведенного анализа терминов культура и право возможно прийти к более глубокому осознанию и пониманию понятия правовой культуры, фактически являющейся словосочетанием ранее исследованных слов. «Правовая культура общества – это и определенное состояние, и уровень правосознания, совершенства законодательства, всей системы юридических актов, эффективность деятельности юридических учреждений, качество юридической практики. Применительно к конкретной личности правовая культура понимается и как определенное позитивное состояние ее правосознания и соответствующее правомерное поведение. Правовая культура – необходимое условие сознательного осуществления гражданином своего долга перед обществом и государством» [22, с. 356, 364].

Проведенное нами исследование основных функций правовой культуры, которые обычно закономерно ложатся в основу определения рассматриваемой дефиниции, позволяет нам сформулировать вывод о том, что правовая культура – это определенное состояние правовой жизни общества, которое выражается в соответствующем уровне развития правотворчества, правовой реальности и доступности, правоприменительной деятельности, и являющееся системой, упорядочивающей верховенство закона и права, идеалы гуманизма и исторические памятники, а также навыки применения правовых норм в целях урегулирования общественных отношений через призму базовых правовых убеждений, ориентаций и взглядов, способствующих прогнозированию правовых причинно-следственных связей и пониманию права.

С.А. Комаров справедливо подчеркивает, что «правовую культуру можно рассматривать в широком и узком смысле слова. В широком смысле это совокупность компонентов юридической надстройки в их реальном функционировании, комплекс представлений той или иной общности людей о праве, его реализации, о деятельности государственных органов, должностных лиц. Правовая культура в узком смысле – это совокупность материализованных идей, чувств, представлений как осознанной необходимости и внутренней потребности поведения личности в сфере права, базирующаяся на правовом сознании» [10, с. 184].

Структурным элементом правовой культуры является правосознание. М.Н. Марченко отмечает, что «правосознание есть отражение правовой жизни общества, правовых отношений, сущности и роли правовых установлений в сознании общества, социальной группы, личности. Правосознание есть знание о праве, оценка действующего права и мысли, идеи о желаемых изменениях в праве, т. е. правосознание – не только результат отражения объекта, но и средство воздействия на объект, на всю

правовую систему государства. Правосознание представляет собой совокупность взглядов, идей, чувств, настроений, относящихся к праву» [12, с. 290].

В конце XX и начале XXI века всеобъемлющая цифровизация способствует непрерывному изменению и развитию всех сфер жизнедеятельности общества, происходит активное изменение сути общественных отношений. Примером могут послужить дистанционное обучение, электронный документооборот в органах государственной власти, проведение судебных заседаний посредством видео-конференц-связи и т.д. Не являются исключением и общественные отношения, регулируемые нормами права. Это приводит к необходимости совершенствования правового регулирования таких отношений, что может найти свое отражение в создании норм права, институтов и подотраслей права.

Такой фактор постиндустриальности, как цифровизация, оказывает влияние не только на развитие и изменение общественных отношений, регулируемых правом, но и на само право, государственные институты и государство в целом. Особенности современных цифровых технологий способствуют трансформации права, изменению форм ее реализации, а также ее источников.

Соглашусь с Азнагуловой Г.М., что «цифровизация – один из неизбежных, «неумолимых» процессов, затрагивающих сегодня все области общественной жизни и явно неспособных в случае чего подчиниться ограничениям» [3, с. 39].

Нередко эволюционные процессы, планомерно протекающие во всех сферах жизнедеятельности, являются обоюдоострыми и включают в себя не только позитивные, но и негативные аспекты. Цифровизация не является исключением. Юристу, достигшему определенного уровня профессионализма, для соответствия требованиям современного уровня цифровизации в обществе необходимо внедрять в свою деятельность цифровые технологии.

В Российской Федерации на данном этапе развития цифровых технологий часть государственных услуг не просто проще и быстрее получить дистанционно, но и в целом затруднительно сделать это иначе. Например, для получения лицензии на перевозку детей автобусом юридическому лицу необходимо направить соответствующее заявление, подача которого доступна только через Единый портал государственных и муниципальных услуг посредством заполнения интерактивной формы. С одной стороны, это значительно ускоряет процедуру для опытных пользователей персонального компьютера и сети Интернет, с другой стороны, вызывает непреодолимые трудности у части возрастного населения, которые, продолжая работать в условиях цифровизации, так и не смогли найти общий язык с электронной вычислительной машиной.

В этой связи происходят значительные изменения в сфере правосознания и правовой культуры. Это обусловлено тем, что восхождение и модернизация последней являются своеобразным результатом развития общества, одновременно в ней отражается специфика соответствующего этапа развития государственного правления, а также служит общей точкой отсчета запущенных эволюционных процессов [7, с. 16]. Эта категория определяет степень развития правовой системы, правосознания общества.

«Правосознание – это система идей и теорий, представлений, чувств и привычек, сложившаяся на основании информации, полученной человеком на базе знания права и отражения правовой действительности, а также ценностных ориентиров и правовых установок, призванных регулировать поведение человека в юридически



значимых ситуациях» [15, с. 77]. В.С. Нерсесянц отмечает, что «правосознание – форма осознания права как специфического явления социальной действительности» [14, с. 267–268].

Влияние цифровизации на сознание, правосознание, правовую культуру и общество, в целом, неумолимо. Это значительный скачок к доступности полезной информации, такой, как: научная литература, информация о праве, новости, обучающая информация и т.д. Общественно полезным является вспомогательный характер IT-технологий, их внедрение в образовательные учреждения, посредством использования которых возможен свободный доступ к использованию трудов ученых для изучения, участию в научных конференциях, что в свою очередь вносит значительное разнообразие в учебный процесс. Стоит отметить, что в период пандемии COVID-19, в условиях всеобщей самоизоляции, технологии дистанционного образовательного и рабочего процесса позволили осуществлять все ранее действующие процессы непрерывно.

Развитие электронных систем оказывает позитивное влияние на жизнь современного общества, оно позволяет передавать и получать большой поток информации через сеть Интернет, в организациях и государственных учреждениях данное явление способствует упорядочиванию многих процессов, росту производительности труда и экономии бюджета.

Такое явление как цифровизация положительно влияет на уровень образованности в обществе, позволяет совершенствовать мыслительную деятельность, в частности, улучшая правосознание граждан и, несомненно, способствует формированию правовых ориентиров и правовых установок.

Азнагулова Г.М. отмечает, что «цифровизация ведет к достижению более высокого уровня жизни людей, укрепляющему индивидуальные чувства принадлежности к определенному государству» [2, с. 23–24].

Следует отметить, что существует и негативный аспект развития цифровых технологий для правовой культуры современного общества, который обуславливается «информационным шумом», многообразием недостоверной информации, представленной в сети-Интернет. Последняя, в свою очередь, оказывает существенное влияние на правосознание. В этом случае искаженная информация сказывается негативно, «когда виртуальная информационная среда искажает правовые идеи, способствуя деформации тех или иных компонентов правосознания» [23, с. 312].

Зачастую, представленная информация ничем не подтверждена и является в своем роде «фейком» (от англ. fake – подделка). Особая роль в данном процессе отводится условию «анонимности» (от греч. ἀνωνυμία – безымянность), выражающемуся в возможности любого пользователя сети «создать» так называемую новость и распространить ее для всеобщего обозрения, сделав ее общедоступной. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ к общедоступной информации относит общеизвестные сведения и иную информацию, доступ к которой не ограничен [1].

Особую роль цифровое пространство играет в развитии правосознания несовершеннолетних, что обусловлено активным использованием последними виртуального пространства. Предполагается, что взрослый человек, в отличие от ребенка, обладает достаточным уровнем критического мышления, и его уровень психического развития позволяет тщательно анализировать полученную информацию на предмет достоверности. Мировоззрение детей, идентично уровню их правовой культуры, находится на стадии формирования и не позволяет им производить

фильтрацию созерцаемых деяний иных лиц либо получаемой информации на должном уровне. В связи с особенностями такой категории Интернет – пользователей (возраст, психологическое развитие, социальный опыт), возможны неблагоприятные последствия применения цифровых технологий, неверное толкование отдельных идей, становление ложных установок и ошибочное становление правосознания. Соответственно, формирование правовой культуры несовершеннолетних в цифровом пространстве не может быть бессистемным ввиду значимости оказываемого влияния.

Совершеннолетние граждане Российской Федерации, являясь вменяемыми и дееспособными с точки зрения уголовного и гражданского законодательства соответственно, в большинстве своем – 42,8% случаев из числа опрошенных, на вопрос исследователя «Как Вы относитесь к человеку, который открыто игнорирует требования действующего законодательства?» отвечают: «Я осуждаю такого человека» [8, с. 67].

Однако, среди несовершеннолетних, наоборот, наблюдается тенденция поощрения противоправных действий, которая нередко перерастает в открытое раздражение. В социальных сетях, в силу неограниченного доступа в Интернете к личным страницам некоторых видеоблогеров, на обозрение детей предстает образ некоторого нарушителя порядка, который пользуется популярностью у представителей противоположного пола. Подростки, желающие достичь идентичного результата, начинают намеренно снижать взращенный в них родителями посредством правового просвещения уровень правовой культуры и имитировать образ некоего «бунтаря-хулигана», основной задачей которого является претворение в жизнь таких деяний, которые провоцируют «хайп», т.е. вызывают бурные обсуждения в Интернете и всевозможный шум в социальных сетях среди комментаторов, что в свою очередь способствует возрастанию популярности.

В п. 1 ст. 10.2 предыдущей редакции Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» понятие блогер было определено следующим образом – «владелец сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет», на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей сети «Интернет», однако, в актуальной редакции вышеуказанного закона ст. 10.2 утратила силу [1].

Блогер – это активный пользователь Интернета, который создает и, впоследствии, публикует в сети Интернет информацию различного вида для неограниченного круга лиц.

Видеоблогер – это разновидность блогера, главный герой видеоряда, который зачастую выступает одновременно в качестве автора, режиссера и оператора. Примечательно, что блогеров зачастую называют лидерами общественных мнений. В Интернете часто становятся популярными лица, чьим основным направлением деятельности является проявление девиантного поведения в обществе, и, наоборот, редко набирают десятки миллионов подписчиков законопослушные авторы, пропагандирующие традиционные ценности, здоровый образ жизни и прилежное поведение, отвечающее всем принципам морали, этики и нравственности современного общества.

Не представляется истинно верным взваливать ответственность за популяризацию противоправного контента, т.е. всевозможного вида информации, создавае-

мую и распространяемую для удержания текущих подписчиков и привлечения новой аудитории, исключительно на блогеров с низким уровнем правовой культуры. Предполагается, что данную ситуацию целесообразно рассматривать сквозь призму экономических критериев спроса и предложения.

Таким образом, возникает прямая зависимость между спросом на соответствующий противоправный видеоконтент, наличие которой подтверждается десятками миллионов его просмотров пользователями сети Интернет в социальных сетях, таких как «ВКонтакте» или видеохостингах, например, «YouTube», и предложением – видеорядом, где авторы зачастую умышленно совершают административные правонарушения с целью набрать внушительное количество просмотров.

Свобода в цифровом пространстве породила возрастание числа преступлений, связанных с мошенничеством в Интернете. По статистике, которую привел Председатель Следственного Комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин, в последние годы фиксируется рост количества деяний, совершенных с использованием IT-технологий. Если в 2020 году следственными органами ведомства было расследовано 11,5 тыс. указанных преступлений, то в 2021 – уже свыше 12 тысяч, только за 10 месяцев 2022 года – 13 тысяч деяний [16].

Вопрос влияния цифровых технологий и Интернета на правовую культуру и правосознание вызывает особый интерес в юридической науке [4; 9; 11; 17; 21; 24]. Поскольку государство является основным субъектом управления обществом и формирует посредством законодательного регулирования правопорядок, определяя вектор развития правовой культуры, научное сообщество настаивает на изменении законодательного регулирования такого вопроса в целях защиты граждан «от информации, наносящей вред психическому здоровью, нравственности и духовному развитию, вызывающей деформации правосознания» [13, с. 100]. В условиях постиндустриальности создается большая возможность для распространения правовых ценностей и идей посредством средств массовой информации, социальных сетей и Интернета, таким образом, перенаправляя воздействие цифровизации на правовую культуру в «позитивное русло».

Резюмируя вышесказанное, отмечу, что проникновение цифровизации в сферы жизнедеятельности общества неизбежно [5; 6]. Правовая культура постиндустриального общества не может не зависеть от необходимости правового регулирования цифровой среды, о чем пишут современные исследователи. При изменении системы материально-духовных ценностей, важную роль играет правовая грамотность, являющаяся результатом правового просвещения. В связи с этим, правовые традиции требуют совершенствования. Модернизации требует и законодательство в части ужесточения ответственности лиц за создание, использование и распространение вредоносных программ и сайтов. Представляется возможным организация обучения цифровой грамотности населения, направленная на сокращение негативного опыта использования цифровых ресурсов, помощь в реализации прав посредством IT-технологий, приобщения граждан к позитивному пользованию Интернетом, а также в целях предотвращения правового нигилизма в цифровом пространстве.

### Библиографический список

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета, 2006, 29 июля.

2. *Азнагулова Г.М.* Техногенные процессы и тенденции трансформации государственно-правовой идентичности личности // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. – № 3. – С. 22–34.
3. *Азнагулова Г.М., Малахов В.П.* Проблема правопонимания в условиях цифровой реальности // Вестник Московского городского педагогического университета. – Серия «Юридические науки». – 2021. – № 2. – С. 37–44.
4. *Айбазова М.А., Аргуянова А.А.* Влияние информационных технологий на правосознание и правовую культуру // Информационные технологии и право. Сборник научных статей по материалам Всероссийской научной интернет-конференции студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых, посвященной 85-летию ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – 2016. – С. 6–12.
5. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 4. – С. 25–37.
6. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Риски в информационной цивилизации: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 3. – С. 20–36.
7. *Галиев Ф.Х.* Синкретизм современной правовой культуры: монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. – 354 с.
8. *Галиев Ф.Х., Ларцева С.А., Яппарова Р.Р.* Правовая культура и общественное мнение – Уфа: Изд-во «Дизайн», 2011. – 72 с.
9. *Галиев Ф.Х., Комаров С.А.* Правовое государство и правовая культура: взаимосвязь и взаимообусловленность: статья // Юридическая наука. – 2016. – № 6. – С. 5–10.
10. *Комаров С. А., Малько А. В.* Теория государства и права: Учебно-методическое пособие. Краткий учебник для вузов: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / С. А. Комаров, А. В. Малько. – М.: НОРМА: НОРМА – ИНФРА-М., 2001. – 440 с.; *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 528 с.
11. *Котрикова Т.Ю., Петров А.В.* Роль информационных технологий в формировании правовой культуры общества // Международный научно-исследовательский журнал. – 2013. – № 3-2 (10). – С. 38–41.
12. *Марченко М.Н.* Теория государства и права: учебник в 2 ч. / Под ред. Марченко М.Н. – М.: Издательство «Зерцало-М». – Ч. 2. – 2011. – 328 с.
13. *Надыгина Е. В.* Влияние информационных технологий на правосознание студентов-юристов // Юридическое образование, наука и практика: актуальные вопросы: сборник научных статей. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, – 2007. – С. 92–105.
14. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, – 1999. – 552 с.
15. *Певцова Е. А.* Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию // Журнал российского права. – 2004. – № 3. – С. 70–81.
16. Председатель СК России провел совещание по вопросам противодействия киберпреступности и применения цифровых технологий при расследовании преступлений // <https://sledcom.ru/press/events/item/1752199/?tab=video>
17. *Рычкова Д.Н.* Значение Интернета в формировании правосознания личности // Журнал «Трибуна ученого». – 2022. – № 06/2022. – С. 270–273.
18. *Семенов А.В.* Этимологический словарь русского языка. – М.: Юнвес, 2003. – 354 с.
19. *Степин В.С., Семигин Г.Ю.* Новая философская энциклопедия: в 4 т-т. – М.: Изд-во «Мысль». – Т. 2. – 2010. – 635 с.
20. *Степин В.С., Семигин Г.Ю.* Новая философская энциклопедия: в 4 т-т. – М.: Изд-во «Мысль». – Т. 3. – 2010. – 692 с.
21. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография /Под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. – 320 с. – ISBN 978-5-86247-154-0

22. Теория государства и права: Учебник для вузов / Под ред. Марченко М.Н. – М.: Зерцало, 2004. – 800 с.

23. *Шеяфетдинова Н.А.* Информационные технологии и правосознание // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития // Матер. IX Междунар. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2018. – С. 312–313.

24. Vorobyov S.M., Zotova N.V., Komarov S.A., Kurmaev R.M., Leshchenko O.V. Conciencia juridica y cultura juridica de los ciudadanos rusos: formulacion teorica y juridica del problema: article // Dilemas contemporaneos: educacion, politica y valores // <http://www.dilemascontemporaneoseducacionpoliticaayvalores.com/> Aco: VII Numero: Ediciyn Especial Artículo №: 108. Periodo: Noviembre, 2019. DOI: <https://doi.org/10.46377/dilemas.v30i1.1092>

---

**Для цитирования:** Гусев Е. С. Правовая культура в эпоху цифровизации: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 60–67.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_60

### LEGAL CULTURE IN THE ERA OF DIGITIZATION

Evgeniy S. Gusev\*

**Annotation.** *In the era of the development of digital technologies and comprehensive informatization, all spheres of society are being modernized, and legal culture, due to its specificity, is undergoing a significant transformation. The article touches on the features of this change, examines the trends in the influence of digitalization on the legal culture of society, the positive and negative aspects of this process.*

**Key words:** *legal culture of society, consciousness, dynamics of legal psychology, digitalization of law, legal consciousness.*

The historical diversity of the concept of culture is impressive in its quantity. Over time it has undergone significant changes. Initially, this term meant human tillage and cultivation of the land. Subsequently, the definition acquired a deeper, expanded meaning and included the processes of upbringing and training of the individual. It was first used in this meaning by the Roman philosopher and orator Marcus Tullius Cicero in his work “Tusculan Manuscripts” (45 BC). Later, in 1684, the German lawyer and philosopher Samuel von Pufendorf, in his work “On Natural Law,” when defining culture, came to the conclusion that the latter is in opposition to the “natural state,” like everything that is produced.

Ultimately, the following understanding was formed: “culture (from the Latin cultura – cultivation, upbringing, education, development and veneration) is a system of historically developing supra-biological programs of human life (activity, behavior and communication), ensuring the reproduction and change of social life in all its main manifestations” [19, p. 341].

The etymological dictionary of the Russian language defines culture as “the totality of industrial, social and spiritual achievements of people” [18, p. 192].

How is the concept of legal culture defined? Is it possible to understand the specified phrase with a sufficient degree of certainty before the concept of law is explored for these purposes?

---

\* **Gusev Evgeniy Sergeevich**, graduate student of the Department of Theory of State and Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology. E-mail: [evgenygu@mail.ru](mailto:evgenygu@mail.ru)

Scientific supervisor – **Guzel Mukhametovna Aznagulova**, chief researcher, head of the department of legal theory and interdisciplinary research of legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: [agm09@mail.ru](mailto:agm09@mail.ru)

It is most appropriate to start with the second question posed. In history and theory, there are several approaches to the interpretation of the essence and definition of law: legalistic and legal. According to the first, law is understood as “the product of the state (its power, will, discretion, arbitrariness): right is an order (forced establishment, rule, norm, act) of official (state) power, and only such an authoritative order is law.” From a legal point of view, law is “something objective, independent of the will, discretion or arbitrariness of the law-making (state) authority, i.e. a certain, different from others, social phenomenon (a special social regulator, etc.) with its objective nature, its essence and distinctive features, in a word, with its own special principle” [20, p. 305–306].

I agree with Aznagulova G.M., who co-authored with Malakhov V.P. comes to the conclusion that “law is mutually intentional acts of comprehending semantic formations rooted in specific historical situations of communication” [3, p. 37].

Through the prism of the results of the analysis of the terms culture and law, it is possible to come to a deeper awareness and understanding of the concept of legal culture, which is actually a combination of previously studied words. “The legal culture of a society is both a certain state and level of legal awareness, the perfection of legislation, the entire system of legal acts, the effectiveness of the activities of legal institutions, and the quality of legal practice. In relation to a specific individual, legal culture is understood as a certain positive state of his legal consciousness and corresponding lawful behavior. Legal culture is a necessary condition for a citizen to consciously fulfill his duty to society and the state” [22, p. 356, 364].

Our study of the main functions of legal culture, which usually naturally form the basis for determining the definition in question, allows us to formulate the conclusion that legal culture is a certain state of the legal life of society, which is expressed in the appropriate level of development of lawmaking, legal reality and accessibility, law enforcement activities, and is a system that organizes the rule of law and justice, the ideals of humanism and historical monuments, as well as the skills of applying legal norms in order to regulate social relations through the prism of basic legal beliefs, orientations and views that contribute to the prediction of legal cause-and-effect relationships and understanding of law.

S.A. Komarov rightly emphasizes that “legal culture can be considered in the broad and narrow sense of the word. In a broad sense, this is a set of components of the legal superstructure in their actual functioning, a complex of ideas of one or another community of people about the law, its implementation, and the activities of government bodies and officials. Legal culture in the narrow sense is a set of materialized ideas, feelings, perceptions as a conscious necessity and internal need for individual behavior in the field of law, based on legal consciousness” [10, p. 184].

A structural element of legal culture is legal awareness. M.N. Marchenko notes that “legal awareness is a reflection of the legal life of society, legal relations, the essence and role of legal institutions in the consciousness of society, a social group, and an individual. Legal awareness is knowledge about the law, an assessment of the current law and thoughts, ideas about desired changes in the law, i.e. legal awareness is not only the result of reflecting an object, but also a means of influencing the object, the entire legal system of the state. Legal consciousness is a set of views, ideas, feelings, sentiments related to law” [12, p. 290].

At the end of the 20th and beginning of the 21st centuries, comprehensive digitalization contributes to the continuous change and development of all spheres of society, and the essence of social relations is actively changing. An example would be distance learning, electronic document management in government bodies, holding court hearings via video

## Theory of State and Law

---

conferencing, etc. Social relations regulated by legal norms are no exception. This leads to the need to improve the legal regulation of such relations, which may be reflected in the creation of legal norms, institutions and sub-branches of law.

Such a post-industrial factor as digitalization influences not only the development and change of social relations regulated by law, but also the law itself, state institutions and the state as a whole. The features of modern digital technologies contribute to the transformation of law, changing the forms of its implementation, as well as its sources.

I agree with Aznagulova G.M. that “digitalization is one of the inevitable, “inexorable” processes that today affect all areas of public life and are clearly unable to submit to restrictions if something happens” [3, p. 39].

Often, evolutionary processes that systematically occur in all spheres of life are double-edged and include not only positive, but also negative aspects. Digitalization is no exception. To meet the requirements of the modern level of digitalization in society, a lawyer who has reached a certain level of professionalism needs to introduce digital technologies into his activities.

In the Russian Federation, at this stage of development of digital technologies, some public services are not only easier and faster to obtain remotely, but in general it is difficult to do it otherwise. For example, to obtain a license to transport children by bus, a legal entity must submit a corresponding application, the submission of which is available only through the Unified Portal of State and Municipal Services by filling out an interactive form. On the one hand, this significantly speeds up the procedure for experienced users of a personal computer and the Internet, on the other hand, it causes insurmountable difficulties for part of the older population who, while continuing to work in the conditions of digitalization, have not been able to find a common language with an electronic computer.

In this regard, significant changes are taking place in the sphere of legal consciousness and legal culture. This is due to the fact that the ascent and modernization of the latter are a unique result of the development of society, at the same time it reflects the specifics of the corresponding stage of development of government, and also serves as a common starting point for the launched evolutionary processes [7, p. 16]. This category determines the degree of development of the legal system and the legal consciousness of society.

“Legal awareness is a system of ideas and theories, perceptions, feelings and habits, formed on the basis of information obtained by a person on the basis of knowledge of the law and reflection of legal reality, as well as value guidelines and legal attitudes designed to regulate human behavior in legally significant situations” [15, p. 77]. V.S. Nersesyants notes that “legal awareness is a form of awareness of law as a specific phenomenon of social reality” [14, p. 267–268].

The influence of digitalization on consciousness, legal awareness, legal culture and society as a whole is inexorable. This is a significant leap in the availability of useful information, such as scientific literature, legal information, news, educational information, etc. Socially useful is the auxiliary nature of IT technologies, their implementation in educational institutions, through the use of which free access to the use of the works of scientists for study, participation in scientific conferences is possible, which in turn brings significant diversity to the educational process. It is worth noting that during the COVID-19 pandemic, in conditions of general self-isolation, distance learning and workflow technologies made it possible to carry out all previously existing processes continuously.

The development of electronic systems has a positive impact on the life of modern society, it allows you to transmit and receive a large flow of information via the Internet; in

organizations and government agencies, this phenomenon helps to streamline many processes, increase labor productivity and save budgets.

Such a phenomenon as digitalization has a positive effect on the level of education in society, makes it possible to improve mental activity, in particular, improving the legal awareness of citizens and, undoubtedly, contributes to the formation of legal guidelines and legal guidelines.

Aznagulova G.M. notes that “digitalization leads to achieving a higher standard of living for people, strengthening individual feelings of belonging to a particular state” [2, p. 23–24].

It should be noted that there is also a negative aspect of the development of digital technologies for the legal culture of modern society, which is caused by “information noise”, the variety of unreliable information presented on the Internet. The latter, in turn, has a significant impact on legal consciousness. In this case, distorted information has a negative impact “when the virtual information environment distorts legal ideas, contributing to the deformation of certain components of legal consciousness” [23, p. 312].

Often, the information presented is not confirmed by anything and is in its own way a “fake” (from the English “fake” – fake). A special role in this process is given to the condition of “anonymity” (from the Greek ἀνωνυμία – namelessness), expressed in the ability of any network user to “create” so-called news and distribute it for public viewing, making it publicly available. Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 classifies publicly known information and other information, access to which is not limited, as publicly available information [1].

The digital space plays a special role in the development of the legal consciousness of minors, which is due to the latter’s active use of virtual space. It is assumed that an adult, unlike a child, has a sufficient level of critical thinking, and his level of mental development allows him to carefully analyze the information received for reliability. The worldview of children, identical to the level of their legal culture, is at the stage of formation and does not allow them to filter the contemplated actions of other persons or the information received at the proper level. Due to the characteristics of this category of Internet users (age, psychological development, social experience), there may be adverse consequences of the use of digital technologies, misinterpretation of individual ideas, the formation of false attitudes and the erroneous formation of legal consciousness. Accordingly, the formation of the legal culture of minors in the digital space cannot be unsystematic due to the significance of the influence exerted.

Adult citizens of the Russian Federation, being sane and capable from the point of view of criminal and civil legislation, respectively, in the majority of cases – 42.8% of those surveyed, when asked by the researcher “How do you feel about a person who openly ignores the requirements of the current legislation?” They answer: “I condemn such a person” [8, p. 67].

However, among minors, on the contrary, there is a tendency to encourage illegal actions, which often develops into open imitation. On social networks, due to unlimited access on the Internet to the personal pages of some video bloggers, children are presented with the image of a certain troublemaker who is popular with members of the opposite sex. Teenagers who want to achieve an identical result begin to deliberately reduce the level of legal culture cultivated in them by their parents through legal education and imitate the image of a certain “rebel-hooligan”, whose main task is to implement such acts that provoke “hype”, i.e. cause heated discussions on the Internet and all sorts of noise on social networks among commentators, which in turn contributes to an increase in popularity.



In paragraph 1 of Art. 10.2 of the previous edition of the Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ “On Information, Information Technologies and Information Protection,” the concept of blogger was defined as follows: “the owner of a website and (or) website page on the Internet on which publicly accessible information is posted.” information and access to which during the day is more than three thousand Internet users, however, in the current version of the above law, Art. 10.2 is no longer valid [1].

A blogger is an active Internet user who creates and subsequently publishes various types of information on the Internet for an unlimited number of people.

A video blogger is a type of blogger, the main character of a video series, who often acts simultaneously as an author, director and cameraman. It is noteworthy that bloggers are often called opinion leaders. On the Internet, individuals whose main activity is the manifestation of deviant behavior in society often become popular, and, conversely, law-abiding authors who promote traditional values, a healthy lifestyle and diligent behavior that meets all the principles of morality, ethics and ethics of modern times rarely gain tens of millions of subscribers. society.

It does not seem truly correct to shoulder responsibility for the popularization of illegal content, i.e. all kinds of information created and distributed to retain current subscribers and attract new audiences, exclusively to bloggers with a low level of legal culture. It is assumed that it is advisable to consider this situation through the prism of economic criteria of supply and demand.

Thus, there is a direct relationship between the demand for the corresponding illegal video content, the presence of which is confirmed by tens of millions of its views by Internet users on social networks such as VKontakte or video hosting sites, for example, YouTube, and the supply – video sequences, where the authors often deliberately commit administrative offenses in order to gain an impressive number of views.

Freedom in the digital space has given rise to an increase in crimes related to online fraud. According to statistics cited by the Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation A.I. Bastrykin, in recent years there has been an increase in the number of acts committed using IT technologies. If in 2020 the investigative bodies of the department investigated 11.5 thousand of these crimes, then in 2021 – already over 12 thousand, only in 10 months of 2022 – 13 thousand acts [16].

The issue of the influence of digital technologies and the Internet on legal culture and legal consciousness is of particular interest in legal science [4; 9; eleven; 17; 21; 24]. Since the state is the main subject of managing society and forms the rule of law through legislative regulation, determining the vector of development of legal culture, the scientific community insists on changing the legislative regulation of this issue in order to protect citizens “from information that is harmful to mental health, morality and spiritual development, causing deformations of legal consciousness” [13, p. 100]. In post-industrial conditions, a great opportunity is created for the dissemination of legal values and ideas through the media, social networks and the Internet, thus redirecting the impact of digitalization on legal culture in a “positive direction”.

Summarizing the above, I note that the penetration of digitalization into the spheres of life of society is inevitable [5; 6]. The legal culture of a post-industrial society cannot but depend on the need for legal regulation of the digital environment, as modern researchers write about. When changing the system of material and spiritual values, legal literacy, which is the result of legal education, plays an important role. In this regard, legal traditions require improvement. Legislation also requires modernization in terms of tightening

the responsibility of individuals for the creation, use and distribution of malicious programs and websites. It seems possible to organize training in digital literacy for the population, aimed at reducing negative experiences in the use of digital resources, assisting in the implementation of rights through IT technologies, introducing citizens to the positive use of the Internet, as well as in order to prevent legal nihilism in the digital space.

### Bibliography

1. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On information, information technologies and information protection" // Russian newspaper, 2006, July 29.
2. Aznagulova G.M. Technogenic processes and trends in the transformation of state-legal identity of the individual // Journal of Russian Law. 2022. T. 26. No. 3. P. 22–34.
3. Aznagulova G.M., Malakhov V.P. The problem of legal understanding in the conditions of digital reality // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. – Series "Legal Sciences". 2021. No. 2. pp. 37–44.
4. Aibazova M.A., Arguyanov A.A. The influence of information technologies on legal consciousness and legal culture // Information technologies and law. A collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian scientific Internet conference of students, undergraduates, graduate students, young scientists, dedicated to the 85th anniversary of the Saratov State Law Academy. Saratov, 2016. pp. 6–12.
5. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Informatization and state-organized society in the formational dimension: article // Theory of State and Law. 2019. No. 4. P. 25–37.
6. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Risks in information civilization: theoretical and legal understanding: article // Theory of State and Law. 2019. No. 3. P. 20–36.
7. Galiev F.Kh. Syncretism of modern legal culture: monograph. Ufa: RIC BashGU, 2011. 354 p.
8. Galiev F.Kh., Lartseva S.A., Yapparova R.R. Legal culture and public opinion. Ufa: Publishing House "Design", 2011. 2 p.
9. Galiev F.Kh., Komarov S.A. Rule of law and legal culture: interrelation and interdependence: article // Legal science. 2016. No. 6. P. 5–10.
10. Komarov S. A., Malko A. V. Theory of state and law: Educational manual. A short textbook for universities: Proc. for university students studying in the specialty "Jurisprudence" / S. A. Komarov, A. V. Malko. Moscow: NORMA – INFRA-M., 2001. 440 p.; Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for universities / S. A. Komarov. – 10th ed., rev. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. 528 p.
11. Kotrikova T.Yu., Petrov A.V. The role of information technologies in the formation of the legal culture of society // International scientific research journal. 2013. No. 3-2 (10). pp. 38–41.
12. Marchenko M.N. Theory of state and law: textbook in 2 parts. / Ed. Marchenko M.N. Moscow: Publishing house "Zertsalo-M". Part 2. 2011. 328 p.
13. Nadygina E. V. The influence of information technologies on the legal consciousness of law students // Legal education, science and practice: current issues: collection of scientific articles. N. Novgorod: UNN Publishing House, 2007. P. 92–105.
14. Nersesyants V.S. General theory of law and state. Moscow: Publishing group NORMA-INFRA-M, 1999. 552 p.
15. Pevtsova E. A. Modern definitional approaches to legal culture and legal consciousness // Journal of Russian Law. 2004. No. 3. P. 70–81.
16. The Chairman of the Investigative Committee of Russia held a meeting on the issues of combating cybercrime and the use of digital technologies in the investigation of crimes // <https://sledcom.ru/press/events/item/1752199/?tab=video>
17. Rychkova D.N. The importance of the Internet in the formation of an individual's legal consciousness // Journal "Tribune of the Scientist". 2022. No. 06/2022. pp. 270–273.

18. Semenov A.V. Etymological dictionary of the Russian language. Moscow: Yunves, 2003. 354 p.
19. Stepin V.S., Semigin G.Yu. New philosophical encyclopedia: in 4 volumes. Moscow: Mysl Publishing House. T. 2. 2010. 635 p.
20. Stepin V.S., Semigin G.Yu. New philosophical encyclopedia: in 4 volumes. Moscow: Mysl Publishing House. T. 3. 2010. 692 p.
21. Theoretical and legal paradigm of the existence of cybernetic (information) civilization: monograph / Ed. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house MATGiP, 2022. 320 p. ISBN 978-5-86247-154-0
22. Theory of State and Law: Textbook for Universities / Ed. Marchenko M.N. Moscow: Mirror, 2004. 800 p.
23. Sheyafetdinova N.A. Information technologies and legal consciousness // Science, education, society: trends and development prospects // Mater. IX International scientific-practical conf. Cheboksary, 2018. pp. 312–313.
24. Vorobyov S.M., Zotova N.V., Komarov S.A., Kurmaev R.M., Leshchenko O.V. Conciencia juridica y cultura juridica de los ciudadanos rusos: formulacion teorica y juridica del problema: article // Dilemas contemporaneos: education, politica y valores // <http://www.dilemascontemporaneoseducacionpoliticaayvalores.com/> Aco: VII Numero: Edición Especial Artículo No.: 108. Periodo: Noviembre, 2019. DOI: <https://doi.org/10.46377/dilemas.v30i1.1092>

---

**For citation:** Gusev E. S. Legal culture in the era of digitalization: article // Theory of State and Law. 2024. No. 1 (35). P. 67–73.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_60

## Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_74

**М.Ю. Гутман\***

**О.Э. Старовойтова\*\***

**Н.И. Уткин\*\*\***

## ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** Правовые последствия общественных отношений в условиях терроризма должны быть поняты при правильном рассмотрении диалектики этих отношений в рамках права. Именно экономические и политические условия жизни общества являются основой для норм права, диктующих порядок борьбы с терроризмом. Роль права в этом контексте должна быть полностью осмыслена.*

*Существует неоспоримая, осязаемая потребность в законодательно закреплённом контроле над общественными отношениями. Это выходит далеко за рамки расплывчатых желаний воплотить идеалы или поддержать ценности, на которые часто ссылаются авторы. Для обеспечения благополучия человечества правовое регулирование совершенно необходимо.*

***Ключевые слова:** правовой режим контртеррористической операции, терроризм, национальная безопасность, правовое регулирование.*

Потребность в правовом регулировании, в том числе общественных отношений в период проведения контртеррористической операции [15, с. 21–32], имеющая целевой характер, заключается в потребности человека активно и целенаправленно изменять окружающую его среду. Социально организованная жизнь предполагает объединение этого способа производства, гарантируя его относительную свободу от какого-либо рода случайностей. Это достигается путем введения норм, обеспечивающих регулярность и упорядоченность социальных отношений [18; 22; 26].

На протяжении всей истории человечества возникновение нормативного регулирования было связано с постепенным накоплением достаточного количества неформальных (каждый из которых трактуется по-своему) правил для сходных особых случаев [10, с. 56–58]. Общественное, а затем и государственное регулирование общественных отношений с конкретными решениями для каждого случая долгое время имело существенные недостатки и препятствовало целенаправленной дея-

---

\* **Гутман Матвей Юрьевич**, почётный председатель Региональной общественной организации ветеранов Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, полковник милиции. E-mail: mygutman@gmail.com

\*\* **Старовойтова Ольга Эдуардовна**, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, член-корреспондент РАЕН. E-mail: olgst4r@yandex.ru

\*\*\* **Уткин Николай Иванович**, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: utkinnick@mail.ru

тельности. По мере развития общества эти случайные решения становятся основой общих правил. На этот аспект регулярно обращали внимание отечественные ученые. Даже после введения общих норм эти случайные решения остаются важными.

Нормы права не обязательно приводят к негативному поведению человека. Напротив, они создают основу для разумных действий, а свобода – это не результат независимости от внешних факторов, а осознание их необходимости и соответствующие действия. Эффективность сознательных и волевых действий людей определяется их пониманием материальных потребностей данной формации и той степенью свободы, которую допускают законы этой формации [39, с. 85].

Право имеет возможность оказывать существенное влияние на решения людей среди потенциального выбора, их поступков и деятельности. В реальности пределы правового регулирования над общественными делами определяются материально [11, с. 49]. Так, если нормативное предписание обуславливает необходимость поведения, которое мыслимо, то правовая норма имеет (может иметь) регулятивный результат. Если же норма права требует поведения, которое фактически немислимо, то она остается исключительно церемониальной, бездействующей, т.е. не выполняет роль регулятора общественных отношений.

Правовое воздействие ограничено не только объективными, но и субъективными возможностями разумного поведения человека. Правовой контроль невозможен в отношении тех, кто в силу возраста или психического состояния не отдает себе отчета в своих действиях [12, с. 196]. Кроме того, существуют отношения, которые не могут быть урегулированы правом, например, бережное отношение людей к природе, дружба, товарищество, любовь. Существуют также общественные отношения, которые государство считает нецелесообразным регулировать с помощью права, например, ряд неимущественных отношений в повседневной жизни [34, с. 336].

Правовому контролю могут быть подвергнуты только те общественные отношения, которые объективно возможны и политически необходимы обществу. Регулирование таких отношений предполагает определение конкретных правил и обеспечение их соблюдения. Таким образом, общественная жизнь становится более единой и определенной, на нее оказывается воздействие [32, с. 30–36].

Правовое регулирование – это такой вид государственного воздействия, когда правовые нормы влияют на общественные дела. Н.Г. Александров высказал мнение, что в действительности такое регулирование – это подчинение желаний индивидов желаниям власть имущих, которые затем облакаются в форму закона [9, с. 125]. Таким образом, правовое регулирование – это способ «возведения воли власть имущих в ранг закона».

По словам С.Н. Братуся, ключевой обязанностью правового регулирования является установление границ поведения людей с помощью соответствующих правовых норм [13, с. 275]. Эта задача решается путем издания законов и, при необходимости, их применения государственными органами, а также обеспечения соблюдения правовых норм. По мнению Б.В. Шейндлина, под правовым регулированием следует понимать «все виды правового контроля государства за поведением и деятельностью людей – путем издания правовых норм, их применения государственными органами и обеспечения их соблюдения в тех или иных правовых вопросах» [38, с. 85].

Отличительной особенностью государственных правил в общественных отношениях является то, что они устанавливают права и обязанности участников взаимодействия [23, с. 97]. Это придает социальному взаимодействию надежность и устой-

чивость, поскольку оговоренные права и обязанности обеспечиваются государством. Никакие другие системы социальных норм не определяют действия (вид), разрешенные и принятые государством. Никакой другой вид контроля не привязан к формированию правовых связей. Вместе с тем это не исключает взаимодействия права с другими социальными регуляторами при обеспечении правопорядка в обществе. Такая ситуация получила в теории права интерпретацию как синкретизм правовой культуры [8; 16; 17; 40].

Правовое регулирование общественных отношений осуществляется в основном путем предоставления прав участникам этого процесса и установления их юридических обязанностей. Под ним обычно понимают различные виды правового воздействия государства на деятельность участников общественных отношений для достижения целей общества [24, с. 95].

Значение правовых норм в общественной жизни трудно переоценить. Законы демократической страны являются бесценным источником моральных и политических ориентиров для большинства граждан. Законы являются мощным инструментом воспитания и просвещения общества, а также побуждения его к решению наиболее важных задач государства. Они предполагают обеспечение должной правовой культуры общества и личности [27, с. 503–530; 28; 29], что в значительной мере достигается благодаря целенаправленной деятельности по формированию в сфере суверенной российской государственно-правовой идеологии [14; 18, с. 288–327; 19; 20; 21; 25; 26, с. 287–288, 296–304; 30; 31; 37, с. 19–22].

Этический контроль правовой системы в нашем государстве постоянно усиливается, растет его воспитательная часть. Следовательно, несмотря на то что особый социальный долг права выражается в правовом управлении общественными делами, выделять весь массив влияния права на общественную жизнь исключительно под правовое регулирование было бы неправильно.

Как бы то ни было, неоспоримым является тот факт, что реализация законов имеет существенное значение, связанное с формированием прав и обязанностей участников общественных отношений. Правда, принято считать, что правотворчество осуществляется только через правоотношения. Тем не менее, не следует полагать, что правотворчество осуществляется исключительно через правоотношения.

Замена предмета его эквивалентом необходима для создания новой формы выражения. Для успешного перефразирования необходимо взять исходную идею и переформулировать ее по-другому, сохранив при этом ее первоначальный смысл.

Понятие правового регулирования сводится к воздействию правовых норм на общественные дела только тогда, когда речь идет о правоотношениях. Однако влияние права на поведение людей может выходить за рамки правовых объединений. Термин «регулирование» полностью отражает характер воздействия правовых норм на общественные взаимодействия. На применимость термина «регулирование» к воздействию права однозначно указывают многие авторы.

Законодательный контроль не только определяет ход общественных дел, но и ограждает существующее положение вещей, создавая необходимые предпосылки для появления новых дел, соответствующих существующему способу производства, и налагая запреты на те, которые противоречат экономической и политической демократии [3].

Отечественные юристы придерживались точки зрения, что термин «регулирование» применительно к закону является несколько идеалистическим и должен быть

заменен выражением «положение». Такая трактовка вопроса основана на явном заблуждении. Закон устанавливает соответствующее устройство общественных отношений, но это положение является продуктом его воздействия на общественные отношения, а значит, не само по себе правовое регулирование, а цель этого регулирования.

Опровергая идеалистическое преувеличение степени влияния права на общественную жизнь, можно сказать, что ошибаются те, кто считает, что правовое регулирование является основной частью гражданского общества. Именно поэтому ни один российский юрист не считает, что термин «регулировать» в контексте технологий применим к понятию правового регулирования.

Правовое регулирование поведения людей, вытекающее из их действий на территории государства, проникает в ядро архитектуры сообщества, способно не только поддерживать существующие связи, но и формировать условия для создания и развития новых общественных объединений, в том числе в условиях контртеррористической операции [33, с. 109–117], когда для этого есть веские основания.

Правовое регулирование в области контртеррористических операций в Российской Федерации является важным элементом борьбы с терроризмом [36, с. 185]. Этот правовой режим создан для того, чтобы контртеррористические операции в России проводились на законных основаниях и в соответствии с российским законодательством. Наличие такой правовой базы важно для защиты граждан от возможных террористических актов и поддержания порядка на территории страны.

Проведение контртеррористических операций в Российской Федерации регулируется различными федеральными и региональными законами, а также законами, регулирующими контртеррористическую деятельность за рубежом. В 2006 году был принят Федеральный закон «О противодействии терроризму», в который с тех пор неоднократно вносились изменения и дополнения, определяющие порядок проведения контртеррористических операций как внутри страны, так и за рубежом. Этот закон регулирует порядок как упреждающих действий против потенциальных террористических угроз, так и специальных мер, которые могут быть приняты в чрезвычайных ситуациях [35, с. 145].

Федеральный закон «О противодействии терроризму» определяет правовые основы развертывания вооруженных сил в ходе контртеррористической операции, освещает вопросы сбора оперативной информации и определяет порядок действий сотрудников силовых структур, участвующих в таких операциях [2]. Закон также устанавливает определенные требования к защите информации, полученной от лиц, подозреваемых в терроризме или связанной с ним деятельности, а также бюджетные вопросы, связанные с выделением средств на контртеррористические мероприятия. Кроме того, устанавливаются правила освещения контртеррористической деятельности в государственных СМИ без ущерба для охраняемых законом интересов или лиц, участвующих в этой деятельности.

Для того чтобы дать более четкие указания по некоторым сложным вопросам антитеррористического законодательства, были приняты дополнительные федеральные законы, посвященные, в первую очередь, оперативным стратегиям действий при различных сценариях угроз и призванные дать более подробные инструкции о том, как правоохранительные органы должны вести свою работу, соблюдая при этом стандарты прав человека в любой момент времени в ходе той или иной операции.

Региональные правительства также играют важную роль в создании правовой среды, исключая террористические акты на их территории: они могут при-

нимать законы, предусматривающие более суровые наказания или более жесткий контроль за лицами, считающимися особо опасными или имеющими террористическое прошлое; они могут вводить меры, направленные на предотвращение вступления людей в экстремистские организации, связанные с терроризмом, путем прекращения финансовой поддержки, предотвращения доступа к материалам, связанным с экстремизмом, в Интернете и т.д.

В целом, совокупность этих законодательных мер позволяет создать эффективную систему, которая вносит существенный вклад в сдерживание терроризма в разумных пределах и помогает России оставаться одной из немногих стран, в основном свободных от повседневной угрозы, исходящей от экстремистских организаций во всем мире.

### Библиографический список

1. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (в ред. от 3 июля 2016 г. № 6-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2277; 2016. – № 27. – Ч. 1. – Ст. 4153.
2. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в ред. Федерального закона от 26 мая 2021 г. № 155-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
3. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенция, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XII. – М.: Литиздат Н.К.И.Д., 1956. – С. 14–47.
4. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета, 1998, 10 дек.
5. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. // URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/torture.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml)
6. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 20. – Ст. 2143.
7. Соглашение о правоохранительных органах в Объединенных Вооруженных Силах и Вооруженных Силах государств – участников Содружества Независимых Государств от 15 мая 1992 г. // URL: <http://iacis.ru>
8. *Абезгильдин Р.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К.* Сетевые структуры, организованная преступность, синкретизм современной правовой культуры и государственный суверенитет // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 182–195.
9. *Александров Н.Г.* Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. – М.: Госюриздат, 1961. – 413 с.
10. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М.: Юридическая литература, 1966. – 187 с.
11. *Алексеев С.С.* Общие теоретические проблемы системы советского права. – М.: Госюриздат, 1961. – 187 с.
12. *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков): Монография. – Саратов: СГАП, 2001. – 416 с.
13. *Братусь С.Н.* Юридические лица в советском гражданском праве: (Понятие, виды, гос. юрид. лица). – М.: Юрид. изд-во, 1947. – 364 с.
14. *Брылева Е.А., Захарцев С.И., Сальников В.П.* Благотворительность как свойство российской суверенной государственно-правовой идеологии // Теория государства и права. – 2021. – № 4(25). – С. 23–32. DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.002
15. *Волкогон Т.А., Тулаев А.Н., Шеншин В.М.* К вопросу о правовых режимах «военное положение» и «контртеррористическая операция» и реализации войсками национальной



гвардии Российской Федерации своих полномочий в указанных режимах // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 9(314). – С. 21–32. – EDN ОТКМХR.

16. *Галиев Ф.Х.* Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – Том 19. – № 1. – С. 336–341.

17. *Галиев Ф.Х.* Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.

18. Добро, доверие, справедливость в философско-правовой мысли: античность и современность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2022. – 463 с.

19. *Жук А.С., Сальников В.П.* Ценностный консенсус общества как основание суверенной правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 2. – С. 163–170.

20. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183–194.

21. *Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В.* Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188–193.

22. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. С.И. Захарцева. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.

23. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве: Монография. – 2 изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2003. – 248 с.

24. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «Юриспруденция». – 2-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Юристъ, 2007. – 540 с.

25. *Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю.* Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107–114.

26. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022. – 490 с.

27. *Сальников В.П.* Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 720 с.

28. *Сальников В.П., Сальников М.В.* Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70–86.

29. *Сальников В.П., Стремоухов А.В.* Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 4 (8). – С. 19–22.

30. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И.* Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149–162.

31. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И.* Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170–178.

32. *Стальгевич А.К.* Марксистская теория права: Система и принципы курса: тезисы – М.: «Интернациональная» 39-я тип. «Мосполиграф», 1930. – 44 с.

33. *Строков С.А., Шеншин В.М.* Особенности правового режима контртеррористической операции // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2018. – № 1(246). – С. 109–117. – EDN YMNUXM.

34. Теория государства и права: Курс лекций / М. И. Байтин, В. В. Борисов, Ф. А. Григорьев [и др.]; под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Юристъ, 2000. – 771 с.
35. Устинов В.В. Обвиняется терроризм. – М.: ОЛМА-Пресс, 2002. – 412 с.
36. Устинов В.В. Россия: 10 лет борьбы с международным терроризмом. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 537 с.
37. Философско-правовое познание: актуальные проблемы. Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022. – 417 с.
38. Шейндлин Б.В. Сущность советского права / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Л.: Ленинградский ун-т, 1959. – 140 с.
39. Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. – М.: Госюриздат, 1961. – 172 с.
40. Galiev F.Kh., Komarov S.A. Evolution and General characteristics of contemporary legal culture: article // Australian and New Zealand Journal of Fundamental and Applied Studies, "Sydney University Press". Volume III. 2015. № 1(15). P. 521–537.

---

**Для цитирования:** Гутман М.Ю., Старовойтова О.Э., Уткин Н.И. Правовое регулирование противодействия терроризму в Российской Федерации: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 74–80.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_74

### LEGAL REGULATION OF COUNTERING TERRORISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Matvey Yu. Gutman \*  
Olga Ed. Starovoitova \*\*  
Nikolay I. Utkin \*\*\*

**Annotation.** *The legal consequences of social relations in the context of terrorism must be understood by correctly considering the dialectics of these relations within the framework of law. It is the economic and political conditions of society that are the basis for the rules of law that dictate the order of the fight against terrorism. The role of law in this context must be fully understood.*

*There is an undeniable, tangible need for legislative control over social relations. This goes far beyond the vague desires to embody ideals or uphold values that authors often refer to. To ensure the well-being of humanity, legal regulation is absolutely necessary.*

**Key words:** *legal regime of counter-terrorism operation, terrorism, national security, legal regulation.*

---

\* **Gutman Matvey Yurievich**, Honorary Chairman of the Regional Public Organization of Veterans of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Police Colonel. E-mail: mygutman@gmail.com

\*\* **Starovoytova Olga Eduardovna**, Professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences. E-mail: olgst4r@yandex.ru

\*\*\* **Utkin Nikolay Ivanovich**, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation. E-mail: utkinnick@mail.ru

## Theory of State and Law

---

The need for legal regulation, including public relations during the period of the counter-terrorism operation [15, p. 21–32], which has a target nature, lies in the need of a person to actively and purposefully change his environment. Socially organized life presupposes the unification of this mode of production, guaranteeing its relative freedom from any kind of accident. This is achieved by introducing norms that ensure regularity and orderliness of social relations [18; 22; 26].

Throughout the history of mankind, the emergence of regulatory regulation was associated with the gradual accumulation of a sufficient number of informal (each of which is interpreted in its own way) rules for similar special cases [10, p. 56–58]. Public and then state regulation of social relations with specific solutions for each case for a long time had significant shortcomings and hindered targeted activities. As society develops, these random decisions become the basis of general rules. Domestic scientists regularly paid attention to this aspect. Even after the introduction of general norms, these random decisions remain important.

Rules of law do not necessarily lead to negative human behavior. On the contrary, they create the basis for reasonable actions, and freedom is not the result of independence from external factors, but the awareness of their necessity and appropriate actions. The effectiveness of people's conscious and volitional actions is determined by their understanding of the material needs of a given formation and the degree of freedom that the laws of this formation allow [39, p. 85].

Law has the ability to significantly influence people's decisions among potential choices, their actions and activities. In reality, the limits of legal regulation over public affairs are determined materially [11, p. 49]. Thus, if a normative prescription necessitates behavior that is conceivable, then the legal norm has (can have) a regulatory result. If a rule of law requires behavior that is actually unthinkable, then it remains exclusively ceremonial, inactive, i.e. does not serve as a regulator of social relations.

Legal influence is limited not only by objective, but also by subjective possibilities of reasonable human behavior. Legal control is impossible in relation to those who, due to age or mental state, are not aware of their actions [12, p. 196]. In addition, there are relationships that cannot be regulated by law, for example, people's caring attitude towards nature, friendship, camaraderie, love. There are also social relations that the state considers inappropriate to regulate with the help of law, for example, a number of non-property relations in everyday life [34, p. 336].

Only those social relations that are objectively possible and politically necessary for society can be subject to legal control. Regulating such relations involves defining specific rules and ensuring their compliance. Thus, social life becomes more unified and defined, it is influenced [32, p. 30–36].

Legal regulation is a type of government influence when legal norms influence public affairs. N.G. Aleksandrov expressed the opinion that in reality such regulation is the subordination of the desires of individuals to the desires of those in power, which are then put into the form of law [9, p. 125]. Thus, legal regulation is a way of "raising the will of those in power to the rank of law".

According to S.N. Bratusya, the key responsibility of legal regulation is to establish the boundaries of people's behavior with the help of appropriate legal norms [13, p. 275]. This task is achieved through the issuance of laws and, if necessary, their implementation by government authorities, as well as ensuring compliance with legal norms. According to B.V. Sheindlin, legal regulation should be understood as "all types of legal

control of the state over the behavior and activities of people – by issuing legal norms, their application by government bodies and ensuring their compliance in certain legal matters” [38, p. 85].

A distinctive feature of state rules in public relations is that they establish the rights and obligations of participants in interaction [23, p. 97]. This gives social interaction reliability and stability, since the agreed rights and responsibilities are ensured by the state. No other system of social norms determines the actions (type) permitted and accepted by the state. No other type of control is tied to the formation of legal ties. At the same time, this does not exclude the interaction of law with other social regulators in ensuring law and order in society. This situation was interpreted in legal theory as syncretism of legal culture [8; 16; 17; 40].

Legal regulation of social relations is carried out mainly by granting rights to participants in this process and establishing their legal responsibilities. It is usually understood as various types of legal influence of the state on the activities of participants in public relations to achieve the goals of society [24, p. 95].

The importance of legal norms in public life is difficult to overestimate. The laws of a democratic country are an invaluable source of moral and political guidance for most citizens. Laws are a powerful tool for educating and enlightening society, as well as encouraging it to solve the most important tasks of the state. They involve ensuring the proper legal culture of society and the individual [27, p. 503–530; 28; 29], which is largely achieved thanks to targeted activities to form a sovereign Russian state-legal ideology in the sphere [14; 18, p. 288–327; 19; 20; 21; 25; 26, p. 287–288, 296–304; 30; 31; 37, p. 19–22].

The ethical control of the legal system in our state is constantly strengthening, and its educational part is growing. Consequently, despite the fact that the special social duty of law is expressed in the legal management of public affairs, it would be wrong to single out the entire array of influence of law on public life exclusively under legal regulation.

Be that as it may, the undeniable fact is that the implementation of laws is of significant importance associated with the formation of the rights and obligations of participants in public relations. True, it is generally accepted that lawmaking is carried out only through legal relations. However, one should not assume that lawmaking is carried out exclusively through legal relations.

Replacing an object with its equivalent is necessary to create a new form of expression. Successful paraphrasing requires taking the original idea and restating it in a different way while maintaining its original meaning.

The concept of legal regulation comes down to the impact of legal norms on public affairs only when we are talking about legal relations. However, the influence of law on human behavior can extend beyond legal associations. The term “regulation” fully reflects the nature of the impact of legal norms on social interactions. Many authors clearly point out the applicability of the term “regulation” to the impact of law.

Legislative control not only determines the course of public affairs, but also protects the existing state of affairs, creating the necessary preconditions for the emergence of new cases corresponding to the existing mode of production, and imposing prohibitions on those that are contrary to economic and political democracy [3].

Domestic lawyers were of the opinion that the term “regulation” in relation to the law is somewhat idealistic and should be replaced by the expression “regulation”. This interpretation of the issue is based on a clear misconception. The law establishes the appro-

appropriate structure of social relations, but this provision is a product of its impact on social relations, and therefore is not legal regulation in itself, but the purpose of this regulation.

Refuting the idealistic exaggeration of the degree of influence of law on public life, we can say that those who believe that legal regulation is the main part of civil society are mistaken. That is why not a single Russian lawyer believes that the term “regulate” in the context of technology is applicable to the concept of legal regulation.

Legal regulation of people’s behavior, resulting from their actions on the territory of the state, penetrates the core of the community’s architecture and is capable of not only maintaining existing connections, but also creating conditions for the creation and development of new public associations, including in the context of a counter-terrorism operation [33, p. 109–117], when there are good reasons for this.

Legal regulation in the field of counter-terrorism operations in the Russian Federation is an important element of the fight against terrorism [36, p. 185]. This legal regime was created to ensure that counter-terrorism operations in Russia are carried out legally and in accordance with Russian legislation. The presence of such a legal framework is important for protecting citizens from possible terrorist attacks and maintaining order in the country.

The conduct of counter-terrorism operations in the Russian Federation is regulated by various federal and regional laws, as well as laws regulating counter-terrorism activities abroad. In 2006, the Federal Law “On Combating Terrorism” was adopted, which has since been repeatedly amended and supplemented, defining the procedure for conducting counter-terrorism operations both within the country and abroad. This law regulates the procedure for both proactive actions against potential terrorist threats and special measures that can be taken in emergency situations [35, p. 145].

The Federal Law “On Countering Terrorism” defines the legal basis for the deployment of armed forces during a counter-terrorism operation, covers the issues of collecting operational information and determines the procedure for the actions of law enforcement officers participating in such operations [2]. The law also establishes certain requirements for the protection of information obtained from persons suspected of terrorism or related activities, as well as budgetary issues related to the allocation of funds for counterterrorism activities. In addition, rules are established for covering counter-terrorism activities in state media without prejudice to legally protected interests or persons participating in these activities.

In order to provide clearer guidance on some of the complex issues in counterterrorism legislation, additional federal laws have been passed that focus primarily on operational strategies for various threat scenarios and are intended to provide more detailed guidance on how law enforcement agencies should conduct their work, while respecting human rights standards at all times during an operation.

Regional governments also play an important role in creating a legal environment that prevents terrorist attacks on their territory: they can pass laws imposing harsher penalties or tighter controls on individuals considered particularly dangerous or with a terrorist background; they may introduce measures aimed at preventing people from joining extremist organizations associated with terrorism by cutting off financial support, preventing access to extremist-related material on the Internet, etc.

Overall, the combination of these legislative measures allows for the creation of an effective system that makes a significant contribution to the containment of terrorism within reasonable limits and helps Russia remain one of the few countries largely free from the daily threat posed by extremist organizations around the world.

## Bibliography

1. Federal constitutional law of May 30, 2001 No. 3-FKZ "On a state of emergency" (as amended by the Federal constitutional law of July 3, 2016 No. 6-FKZ) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. No. 23. Art. 2277.
2. Federal Law of March 6, 2006 No. 35-FZ "On Countering Terrorism" (as amended by Federal Law of May 26, 2021 No. 155-FZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 11. Art. 1146.
3. Charter of the United Nations (adopted in San Francisco on June 26, 1945) // Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. Vol. XII. Moscow: Litizdat N.K.I.D., 1956. P. 14–47.
4. Universal Declaration of Human Rights (adopted at the third session of the UN General Assembly by resolution 217 A (III) of December 10, 1948) // Rossiyskaya Gazeta, 1998, December 10.
5. Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment: adopted by General Assembly resolution 39/46 of December 10, 1984 // United Nations: official website. – URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/torture.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml)
6. European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Rome, November 4, 1950) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 20. Art. 2143.
7. Agreement on law enforcement agencies in the United Armed Forces and the Armed Forces of the member states of the Commonwealth of Independent States of May 15, 1992 // Interparliamentary Assembly of the member states of the Commonwealth of Independent States: official website // URL: <http://iacis.ru>
8. Abezgildin R.R., Klimenko O.A., Mirzoev A.K. Network structures, organized crime, syncretism of modern legal culture and state sovereignty // Legal field of modern economics. 2016. No. 2. P. 182–195.
9. Alexandrov N.G. Law and legality during the period of extensive construction of communism. Moscow: Gosyurizdat, 1961. 413 p.
10. Alekseev S.S. The mechanism of legal regulation in a socialist state. Moscow: Legal literature, 1966. 187 p.
11. Alekseev S.S. General theoretical problems of the Soviet legal system. Moscow: Gosyurizdat, 1961. 187 p.
12. Baytin M.I. The essence of law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries): Monograph. Saratov: SGAP, 2001. 416 p.
13. Bratus S.N. Legal entities in Soviet civil law: (concept, types, state legal entities). Moscow: Legal publishing house, 1947. 364 p.
14. Bryleva E.A., Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Charity as a property of the Russian sovereign state-legal ideology // Theory of State and Law. 2021. No. 4(25). pp. 23–32. DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.002
15. Volkogon T.A., Tulaev A.N., Shenshin V.M. On the issue of the legal regimes of "martial law" and "counter-terrorism operation" and the implementation by the troops of the National Guard of the Russian Federation of their powers in these regimes // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2023. No. 9(314). pp. 21–32. EDN OTKMXR.
16. Galiev F.Kh. Syncretism of legal culture and optimization of public relations // Bulletin of the Bashkir University. 2014. Volume 19. No. 1. P. 336–341.
17. Galiev F.Kh. Syncretism of modern legal culture: Monograph. Ufa: Bash State University, 2011. 354 p.
18. Goodness, trust, justice in philosophical and legal thought: antiquity and modernity: Monograph / Ed. ed. V.P. Salnikova. St. Petersburg: St. Petersburg Military Institute of National Guard Troops, University Foundation, 2022. 463 p.

19. Zhuk A.S., Salnikov V.P. Value consensus of society as the basis of sovereign legal ideology // *Legal science: history and modernity*. 2023. No. 2. P. 163–170.
20. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Reflections on the foundations of Russian sovereign philosophical and legal ideology // *Legal science: history and modernity*. 2020. No. 2. P. 183–194.
21. Zorina N.V., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Prokofiev K.G., Salnikov M.V. The idea of freedom in the sovereign ideology of law: axiological and moral-legal aspects // *World of Politics and Sociology*. 2018. No. 11. P. 188–193.
22. The idea of freedom. Right. Morality (classical and postclassical philosophy of law): Monograph / Ed. S.I. Zakhartsev. Moscow: Yurlitinform, 2020. 288 p.
23. Malko A.V. Incentives and restrictions in law: Monograph. 2nd ed., revised. and additional Moscow: Yurist, 2003. 248 p.
24. Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of State and Law: a textbook for students of higher educational institutions studying in the direction and specialty "Jurisprudence". 2nd edition, revised and expanded. Moscow: Yurist, 2007. 540 p.
25. Morozov A.I., Prokofiev K.G., Sergeeva A.Yu. The institution of family as a moral and legal value (on the issue of sovereign legal ideology as the basis of family law in the Russian Federation) // *Legal science: history and modernity*. 2019. No. 12. P. 107–114.
26. Political and legal management and threats to state sovereignty: Monograph / Ed. V.P. Salnikov. St. Petersburg: St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, University Foundation, 2022. 490 p.
27. Salnikov V.P. Legal culture. Ch. XX // *General theory of state and law. Academic course in three volumes* / Rep. ed. M.N. Marchenko. 4th ed., revised. and additional Volume 3: State, law, society. Moscow: INFRA-M, 2013. 720 p.
28. Salnikov V.P., Salnikov M.V. Legal culture and political and legal traditions in the context of absolute values // *Legal Thought*. 2014. No. 4(84). pp. 70–86.
29. Salnikov V.P., Stremoukhov A.V. The legal culture of society and the individual is the most important means of protecting human rights // *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2000. No. 4 (8). pp. 19–22.
30. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I. The value basis of sovereignty (on the issue of sovereign state-legal ideology) // *Legal science: history and modernity*. 2019. No. 11. P. 149–162.
31. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Prokofiev K.G., Morozov A.I. The principle of sovereignty of state-legal ideology and philosophy of law // *World of Politics and Sociology*. 2019. No. 9. P. 170–178.
32. Stalgevich A.K. Marxist theory of law: System and principles of the course: theses. Moscow: "International" 39th type. "Mospoligraph", 1930. 44 p.
33. Stokov S.A., Shenshin V.M. Features of the legal regime of the counter-terrorism operation // *Law in the Armed Forces – Military Legal Review*. 2018. No. 1(246). pp. 109–117. EDN YMHUXM.
34. Theory of state and law: Course of lectures / M. I. Baitin, V. V. Borisov, F. A. Grigoriev [etc.]; edited by N. I. Matuzov, A. V. Malko. 2nd edition, revised and expanded. Moscow: Yurist, 2000. 771 p.
35. Ustinov V.V. Terrorism is blamed. Moscow: OLMA-Press, 2002. 412 p.
36. Ustinov V.V. Russia: 10 years of fight against international terrorism. Moscow: OLMA Media Group, 2008. 537 p.
37. Philosophical and legal knowledge: current problems. Monograph / Under the general. ed. V.P. Salnikova. St. Petersburg: St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, University Foundation, 2022. 417 p.
38. Sheindlin B.V. The essence of Soviet law / Leningrad. Order of Lenin state University named after A.A. Zhdanova. Leningrad: Leningrad University, 1959. 140 p.
39. Yavich L.S. Problems of legal regulation of Soviet social relations. Moscow: Gosyurizdat, 1961. 172 p.

40. Galiev F.Kh., Komarov S.A. Evolution and General characteristics of contemporary legal culture: article // Australian and New Zealand Journal of Fundamental and Applied Studies, "Sydney University Press". Volume III. 2015. No. 1(15). P. 521–537.

---

**For citation:** Gutman M.Yu., Starovoitova O.E., Utkin N.I. Legal regulation of countering terrorism in the Russian Federation: article // Theory of State and Law. 2024. No. 1 (35). P. 80–86.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_74



## Научная статья

УДК 342.98

ББК 67.3

DOI: 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_87

**А.М. Дроздова\***

**С.В. Игнатьева\*\***

**Г.Н. Крижановская\*\*\***

## ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА И СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА ДОПЕТРОВСКОЙ РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

***Аннотация.** В статье предпринята попытка проследить процесс оформления правового статуса лиц, находившихся на «государевой службе» и регламентации самой службы, начиная с Русской Правды и заканчивая Соборным Уложением 1649 г. Авторы пришли к выводу о том, что от грамотного регулирования государственной службы во многом зависел суверенитет и территориальная целостность государства.*

***Ключевые слова:** государственная служба, военная демократия, князь, бояре, вече, дружина, местничество, государственный феодализм.*

На разных исторических этапах развития России люди, занимавшие должности на государственной службе, оказывали большое влияние на развитие страны. Как отметили В.А. Тонких и Н.А. Лытнева: «государственная служба России выполняла важную работу по укреплению государства, совершенствованию общественных отношений, повышению эффективности системы государственного управления, в конечном итоге, решала стратегические задачи обеспечения стабильности общества» [14, с. 310].

В период раннефеодальной монархии общественно-политический строй Древней Руси определялся как «военная демократия», при которой, несмотря на то, что важные вопросы в той или иной степени решались на вече, все же государством управляла военная верхушка во главе с князем. Князь организовывал оборону, судил и собирал налоги, опираясь в ходе реализации своих функций на «старшую» и «младшую» дружину. Отношения между князем и боярами, входившими в «старшую» дружину, строились по принципу сюзеренитета-вассалитета, при этом статус князя определялся как «первый среди равных». Отчасти это было связано с тем, что

---

\* **Дроздова Александра Михайловна**, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: temp17@rambler.ru

\*\* **Игнатьева Светлана Викторовна**, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации; профессор кафедры публичного права Института технологий предпринимательства и права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», доктор юридических наук, профессор. E-mail: svetignateva60@mail.ru

\*\*\* **Крижановская Галина Николаевна**, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: imyarec@list.ru

за свою службу бояре получали от князя вотчины, которые могли сохранять за собой и передавать по наследству даже если переставали служить данному князю. Будучи заинтересован в боярах, которые помимо всего прочего в случае военной опасности по призыву князя должны были выдвинуться в поход «конно, людно и оружно», но могли и не явиться, если им это было не выгодно, глава государства вынужден был «держаться с ними совет» и считаться с их мнением.

«Младшая» же дружина жила на дворе князя, находилась на его содержании, полностью зависела от князя. В нее входили отроки, мытники, вирники и т.д., которые помогали князю собирать налоги, штрафы и судебные пошлины, выходили с ним в поход. Согласимся с мнением Н.Е. Садохиной и А.Т. Комбарова о том, что изложенные выше факты свидетельствуют о зачатках государственной службы в России [8, с. 172].

Нормативных правовых актов, определявших порядок государственной службы в Древней Руси, не существовало. Даже изданная в XI веке и оставшаяся на протяжении нескольких столетий одним из основных источников права Русская Правда, являясь актом частного права, не регламентировала правовой статус бояр и детей борских как «слуг княжеских», а лишь определяла их место на социальной лестнице древнерусского общества. Кроме того, в Русской Правде было установлено более высокое наказание за «обиду», нанесенную боярину или другому «князю мужу». За их убийство назначался штраф (вира) в двойном размере, а за убийство при исполнении ими обязанностей ст. 21 Русской Правды (Краткая редакция) налагала смертную казнь [5, с. 48].

В XII веке территория Киевской Руси значительно увеличилась, тогда как система управления, основанная на военной демократии и эффективно функционировавшая в маленьком княжестве, не способствовала сохранению целостности крупного государства. Это, среди прочего, привело к политической раздробленности. Не игнорируя таких причин ее наступления как отсутствие серьезной военной опасности, блока экономических факторов, личных амбиций князей, подчеркнем, что важную роль сыграло и отсутствие сильной личности во главе государства. После смерти Владимира Мономаха, а затем его сына Мстислава Великого в 1132 г. «раздвинулась земля Русская» [4, с. 208]. Экономически сильное боярство, сталкиваясь князей между собой, разжигая междоусобицы стремилось освободиться от политической власти князя, стать полноправными хозяевами в своих землях. Политическая раздробленность, с одной стороны, привела к экономическому и культурному развитию отдельных княжеств, ведь деньги, направляемые ранее в Киев, теперь служили местным интересам, с другой стороны она сделала государство беззащитным перед лицом внешней опасности, поставив под угрозу его суверенитет.

В период политической раздробленности XII–XV веков особое место в системе русских княжеств занимали Новгородская и Псковская республики. Н.Е. Садохина и А.Т. Комбарова выделяют такие отличительные черты государственной службы в указанных землях как: «формальное выделение гражданской, военной и церковной видов службы, влияние знатности рода на занимаемую должность» [8, с. 172]. Можно добавить, что в этот период действовавшая Псковская Судная грамота не только определяла круг полномочий административных лиц, размер пошлин, взывавшийся в их пользу, и устанавливала наказания за причинение им вреда, но и предъявляла к их поведению повышенные требования, налагала ограничения на право заниматься той или иной деятельностью.

В период политической раздробленности начинает формироваться институт «Государева Двора». В него входили члены совета при князе, в последствии транс-

формировавшегося в Боярскую думу. В XV веке в состав государева двора вошли лица, возглавлявшие учрежденные тогда органы отраслевого управления – «пути». При главе государства постоянно состояли не все члены «Государева Двора». Они отвечали за безопасность князя и княжеской семьи, обеспечивали деятельность органов власти и самого правителя. По мнению А. И. Филюшкина, «Государев Двор» являлся «кадровым фондом для назначений на различные посты. Именно представители «Государева Двора» занимали высшие и средние командные должности в армии, возглавляли центральные и местные государственные учреждения» [17, с. 301].

В XV веке активно проходил процесс «собираания земли Русской», сопровождавшийся централизацией и усилением власти Великого князя Московского, и формированием государственного аппарата. К этому времени изменился принцип, лежавший в основе взаимоотношений главы государства и его аппарата. В период раннефеодальной монархии князь был просто «первым среди равных», а вся система взаимоотношений исходила из традиций военной демократии. Под воздействием монголо-татарского ига система управления стала более авторитарной в хорошем смысле этого слова. Более того, русские князья начали понимать, что, не обладая сильной властью, нельзя создать сильное единое государство. Женитьба Ивана III на Софье Палеолог так же способствовала этой трансформации. Московская Русь теперь стала преемницей Византии, а ее правитель – византийского императора.

Ивана III поддерживало сравнительно многочисленное московское боярство, церковь и служилые люди. В среде бояр родилось понятие родовой чести. В одном поучении отца сыну читаем: «Сын, когда едешь с князем на рать, то с храбрыми будь впереди – и роду своему честь добудешь, и себе имя доброе: и что может быть лучше, чем умереть перед князем!» [3, с. 79]. На основе понятия родовой чести в среде бояр сформировалось местничество – порядок, в соответствии с которым служилый человек получал при княжеском дворе должность и продвигался дальше по лестнице чинов в соответствии со службой предков, и теми должностями, которые они занимали и на которые этот служилый мог претендовать. Учет велся в специальных местнических или разрядных книгах. В глазах непривилегированных слоев общества Иван III был «защитником московской земли, высшим и справедливым судьей, покровителем всех жителей его государства» [3, с. 68]. Вместе с тем Великому князю приходилось считаться и с волей своих братьев – удельных князей, и с различными группами феодалов, и с церковью, без благословения главы которой – митрополита он не предпринимал важных политических шагов. Это требовало политического такта, выдержки, готовности идти на компромисс, а порой решимости поступить так, как он сам считал оптимальным.

В итоге Иваном III была сформирована довольно стройная система управления государством, включавшая в себя такие органы как Боярская дума и Казна. Должности в Боярской думе делились на три категории по «старшинству» (знатности рода): бояре, окольные и думные дворяне. Все делопроизводство вели думные дьяки. Казна ведала сбором налогов и внешней политикой, хранила государственные средства, печати и архив. Была сформирована и система путей, позднее трансформировавшихся в приказы – центральные органы отраслевого управления, во главе которых стояли бояре – члены Боярской думы. В XV веке местное управление осуществлялось по системе кормлений, когда в уездах управляли наместники московского князя, которые должны были собирать налоги, ведать судом и расправой и осуществлять надзор за соблюдением княжеских указов. Все это способствовало централизации государства.

В XVI веке тенденция в целом продолжилась. Была сформирована сословно-представительная монархия, просуществовавшая в России до середины XVII в. (особое место занимает период «опричнины»). Взаимоотношения между монархом и боярами строились по формуле: «государь указал, и бояре приговорили» [1, с. 10]. Феодалы являлись «служилыми по отечеству», то есть по наследству. Столичные служилые: дворяне московские, бояре выполняли служебные обязанности при царском дворе, занимая должности от жильца, выполнявшего различные разовые поручения, до члена Боярской думы. Во дворец на службы выезжали из своих подмосковных владений и жили в Кремле несколько недель. Столичные бояре каждое утро приезжали на службу.

Вторая категория государевых людей – «служилые по прибору» – набирались на службу по желанию. Это были стрельцы, пушкари и т.д. Они проживали в городах, где селились слободами по профессиональному признаку. За службу они получали жалование, при этом могли иметь лавки на посаде и обладали определенными привилегиями по отношению к другим категориям городских жителей. Например, статья 11 гл. XIX Соборного Уложения 1649 г. указывала, что стрельцы и драгуны, имеющие лавки в городах «с посадскими людьми тягла им не платити, и тяглых служеб не служить» [13, с. 231]. К ним предъявлялись особые требования: они должны были быть «трезвы и резвы, не проигрывать в азартные игры больше трех рублей в год». При нарушении этих требований они «метались со службы вон» [3, с. 123].

Все это на рубеже XVI–XVII веков сформировало особый тип отношений между государством и его населением, обеспечивающий суверенитет и целостность страны, получивший в исторической науке наименование «государственный феодализм». Он отличался от европейского феодализма известной формулой: «вассал моего вассала – мой вассал». Европейский же принцип выстраивания отношений между главой государства и аристократией «вассал моего вассала – не мой вассал» привел к слабой центральной власти, войнам и раздробленности, например, известное государство Священная Римская империя германской нации на протяжении столетий была раздираема противоречиями и в итоге пала. Наступление политической раздробленности и ее последствия научили русских князей тому, что, если они хотят сохранить суверенитет и целостность государства, обеспечить его безопасность, они должны сосредоточить в своих руках сильную власть [7, 16].

Вторая черта «государственного феодализма» заключалась в том, что все категории населения находились в служебной зависимости друг от друга, которая была выгодна как феодалу, так и вассалу. Например: крестьяне служили феодалам, работая на их земле, феодалы взамен предоставляли им эту землю и защищали. Тяглое население в городах обладало преимущественным правом иметь лавки и мастерские, взамен платило государству налоги и выполняло обязательные работы. Бояре служили главе государства, он за эту службу освобождал их от налогов даровал им земли и другие иммунитеты и преимущества.

Интересно, что в допетровской России не было наследственных титулов, кроме княжеского. В этом смысле русская знать отличалась от западноевропейской, получавшей свои титулы и по наследству, и как вознаграждение от монарха. Российский царь титулы не жаловал, а положение на государственной службе до 1682 г. зависело от местнических счетов. В.И. Буганов в качестве оснований для определения места представителя того или иного рода на служебной лестнице называет «экономическое положение, земельное богатство, служебные заслуги предков, ближайших родственников и их самих» [2, с. 123].

К XVII веку многие прежде знатные фамилии «захудали». При решении вопроса о том, представитель какого рода должен занять оспариваемое место на службе, судьи на первое место ставили заслуги в службе тяжущихся, а не знатность их рода. Так, например, после рассмотрения местнического спора в 1609 г. было решено: «То есть, что от большова брата колено пойдет, а в разрядах малы и худы будут; а от Меньшова брата пойдет, а в розряде велики живут; и те, государь, худые с добрыми по родословцу лесвипею не тяжуются, а тяжуютца по случаем розряды» [6, с. 269].

В конце XVII века царь Федор Алексеевич решил провести реформу «ратной службы» «чтобы прежде бывшее воинское устроение, которое показалось на боях неприбыльно, пременить на лучшее» [10 с. 396]. С этой целью была образована комиссия из выборных и военных людей под руководством В. В. Голицына. Итогом ее работы стала отмена местничества, решение о которой было принято Земским собором 12 января 1682 г.: «И для совершенной в его государских ратных и в посольских и во всяких делех прибыли и лучшего устроения указал бы великий государь всем боярам и окольным, и думным и ближним людям, и всем чинам быти на Москве в приказах и в полках у ратных и у посольских и у всяких дел и в городех меж себя без мест, где кому великий государь укажет; и никому ни с кем впредь розрядом и места не считаться; и розрядные случаи и места отставить и искоренить, чтобы впредь от тех случаев... во всяких делех помешки не было....» [10. с. 367–398].

Хотя источники права XV–XVII веков не закрепляли систему государственных органов, в Судебниках 1497 г. и 1550 г. была установлена ответственность государственных служащих за недобросовестное исполнение службы. Так, например, Судебник 1497 г. устанавливал запрет на получение взяток: «А посулов бояром, и окольным, и диаком от суда и от печаловани а не имати, також и всякому судие посула от суда не имати никому» [11, с. 54]. Если Судебник 1497 г. просто запрещал «посулы», но не устанавливал наказание за такой род деяния, то Судебник 1550 г. устанавливал в качестве санкции штраф, либо битие кнутом, либо тюремное заключение [12, с. 232].

В середине XVI века Иван IV провел ряд реформ, направленных на централизацию государства и укрепление власти царя. Вызвано это было рядом объективных причин. Во-первых, после смут, вызванных боярским правлением в период его малолетства, страна нуждалась в сильной центральной власти. Во-вторых, в период правления Ивана IV Россия вела войну за выход к Балтийскому морю и возвращение древнерусских земель, некогда захваченных Литвой и Польшей, стремилась обезопасить свои границы от набегов крымского хана на юге, казанцев и астраханцев на востоке, старалась поставить под свою контроль Волжский торговый путь и обеспечить безопасность торговли по Волге и Каспию. Это было невозможно без четкой регламентации государственной и военной службы.

Принятое в 1556 г. «Уложение о службе» призвано было решить данную задачу. Теперь, чтобы «служба царская безо лжи была и без греха вправду» все владельцы «ста четвертей добрые угожей земли» обязаны были явиться на службу «на коне и в доспехе полном» [15, с. 269]. Если у феодала было 200 четей земли, он должен был привести с собой в поход одного слугу на коне, с оружием и в доспехах, если 300 четей – двух слуг. Если феодал приводил с собой больше вооруженных воинов, он и его люди получали большее жалованье. Если наоборот, то из его жалованья удерживалась определенная сумма.

Соборное Уложение 1649 г. использует термины «государева служба», «служилые люди», «государевы люди». Служба государю была обязательной для этой

категории населения. Наиболее часто Соборное Уложение 1649 г. под «государевой службой» понимает «ратную службу». Но ст. 65 и 68 главы XVI указывали на государственную службу без привязки к военной. Смирнов С.Н. делает вывод о том, что «существовала государева служба не военного характера, к которой имел отношение определенный перечень социальных категорий» [9. с. 28]. Эта служба осуществлялась только по отношению к монарху. Бояре могли осуществлять административные и судебные полномочия, находиться на дипломатической и военной службе.

Таким образом, мы можем видеть, что устойчивость государственной власти, а значит и суверенитет государства напрямую зависели от порядка несения службы государю, степени ее регламентации различными нормативными правовыми актами и выстраивания четкой вертикали между главой государства и государственными служащими.

### Библиографический список

1. *Анисимов Е. В.* Императорская Россия / Е. В. Анисимов. – М.: Питер, 2011. – 1110 с.
2. *Буганов В. И.* «Враждотворное» местничество // Вопросы истории. – 1974. – № 11 – С. 118–133.
3. *Дубровский А. М.* Российская средневековая цивилизация: учеб. пособие / А. М. Дубровский, С. И. Михальченко, М. В. Брянцев. – Брянск: Издательство Брянского государственного педагогического института, 1994. – 248 с.
4. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 640 с.
5. Русская Правда (Краткая редакция) // Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти томах / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора О. И. Чистякова. – Т. 1: Законодательство Древней Руси / Ответственный редактор член-корреспондент АН СССР, доктор исторических наук профессор В. Л. Янин. – М.: Юридическая литература, 1984. – 430 с.
6. *Погодин М. П.* Русский исторический сборник. В 2-х тт. / Издаваемый Императорским Обществом истории и древностей российских / Ред. проф. Погодин. – М., 1837–1844. – Т. 2. – М., 1838. – 473 с.
7. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова / И.А. Ананских, А.А. Вихров, М.Ю. Гутман [и др.]. – СПб.: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022. – 490 с.
8. *Садохина Н. Е., Комбарова А. Т.* Эволюция правового статуса государственного служащего в России в дореволюционный период // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако: материалы V международной научно-практической конференции 28–29 мая 2021 г.: в 2 т. – Т. 1. – Тамбов: Издательство: Издательский дом «Державинский», 2021. – 376 с.
9. *Смирнов С. Н.* Профессиональный статус лиц, занятых на «государевой службе», как элемент правового статуса человека в России в XVII в. // Государственная служба и кадры. – 2018. – № 3. – С. 27–33.
10. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. В 4-х ч. – М.: Тип. Н. С. Всеволожскаго, 1813–1894. – Ч. 4. – М., 1828. – 656 с.
11. Судебник 1497 г. – Т. 2. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 тт. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – М., 1985. – 519 с.
12. Судебник 1550 г. // Памятники русского права. Вып. 4. – М.: Госюриздат, 1956. – 632 с.

13. Тихомиров М. Н. Соборное уложение 1649 года. [Текст] / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. – М.: Издательство Московского университета, 1961. – 444 с.
14. Тонких В. А., Лытнева Н. А. Государственная служба в Российской Федерации: история и современность // Молодой ученый. – 2017. – № 15 (149). – С. 310–312.
15. Уложение о службе 1556 г. // Полное собрание русских летописей в 14 томах. – Т. XIII. – Ч.1. – СПб.: Изд-во И.Н. Скороходова, 1904. – 302 с.
16. Философско-правовое познание: актуальные проблемы. Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова; / И.А. Ананских, Е.В. Виноградова, А.А. Вихров [и др.] – СПб.: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2022. – 418 с.
17. Филюшкин А. И. Василий III. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 345 с.

---

**Для цитирования:** Дроздова А.М., Игнатиева С.В., Крижановская Г.Н. Государственная служба и суверенитет государства допетровской России: историко-правовой анализ: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 87–93.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_87

### **PUBLIC SERVICE AND SOVEREIGNTY OF THE STATE OF PRE- PETRINE RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS**

**Alexandra M. Drozdova\***

**Svetlana V. Ignatieva\*\***

**Galina N. Krizhanovskaya\*\*\***

**Annotation.** *The article attempts to trace the process of formalizing the legal status of persons in the “sovereign service” and the regulation of the service itself, starting from the Russian Pravda and ending with the Council Code of 1649. The authors came to the conclusion that the competent regulation of the civil service largely depended sovereignty and territorial integrity of the state.*

**Key words:** *public service, military democracy, prince, boyars, veche, squad, localism, state feudalism.*

At different historical stages of Russia's development, people who held positions in the government service had a great influence on the development of the country. As noted by V.A. Tonkikh and N.A. Lytneva: “the Russian civil service performed important work to strengthen the state, improve public relations, increase the efficiency of the public administration system, and ultimately, solve the strategic tasks of ensuring the stability of society” [14, p. 310].

---

\* **Drozdova Alexandra Mikhailovna**, Professor of the Department of Legal Culture and Protection of Human Rights, Law Institute of the North Caucasus Federal University, Doctor of Law, Professor. E-mail: temp17@rambler.ru

\*\* **Ignatieva Svetlana Viktorovna**, professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation; Professor of the Department of Public Law of the Institute of Entrepreneurship Technologies and Law of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation", Doctor of Law, Professor. E-mail: svetignatieva60@mail.ru

\*\*\* **Krizhanovskaya Galina Nikolaevna**, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian Federation, Candidate of Historical Sciences, Assistant professor. E-mail: imyarec@list.ru

During the period of the early feudal monarchy, the socio-political system of Ancient Rus' was defined as "military democracy", in which, despite the fact that important issues were, to one degree or another, resolved at the *veche*, the state was still ruled by the military elite, headed by the prince. The prince organized defense, judged and collected taxes, relying on the "senior" and "junior" squads in the implementation of his functions. Relations between the prince and the boyars who were part of the "senior" squad were built on the principle of suzerainty-vassalage, with the prince's status being defined as "first among equals." This was partly due to the fact that for their service the boyars received from the prince estates, which they could retain and pass on by inheritance even if they stopped serving this prince. Being interested in the boyars, who, among other things, in the event of a military danger, at the call of the prince, were supposed to set out on a campaign "on horseback, in force and in arms," but could not appear if it was not profitable for them, the head of state was forced to "keep with them advice" and take their opinion into account.

The "youngest" squad lived in the prince's courtyard, was supported by him, and was completely dependent on the prince. It included youths, *mytniks*, *virniks*, etc., who helped the prince collect taxes, fines and court fees, and went on campaigns with him. We agree with the opinion of N.E. Sadokhina and A.T. Kombarov that the facts stated above indicate the beginnings of public service in Russia [8, p. 172].

There were no normative legal acts that determined the procedure for public service in Ancient Rus'. Even the Russian Truth, published in the 11th century and remaining for several centuries one of the main sources of law, being an act of private law, did not regulate the legal status of boyars and Bor children as "princely servants," but only determined their place on the social ladder of ancient Russian society. In addition, the Russian Pravda established a higher punishment for an "insult" inflicted on a boyar or other "princely husband." For their murder, a fine (*vira*) was imposed in double the amount, and for murder while they were performing their duties, Art. 21 of Russian Pravda (Short edition) imposed the death penalty [5, p. 48].

In the 12th century, the territory of Kievan Rus expanded significantly, while the management system, based on military democracy and effectively functioning in a small principality, did not contribute to maintaining the integrity of a large state. This, among other things, led to political fragmentation. Without ignoring such reasons for its onset as the absence of a serious military threat, a block of economic factors, and the personal ambitions of the princes, we emphasize that the absence of a strong personality at the head of the state also played an important role. After the death of Vladimir Monomakh, and then his son Mstislav the Great in 1132, "the whole Russian land was torn apart" [4, p. 208]. The economically strong boyars, pitting princes against each other and inciting civil strife, sought to free themselves from the political power of the prince and become full-fledged masters of their lands. Political fragmentation, on the one hand, led to the economic and cultural development of individual principalities, because the money previously sent to Kiev now served local interests, on the other hand, it made the state defenseless in the face of external danger, threatening its sovereignty.

During the period of political fragmentation of the 12th–15th centuries, the Novgorod and Pskov republics occupied a special place in the system of Russian principalities. N.E. Sadokhina and A.T. Kombarova identify such distinctive features of public service in these lands as: "the formal separation of civil, military and church types of service, the influence of the nobility of the family on the position held" [8, p. 172]. It can be added that during this period, the Pskov Judicial Charter in force not only determined the terms of ref-



## Theory of State and Law

---

erence of administrative persons, the amount of duties levied in their favor, and established penalties for causing harm to them, but also imposed increased demands on their behavior, imposed restrictions on the right engage in one activity or another.

During the period of political fragmentation, the institution of the “Sovereign Court” begins to take shape. It included members of the prince's council, which later transformed into the Boyar Duma. In the 15th century, the sovereign's court included persons who headed the then established sectoral management bodies – “puti”. Not all members of the “Sovereign's Court” were permanently attached to the head of state. They were responsible for the safety of the prince and the princely family, ensured the activities of the authorities and the ruler himself. According to A.I. Filyushkin, “Gosudarev Dvor” was “a personnel fund for appointments to various posts. It was the representatives of the “Sovereign Court” who occupied high and middle command positions in the army, and headed central and local government institutions” [17, p. 301].

In the 15th century, the process of “gathering the Russian land” was actively underway, accompanied by the centralization and strengthening of the power of the Grand Duke of Moscow, and the formation of the state apparatus. By this time, the principle underlying the relationship between the head of state and his apparatus had changed. During the period of the early feudal monarchy, the prince was simply “first among equals,” and the entire system of relationships was based on the traditions of military democracy. Under the influence of the Mongol-Tatar yoke, the control system became more authoritarian in the good sense of the word. Moreover, the Russian princes began to understand that without strong power, it was impossible to create a strong unified state. The marriage of Ivan III to Sophia Paleolog also contributed to this transformation. Muscovite Rus' has now become the successor of Byzantium, and its ruler is the Byzantine emperor.

Ivan III was supported by the relatively numerous Moscow boyars, the church and service people. Among the boyars, the concept of family honor was born. In one teaching from a father to his son we read: “Son, when you go to the army with a prince, be in front with the brave – and you will gain honor for your family, and a good name for yourself: and what could be better than to die before the prince!” [3, p. 79]. On the basis of the concept of ancestral honor, localism was formed among the boyars – an order according to which a serving person received a position at the princely court and moved further up the ladder of ranks in accordance with the service of his ancestors, and the positions that they occupied and to which this serviceman could apply. Records were kept in special local or discharge books. In the eyes of the unprivileged layers of society, Ivan III was “the defender of the Moscow land, the highest and fair judge, the patron of all residents of his state” [3, p. 68]. At the same time, the Grand Duke had to reckon with the will of his brothers – appanage princes, and with various groups of feudal lords, and with the church, without the blessing of whose head – the Metropolitan, he did not take important political steps. This required political tact, endurance, willingness to compromise, and sometimes determination to do what he himself considered optimal.

As a result, Ivan III formed a fairly coherent system of government, which included such bodies as the Boyar Duma and the Treasury. Positions in the Boyar Duma were divided into three categories according to “seniority” (nobility of the family): boyars, okolnichy and дума nobles. All office work was carried out by the Duma clerks. The treasury was in charge of tax collection and foreign policy, and kept state funds, seals and archives. A system of paths was also formed, which later transformed into orders – central bodies of sectoral management, headed by boyars – members of the Boyar Duma. In the 15th century,

local government was carried out according to the feeding system, when the districts were ruled by the governors of the Moscow prince, who were supposed to collect taxes, administer justice and executions, and oversee compliance with princely decrees. All this contributed to the centralization of the state.

In the 16th century the trend generally continued. An estate-representative monarchy was formed, which existed in Russia until the mid-17th century (the period of the "oprichnina" occupies a special place). The relationship between the monarch and the boyars was built according to the formula: "the sovereign indicated, and the boyars sentenced" [1, p. 10]. The feudal lords were "servants of the fatherland," that is, by inheritance. Capital servants: Moscow nobles, boyars performed official duties at the royal court, holding positions from a tenant who carried out various one-time assignments to a member of the Boyar Duma. They traveled to the palace for services from their possessions near Moscow and lived in the Kremlin for several weeks. The capital's boyars came to work every morning.

The second category of sovereign people – "servants according to the instrument" – was recruited for service at will. These were archers, gunners, etc. They lived in cities, where they settled in settlements based on their profession. They received a salary for their service, and could have shops in the suburbs and had certain privileges in relation to other categories of city residents. For example, article 11 ch. XIX Cathedral Code of 1649 indicated that archers and dragoons who have shops in cities "with the townspeople do not pay taxes to them, and do not serve tax services" [13, p. 231]. Special requirements were imposed on them: they had to be "sober and frisky, and not lose more than three rubles a year in gambling." If these requirements were violated, they "rushed out of service" [3, p. 123].

All this, at the turn of the 16th–17th centuries, formed a special type of relationship between the state and its population, ensuring the sovereignty and integrity of the country, which received the name "state feudalism" in historical science. It differed from European feudalism with the well-known formula: "my vassal's vassal is my vassal." The European principle of building relations between the head of state and the aristocracy "my vassal's vassal is not my vassal" led to weak central power, wars and fragmentation, for example, the famous state of the Holy Roman Empire of the German nation was torn by contradictions for centuries and eventually fell. The onset of political fragmentation and its consequences taught the Russian princes that if they want to preserve the sovereignty and integrity of the state and ensure its security, they must concentrate strong power in their hands [7, 16].

The second feature of "state feudalism" was that all categories of the population were in service dependence on each other, which was beneficial to both the feudal lord and the vassal. For example: peasants served the feudal lords, working on their land, the feudal lords in return provided them with this land and protected them. The heavy population in the cities had the preferential right to have shops and workshops; in return they paid taxes to the state and performed compulsory work. The boyars served the head of state; for this service, he exempted them from taxes and granted those lands and other immunities and benefits.

It is interesting that in pre-Petrine Russia there were no hereditary titles other than princely. In this sense, the Russian nobility differed from the Western European nobility, which received their titles both by inheritance and as a reward from the monarch. The Russian Tsar did not grant titles, and positions in the civil service until 1682 depended on local

## Theory of State and Law

---

accounts. IN AND. Buganov names “economic status, land wealth, service merits of ancestors, immediate relatives and themselves” as the grounds for determining the place of a representative of a particular family on the career ladder [2, p. 123].

By the 17th century, many previously noble families had become seedy. When deciding the question of what kind of representative should take the disputed place in the service, the judges put in the first place the merits in the service of the litigants, and not the nobility of their family. So, for example, after considering a local dispute in 1609, it was decided: “That is, that from Bolshov’s brother the knee will go, but in the ranks they will be small and thin; but from Menshov’s brother he will go, but in the category they live great; and those, sir, the bad and the good, according to the genealogy of the Lesvipe, do not litigate, but the litigants are discharged by chance” [6, p. 269].

At the end of the 17th century, Tsar Fyodor Alekseevich decided to carry out a reform of “military service” “so that the former military structure, which seemed unprofitable in battles, could be changed for the better” [10 p. 396]. For this purpose, a commission of elected and military people was formed under the leadership of V.V. Golitsyn. The result of her work was the abolition of localism, the decision of which was made by the Zemsky Council on January 12, 11682: “And for the profit and better dispensation accomplished in his state military and in the embassy and in all matters, the great sovereign would indicate to everyone the boyars and okolnichy, and дума and close people, and all ranks to be in Moscow in the orders and in the regiments of the military and the embassy and in all sorts of affairs and in the cities among themselves without places where the great sovereign will indicate to whom; and henceforth there will be no place to be taken into account by anyone; and separate cases and places should be set aside and eradicated, so that henceforth from those cases... there will be no hindrance in all matters...” [10, p. 367–398].

Although the sources of law of the 15th–17th centuries did not establish the system of state bodies, the Code of Laws of 1497 and 1550 established the liability of civil servants for dishonest performance of service. So, for example, the Code of Law of 1497 established a ban on accepting bribes: “And don’t make promises to boyars, and okolnichy, and deacons from the court and out of sorrow, and also to every judge, don’t make promises from the court to anyone” [11, p. 54]. If the Code of Law of 1497 simply prohibited “promises”, but did not establish a punishment for this kind of act, then the Code of Law of 1550 established a fine, or whipping, or imprisonment as a sanction [12, p. 232].

In the middle of the 16th century, Ivan IV carried out a number of reforms aimed at centralizing the state and strengthening the power of the tsar. This was caused by a number of objective reasons. Firstly, after the unrest caused by boyar rule during his childhood, the country needed a strong central government. Secondly, during the reign of Ivan IV, Russia waged a war for access to the Baltic Sea and the return of ancient Russian lands, once captured by Lithuania and Poland, tried to secure its borders from the raids of the Crimean Khan in the south, Kazan and Astrakhan in the east, tried to put under their control of the Volga trade route and ensure the safety of trade along the Volga and Caspian Sea. This was impossible without clear regulation of state and military service.

The “Code of Service” adopted in 1556 was intended to solve this problem. Now, in order for “the royal service to be without lies and truly without sin,” all owners of “one hundred quarters of good land” are obliged to appear for service “on horseback and in full armor” [15, p. 269]. If the feudal lord had 200 cetas of land, he had to bring with him on a campaign one servant on horseback, with weapons and armor, if 300 cetas – two serv-

ants. If the feudal lord brought with him more armed warriors, he and his people received a larger salary. If on the contrary, then a certain amount was withheld from his salary.

The Council Code of 1649 uses the terms “sovereign service”, “serving people”, “sovereign people”. Service to the sovereign was mandatory for this category of the population. Most often, the Council Code of 1649 understands “sovereign service” as “military service”. But Art. 65 and 68 of Chapter XVI pointed to public service without reference to the military. Smirnov S.N. concludes that “there was a sovereign service of a non-military nature, to which a certain list of social categories was related” [9, p. 28]. This service was carried out only in relation to the monarch. Boyars could exercise administrative and judicial powers and be in diplomatic and military service.

Thus, we can see that the stability of state power, and therefore the sovereignty of the state, directly depended on the order of service to the sovereign, the degree of its regulation by various normative legal acts and the building of a clear vertical between the head of state and civil servants.

### Bibliography

1. Anisimov E.V. Imperial Russia / E.V. Anisimov. Moscow: Peter, 2011. 1110 p.
2. Buganov V.I. “Hostile” localism // Questions of history. 1974. No. 11. Pp. 118–133.
3. Dubrovsky A. M. Russian medieval civilization: textbook. manual / A. M. Dubrovsky, S. I. Mikhilchenko, M. V. Bryantsev. Bryansk: Publishing house of the Bryansk State Pedagogical Institute, 1994. 248 p.
4. Novgorod first chronicle of the older and younger editions. Moscow; Leningrad: Publishing house Acad. Sciences of the USSR, 1950. 640 p.
5. Russian Truth (Brief edition) // Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 volumes / under the general editorship of Doctor of Law, Professor O. I. Chistyakov. T. 1: Legislation of Ancient Rus' / Executive editor Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences Professor V. L. Yanin. Moscow: Legal literature, 1984. 430 p.
6. Pogodin M.P. Russian historical collection. In 2 vols. / Published by the Imperial Society of Russian History and Antiquities / Ed. prof. Pogodin. 1837–1844. T. 2. Moscow, 1838. 473 p.
7. Political and legal management and threats to state sovereignty: Monograph / Ed. ed. V.P. Salnikova / I.A. Ananskikh, A.A. Vikhrov, M.Yu. Gutman [and others]. St. Petersburg: St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, University Foundation, 2022. 490 p.
8. Sadokhina N. E., Kombarova A. T. Evolution of the legal status of a civil servant in Russia in the pre-revolutionary period // Tambov legal readings named after F. N. Plevako: materials of the V international scientific and practical conference May 28–29, 2021: in 2 vols. T. 1. Tambov: Publishing house: Publishing house “Derzhavinsky”, 2021. 376 p.
9. Smirnov S. N. Professional status of persons employed in the “sovereign service” as an element of the legal status of a person in Russia in the 17th century. // Public service and personnel. 2018. No. 3. P. 27–33.
10. Collection of state charters and agreements stored in the State Collegium of Foreign Affairs. At 4 o'clock. Moscow: Type. N. S. Vsevolozhskago, 1813–1894. Part 4. Moscow, 1828. 656 p.
11. Code of Law of 1497. T. 2. // Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vols. / Under general ed. O. I. Chistyakova. Moscow, 1985. 519 p.
12. Code of Law of 1550 // Monuments of Russian law. Vol. 4. Moscow: Gosyurizdat, 1956. 632 p.
13. Tikhomirov M. N. Cathedral Code of 1649. [Text] / M. N. Tikhomirov, P. P. Epifanov. Moscow: Moscow University Publishing House, 1961. 444 p.
14. Tonkikh V. A., Lytneva N. A. Public service in the Russian Federation: history and modernity // Young scientist. 2017. No. 15 (149). Pp. 310–312.

## Theory of State and Law

---

15. Code of Service of 1556 // Complete collection of Russian chronicles in 14 volumes. T. XIII. Part 1. St. Petersburg: Publishing House I.N. Skorokhodova, 1904. 302 p.

16. Philosophical and legal knowledge: current problems. Monograph / Under the general. ed. V.P. Salnikova / I.A. Ananskikh, E.V. Vinogradova, A.A. Vikhrov [and others]. St. Petersburg: St. Petersburg Military Institute of National Guard Troops, University Foundation, 2022. 418 p.

17. Filyushkin A. I. Vasily III. Moscow: Young Guard, 2010. 345 p.

---

**For citation:** Drozdova A.M., Ignatieva S.V., Krizhanovskaya G.N. Public service and sovereignty of the state of pre-Petrine Russia: historical and legal analysis: article // Theory of state and law. 2024. No. 1 (35). P. 93–99.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_87

## Научная статья

УДК 340.12

ББК 67.400.32

DOI 10.47905/MATGIP\_2024\_1\_35\_100

**С.И. Захарцев\***

**Д.В. Кривоносова\*\***

**В.П. Сальников\*\*\***

## МЕНТАЛЬНОСТЬ НАРОДА И ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА

***Аннотация.** Рассматриваются некоторые препятствия на пути построения правового государства в России. Действия в этом направлении в нашей стране не до конца увенчались успехом, поскольку общественное сознание не восприняло в полной мере данное государственное явление, относящееся к западноевропейскому цивилизационному типу. В итоге правовое государство не стало национальным идеалом. В приведенном исследовании выявлен духовный смысл существования общины, её сакральность, которая включает в себя мир предков. Сделан вывод о том, что в мировоззрении народа бессмертие души не могло быть достигнуто на индивидуальном начале, только на коллективном. Такой подход предполагает направление в исследовании смыслов, ценностей общественного сознания наших предков. Познание данных смыслов, по мнению авторов, поможет в построении правовой системы, адекватной национальному самосознанию нашего народа, отвечающей ее суверенному характеру.*

**Ключевые слова:** ментальность народа, архетипы, национальное самосознание, правовое государство, коллективные начала, община, духовные ценности, общественное сознание, суверенитет правовой системы.

В настоящей статье мы рассматриваем образы и представления, лежащие в основе исторически сложившейся организации общества, а также национального самосознания русского народа. Изучение данных образов, представлений об окружающем мире, даёт понимание ценностей присущих общественному сознанию наших предков [14]. Такое восприятие ценностей является важным для российской право-

---

\* **Захарцев Сергей Иванович**, профессор Санкт-Петербургского Военно-орденского института Жукова Национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук (Санкт-Петербург, Россия). Электронная почта: Zakhartsev2306@mail.ru.

\*\* **Кривоносова Диана Валерьевна**, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Университета ФСИН России (г. Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, майор внутренней службы. E-mail:

\*\*\* **Сальников Виктор Петрович**, профессор Санкт-Петербургского Военно-орденского института войск национальной гвардии им. Жукова Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный сотрудник МВД России, академик РАЕН. E-mail: Fonduniver@bk.ru.

вой системы, поскольку её становление происходит в соответствии с чертами национального сознания [4; 5]. Методологическую основу исследования составили анализ, синтез, индукция, междисциплинарный и аксиологический подходы.

На наш взгляд, наиболее ярких носителей духовного наследия коренной России можно обнаружить более ста лет назад, во времена революций и построения новой организации общества – страны Советов [28]. Возникает вопрос: а что из себя представляла народная среда до революции, и в конфессиональном смысле тоже? Невозможно предположить, что десятки миллионов людей из рабоче-крестьянской среды были атеистами, зачитывающимися произведениями К. Маркса [45]. Народная среда жила верой, только верования эти были и староверческие и то, что мы называем ведическими или языческими. Их переплетение (верований) породило среду, чуждую никонианской церкви.

Утверждение справедливости на земле – эта вера жила в русском народе и других народах, населяющих Россию. В своих работах А.В. Пыжиков раскрывает содержание национального сознания, о котором пишут отечественные правоведы: российское правосознание основывается на ценностях справедливости, духовности и коллективизме. Справедливость лежит в основе признания закона, согласия с теми положениями, которые он несёт. Принятый государством закон может быть признан нелегитимным, если в нём отсутствует нравственность и он далёк от принципа социальной справедливости [42]. Для русского человека идея Права и идея Закона отделены друг от друга. Как следствие этого разграничения – право в России не обладало неукоснительностью, подобной образцам европейского права. Традиционно закон вторичен Правде, должно следовать и подчиняться ей.

Отметим также, что второстепенное положение занимает право в сознании русского человека по сравнению с духовными ценностями, такими как истина, нравственное совершенство, религиозная святость. В российской ментальности, по мнению Р.С. Байниязова, «праводуховные структуры чрезвычайно тесно связаны с моральными, религиозными и вместе с тем с государственными (политическими) элементами» [2].

На данное обстоятельство обращают внимание и другие исследователи. Трудно представить себе русского человека без единения в его душе моральных, правовых, корпоративных правил и религиозных догм. Именно в их единстве и сбалансированности он видит торжество справедливости и свободы в общественной жизни. По мнению отечественных исследователей, российский гражданин добро, доверие, справедливость воспринимает сегодня как дар Творца [15; 24; 25; 26; 27; 29; 30; 48; 57]. В нынешних условиях ситуация единения всех социальных норм для регулирования поведения человека и общества получила наименование «синкретизм современной отечественной правовой культуры» [8; 9; 10; 11; 12, с. 187–207; 32].

Например, профессор Ф.Х. Галиев определяет эту ситуацию следующим образом: «В современном мире сложно найти юридическую норму, которая бы противоречила требованиям иных нормативных регуляторов общественных отношений, функционирующих в обществе в виде норм морали, религии, этики и т.д. Это объективно связано с синкретизмом правовой культуры, который означает взаимозависимость требований всего комплекса действующих в современном обществе социальных норм в процессе их воздействия на сознание и поведение людей» [10, с. 12]. Что же касается права и морали, то они органически связаны между собой и их единство изначально присуще русскому человеку [13; 17; 19; 23; 31; 34; 35; 39]. И все же

первичной для русского человека остается сфера разграничения добра и зла, сфера справедливости [1; 3; 7; 33; 55, с. 254–282].

Итак, после социалистической революции 1917 года, когда пало Временное правительство, это создало принципиально новую обстановку, в которой русский рабочий и крестьянин ещё не жили никогда – впервые они были предоставлены сами себе. Теперь, свергнув угнетателей народа, оказавшись в новом качестве, значительная часть рабочих и крестьян начали свою новую траекторию развития: они несли в себе ментальность, которой были заряжены предыдущие поколения предков.

Ментальность здесь выступает как устойчивая совокупность установок и предрасположенностей социальной группы воспринимать мир определенным образом, это глубинный уровень коллективного сознания, включающий и бессознательное [40]. Воспринимать мир определенным образом позволяют духовно-нравственные ценности, которые лежат в основе этого восприятия. Эти ценности определяют поведение отдельного человека или сообщества [38]. В России они всегда существенно отличались от западных. Сегодня данное различие приобретает антагонистический характер и заставляет наше Отечество переориентироваться с Запада на Восток [18; 36; 46; 47; 49; 50; 51]. К российскими ценностям относятся «...приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины» [41]. Они несравнимы с западными, которые чужды русскому народу.

После революции 1917 года вся эта ментальность, сконцентрировавшись в представителях народа, наполнила партию большевиков («Ленинские призывы в партию») и создала условия успешного осуществления советского проекта.

Это не были практикующие староверы или язычники. Это были люди с той ментальностью, которые вошли во властные структуры молодого советского государства и переделали эти структуры под себя, в соответствии со своей ментальностью.

В последнее время мы приходим к пониманию актуальности изучения истории духовных ценностей нашего народа, процессов перестройки общественного сознания с тем, чтобы на основе выявленных закономерностей создать новое понимание права в России. Следует отметить, что действия по построению правового государства в нашей стране не увенчались успехом. Правовое государство не было воспринято общественным сознанием и не стало национальным идеалом. В чем же причина такого положения? Здесь можно говорить о том, что игнорируются национальные политико-правовые традиции [53]. Ведь успешное развитие возможно только при понимании национальных особенностей восприятия фундаментальных ценностей. Поскольку правовая система возникает и развивается в соответствии с чертами национального менталитета, положительные изменения её возможны только на основе всестороннего анализа национального правосознания, только в этом случае она приобретает суверенный характер, при наличии суверенной российской государственно-правовой идеологии и суверенной русской философии права [21; 52]. В.Е. Сысоев подтверждает данное положение: «ничто новое в праве не может войти в жизнь, обрести подлинное социальное бытие, не укоренившись в правосознании, не имея ментальной основы» [54].



Для того чтобы создать новое понимание права в России, нам следует определиться с источником государственности и духовности, который несет в себе народ. В России право никогда не претендовало на то, чтобы в системе социальных ценностей стоять выше нравственности. Чем это продиктовано? Думается, что ответить на этот вопрос мы можем, только изучая нашу цивилизационную матрицу, её дохристианские мировоззренческие элементы, поскольку дохристианское мировоззрение не исчезло после принятия крещения Русью. Оно продолжало существовать и проявлялось в памятниках древнерусского права, «вплелось» в церковные обряды и нормы поведения различных слоёв общества. Отсюда и компрехендный (всеохватывающий) подход к пониманию права, который мы декларируем [20; 22].

Русский народ подчиняется высоким идеалам, которые формировались в его общественном сознании многие века. Но в нашем обществе создана система права, подобная европейской. Какие ценности несут нам достижения европейской цивилизации? Например, индивидуализм, который будучи концепцией, развивающейся в странах Западной Европы, акцентирует важность индивида, его свободы, прав и самоопределения. Получается, что индивидуализм провозгласил независимость личности от общества и государства, заявил о примате личности над коллективом. Перечисленные положения – это ориентир для законодателя (доктрина естественного права).

Теория правового позитивизма, имея истоки в Древнем Риме и Западной Европе, говорит о том, что право – это волеизъявление суверена (правителя или государства в целом). Оба подхода к пониманию права чужды нашей цивилизационной матрице. Применяя аксиологический подход в рассмотрении этого вопроса можно сделать вывод о том, что духовные ценности, лежавшие в основе общественного устройства и общественных отношений, а также соотношение индивидуального и общественного в жизни наших предков, является совершенно чуждым тем противоречивым друг другу ценностям, которые несут в себе теории понимания права Западной цивилизации. Примат личности или примат государства – не для наших предков. Они видели мир иначе. Это не просто общество, существующее в какой-то среде и не сама среда, а это единое целое, в котором коэволюционирует и общество, и природа [6].

Если говорить современным языком, то наши предки строили свою общественную организацию, используя коэволюционный и ноосферный методы восприятия окружающего мира и себя в нём, смысла своего существования [16].

Изучение образов, представлений об окружающем мире, лежащих в основе исторически сложившейся за многие века организации общества, даёт понимание ценностей присущих общественному сознанию наших предков. Например, община и обряд, объединяющий всех её членов на духовном уровне. Понимание сакрального смысла этого действия поможет нам понять некоторые из ценностей, присущих общественному сознанию наших предков.

Община на Руси называлась «вервь». Веревка как символ общения вызывал недоумение у научной общественности времен монархии, которая была далека от народа. Наиболее близко к пониманию этого термина подошёл И.Я. Фроянов, он отмечает, что данное понятие не связано с экономикой, это понятие исходит из традиции – плетение верёвки. Данный обряд известен этнографам [56]. И эта часть мировоззрения народа, которая сохранилась с дохристианских времен. Этот сакральный обряд проводился за один день, то есть был обыденным. Плетение верёвки символизировало сплетение судеб общинников.

В памятнике древнерусского права «Русской Правде» закрепился термин «вервь» – название общины в соответствии с обрядом плетения верёвки, где судьбы тех, кто находится в общине, сплетены вместе.

В этом обряде участвовали все члены общины, начиная с семилетнего возраста. Обязанности по плетению верёвки были распределены между всеми членами общины, учитывая указанные возрастные рамки. К обряду допускались дети с семи лет, поскольку душа ребёнка, по народным представлениям, формировалась не на индивидуальной основе, а на коллективной. С рождения ребёнок находился в своей семье и по представлениям наших предков и относился к семейному «плотскому духу». К возрасту семи лет семейный «плотский дух» ребёнка наполняется другими качествами и переходит в состояние «закладного духа». Необходимо отметить, что и представители Церкви признали этот возрастной рубеж. В Своде законов Российской Империи, издания 1857 года, статьей 24 второй главы устанавливается: «Детей обоего пола приводить на исповедь, начиная с семилетнего их возраста, ежегодно» [37].

«Закладной дух» действует на протяжении всей жизни крестьянина в общине, пронизанной обрядом плетения верёвки [42; 43]. «Заклад» – это дух, который прошёл социализацию. Это значит, что человек осознавать обязательства перед другими людьми, и принимать обязательства других людей по отношению к нему. Человек начинает рассматриваться через взаимные обязательства с теми, с кем он находится в круговой поруке, будучи членом общины. Если рассматривать данный этап развития личности в правовой плоскости, то можно провести условную аналогию с дееспособностью.

Затем, в связи со смертью члена общины его «закладной дух» переходит в состояние «родительского духа». Важно проследить все этапы жизни человека того мировоззрения: «плотский дух» – «закладной дух» – «родительский дух». Последний этап символизирует переход человека в потусторонний мир. Человек, проходя все эти этапы развития духа, приобретая и реализуя все обязательства и «заклады» перед другими членами общины, должен был приобрести духовные качества помогающие приобрести «родительский статус» и уйти к умершим предкам. Но есть очень важный мотив вести себя достойно в рамках дохристианского мировоззрения, – с умершим не прощались в привычном нам понимании, поскольку усопшие предки составляли единую сакральную общину с живущими. И указанное триединство духа общинника есть связующая нить между живущими на «этом свете» и умершими предками, пребывающими «на том свете».

Итак, применяя междисциплинарный подход в исследовании смыслов, ценностей общественного сознания наших предков, мы будем способны, наконец, построить правовую систему, адекватную национальному самосознанию нашего народа. Мы лучше поймём основы коллективизма и высокие смыслы, стоящие в основе общественной организации нашего общества. Выявлен духовный смысл существования общины. В мировоззрении народа бессмертные души не могло быть достигнуто на индивидуальном начале, только на коллективном. Человеческая душа – часть коллективного сознания [44]. На наш взгляд, данные верования заслуживают пристального внимания и изучения.

Даже на примере одного обряда, становится понятным, что общественную организацию наших предков стоит рассматривать в разных научных плоскостях, не сводя к единственному экономическому смыслу их организацию.

## Библиографический список

1. *Александров А.И.* Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). 2-е изд., перераб. и доп. / Вступительное слово к первому изданию Член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2020. – 484 с.
2. *Байниязов Р.С.* Правосознание и правовой менталитет в России. – Саратов: Саратовский юридический ин-т МВД России, 2008. – 212 с.
3. *Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и её влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / Вступительное слово профессора А. Александрова. Изд. 2-е, испр., доп. – СПб.: Фонд «Университет», 2023. – 456 с. (Серия: «Наука и общество»).
4. *Бердяев Н.А.* Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – 1179 с.
5. *Булгаков С.Н.* Христианство и социализмъ / Проф. С. Н. Булгаков; Моск. просветительная комис. – М.: тип. т-ва Рябушинских, 1917. – 46 с.
6. *Бурак П.М.* Козволюционная парадигма как методологическое основание анализа тенденций постиндустриального развития общества // Труды БГТУ. – Серия 6: История, философия. – 2015. – № 5 (178). – С. 94–99.
7. *Воронков К.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников М.В.* Национальная идея добра и всеобщего союза как возможный вариант государственной идеологии в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3(69). – С. 117–123.
8. *Галиев Ф.Х.* О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С. 36–73.
9. *Галиев Ф.Х.* Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 182–190.
10. *Галиев Ф.Х.* Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М.: РАНХиГС, 2014. – 55 с.
11. *Галиев Ф.Х.* Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
12. *Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М.* Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. – Уфа: Башк. энцикл., 2018. – 292 с.
13. *Графский В.Г.* Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 114–119.
14. *Гусарова М.А.* Проблема российской правовой ментальности и российского правосознания: философский анализ // Грамота. – 2017. – № 3(77). – Ч. 1. – С. 54–57.
15. *Добро, доверие, справедливость в философско-правовой мысли: античность и современность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова.* – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2022. – 463 с.
16. *Ежов В.С., Балабан И. В.* Духовные ценности в формировании ноосферной культуры // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 2.
17. *Жданов П.С., Романовская В.Б.* О морали, нравственности и законе в работах русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв. // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 28–35.
18. *Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И.* От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90–98.
19. *Жук А.С., Лукашин Е.В., Прокофьев К.Г.* Сущностная свобода человека как условие его самоопределения в качестве субъекта права и морали (ценностный аспект) // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 12. – С. 189–195.

20. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Размышления о компрехендной теории права // Образование и право. – 2021. – № 5. – С. 98–105. DOI 10.24412/2076-1503-2021-5-98-105.
21. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183–194.
22. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Сущность права в фокусе компрехендной теории его познания // Сущность права: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М.И. Байтина / Под ред. В.М. Баранова, С.А. Белоусова, И.Н. Сенякина. – Саратов: СГЮА, 2022. – С. 105–118. – в кн. 312 с.
23. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 23–40.
24. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Свобода как конкретность идеи абсолютного добра в философии права Достоевского // Мониторинг правоприменения. – 2020. – № 1. – С. 4–7.
25. *Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р.* Философия права, добра, зла и преступности. Рецензия на книгу А.И. Александрова «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» / Вступительное слово Член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 2. – С. 185–196.
26. *Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева.* – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.
27. *Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Под общ. ред. В.П. Сальникова.* – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
28. *Из глубины: Сборник статей о русской революции / С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, С.А. Булгаков и др.* – М.: Московский ун-т, 1990. – 298 с.
29. *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Право и справедливость: актуальность теоретико-правовой концепции // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 8. – С. 168–172.
30. *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX–XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
31. *Карпунин В.А., Сальников В.П.* Право и мораль // Лики морали. Введение в этику: Учебно-научное пособие / Под науч. и общ. ред. В. Л. Обухова. – СПб.: Ривьера, 1996. – С. 104–105. – в кн. 189 с.
32. *Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л.* Политическая концепция абсолютного суверенитета Марсилия Падуанского и Жана Бодена в контексте синкретизма современной правовой культуры // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 22–28.
33. *Лосский Н.О.* Условия абсолютного добра: Основы этики; характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
34. *Лукашева Е.А.* Право, мораль, личность. – М.: Наука, 1986. – 263 с.
35. *Масленников Д.В., Сальников В.П.* Два способа дедукции права и морали в классической трансцендентальной философии: смысл различия // Право. Порядок. Ценности: Монография / Под общ. ред. Е.А. Фроловой. – М.: Проспект, 2022. – С. 90–99. – в кн. 688 с.
36. *Назарова Н.Л., Петросян Л.К., Сэруа В.С.* Эволюция семейных ценностей в современном западном мире // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 96–100.
37. *Наследие. Вып. 1: Религия – общество – государство: институты, процессы, мысль. Книга 1: История государственно-конфессиональных отношений в России (X –*

начало XXI века): Хрестоматия в двух частях / Сост. Ю.П. Зуев; под общ. ред. Ю.П. Зуева, В.В. Шмидта. Часть I: X – начало XX века. – М.: РАГС; ИД «МедиаПром», 2010. – 392 с.

38. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии Российской акад. наук, Национальный общественно-научный фонд; науч.-ред. совет.: В.С. Степин – пред. совета и др. – М.: Мысль, 2010.

39. *Ойгензихт В.А.* Мораль и право. – Душанбе: Ирфон, 1987. – 156 с.

40. Основы духовной культуры / Энциклопедический словарь педагога. – Екатеринбург: В.С. Безрукова, 2000. – 937 с.

41. *Патрушев Н.*: фундамент русского общества – система традиционных ценностей // <https://rossaprimavera.ru/news/90f07c22>

42. *Пыжиков А.В.* Взлёт над пропастью: 1890–1917 годы. – М.: Концептуал, 2019. – 550 с.

43. *Пыжиков А.В.* Грани русского раскола: заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. – М.: Древлехранилище, 2013. – 646 с.

44. *Пыжиков А.В.* Коренная Россия: Былины. Заговоры. Обряды. – М.: Концептуал, 2020. – 376 с.

45. *Пыжиков А.В.* Корни сталинского большевизма. – М.: Аргументы недели, 2015. – 379 с.

46. *Сальников В.П., Груздева М.Л.* Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11–22.

47. *Сальников В.П., Романовская В.Б.* «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 11–15.

48. *Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Сальников М.В.* Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 19–26.

49. *Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И.* Западная цивилизация и угроза глобального интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193–202.

50. *Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р.* Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58–68.

51. *Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р.* «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192–198.

52. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И.* Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170–178.

53. *Сальников М.В.* Политико-правовая традиция России: генезис и эволюция: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 203 с.

54. *Сысоев В.Е.* Социокультурные и ментальные детерминанты правосознания россиян // Известия Саратовского университета. – Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2007. – Т. 7. – № 2. – С. 67–69.

55. Философско-правовое познание: актуальные проблемы. Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022. – 417 с.

56. *Фроянов И.Я.* Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды). – СПб.: Астерион, 2010. – 314 с.

57. *Экимов А.И.* Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13–23.

---

**Для цитирования:** *Захарцев С.И., Кривоносова Д.В., Сальников В.П.* Ментальность народа и правовое развитие государства: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 100–107.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_100

## THE MENTALITY OF THE PEOPLE AND THE LEGAL DEVELOPMENT OF THE STATE

Sergey I. Zakhartsev\*  
Diana V. Krivonosova\*\*  
Viktor P. Sal'nikov\*\*\*

**Annotation.** *Some obstacles to building a rule of law state in Russia are considered. Actions in this direction in our country were not entirely successful, since the public consciousness did not fully accept this state structure, which belongs to the Western European civilizational type. As a result, the rule of law did not become a national ideal. The above study reveals the spiritual meaning of the community's existence, its sacredness, which includes the world of ancestors. It is concluded that in the worldview of the people, the immortality of the soul could not be achieved on an individual basis, only on a collective basis. This approach presupposes a direction in the study of the meanings and values of the social consciousness of our ancestors. Knowledge of these meanings, according to the authors, will help in building a legal system that is adequate to the national identity of our people and corresponds to its sovereign character.*

**Key words:** *mentality of the people, archetypes, national identity, rule of law, collective principles, community, spiritual values, public consciousness, sovereignty of the legal system.*

In this article we examine the images and ideas that underlie the historically established organization of society, as well as the national self-awareness of the Russian people. The study of these images and ideas about the world around us gives an understanding of the values inherent in the social consciousness of our ancestors [14]. This perception of values is important for the Russian legal system, since its formation occurs in accordance with the features of national consciousness [4; 5]. The methodological basis of the study was analysis, synthesis, and induction, interdisciplinary and axiological approaches.

In our opinion, the most striking bearers of the spiritual heritage of indigenous Russia can be found more than a hundred years ago, during the times of revolutions and the construction of a new organization of society – the country of the Soviets [28]. The question arises: what was the people's environment like before the revolution and in the confessional sense too? It is impossible to assume that tens of millions of people from the worker-peasant environment were atheists who read the works of K. Marx [45]. The people lived by faith, only these beliefs were both Old Believer and what we call Vedic or pagan. Their interweaving (of beliefs) gave rise to an environment alien to the Nikonian church.

---

\* **Zakhartsev Sergey Ivanovich**, Professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation, Doctor of Law, Corresponding Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences (St. Petersburg, Russia). E-mail: Zakhartsev2306@mail.ru

\*\* **Krivonosova Diana Valerievna**, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia (St. Petersburg), Candidate of Legal Sciences, Major of Internal Service. E-mail: Fonduniver@bk.ru

\*\*\* **Sal'nikov Viktor Petrovich**, Professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences. E-mail: Fonduniver@bk.ru

## Theory of State and Law

---

The establishment of justice on earth – this faith lived in the Russian people and other peoples inhabiting Russia. In his works A.V. Pyzhikov reveals the content of national consciousness, which domestic legal scholars write about: Russian legal consciousness is based on the values of justice, spirituality and collectivism. Justice lies at the basis of recognition of the law and agreement with the provisions it carries. A law adopted by the state can be considered illegitimate if it lacks morality and is far from the principle of social justice [42]. For a Russian person, the idea of Right and the idea of Law are separated from each other. As a consequence of this distinction, the law in Russia did not have the rigor similar to the examples of European law. Traditionally, the law is secondary to the Truth; one must follow and obey it.

Let us also note that law occupies a secondary position in the minds of Russian people in comparison with spiritual values, such as truth, moral perfection, and religious shrines. In the Russian mentality, according to R.S. Bainiyazov, “spiritual structures are extremely closely connected with moral, religious and at the same time with state (political) elements” [2].

Other researchers also pay attention to this fact. It is difficult to imagine a Russian person without the unity in his soul of moral, legal, corporate rules and religious dogmas. It is in their unity and balance that he sees the triumph of justice and freedom in public life. According to domestic researchers, Russian citizens today perceive goodness, trust, and justice as a gift from the Creator [15; 24; 25; 26; 27; 29; thirty; 48; 57]. In the current conditions, the situation of unity of all social norms to regulate the behavior of man and society has been called “syncretism of modern domestic legal culture” [8; 9; 10; eleven; 12, p. 187–207; 32].

For example, Professor F.Kh. Galiev defines this situation as follows: “In the modern world, it is difficult to find a legal norm that would contradict the requirements of other normative regulators of social relations that function in society in the form of norms of morality, religion, ethics, etc. This is objectively connected with the syncretism of legal culture, which means the interdependence of the requirements of the entire complex of social norms operating in modern society in the process of their impact on the consciousness and behavior of people” [10, p. 12]. As for law and morality, they are organically connected with each other and their unity is initially inherent in the Russian people [13; 17; 19; 23; 31; 34; 35; 39]. And yet, the primary sphere for Russian people remains the sphere of differentiation between good and evil, the sphere of justice [1; 3; 7; 33; 55, p. 254–282].

So, after the socialist revolution of 1917, when the Provisional Government fell, this created a fundamentally new situation in which the Russian worker and peasant had never lived before – for the first time they were left to their own devices. Now, having overthrown the oppressors of the people, finding themselves in a new capacity, a significant part of the workers and peasants began their new trajectory of development: they carried within themselves the mentality with which previous generations of their ancestors were charged.

Mentality here acts as a stable set of attitudes and predispositions of a social group to perceive the world in a certain way; it is a deep level of collective consciousness, including the unconscious [40]. The spiritual and moral values that underlie this perception allow us to perceive the world in a certain way. These values determine the behavior of an individual or a community [38]. In Russia they have always been significantly different from Western ones. Today, this difference is becoming antagonistic and forcing our Fatherland to reorient itself from West to East [18; 36; 46; 47; 49; 50; 51]. Russian values include “..

the priority of the spiritual over the material, the protection of human life, human rights and freedoms, family, creative work, service to the Fatherland, morality and ethics, humanism, mercy, justice, mutual assistance, collectivism, the historical unity of the peoples of Russia, the continuity of history our Motherland" [41]. They are incomparable with Western ones, which are alien to the Russian people.

After the revolution of 1917, all this mentality, concentrated in the representatives of the people, filled the Bolshevik Party ("Lenin's calls to the party") and created the conditions for the successful implementation of the Soviet project.

These were not practicing Old Believers or pagans. These were people with that mentality who entered the power structures of the young Soviet state and remade these structures for themselves, in accordance with their mentality.

Recently, we have come to understand the relevance of studying the history of the spiritual values of our people, the processes of restructuring public consciousness in order to create a new understanding of law in Russia based on the identified patterns. It should be noted that efforts to build a rule of law state in our country have not been successful. The rule of law was not accepted by public consciousness and did not become a national ideal. What is the reason for this situation? Here we can say that national political and legal traditions are ignored [53]. After all, successful development is possible only with an understanding of the national characteristics of the perception of fundamental values. Since the legal system arises and develops in accordance with the features of the national mentality, its positive changes are possible only on the basis of a comprehensive analysis of the national legal consciousness, only in this case does it acquire a sovereign character, in the presence of a sovereign Russian state-legal ideology and a sovereign Russian philosophy of law [21; 52]. V.E. Sysoev confirms this position: "nothing new in law can enter life, gain true social existence, without taking root in legal consciousness, without having a mental basis" [54].

In order to create a new understanding of law in Russia, we need to determine the source of statehood and spirituality that the people carry within them. In Russia, law has never claimed to be above morality in the system of social values. What dictated this? It seems that we can answer this question only by studying our civilizational matrix, its pre-Christian worldview elements, since the pre-Christian worldview did not disappear after the baptism of Russia. It continued to exist and was manifested in the monuments of ancient Russian law, and was "woven" into church rituals and norms of behavior of various strata of society. Hence the comprehensive (all-encompassing) approach to understanding law that we declare [20; 22].

The Russian people submit to high ideals that have been formed in their social consciousness for many centuries. But in our society a legal system similar to the European one has been created. What values do the achievements of European civilization bring us? For example, individualism, which, being a concept developing in Western European countries, emphasizes the importance of the individual, his freedom, rights and self-determination. It turns out that individualism proclaimed the independence of the individual from society and the state, declared the primacy of the individual over the collective. The listed provisions are a guideline for the legislator (the doctrine of natural law).

The theory of legal positivism, having its origins in Ancient Rome and Western Europe, says that law is the will of the sovereign (ruler or state as a whole). Both approaches to understanding law are alien to our civilizational matrix. Applying an axiological approach to considering this issue, we can conclude that the spiritual values that underlay the social structure and social relations, as well as the relationship between the individual and



the social in the lives of our ancestors, are completely alien to those contradictory values that they carry theories of understanding the law of Western civilization. The primacy of the individual or the primacy of the state is not for our ancestors. They saw the world differently. This is not just a society existing in some environment and not the environment itself, but a single whole in which both society and nature co-evolve [6].

Speaking in modern language, our ancestors built their social organization using co-evolutionary and noospheric methods of perceiving the world around them and themselves in it, the meaning of their existence [16].

The study of images and ideas about the surrounding world that underlie the organization of society that has historically developed over many centuries gives an understanding of the values inherent in the social consciousness of our ancestors. For example, a community and a ritual that unites all its members on a spiritual level. Understanding the sacred meaning of this action will help us understand some of the values inherent in the social consciousness of our ancestors.

The community in Rus' was called "verv". The rope as a symbol of communication caused bewilderment among the scientific community during the monarchy, which was far from the people. I.Ya. came closest to understanding this term. Froyanov, he notes that this concept is not related to economics, this concept comes from tradition – weaving rope. This ritual is known to ethnographers [56]. And this is part of the worldview of the people, which has been preserved since pre-Christian times. This sacred rite was carried out in one day, that is, it was ordinary. The weaving of the rope symbolized the intertwining of the destinies of the community members.

In the monument of ancient Russian law "Russian Truth", the term "rope" was fixed – the name of the community in accordance with the ritual of weaving a rope, where the destinies of those in the community are woven together.

All members of the community, starting from the age of seven, participated in this ritual. Responsibilities for weaving rope were distributed among all members of the community, taking into account the specified age limits. Children from the age of seven were allowed to participate in the ritual, since the soul of a child, according to popular beliefs, was formed not on an individual basis, but on a collective one. From birth, the child was in his family and, according to the ideas of our ancestors; he belonged to the family "carnal spirit". By the age of seven, the child's family "carnal spirit" is filled with other qualities and passes into the state of a "mortgage spirit." It should be noted that representatives of the Church also recognized this age limit. In the Code of Laws of the Russian Empire, edition of 1857, Article 24 of the second chapter establishes: "Children of both sexes should be brought to confession, starting from the age of seven, annually" [37].

The "mortgage spirit" operates throughout the life of a peasant in a community imbued with the ritual of weaving rope [42; 43]. "Zaklad" is a spirit that has undergone socialization. This means that a person is aware of obligations to other people, and accepts other people's obligations towards him. A person begins to be viewed through mutual obligations with those with who he is in mutual responsibility, being a member of the community. If we consider this stage of personal development from a legal perspective, we can draw a conditional analogy with legal capacity.

Then, in connection with the death of a community member, his "mortgage spirit" passes into the state of "parental spirit." It is important to trace all stages of the life of a person of that worldview: "carnal spirit" – "mortgage spirit" – "parental spirit". The last stage symbolizes a person's transition to the other world. A person, going through all these

stages of spiritual development, having acquired and realized all obligations and “pledges” to other members of the community, had to acquire spiritual qualities that would help him acquire “parental status” and go to his deceased ancestors. But there is a very important motive to behave with dignity within the framework of the pre-Christian worldview – they did not say goodbye to the deceased in the usual sense, since the deceased ancestors formed a single sacred community with the living. And the indicated trinity of the spirit of the community member is the connecting thread between those living in “this world” and the deceased ancestors who are “in the next world”.

So, by applying an interdisciplinary approach to the study of the meanings and values of the social consciousness of our ancestors, we will be able to finally build a legal system that is adequate to the national identity of our people. We will better understand the foundations of collectivism and the high meanings that underlie the social organization of our society. The spiritual meaning of the community's existence is revealed. In the worldview of the people, the immortality of the soul could not be achieved on an individual basis, only on a collective basis. The human soul is part of the collective consciousness [44]. In our opinion, these beliefs deserve close attention and study.

Even using the example of one ritual, it becomes clear that the social organization of our ancestors should be considered in different scientific planes, without reducing their organization to the only economic meaning.

### Bibliography

1. Alexandrov A.I. Philosophy of evil and philosophy of crime (issues of philosophy of law, criminal policy and criminal procedure). 2nd ed., revised. and additional / Introduction to the first edition by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor D.A. Kerimova. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2020. 484 p.
2. Bainiyazov R.S. Legal awareness and legal mentality in Russia. Saratov: Saratov Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. 212 p.
3. Bastykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. The idea of Good in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the philosophy of law (to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky) / Opening speech by Professor A. Alexandrov. Ed. 2nd, corrected, additional St. Petersburg: University Foundation, 2023. 456 p. (Series: “Science and Society”).
4. Berdyaev N.A. The fall of the sacred Russian kingdom: journalism, 1914–1922. Moscow: Astrel, 2007. 1179 p.
5. Bulgakov S.N. Christianity and socialism / Prof. S. N. Bulgakov; Moscow educational commission Moscow: Type. t-va Ryabushinsky, 1917. 46 p.
6. Burak P.M. Co-evolutionary paradigm as a methodological basis for analyzing trends in post-industrial development of society // Proceedings of BSTU. Series 6: History, philosophy. 2015. No. 5 (178). pp. 94–99.
7. Voronkov K.I., Ismagilov R.F., Salnikov M.V. The national idea of goodness and universal union as a possible version of state ideology in the Russian Federation // Rule of law: theory and practice. 2022. No. 3(69). pp. 117–123.
8. Galiev F.Kh. On the syncretism of legal culture // Rule of law: theory and practice. 2013. No. 4(34). From 36–73.
9. Galiev F.Kh. Legal culture: social and philosophical problems // World of politics and sociology. 2016. No. 7. pp. 182–190.
10. Galiev F.Kh. Syncretism of the legal culture of modern Russia: theoretical-methodological and historical-applied research: Author's abstract. dis. ... doc. legal Sci. Moscow: RANEPА, 2014. 55 p.
11. Galiev F.Kh. Syncretism of modern legal culture: Monograph. Ufa: Bash State University, 2011. 354 p.

12. Galiev F.Kh., Rayanov F.M. Social science in the 21st century: theoretical and legal aspect. Ufa: Bashk. encycl., 2018. 292 p.
13. Grafsky V.G. Law and morality in history: problems of the value approach // State and Law. 1998. No. 8. P. 114–119.
14. Gusarova M.A. The problem of Russian legal mentality and Russian legal consciousness: philosophical analysis // Diploma. 2017. No. 3(77). Part 1. pp. 54–57.
15. Goodness, trust, justice in philosophical and legal thought: antiquity and modernity: Monograph / Ed. ed. V.P. Salnikova. St. Petersburg: St. Petersburg Military Institute of National Guard Troops, University Foundation, 2022. 463 p.
16. Ezhov V.S., Balaban I.V. Spiritual values in the formation of noospheric culture // World of science, culture, education. 2012. No. 2.
17. Zhdanov P.S., Romanovskaya V.B. About morality, morality and law in the works of Russian religious philosophers of the late 19th – early 20th centuries. // World of politics and sociology. 2013. No. 11. P. 28–35.
18. Zhdanov P.S., Salnikov S.P., Romanovskaya V.B., Tsyganov V.I. From humanism to immorality, from natural rights to unnatural rights: a change in the value foundations of Western law // World of Politics and Sociology. 2015. No. 11. P. 90–98.
19. Zhuk A.S., Lukashin E.V., Prokofiev K.G. Essential freedom of a person as a condition for his self-determination as a subject of law and morality (value aspect) // Legal science: history and modernity. 2022. No. 12. P. 189–195.
20. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Reflections on the comprehensive theory of law // Education and Law. 2021. No. 5. P. 98–105. DOI 10.24412/2076-1503-2021-5-98-105.
21. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Reflections on the foundations of Russian sovereign philosophical and legal ideology // Legal science: history and modernity. 2020. No. 2. P. 183–194.
22. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The essence of law in the focus of the comprehensive theory of its knowledge // The essence of law: a collection of articles for the 100th anniversary of the birth of Professor M.I. Baytin / Ed. V.M. Baranova, S.A. Belousova, I.N. Senyakin. Saratov: SGUA, 2022. pp. 105–118.
23. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. What distinguishes a person of Russian culture from any other: a philosophical and legal view // Legal science: history and modernity. 2016. No. 1. P. 23–40.
24. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Freedom as the concreteness of the idea of absolute good in Dostoevsky's philosophy of law // Monitoring of law enforcement. 2020. No. 1. P. 4–7.
25. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P., Khabibulin A.G., Mursalimov K.R. Philosophy of law, good, evil and crime. Review of the book by A.I. Alexandrov "Philosophy of evil and philosophy of crime (issues of philosophy of law, criminal policy and criminal procedure)" / Opening speech by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor D.A. Kerimova. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2013. 598 p. // Legal science: history and modernity. 2016. No. 2. P. 185–196.
26. The idea of freedom. Right. Morality (classical and postclassical philosophy of law): Monograph / Ed. doc. legal Sciences S.I. Zakhartseva. Moscow: Yurlitinform, 2020. 288 p.
27. The idea of justice in the traditions of postclassical philosophy of law: Scientific publication / Ed. ed. V.P. Salnikova. St. Petersburg: University Foundation, 2012. 176 p.
28. From the depths: Collection of articles about the Russian revolution / S.A. Askoldov, N.A. Berdyaev, S.A. Bulgakov et al. Moscow: Moscow University, 1990. 298 p.
29. Ismagilov R.F., Salnikov V.P. Law and justice: the relevance of the theoretical and legal concept // Legal science: history and modernity. 2016. No. 8. pp. 168–172.
30. Ismagilov R.F., Salnikov V.P. Law and justice: historical traditions and modern models (Historical and legal analysis of theoretical studies of topical issues of the relationship between the idea of law and the idea of justice in the 20th–21st centuries): Monograph. St. Petersburg: University Foundation, 2017. 324 p. (Series: "Science and Society").

31. Karpunin V.A., Salnikov V.P. Law and morality // Faces of morality. Introduction to ethics: Educational and scientific manual / Under scientific and general ed. V. L. Obukhova. St. Petersburg: Riviera, 1996. pp. 104–105. In the book. 189 p.
32. Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Tretyakov I.L. The political concept of absolute sovereignty of Marsilius of Padua and Jean Bodin in the context of the syncretism of modern legal culture // Legal science: history and modernity. 2016. No. 3. pp. 22–28.
33. Lossky N.O. Conditions of absolute goodness: Fundamentals of ethics; character of the Russian people. Moscow: Politizdat, 1991. 368 p.
34. Lukashova E.A. Law, morality, personality. Moscow: Nauka, 1986. 263 p.
35. Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Two methods of deduction of law and morality in classical transcendental philosophy: the meaning of the difference // Law. Order. Values: Monograph / Under general ed. E.A. Frolova. Moscow: Prospekt, 2022. pp. 90–99. In the book. 688 pp.
36. Nazarova N.L., Petrosyan L.K., Serua V.S. The evolution of family values in the modern Western world // Legal science: history and modernity. 2017. No. 5. P. 96–100.
37. Legacy. Vol. 1: Religion – society – state: institutions, processes, thought. Book 1: History of state-confessional relations in Russia (X – beginning of the XXI century): Reader in two parts / Comp. Yu.P. Zuev; under general ed. Yu.P. Zueva, V.V. Schmidt. Part I: X – beginning of the 20th century. Moscow: RAGS; Publishing House "MediaProm", 2010. 392 p.
38. New philosophical encyclopedia: in 4 volumes / Institute of Philosophy of the Russian Academician. Sciences, National Social Science Foundation; scientific-ed. advice: V.S. Stepin – prev. council, etc. Moscow: Mysl, 2010.
39. Ugenzikht V.A. Morality and law. Dushanbe: Irfon, 1987. 156 p.
40. Fundamentals of spiritual culture / Encyclopedic Dictionary of a Teacher. Ekaterinburg: V.S. Bezrukova, 2000. 937 p.
41. Patrushev N.: the foundation of Russian society is a system of traditional values // <https://rossaprimavera.ru/news/90f07c22>
42. Pyzhikov A.V. Taking off over the abyss: 1890–1917. Moscow: Conceptual, 2019. 550 p.
43. Pyzhikov A.V. Facets of the Russian schism: notes on our history from the 17th century to 1917. Moscow: Drevlekhranilishche, 2013. 646 p.
44. Pyzhikov A.V. Indigenous Russia: Epics. Conspiracies. Rituals. Moscow: Conceptual, 2020. 376 p.
45. Pyzhikov A.V. The roots of Stalin's Bolshevism. Moscow: Arguments of the Week, 2015. 379 p.
46. Salnikov V.P., Gruzdeva M.L. Overcoming Europe: philosophical and legal essay // World of Politics and Sociology. 2015. No. 8. pp. 11–22.
47. Salnikov V.P., Romanovskaya V.B. "Orient" or "oxident": which way is the Russian eagle looking? // World of politics and sociology. 2014. No. 11. pp. 11–15.
48. Salnikov V.P., Ismagilov R.F., Salnikov M.V. Plato, Aristotle, Thomas Aquinas and the idea of justice in the natural law tradition // World of Politics and Sociology. 2016. No. 9. pp. 19–26.
49. Salnikov V.P., Romanovskaya V.B., Tsyganov V.I. Western civilization and the threat of the Blue International: political and legal aggression of the postmodern period // World of Politics and Sociology. 2015. No. 9. pp. 193–202.
50. Salnikov V.P., Romanovskaya V.B., Salnikov M.V., Romanovskaya L.R. Why to the East: Russia's turn in the modern political and legal space // Legal field of modern economics. 2015. No. 9. P. 58–68.
51. Salnikov V.P., Romanovskaya V.B., Salnikov M.V., Romanovskaya L.R. "Russian turn" in political and legal discourse // Scientific notes of the Faculty of Law. 2015. No. 38(48). pp. 192–198.
52. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Prokofiev K.G., Morozov A.I. The principle of sovereignty of state-legal ideology and philosophy of law // World of Politics and Sociology. 2019. No. 9. P. 170–178.
53. Salnikov M.V. Political and legal tradition of Russia: genesis and evolution: Monograph. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. 203 p.

## Theory of State and Law

---

54. Sysoev V.E. Sociocultural and mental determinants of the legal consciousness of Russians // News of Saratov University. New episode. Series: Sociology. Political science. 2007. T. 7. No. 2. P. 67–69.

55. Philosophical and legal knowledge: current problems. Monograph / Under the general. ed. V.P. Salnikova. St. Petersburg: St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, University Foundation, 2022. 417 p.

56. Froyanov I.Ya. Dependent people of Ancient Rus' (servants, serfs, tributaries, smerds). St. Petersburg: Asterion, 2010. 314 p.

57. Ekimov A.I. Axiom of the relationship between justice and law // World of politics and sociology. 2015. No. 1. P. 13–23.

---

**For citation:** Zakhartsev S.I., Krivonosova D.V., Salnikov V.P. The mentality of the people and the legal development of the state: article // Theory of state and law. 2024. No. 1 (35). Pp. 108–115.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_100

## Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.400.32

DOI 10.47905/MATGIP\_2024\_1\_35\_116

Е.Л. Иванова\*

## ПРАВОВОЕ ЛИЦЕМЕРИЕ В ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

***Аннотация.** Статья посвящена малоизученному правовой наукой, но распространенному в правоприменительной практике явлению – правовому лицемерию. Автор статьи на примерах судебной практики обосновывает существование в публично-правовых отношениях самостоятельной отличной от категории злоупотребления правом категории правового лицемерия, выделяет признаки последнего.*

***Ключевые слова:** правовое лицемерие, злоупотребление правом, право на социальное обеспечение, обжалование судебных актов.*

Различные аспекты недобросовестного использования субъективных прав и реализации полномочий не первое столетие привлекают внимание правоведов. При этом в отечественной юридической науке данные вопросы, как правило, олицетворяются с понятием «злоупотребление правом», а их исследование не характеризуются своей последовательностью.

В дореволюционной России учение о злоупотреблении правом в юридической науке получило развитие в основном в трудах Е.В. Васьковского, который в свое время уделял внимание категории злоупотребления правом именно в процессуальных правоотношениях [22, с. 677].

В работах советских юристов категория злоупотребления правом преимущественно исследовались сквозь призму гражданских правоотношений [20, с. 80; 29; 30, с. 8], что находило свое отражение и в законодательном регулировании того периода. Несмотря на то, что в Гражданском кодексе РСФСР [4] термин «злоупотребление правом» не упоминался, в его ст. 5 содержалось правило о том, что гражданские права охраняются законом, за исключением случаев, когда они осуществляются в противоречии с назначением этих прав в социалистическом обществе в период строительства коммунизма. Одновременно с этим термин «злоупотребление правом» широко использовался в семейном законодательстве советского периода [2, ст. 132].

Современное понимание «злоупотребления правом» в первую очередь также основывается на положениях действующего Гражданского кодекса Российской Федерации [5], согласно пункту 1 статьи 10 которого злоупотребление правом рассматривается как осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью [21; 27], а также иное заведомо недобросовестное осуществление *гражданских прав* [26]. В Семейном кодексе Российской Федерации [8] при регулировании прав ребен-

---

\* **Иванова Елена Леонидовна**, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук. E-mail: lenai@list.ru

ка на защиту словосочетание «злоупотребление правом» используется в контексте недопущения злоупотребления родителями своими семейными правами (статья 56).

Одновременно с тем, что современные ученые ведут активную дискуссию как в отношении самого факта существования данной категории [21; 27, с. 8–12; 28], так и в отношении элементов злоупотребления [27, с. 55], вопросы, связанные со злоупотреблением правом, в последние годы вышли за рамки цивилистического дискурса [24, с. 155–165] и получили более широкое звучание. Например, запрет на злоупотребление лицами, участвующими в деле, своими процессуальными правами закрепляется процессуальным законодательством [3; 6; 7].

Более того, запреты на злоупотребление участниками правоотношений своими субъективными правами все чаще фиксируются в законодательстве, регулирующем публично-правовые отношения. Так статьей 68 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» закрепляется недопустимость злоупотребления правом на проведение агитации по вопросам референдума [10], а в Законе «О средствах массовой информации» предусмотрен запрет на недопустимость злоупотребления правами журналиста [11]. Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [12] устанавливается возможность уполномоченных должностных лиц предупреждать граждан о недопустимости злоупотребления ими конституционным правом на обращение (ч. 3 статьи 11).

Проведенный анализ указанных положений федерального законодательства показал, что несмотря на публично-правовую сферу общественных отношений, правовая природа самого явления злоупотребления правом, не приобретает иных качеств, отличных от ее понимания в частно-правовых отношениях. Субъективное право, запрет на злоупотребление которое фиксируется законодательством, даже в публично-правовых отношениях является субъективным правом гражданина (право на обращение, проведение агитации, занятие профессиональной деятельностью), добросовестность реализации которого зависит исключительно от самого управомоченного субъекта, его уровня правосознания, воспитания, моральных и нравственных ценностей. При этом у законодателя в процессе правовой регламентации субъективных прав (в том числе в сфере публично-правовых отношений) крайне мало возможностей по установлению условий, ограничений и иных особенностей, поскольку большая часть из них может быть истолкована, как нарушение субъективного права гражданина. Такие примеры нередки в правоприменительной практике.

Так О.С. Курченко в своем исследовании, посвященном злоупотреблению социально-обеспечительными правами [22, с. 157], описывает ситуацию, когда в соответствии с положениями Указа Президента РФ от 28 декабря 2006 года № 1455 «О компенсационных выплатах лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными гражданами» [17], граждане злоупотребляли правом на получение трудоспособным неработающим лицом ежемесячных компенсационных выплат в связи с осуществлением ухода за инвалидами I группы, а также престарелыми гражданами.

Он обоснованно отмечает, что в Указе не определены объем и содержание действий, составляющих в совокупности уход за нетрудоспособным гражданином, а также не установлено, за каким количеством таких нетрудоспособных граждан может осуществлять уход одно неработающее трудоспособное лицо. В этой связи на практике зачастую фиксируются случаи обращения за установлением компенсационных выплат в связи с осуществлением одним трудоспособным лицом ухода за десятью, двадцатью и более нетрудоспособными гражданами одновременно. О.С. Ку-

черенко приводит примеры, когда право на получение компенсационной выплаты ввиду ухода за одним нетрудоспособным гражданином одновременно возникало у 15 – 20 человек.

Отметим, что одновременно в публично-правовом законодательстве закрепляются конструкции, которые не могут быть квалифицированы в качестве злоупотребления правом.

Так в содержание Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [13] включена статья 11 с названием «Недопустимость злоупотребления правом». Указанная статья одновременно устанавливает *запрет на злоупотребление правом* в ходе проведения проверочных мероприятий гражданами и организациями, в отношении которых они проводятся (часть 3) и *запрет на использование контрольными (надзорными) органами и их должностными лицами полномочий* в целях воспрепятствования законной деятельности контролируемых лиц, необоснованного увеличения сроков осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля (часть 1).

Таким образом, неясно: рассматривается ли в данном случае злоупотребление полномочиями в качестве элемента злоупотребления правом или данные категории отождествляются? На наш взгляд, такая неопределенность законодательной терминологии обусловлена невозможностью полной адаптации категории «злоупотребления правом» для публично-правовой сферы. Справедливым является использование данной дефиниции только при закреплении запрета злоупотребления своими субъективными правами физическими или юридическими органами. В ситуации же, когда речь идет о необходимости закрепления запрета принятия решений государственными (муниципальными) органами «вне духа закона» использовать данную конструкцию представляется неуместным.

Государственные (муниципальные) органы (далее также – уполномоченный орган, уполномоченные органы) не обладают субъективными правами, вступая в публично-правовые отношения, они реализуют закрепленные за ними полномочия. В случае, когда должностные лица указанных органов выходят за пределы своих полномочий, законодатель устанавливает меры уголовно-правовой ответственности (ст. 285, 285<sup>4</sup> Уголовного кодекса Российской Федерации [9]).

Одновременно с этим в правоприменительной практике имеют место ситуации, когда уполномоченный орган (его должностные лица) действуют формально правомерно, но в результате такой деятельности принимается правоприменительное решение, противоположное назначению соответствующего права. При этом должностные лица уполномоченного органа с формальной точки зрения действуют правомерно, однако, как правило, осознают, что их решение не отвечает целям правового регулирования, не способствует реализации прав гражданина, скорее, напротив – вызывают общественно-вредные последствия.

Данные действия наносят гораздо больший общественный вред, чем обычное злоупотребление правом, как минимум по двум причинам. Во-первых, изначально более «сильное», с точки зрения обладания властными полномочиями, положение уполномоченного органа «уязвляет» других участников правоотношения в желании защитить свое право, используя административные и судебные инструменты обжалования. Во-вторых, существует угроза массового нарушения прав граждан и юридических лиц, ввиду повторяющегося формально правомерного, но не соответствующего истинной цели правового регулирования поведения уполномоченного субъекта.



Особенный негативный характер такое поведение приобретает тогда, когда речь идет о социальных выплатах, установленных в отношении детей. Сугубо формальный подход уполномоченных органов при принятии решения о назначении (отказе в назначении) выплаты не просто снижают уровень социальной обеспеченности населения, но и приводят к прямому нарушению положений части 1 статьи 38 Конституции Российской Федерации, гарантирующей защиту государства детству, материнству и семье [1].

Одним из самых ярких тому примеров является усмотренческое отношение региональных подразделений Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации (далее – Фонд) к принятию решений о назначении (отказе в назначении) выплат на детей.

Согласно положениям Указа Президента Российской Федерации от 31 марта 2022 года № 175 «О ежемесячной денежной выплате семьям, имеющим детей в возрасте от 8 до 17 лет» [16] органом, уполномоченным на принятие решения о назначении (отказе в назначении) ежемесячной выплаты семьям, был определен Фонд.

При принятии решений о назначении (отказе в назначении) выплаты Фонд в период с мая по декабрь 2022 года руководствовался положениями Постановления Правительства РФ от 9 апреля 2022 года № 630 «Об утверждении основных требований к порядку и условиям предоставления ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 8 до 17 лет, примерного перечня документов (сведений), необходимых для назначения указанной ежемесячной выплаты, и типовой формы заявления о ее назначении» [15] (далее – Постановление Правительства РФ № 630).

Фонд при расчете среднедушевого дохода семьи заявителя для сопоставления его с величиной прожиточного минимума на душу населения все доходы семьи заявителя, полученные в течение периода, предшествующего четырем календарным месяцам перед месяцем подачи заявления, делил на 12, за исключением: доходов по вкладам в кредитных организациях; дивидендов, процентов и иных доходов по операциям с ценными бумагами и производными финансовыми инструментами, связанных с участием в управлении собственностью организации; доходов от осуществления предпринимательской деятельности; доходов от реализации и сдачи в аренду (наем, поднаем) имущества; доходов по договорам авторского заказа, об отчуждении исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и лицензионным договорам [15, пп. 23, 32 и 35].

Судебные органы в такой ситуации, поддерживая доводы заявителей о незаконном отказе в назначении выплаты, отмечали, что Фонд неверно производил расчет среднедушевого дохода семьи и обязывали Фонд назначить выплату с момента подачи заявления гражданина.

Так Кировским районным судом г. Иркутска 19 октября 2022 года вынесено решение, которым удовлетворены иски гражданина о назначении ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от восьми до семнадцати лет. В указанном судебном решении суд счел неверным именно расчет среднедушевого дохода семьи заявителя, при расчете которого учитывался именно годовой доход от процентов по банковским вкладам заявителя без его деления на 12 [19]. Разрешая спор и удовлетворяя иски, суд первой инстанции исходил из того, что среднедушевой доход семьи заявителя в месяц составил меньше величины прожиточного минимума на душу населения, установленного в Иркутской области, на момент подачи обращения о назначении выплаты в отделение Фонда по Иркутской области.

Реализуя свое право на апелляционное обжалование Фонд обратился в Иркутской областной суд. При этом доводы апелляционной жалобы представителя Фонда сводились к позиции, выраженной в суде первой инстанции. Вынесенным 4 мая 2023 года апелляционным определением Иркутского областного суда решение Кировского районного суда г. Иркутска было оставлено без изменения, апелляционная жалоба – без удовлетворения [18]. Иркутским областным судом также отмечалось, что суд первой инстанции правильно определил обстоятельства дела, дал им надлежащую правовую оценку и постановил законное и обоснованное решение.

Далее при подаче кассационной жалобы Фонд дополнительно заявил ходатайство о приостановлении исполнения вступивших в силу судебных актов. Удовлетворение данного ходатайства судом кассационной инстанции привело к тому, что момент назначения социальной выплаты на несовершеннолетнего ребенка опять отложили на неопределенный срок (при этом судебные разбирательства к этому времени длились уже почти год). Изучение материалов дела показало, что объективных причин ни к подаче Фондом кассационной жалобы, ни для удовлетворения судом ходатайства Фонда не было, так как новых доводов в кассационной жалобе не было изложено, а при аналогичных доходах семьи за этот же расчетный период на второго ребенка заявителя социальная выплата была установлена.

Таким образом, несмотря на то, что задачей Фонда в первую очередь выступает реализация права граждан на социальное обеспечение, он вместо ее реализации, напротив – активно способствовал нарушению указанного конституционного права.

Описанное сочетание возможности усмотренческого, сугубо формального истолкования положения Постановления Правительства РФ № 630, сопряженное с недобросовестно реализуемым правом на судебное обжалование, по нашему мнению, выходит за рамки категории злоупотребления правом.

Сравнительно недавно в юридической литературе появилась, по нашему убеждению, очень точная дефиниция, описывающая такое явление – *правовое лицемерие*. Так Е.С. Ломова под ним понимает негативное в социально-правовом плане, сознательно-волевое, осознанное поведение субъекта правового общения, выражающееся в осуществлении имеющихся правомочий вопреки интересам других лиц, но осуществляемое в формально правомерных рамках [25]. При этом автор отмечает, что с точки зрения духа права такие рамки правомерными быть признаны не могут.

Представляется, что правовое лицемерие может приобретать абсолютно различные формы. Такие, например, как:

- сугубо формальное отношение уполномоченных органов к проверке установленных законом требований при принятии юридически значимого решения;
- сознательно неверное истолкование положений нормативного правового акта вопреки его духу и целям деятельности самого правоприменительного органа и др.

Недопустимость формального подхода уполномоченных органов при принятии решений о соблюдении установленных законодательством требований неоднократно подчеркивалась в юридической литературе и даже стала предметом рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации [14], который обращал внимание на то, что органы опеки в своей правоприменительной практике, связанной с отчуждением жилых помещений, в которых проживают несовершеннолетние, зачастую формально подходили к оценке правового статуса несовершеннолетних граждан с точки зрения их нахождения без родительского попечения (на момент отчуждения жилого помещения родительское попечение формально не прекращалось,

но в силу тех или иных причин фактически не осуществлялось). Ввиду указанных обстоятельств создавались ситуации, когда при совершении сделки по отчуждению жилого помещения, заключение органа опеки о соблюдении прав несовершеннолетних не соответствовало фактическим обстоятельствам и не отвечало целям защиты прав последних.

Таким образом, категория злоупотребления права в публично-правовых отношениях не всегда способна охватить ситуации недобросовестных намерений их участников. Использование данной категории справедливым является лишь в случае, когда в речь идет о реализации в обход закона с противоправной целью, а также ином заведомо недобросовестном осуществлении своих субъективных прав гражданином или юридическим лицом. В ситуации же, когда уполномоченный орган при принятии юридически значимого решения использует сугубо формальный подход к истолкованию положений нормативного правового акта вопреки его духу и целям, имеет место явление правового лицемерия. Это явление от явления злоупотребления правом отличают следующие признаки:

1) субъектом правового лицемерия может быть только государственный (муниципальный) орган, наделенный властными полномочиями;

2) правовое лицемерие состоит не в недобросовестной реализации субъективного права, а в недобросовестной реализации полномочий государственного (муниципального) органа;

3) как и злоупотребление правом, правовое лицемерие, видимо, должно рассматриваться как правомерное поведение. Вместе с тем ввиду значения самого слова «лицемерие», предполагающего прикрытие одного действия другим, имеет своей целью маскировку реальной неправомерной цели посредством совершения действий, формально являющимся правомерными;

4) круг причин правового лицемерия шире причин злоупотребления правом: он состоит не только в сниженном уровне правового сознания должностных лиц уполномоченных органов (иногда – низкой профессиональной квалификации), но во многом обусловлен несовершенством правовых норм, на которые опирается уполномоченный орган при принятии правоприменительных решений, дефектные конструкции которых позволяют принимать формально правомерное, но не соответствующее целям правового регулирования решение;

5) правовое лицемерие не образует состава преступления злоупотребления полномочиями, поскольку уполномоченный орган формально действует правомерно, не нарушает правовых норм, и соответственно – указанное явление уголовной ответственности не влечет. Вместе с тем отсутствие в настоящее время законодательно установленной уголовной ответственности не снижает уровня общественной опасности данного явления, поскольку создает угрозу нарушения субъективных прав участников публично-правовых отношений.

Приведенные отличия обуславливают необходимость и дальнейшее исследование такого самостоятельного и отличного от злоупотребления правом явления, как правовое лицемерие.

### Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд.,

## Теория государства и права

испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с. (Серия: Профессиональный комментарий).

2. Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье: Закон СССР от 27 июня 1968 года № 2834-VII // // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (утратил силу).

3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 22 июня 2023 г.) // // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

4. Гражданский кодекс РСФСР: (утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г. (в ред. от 26 ноября 2001 г.) // // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (утратил силу).

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 г.) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 20 июля 2023 г.) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 г.) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

8. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ (в ред. от 31 июля 2023 г.) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

9. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (в ред. от 04 августа 2023 г.) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

10. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) «О референдуме Российской Федерации» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

11. Закон РФ от 27 декабря 1991 года № 2124-1 (в ред. от 13 июня 2023 г.) «О средствах массовой информации» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

12. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

13. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

14. По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.В. Чадаевой: Постановление Конституционного Суда РФ от 08 июня 2010 года № 13-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2010. – № 5.

15. Постановление Правительства Российской Федерации от 09 апреля 2022 г. № 630 «Об утверждении основных требований к порядку и условиям предоставления ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 8 до 17 лет, примерного перечня документов (сведений), необходимых для назначения указанной ежемесячной выплаты, и типовой формы заявления о ее назначении» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (утратил силу).

16. Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2022 г. № 175 «О ежемесячной денежной выплате семьям, имеющим детей» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (Документ утратил силу).

17. Указ Президента РФ от 28 декабря 2006 года № 1455 «О компенсационных выплатах лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными гражданами» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

18. Решение Иркутского областного суда от 4 мая 2023 года // СПС КонсультантПлюс Судебная практика.

19. Решение Кировского районного суда г. Иркутска от 19 октября 2022 года // СПС КонсультантПлюс Судебная практика; Дополнительное решение Кировского районного суда г. Иркутска от 22 февраля 2023 года // СПС Консультант плюс Судебная практика.

20. Братусь С. Н. О пределах осуществления гражданских прав // Правоведение. – 1967. – № 3. – С. 79–86.

21. Бырдин Е. Н, Воронина Ю. И. Злоупотребление субъективным правом как вид юридически значимого поведения // Вестник Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права. – 2010. – № 6. – С. 100–103.

22. Васьяковский Е. В. Курс гражданского процесса. М.: Изд-во Башмаковых. – 1913. – 714 с.

23. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2001. – 411 с.
24. Курченко О.С. Злоупотребление социально-обеспечительными правами: постановка проблемы // Российский юридический журнал. – 2016. – № 2. – С. 155–166.
25. Ломова Е.С. Правовое лицемерие как явление правовой реальности // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6 // URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=11733> (дата обращения: 13.01.2024).
26. Нехороших М.Е. Злоупотребление правом на кассационное обжалование: виды и меры предупреждения // Уголовная юстиция. – 2018. – № 12. – С. 87–91.
27. Оденгал Е. А. Соотношение понятия «злоупотребление правом» и «правонарушение» // Юрист. – 2007. – № 1. – С. 8–12.
28. Подшивалов Т. П. Запрет злоупотребления процессуальными правами в арбитражном процессе // Российская юстиция. – 2014. – № 9. – Ст. 17–20.
29. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998, – 353 с.
30. Рясенцев В. А. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав // Советская юстиция. – 1962. – № 9. – С. 7–10.

---

**Для цитирования:** Иванова Е.Л. Правовое лицемерие в публично-правовых отношениях: вопросы теории и практики: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 116–123.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_116

### LEGAL HYPOCRISY IN PUBLIC LEGAL RELATIONS: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

Elena L. Ivanova\*

**Annotation.** *The article is devoted to a phenomenon little studied by legal science, but widespread in law enforcement practice – legal hypocrisy. The author of the article, using examples of judicial practice, substantiates the existence in public legal relations of an independent category of legal hypocrisy, distinct from the category of abuse of law, and identifies the characteristics of the latter.*

**Key words:** *legal hypocrisy, abuse of right, right to social security, appeal against judicial acts.*

Various aspects of the unfair use of subjective rights and the exercise of powers have attracted the attention of legal scholars for several centuries. At the same time, in domestic legal science, these issues, as a rule, are personified with the concept of “abuse of law,” and their research is not characterized by its consistency.

In pre-revolutionary Russia, the doctrine of abuse of law in legal science was developed mainly in the works of E.V. Vaskovsky, who at one time paid attention to the category of abuse of law specifically in procedural legal relations [22, p. 677].

In the works of Soviet lawyers, the category of abuse of law was mainly studied through the prism of civil legal relations [20, p. 80; 29; 30, p. 8], which was reflected in the legislative regulation of that period. Despite the fact that the term “abuse of law” was not mentioned in the Civil Code of the RSFSR [4], its article. 5 contained the rule that civil rights are protected by law, except in cases where they are exercised in conflict with the purpose

---

\* **Ivanova Elena Leonidovna**, associate professor of the chair of state and law disciplines Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, candidate of legal sciences. E-mail: lenai@list.ru

of these rights in a socialist society during the period of construction of communism. At the same time, the term “abuse of rights” was widely used in family legislation of the Soviet period [2, Art. 132].

The modern understanding of “abuse of right” is also primarily based on the provisions of the current Civil Code of the Russian Federation [5], according to paragraph 1 of Article 10 of which abuse of right is considered as the exercise of civil rights solely with the intention of causing harm to another person, actions bypassing law for an unlawful purpose [21; 27], as well as other deliberately dishonest exercise of civil rights [26]. In the Family Code of the Russian Federation [8], when regulating a child’s rights to protection, the phrase “abuse of right” is used in the context of preventing parents from abusing their family rights (Article 56).

At the same time, modern scientists are actively discussing both the very fact of the existence of this category [21; 27, p. 8–12; 28], and in relation to elements of abuse [27, p. 55], issues related to the abuse of law have in recent years gone beyond the scope of civil discourse [24, p. 155–165] and received a wider sound. For example, the prohibition on the abuse of their procedural rights by persons participating in a case is enshrined in procedural legislation [3; 6; 7].

Moreover, prohibitions on the abuse of their subjective rights by participants in legal relations are increasingly being fixed in legislation regulating public legal relations. Thus, Article 68 of the Federal Constitutional Law “On the Referendum of the Russian Federation” establishes the inadmissibility of abuse of the right to conduct campaigning on referendum issues [10], and the Law “On the Mass Media” provides for a ban on the inadmissibility of abuse of the rights of a journalist [11]. The Federal Law “On the procedure for considering appeals from citizens of the Russian Federation” [12] establishes the possibility of authorized officials to warn citizens about the inadmissibility of their abuse of the constitutional right to appeal (Part 3 of Article 11).

The analysis of these provisions of federal legislation showed that despite the public law sphere of social relations, the legal nature of the very phenomenon of abuse of law does not acquire other qualities different from its understanding in private law relations. Subjective right, the prohibition of abuse of which is fixed by law, even in public law relations is the subjective right of a citizen (the right to appeal, conduct campaigning, engage in professional activities), the integrity of the implementation of which depends exclusively on the authorized subject himself, his level of legal awareness, education, moral and moral values. At the same time, the legislator, in the process of legal regulation of subjective rights (including in the sphere of public legal relations), has very little opportunity to establish conditions, restrictions and other features, since most of them can be interpreted as a violation of the subjective right of a citizen. Such examples are not uncommon in law enforcement practice.

So O.S. Kurchenko in his study on the abuse of social security rights [22, p. 157], describes the situation when, in accordance with the provisions of Decree of the President of the Russian Federation of December 28, 2006 No. 1455 “On compensation payments to persons caring for disabled citizens” [17], citizens abused the right to receive able-bodied non-working the person receives monthly compensation payments in connection with the provision of care for disabled people of group I, as well as elderly citizens.

He rightfully notes that the Decree does not define the scope and content of the actions that collectively constitute care for a disabled citizen, and also does not establish how many such disabled citizens can be cared for by one non-working able-bodied person. In this regard, in practice, cases of applications for the establishment of compensation pay-

ments are often recorded in connection with the provision by one able-bodied person of caring for ten, twenty or more disabled citizens at the same time. O.S. Kucherenko gives examples when the right to receive compensation payments due to the care of one disabled citizen simultaneously arose among 15 – 20 people.

Let us note that at the same time, public law legislation enshrines constructions that cannot be qualified as abuse of law.

Thus, the content of the Federal Law “On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation” [13] includes Article 11 with the title “Inadmissibility of Abuse of Rights”. This article simultaneously establishes a ban on the abuse of rights during inspection activities by citizens and organizations in respect of which they are carried out (Part 3) and a ban on the use of powers by control (supervisory) bodies and their officials in order to impede the legal activities of controlled persons, unreasonable increase in the terms of implementation of state control (supervision), municipal control (Part 1).

Thus, it is unclear: is abuse of power considered in this case as an element of abuse of right or is these categories identified? In our opinion, such uncertainty in legislative terminology is due to the impossibility of fully adapting the category of “abuse of law” for the public legal sphere. It is fair to use this definition only when enshrining the prohibition of abuse of one’s subjective rights by physical or legal bodies. In a situation where we are talking about the need to consolidate the prohibition of decision-making by state (municipal) bodies “outside the spirit of the law,” it seems inappropriate to use this construction.

State (municipal) bodies (hereinafter also referred to as the authorized body, authorized bodies) do not have subjective rights; when entering into public legal relations, they exercise the powers assigned to them. In the event that officials of these bodies exceed the limits of their powers, the legislator establishes measures of criminal liability (Articles 285, 2854 of the Criminal Code of the Russian Federation [9]).

At the same time, in law enforcement practice there are situations when an authorized body (its officials) act formally legally, but as a result of such activity, law enforcement decision is made that is opposite to the purpose of the relevant law. At the same time, officials of the authorized body, from a formal point of view, act lawfully, however, as a rule, they realize that their decision does not meet the goals of legal regulation, does not contribute to the realization of the rights of a citizen, rather, on the contrary, they cause socially harmful consequences.

These actions cause much greater social harm than ordinary abuse of law, for at least two reasons. Firstly, the initially “stronger” position of the authorized body, from the point of view of possessing power, “hurts” other participants in the legal relationship in the desire to protect their rights using administrative and judicial instruments of appeal. Secondly, there is a threat of mass violation of the rights of citizens and legal entities due to the repeated behavior of an authorized subject that is formally lawful, but does not correspond to the true purpose of legal regulation.

This behavior becomes especially negative when it comes to social benefits established for children. The purely formal approach of the authorized bodies when making a decision on the assignment (refusal to assign) payments not only reduces the level of social security of the population, but also leads to a direct violation of the provisions of Part 1 of Article 38 of the Constitution of the Russian Federation, which guarantees state protection for childhood, motherhood and family [1].

One of the most striking examples of this is the discretionary attitude of the regional divisions of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation (hereinafter

referred to as the Fund) in making decisions on the assignment (refusal to assign) payments to children.

According to the provisions of Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2022 No. 175 "On monthly cash payments to families with children aged 8 to 17 years" [16] by the body authorized to make a decision on the appointment (refusal to appoint) monthly payments to families, the Fund was determined.

When making decisions on the appointment (refusal to assign) payments, the Fund in the period from May to December 2022 was guided by the provisions of the Government of the Russian Federation of April 9, 2022 No. 630 "On approval of the basic requirements for the procedure and conditions for providing a monthly cash payment for a child in ages from 8 to 17 years, an approximate list of documents (information) necessary to assign the specified monthly payment, and a standard form of application for its appointment" [15] (hereinafter referred to as Decree of the Government of the Russian Federation No. 630).

The Fund, when calculating the average per capita income of the applicant's family to compare it with the cost of living per capita, divided all income of the applicant's family received during the period preceding four calendar months before the month of filing the application by 12, with the exception of: income on deposits in credit institutions; dividends, interest and other income from transactions with securities and derivative financial instruments related to participation in the management of the organization's property; income from business activities; income from the sale and rental (hire, sublease) of property; income under copyright contracts, alienation of the exclusive right to the results of intellectual activity and licensing agreements [15, paragraphs. 23, 32 and 35].

In this situation, the judicial authorities, supporting the applicants' arguments about the illegal refusal to assign a payment, noted that the Fund incorrectly calculated the average per capita family income and obliged the Fund to assign a payment from the moment the citizen submitted the application.

Thus, on October 19, 2022, the Kirovsky District Court of Irkutsk issued a decision that satisfied the citizen's claim for a monthly payment for a child aged eight to seventeen years. In the said court decision, the court considered incorrect the calculation of the average per capita income of the applicant's family, the calculation of which took into account the annual interest income on the applicant's bank deposits without dividing it by 12 [19]. In resolving the dispute and satisfying the claims, the court of first instance proceeded from the fact that the average per capita income of the applicant's family per month was less than the subsistence minimum per capita established in the Irkutsk region at the time of filing the application for payment to the Fund's branch for Irkutsk region.

Exercising its right to appeal, the Foundation appealed to the Irkutsk Regional Court. At the same time, the arguments of the appeal of the representative of the Fund were reduced to the position expressed in the court of first instance. By the appeal ruling of the Irkutsk Regional Court on May 4, 2023, the decision of the Kirov District Court of Irkutsk was left unchanged, the appeal was not satisfied [18]. The Irkutsk Regional Court also noted that the court of first instance correctly determined the circumstances of the case, gave them a proper legal assessment and made a legal and reasoned decision.

Further, when filing a cassation appeal, the Fund additionally filed a motion to suspend the execution of judicial acts that had entered into force. The satisfaction of this petition by the cassation court led to the fact that the moment of assigning social benefits to a minor child was again postponed indefinitely (at the same time, the court proceedings had already lasted almost a year by this time). A study of the case materials showed that



there were no objective reasons either for the Fund to file a cassation appeal or for the court to satisfy the Fund's petition, since no new arguments were presented in the cassation appeal, and with similar family income for the same billing period for the second child the applicant's social benefit was established.

Thus, despite the fact that the Fund's task is primarily to realize the right of citizens to social security, instead of implementing it, on the contrary, it actively contributed to the violation of this constitutional right.

The described combination of the possibility of a discretionary, purely formal interpretation of the provisions of the Government of the Russian Federation No. 630, coupled with the unfairly exercised right to judicial appeal, in our opinion, goes beyond the category of abuse of right.

Relatively recently, in our opinion, a very precise definition appeared in the legal literature that describes such a phenomenon – legal hypocrisy. So E.S. Lomova understands it as negative in social and legal terms, consciously-volitional, conscious behavior of the subject of legal communication, expressed in the exercise of existing powers contrary to the interests of other persons, but carried out within a formally legal framework [25]. At the same time, the author notes that from the point of view of the spirit of law, such a framework cannot be recognized as legitimate.

It seems that legal hypocrisy can take on completely different forms. Such, for example, as:

- a purely formal attitude of authorized bodies to the verification of requirements established by law when making a legally significant decision;
- deliberately incorrect interpretation of the provisions of a normative legal act contrary to its spirit and the goals of the activities of the law enforcement agency itself, etc.

The inadmissibility of the formal approach of authorized bodies when making decisions on compliance with the requirements established by law has been repeatedly emphasized in the legal literature and even became the subject of consideration in the Constitutional Court of the Russian Federation [14], which drew attention to the fact that the guardianship authorities in their law enforcement practice related to the alienation of residential premises in which minors live, they often took a formal approach to assessing the legal status of minor citizens from the point of view of their being without parental care (at the time of alienation of the residential premises, parental care did not formally cease, but due to those or for other reasons was not actually implemented). In view of these circumstances, situations were created when, when making a transaction for the alienation of residential premises, the conclusion of the guardianship authority on the observance of the rights of minors did not correspond to the actual circumstances and did not meet the goals of protecting the rights of the latter.

Thus, the category of abuse of law in public legal relations is not always able to cover situations of dishonest intentions of their participants. The use of this category is fair only in the case when it comes to the implementation in circumvention of the law for an illegal purpose, as well as other deliberately dishonest exercise of their subjective rights by a citizen or legal entity. In a situation where an authorized body, when making a legally significant decision, uses a purely formal approach to interpreting the provisions of a normative legal act contrary to its spirit and goals, the phenomenon of legal hypocrisy occurs. This phenomenon is distinguished from the phenomenon of abuse of rights by the following features:

- 1) the subject of legal hypocrisy can only be a state (municipal) body vested with authority;

2) legal hypocrisy does not consist in the dishonest implementation of subjective law, but in the dishonest implementation of the powers of a state (municipal) body;

3) like abuse of law, legal hypocrisy, apparently, should be considered as lawful behavior. At the same time, in view of the meaning of the word “hypocrisy” itself, which involves covering one action with another, its goal is to disguise a real unlawful goal by performing actions that are formally lawful;

4) the range of reasons for legal hypocrisy is wider than the reasons for abuse of law: it consists not only in a reduced level of legal consciousness of officials of authorized bodies (sometimes low professional qualifications), but is largely due to the imperfection of legal norms on which the authorized body relies when making law enforcement decisions, defective designs of which allow one to make a decision that is formally lawful, but does not correspond to the goals of legal regulation;

5) legal hypocrisy does not constitute a crime of abuse of power, since the authorized body formally acts lawfully, does not violate legal norms, and, accordingly, this phenomenon does not entail criminal liability. At the same time, the current absence of legally established criminal liability does not reduce the level of public danger of this phenomenon, since it creates a threat of violation of the subjective rights of participants in public legal relations.

These differences determine the need for further research into such an independent and different phenomenon from abuse of law as legal hypocrisy.

### Bibliography

1. “The Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarova. Moscow: Publishing house “Urayt”, 2023. – 325 p. (Series: Professional Commentary).

2. On approval of the Fundamentals of the legislation of the USSR and union republics on marriage and family: Law of the USSR of June 27, 1968 No. 2834-VII // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (lost force).

3. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation: Federal Law of July 24, 2002 No. 95-FZ (as amended on June 22, 2023) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

4. Civil Code of the RSFSR: (approved by the Supreme Court of the RSFSR on June 11, 1964 (as amended on November 26, 2001) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (lost force).

5. Civil Code of the Russian Federation (part one): Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on July 24, 2023) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

6. Civil Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on July 20, 2023) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

7. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation: Federal Law of March 8, 2015 No. 21-FZ (as amended on July 24, 2023) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

8. Family Code of the Russian Federation: Federal Law of December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on July 31, 2023) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

9. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on August 4, 2023) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

10. Federal constitutional law of June 28, 2004 No. 5-FKZ (as amended on December 30, 2021) “On the referendum of the Russian Federation” // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

11. Law of the Russian Federation of December 27, 1991 No. 2124-1 (as amended on June 13, 2023) “On the Mass Media” // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

12. Federal Law No. 59-FZ dated 02.05.2006 (as amended on 04.08.2023) “On the procedure for considering appeals from citizens of the Russian Federation” // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
13. Federal Law of July 31, 2020 No. 248-FZ (as amended on December 25, 2023) “On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation” // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
14. In the case of verifying the constitutionality of paragraph 4 of Article 292 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.V. Chadaeva: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 8, 2010 No. 13-P // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. – 2010. – No. 5.
15. Decree of the Government of the Russian Federation dated April 9, 2022 No. 630 “On approval of the basic requirements for the procedure and conditions for providing a monthly cash payment for a child aged 8 to 17 years, an approximate list of documents (information) necessary for assigning the specified monthly payment, and a standard application form for its appointment” // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (lost force).
16. Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2022 No. 175 “On monthly cash payments to families with children” // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (The document has become invalid).
17. Decree of the President of the Russian Federation of December 28, 2006 No. 1455 “On compensation payments to persons caring for disabled citizens” // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
18. Decision of the Irkutsk Regional Court of May 4, 2023 // SPS Consultantplus Judicial practice.
19. Decision of the Kirovsky District Court of Irkutsk dated October 19, 2022 // SPS Consultantplus Judicial practice; Additional decision of the Kirovsky District Court of Irkutsk dated February 22, 2023 // SPS Consultant plus Judicial practice.
20. Bratus S. N. On the limits of the exercise of civil rights // Jurisprudence. 1967. No. 3. P. 79–86.
21. Byrdin E. N., Voronina Yu. I. Abuse of subjective rights as a type of legally significant behavior // Bulletin of the Tyumen State Academy of World Economy, Management and Law. 2010. No. 6. P. 100–103.
22. Vaskovsky E. V. Course of civil procedure. Moscow: Bashmakov Publishing House, 1913. 714 p.
23. Griбанov V.P. Implementation and protection of civil rights. Moscow, 2001. 411 p.
24. Kurchenko O.S. Abuse of social security rights: problem statement // Russian Legal Journal. 2016. No. 2. P. 155–166.
25. Lomova E.S. Legal hypocrisy as a phenomenon of legal reality // Modern problems of science and education. 2013. No. 6 // URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?Id=11733> (access date: 01/13/2024).
26. Nekhoroshikh M.E. Abuse of the right to cassation appeal: types and measures of prevention // Criminal justice. 2018. No. 12. P. 87–91.
27. Odengal E. A. Correlation between the concepts of “abuse of law” and “offense” // Lawyer. 2007. No. 1. P. 8–12.
28. Podshivalov T.P. Prohibition of abuse of procedural rights in the arbitration process // Russian justice. 2014. No. 9. Art. 17–20.
29. Pokrovsky I.A. Main problems of civil law. Moscow, 1998. 353 p.
30. Ryasentsev V. A. Conditions and legal consequences of refusal to protect civil rights // Soviet justice. 1962. No. 9. P. 7–10.

---

**For citation:** Ivanova E.L. Legal hypocrisy in public legal relations: issues of theory and practice: article // Theory of State and Law. 2024. No. 1 (35). P. 123–129.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_116

## Научная статья

УДК 340.12

ББК 67.400.32

DOI 10.47905/MATGIP\_2024\_1\_35\_130

С.Е. Иванова\*

## ЛЕГИТИМНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ В СЕКУЛЯРНОМ И ПОСТСЕКУЛЯРНОМ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

***Аннотация.** Традиционно проблема правового и политического механизма легитимации государственной власти ставилась и решалась в рамках типичных ее способов: традиционного, харизматического и рационального. В итоге, в современном политико-правовом познании произошла «шаблонизация» форм легитимации, что в значительной мере примитивизировало этот процесс, оторвало его от социальных и психологических реалий, меняющегося аксиологического поля, массовых представлений о ходе и перспективах развития национальной правовой системы, властной организации в конкретном государстве. В статье предлагаются иные подходы к осмыслению легитимности властных институтов, а именно их «привязка» к секулярной и постсекулярной парадигме. Автор, используя методы сравнительного анализа, исторический, логический, конкретизации и обобщения, дедукции и индукции, выявляет ключевые факторы, противоречия, некоторые рискогенные моменты, определяющие уровень легитимности власти в теократическом, секулярном и постсекулярном мирах.*

***Ключевые слова:** секулярное мировоззрение, постсекуляризм, легитимность, государственная власть, доверие, правосознание, правовая культура, население, политическая система, право.*

Легитимность государственных институтов вне всяких сомнений является одним из важнейших факторов устойчивости и эффективности их функционирования, это еще и значимый индикатор сложившейся системы отношений публичной власти (государственной и муниципальной) и конкретного общества. Вопросы легитимности поднимаются как в отраслевых, так и в теоретико-правовых исследованиях [1; 2]. И в прошлом, и в настоящем этому (скорее, практически, чем теоретически) значимому вопросу властные элиты всегда уделяли большое внимание, т.к. именно от доверия к ним со стороны социума, от степени оправданности их действий со стороны большинства населения всегда зависели и сохранение объема полномочий субъектов верховной власти, и наличие возможностей по их расширению, и срок правления в государстве конкретных лиц (семей, кланов), политических партий, военных «хунт», олигархических групп и др. Тем более что, «легитимность государственной власти – довольно общее понятие. Она находит более предметное выражение в легитимации ее

---

\* **Иванова Светлана Евгеньевна**, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста РФ), секретарь Общественного совета при Следственном комитете РФ по Ростовской области. E-mail: ivanova-morozova2006@yandex.ru

конкретных носителей, должностных лиц и органов государства, сосредоточивших в своих руках реальные рычаги власти. Прежде всего, это относится к парламенту, главе государства, правительству. Во многих странах... важный элемент легитимности государственной власти связан с деятельностью судов» [9, с. 89–90, 92, 96].

Если редуцировать классические способы (модели) легитимации государственной власти – традиционную, харизматическую и рациональную, – то можно выделить, по крайней мере, несколько сторон, обстоятельств, измерений последней.

Во-первых, *доверие к власти* через ее соответствие массовым представлениям о «привычном», обычном ее характере, исторически сложившейся ритуализации, проявляющим себя в повседневном характере властной деятельности («властного служения»), властных отношений, иерархии властных структур. Ярким примером такой версии легитимации власти является социально-властное пространство русской сословно-представительной монархии XVI–XVII вв., французского абсолютизма XVII–XVIII вв., организации властеотношений в восточных деспотиях (китайской, японской, персидской и др.).

Кризис легитимности в таком ракурсе – это вызванный разными факторами, событиями, процессами распад традиционно-ритуальных форм власти, а возникающий и весьма опасный в плане сохранения национальной государственности вообще, включая и ее правовую систему, переходный период – это либо путь к восстановлению прежней, традиционной легитимности, либо иное направление – модернизация политико-правового пространства, а значит переход к другим вариантам легитимации высшей власти (и первый, и второй путь здесь равновероятны).

Во-вторых, *доверие к властным структурам* определяется особым отношением большинства населения к персональному главе государства (и/или «национальному лидеру»), точнее к его «сверх» качествам: «харизматическая власть за редчайшим исключением индивидуальна ... она коренится в далеком прошлом. Вера в сверхъестественную силу богочеловека египетского фараона, харизма «добротного царя», готового избавить народ от притеснений со стороны бояр и помещиков... харизма воздействует, прежде всего, на чувства людей, создавая особый образ... харизматическая власть – сенсорная, образная, «чувственная» [9].

В-третьих, *доверие к власти* всецело связано с ее делами, точнее – результатами этих дел, тем благами, которые получают граждане или подданные при функционировании государственных и иных публично-властных институтов, и органов. Вряд ли стоит в полной мере согласиться с тем, что «в современных условиях основной формой легитимации государственной власти, особенно в демократических странах, является рациональная» [9].

Это, в определенном смысле, упрощение вопроса, самой проблемы легитимности власти, что, учитывая многомерность самого этого явления, недопустимо. Рассматривая рациональную форму легитимации, стоит учесть и то обстоятельство, что «демократия – это определенная технология, механизм обретения и осуществления государственной власти меньшинством с помощью большинства, с опорой на большинство, но далеко не всего в интересах и во благо большинства» [4, с. 28]. Стоит вспомнить и привести позицию Р. Хиггинса, считающего, что демократия «сводится к периодическому праву выбора между хитроумными «имиджами» близнецов» [8, с. 44].

Однако более явной идеей в этом контексте является суждение С.Л. Франка, утверждающего: «Народ есть всегда, даже в самом демократическом государстве, исполнитель, орудие в руках какого-либо направляющего и вдохновляющего боль-

шинства» [3, с. 3–8]. «Демократический строй привел не к ясному и прямому пути, а к распутью ... вместо того, чтобы быть разрешением задачи, демократия сама оказалась задачей ... Мысль о том, что с разрушением старых устоев тотчас же водворяется истинная свобода принадлежит анархической, а не демократической теории ... в демократиях с естественной необходимостью над общей массой народа всегда выдвигаются немногие, руководящее меньшинство, вожди, направляющие общую политическую жизнь... демократия практически всегда переходит в олигархию, в правление немногих» [5, с. 541, 548].

В общем, вряд ли стоит всецело или хотя бы частично увязывать «оправдание государственной власти делами» с демократической формой политического (государственно-правового) режима, т.к. формальные признаки классических, да и постклассических демократий, и их фактическая реализация в системе властных отношений далеко не всего приводят к адекватному (юридическому и иному) «оборудованию» национально-социального пространства под «благо» большинства населения, в этом отношении, скорее, следует придерживаться «конкретно-ситуативного» измерения проблемы, а именно, формулируя такие вопросы, как «где?», «когда?», «при каких условиях?» и т.п., тогда и возможно научное прояснение того, что В.Е. Чиркин называет «практической работой органов государственной власти на благо страны, ее населения», который, действительно, «служат основой рациональной легитимации» [9].

Однако такого рода редукция веберовских («чистых») форм и способов легитимации власти в настоящее время будет выступать только источником осмысления «тонких», иногда, вообще, трудно объяснимых процессов доверительного отношения населения государства к властвующим над ней структурам. В современной ситуации надо искать и другие подходы, проекции решения проблем, обнаруживать соответствующие тренды, перспективы, объяснять институциональные и духовные трансформации и метаморфозы.

В этом эвристическом ракурсе XX–XXI вв. стоит обратить внимание, как минимум, на два аспекта, а точнее, вектора исследования.

В первую очередь – это специфика легитимности государственных институтов в условиях **гражданского общества** или при его отсутствии. Например, в России никогда не было и, видимо, не будет его, но здесь имеет место общество **«соборного»** типа, во-многом, продукт византийской «симфонии властей» и весьма часто навязываемого нам иностранными, либо «инородными» отечественными идеологическими «силами» социального «сервизма – результата явного непонимания право- и политико-ментальных оснований национального бытия.

Далее – доверие населения к публичной власти, ибо основы и истоки последнего стоит выявлять и исследовать, учитывая особое современное *межпарадигмальное* состояние России и государств условного Запада, включающее движение от **секулярной** (или нововременной) парадигмы, со всеми ее принципами, мировоззренческими и научными ориентирами к **постсекулярной** парадигме, формирование которого, конечно, везде по-разному и отличающимися темпами, с различными результатами, но имеет место в течение последних двух-трех десятилетий в указанном выше пространстве.

«Постсекуляризм представляет собой новую парадигму философского мышления, в рамках которой религиозность уже не рассматривается как нечто уже пережитое человечеством, а религиозным идеям и мировоззрению обосновывается свое важное место в современном мире» [6, с. 68–69]. В этой парадигмальной среде неиз-

бежно возникает интерес к духовно-сакральному измерению и власти, и права, и, разумеется, процессов их легитимации. Ясно, что по своему содержанию и по ряду иных характеристик постсекулярная парадигма не может в полной мере совпадать с классическим (антично-средневековым) теократическим дискурсом, господствовавшим вплоть до секулярно-рационалистического (индивидуалистического или «атомарного») «скачка» второй половины XVI–XVII вв.

Трудно, в частности, оспаривать, например, то, что постсекуляризм возникает и развивается уже в *цифровой среде*, в эпоху очевидной эскалации разных форм искусственного интеллекта и робототехники [7], а в политико-правовом поле – долгого доминирования теории и практики прав человека (в рамках естественно-правового типа правопонимания), утверждения, прежде всего, в западном мире юридического «эгоцентризма», «мании правового величия» (фон Гирке) и т.п. Интересным и безусловно практически значимым будет «считывание», понимание классических (типичных) форм легитимации власти в условиях секулярной или постсекулярной парадигмы.

Ясно, что при переходе от теократической (или теологической) парадигмы к секулярной ее версии происходили достаточно серьезные сдвиги в содержании сложившегося столетиями в рамках разных национальных культур легитимационного поля властных структур и институтов, определяющего, разумеется, и специфику властных отношений, их правового регулирования и охраны. Если внимательно всмотреться в западное цивилизационное пространство, то можно увидеть, что, в частности, в Англии переход к секулярному правовому сознанию и юридическому мышлению начинается достаточно рано, но этот процесс идет постепенно, весьма медленно.

Так, отправной точкой здесь стало принятие Великой Хартии Вольностей 1215 г., которая, по выражению многих английских исследователей «заложила начала цивилизованной гражданственности», что, по сути своей, означало «запуск» процесса создания сугубо светских правовых норм и правовых ценностей, а значит и иных мотивационных ориентиров большинства населения по отношению к признанию авторитета и доверию верховной власти. Известный евангельский догмат – «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (послание к Рим. 13:1) – теперь теряет свой абсолют (духовный «монополизм»), т.к. формируется иное, секулярное поле легитимности власти, с многообразием своих форм и способов. Общество и отдельный человек (подданный, гражданин) уже начинает («учиться») жить в «удвоенном» мире: евангельском (новозаветном) и светском (секулярном), причем, мировоззренческое пространство которого все более и более, от века к веку расширяется.

В этом плане еще одним важным этапом на пути утверждения западного секуляризма явилась, вне всяких сомнений, Реформация XVI–XVII вв. (хотя, начало ее надо искать в религиозно «протестных» настроениях Я. Гуса, т.е. еще на рубеже XIV–XV вв.), а с точки зрения модернизации механизма и принципов легитимности государственной власти – Тридцатилетняя война 1618–1648 гг., а точнее ее результаты (после нее, *легитимность власти монарха* уже всецело зависит от его конфессиональной принадлежности, поэтому, теперь уже далеко «не любая власть от Бога...»), повлиявшие самым радикальным образом выхолащивание глубинных, собственно, теократических основ доверия населения к власти («христианского правителя» вообще).

Впрочем, в отечественном политико-правовом и духовном пространстве близкие явления по отношению к легитимации верховной власти можно наблюдать со второй половины XI-начала XII вв., когда общество в социальные элиты оказыва-

ются весьма «чуткими» к любым проявлениям «папско-католических» настроений в верхних эшелонах власти вообще и у отдельных правителей в частности (например, авторитет и доверие к власти князя Александра Невского держался не на его военных победах, которых, в общем, особо и не было, а на его политической мудрости, проявившейся в 1248 г., когда он отверг предложения Римского Папы о распространении в русских княжествах «латинской» веры, в обмен на военную помощь против татар и, напротив, легитимность власти Лжедмитрия I быстро снизилась до «нуля», когда он стал говорить о своих планах «окатоличевания» Московского царства).

Далее, конечно, секулярная модель легитимации институтов государственной власти все более и более рационализируется и прагматизируется, что, по большому счету, и стало основной для утверждения М. Вебером и иными западными исследователями его трех классических форм: традиционной, харизматической и рациональной. Ясно, что это некие «идеальные» модели легитимности власти, которые в реальном мире имеет бесконечное количество разнообразных переплетений, «преломлений», «выражений» и «отражений», но сохраняют свою привязку к секулярному типу общества. Если же властные элиты не признают факта секуляризации общества, либо, не хотят этого сделать, то крах государственной власти неминуем.

Так, окружение последнего российского императора, как и он сам, продолжало жить с уверенностью в абсолютный авторитет и доверие большинства подданных к фигуре «миропомазанного» государя, но в стремительном революционном мире, жестком, секуляризирующемся, модернизирующемся этот вариант легитимности отечественной монархии уже не работал, требовались иные способы, но ясного осмысления этого, к сожалению, не было.

Постсекулярная парадигма, конечно же, в полной мере еще не сформировалась, причем, вопрос о ее утверждении в современном мире все еще открыт и не является однозначным. Вообще, ее возникновение – это Ответ на Вызовы, на многообразие деформаций секуляризма в правовой, политической, духовной и иных сферах жизнедеятельности. Постсекуляризм – это вовсе не «ностальгия» по теологизму или теократизму, но, во-многом, вынужденная защита от все более и более нарастающего трансантропологизма или трансгуманизма (в более мягком варианте этой угрозы), поиск действенного способа преодоления духовно-институциональной рискогенности второй половины XX-первой четверти XXI вв. в государствах и Западе, и даже Востока.

Таким образом, сейчас вряд ли можно сколько-нибудь однозначно утверждать о полном понимании природы и перспективы постсекулярной парадигмы, точно также, как и однозначно говорить о специфике и базовых принципах механизма легитимности государственной власти в ее рамках. Однако выделим некоторые, скорее всего, постановочные аспекты постсекулярной легитимации.

Во-первых, наличие соответствующего социально-мировоззренческого пространства, основанного на канонах, догматах и этических принципах традиционной для конкретного социума религиозной конфессии, причем, в такой мир должно быть погружено большинство населения государства;

Во-вторых, принципы «светского» государства, да и само его понятие должны быть пересмотрены с точки зрения христианского права (применительно к соответствующим странам или иного другого в странах с отличающейся конфессиональной ориентацией). Здесь особенно стоит обратить внимание на необходимость проведения четкой юридической и политической грани между «светским» и «атеистическим» государством, что пока еще требует серьезных исследований;



В-третьих, необходимы другие *критерии оценки* властной деятельности главы государства, иных властных институтов, которые бы существенно отличались и от традиционных, и от харизматических, и от привычных рациональных, мало того, эти критерии должны быть признаны гражданами в качестве необходимых и достаточных легитимационных условий (этот момент, скорее всего, в настоящее время является наиболее сложным даже на стадии их теоретической разработки).

### Библиографический список

1. *Апольский Е. А.* История государства и права стран средневековой Евразии / Е. А. Апольский, В. Ю. Мельников, А. В. Серегин. – М.: ООО «Интерплайн», 2017. – 565 с.
2. *Апольский Е.А.* Некоторые особенности формирования дореволюционной науки государственного права // Право и образование. – 2016. – № 3. – С. 98–104.
3. *Борохов Э.* Энциклопедия афоризмов. Россыпи мыслей. – М., 2001. – 716 с.
4. *Керимов А.Д.* Демократия: опыт критического анализа. – М., 2019. – 184 с.
5. *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. – М.: Пресса, 1991. – 638 с.
6. *Овчинников А.И.* Бог и Конституция в постсекулярном мире / Бог. Человек. Конституция. Библейская философия права в научном наследии А.П. Лопухина (1852 – 1904): монография /под ред. А.И. Овчинникова. – М., 2020. – 272 с.
7. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография /Под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. – 320 с.
8. Хиггинс Р. Седьмой враг. Человеческий фактор в глобальном кризисе. (Главы из книги) / Р. Хиггинс; [пер. В. Е. Ермолаева и Д. Н. Ляликов] // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности: пер. с англ. и фр. / сост. Л. И. Василенко, В. Е. Ермолаева; введ. ст. Ю. А. Шрейдера; [ред. В. М. Леонтьев]. – М., 1990. – С. 26–75.
9. Чиркин В.Е. Основы государственной власти. – М.: Юрист, 1996. – 110 с.

---

**Для цитирования:** *Иванова С. Е.* Легитимность государственных институтов в секулярном и постсекулярном политико-правовом пространстве: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 130–135.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_130

### LEGITIMACY OF STATE INSTITUTIONS IN THE SECULAR AND POST-SECULAR POLITICAL AND LEGAL SPACE

Svetlana E. Ivanova\*

*Annotation. Traditionally, the problem of the legal and political mechanism for the legitimation of state power was posed and solved within the framework of its typical methods: traditional, charismatic and rational. As a result, in modern political and legal knowledge there has been a “templateization” of forms of legitimation, which has largely primitivized this process, separated it from social and psychological realities, the changing axiological field, mass ideas about the course and prospects for the development of the national legal system, the power organization in specific state. The article proposes other approaches to understand*

---

\* **Ivanova Svetlana Evgenievna**, Senior lecturer of the department of theory and history of state and law of the Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), secretary of the Public Council under the Investigative Committee of the Russian Federation for the Rostov region. E-mail: ivanova-morozova2006@yandex.ru.

*ing the legitimacy of government institutions, namely their “linking” to the secular and post-secular paradigm. The author, using methods of comparative analysis, historical, logical, specification and generalization, deduction and induction, identifies key factors, contradictions, and some risky aspects that determine the level of legitimacy of power in the theocratic, secular and post-secular worlds.*

**Key words:** *secular worldview, post-secularism, legitimacy, state power, trust, legal consciousness, legal culture, population, political system, law.*

The legitimacy of state institutions is without a doubt one of the most important factors in the sustainability and efficiency of their functioning; it is also a significant indicator of the existing system of relations between public authorities (state and municipal) and a particular society. Issues of legitimacy are raised both in industry and theoretical-legal studies [1; 2]. Both in the past and in the present, the power elites have always paid great attention to this (more practically than theoretically) significant issue, because it is precisely on the trust in them on the part of society, on the degree of justification of their actions on the part of the majority of the population that the preservation of the scope of powers of the subjects of supreme power, and the availability of opportunities for their expansion, and the term of government in the state of specific individuals (families, clans), political parties have always depended, military “juntas”, oligarchic groups, etc. Moreover, “the legitimacy of state power is a rather general concept. It finds more substantive expression in the legitimation of its specific bearers, officials and state bodies, who have concentrated the real levers of power in their hands. First of all, this applies to parliament, the head of state, and the government. In many countries... an important element of the legitimacy of state power is associated with the activities of the courts” [9, p. 89–90, 92, 96].

If we reduce the classical methods (models) of legitimating state power – traditional, charismatic and rational – then we can identify at least several sides, circumstances, dimensions of the latter.

Firstly, trust in power through its compliance with mass ideas about the “habitual”, its usual character, historically established ritualization, which manifests itself in the everyday nature of power activities (“power service”), power relations, and the hierarchy of power structures. A striking example of this version of the legitimation of power is the social and power space of the Russian estate-representative monarchy of the 16th–17th centuries, French absolutism of the 17th–18th centuries, the organization of power relations in eastern despotism (Chinese, Japanese, Persian, etc.).

The crisis of legitimacy in this perspective is the collapse of traditional ritual forms of power caused by various factors, events, processes, and the emerging and very dangerous in terms of preserving national statehood in general, including its legal system, the transition period is either a path to the restoration of the previous, traditional legitimacy, or another direction – modernization of the political and legal space, which means a transition to other options for legitimizing the highest power (both the first and second paths are equally probable here).

Secondly, trust in power structures is determined by the special attitude of the majority of the population towards the personal head of state (and/or “national leader”), more precisely towards his “super” qualities: “charismatic power, with rare exceptions, is individual... it is rooted in the distant past. Belief in the supernatural power of the god-man of the Egyptian pharaoh, the charisma of the “good king”, ready to save the people from oppression by the boyars and landowners... charisma affects, first of all, the feelings of people, creating a special image... charismatic power is sensory, figurative, “sensual” [9].

Thirdly, trust in the government is entirely connected with its deeds, or more precisely, with the results of these deeds, with the benefits that citizens or subjects receive during the functioning of state and other public institutions and bodies. It is hardly worth fully agreeing with the fact that “in modern conditions, the main form of legitimation of state power, especially in democratic countries, is rational” [9].

This, in a certain sense, is a simplification of the issue, the very problem of the legitimacy of power, which, given the multidimensionality of this phenomenon itself, is unacceptable. When considering a rational form of legitimation, it is worth taking into account the fact that “democracy is a certain technology, a mechanism for the acquisition and exercise of state power by a minority with the help of the majority, with support from the majority, but not entirely in the interests and for the benefit of the majority” [4, p. . 28]. It is worth recalling and citing the position of R. Higgins, who believes that democracy “reduces to the periodic right to choose between the ingenious “images” of twins” [8, p. 44].

However, the more obvious idea in this context is the judgment of S.L. Frank, who states: “The people are always, even in the most democratic state, a performer, an instrument in the hands of some guiding and inspiring majority” [3, p. 3–8]. “The democratic system led not to a clear and straight path, but to a crossroads... instead of being a solution to a problem, democracy itself turned out to be a problem... The idea that with the destruction of the old foundations true freedom is immediately established belongs to anarchist, not democratic theory... in democracies, with natural necessity, a few, a leading minority, leaders who direct the general political life always rise above the general mass of the people... democracy almost always turns into an oligarchy, into the rule of a few” [5, p. 541, 548].

In general, it is hardly worthwhile to fully or at least partially link the “justification of state power by deeds” with the democratic form of the political (“state-legal”) regime, because formal features of classical, and even post-classical democracies, and their actual implementation in the system of power relations do not only lead to adequate (legal and other) “equipment” of the national-social space for the “good” of the majority of the population; in this regard, one should rather adhere to “specific-situational” dimension of the problem, namely, formulating questions such as “where?”, “when?”, “under what conditions?” etc., then it is possible to scientifically clarify what V.E. Chirkin calls “the practical work of public authorities for the benefit of the country and its population,” which, indeed, “serve as the basis for rational legitimation” [9].

However, this kind of reduction of Weber’s (“pure”) forms and methods of legitimating power will currently act only as a source of understanding the “subtle”, sometimes generally difficult to explain, processes of trust between the population of the state and the structures that rule over it. In the modern situation, it is necessary to look for other approaches, projections for solving problems, discover corresponding trends, prospects, explain institutional and spiritual transformations and metamorphoses.

In this heuristic perspective of the XX–XXI centuries. It is worth paying attention to at least two aspects, or rather, research vectors.

First of all, this is the specificity of the legitimacy of state institutions in the conditions of civil society or in its absence. For example, in Russia there has never been and, apparently, there will never be one, but here we have a “conciliar” type society, in many ways a product of the Byzantine “symphony of powers” and very often imposed on us by foreign or “alien” domestic ideological “forces” “social” servility is the result of a clear misunderstanding of the legal and political-mental foundations of national existence.

Next is the population's trust in public authorities, because the foundations and origins of the latter are worth identifying and exploring, taking into account the special modern inter-paradigmatic state of Russia and the states of the conditional West, including the movement from the secular (or modern) paradigm, with all its principles, ideological and scientific guidelines, to the post-secular a paradigm, the formation of which, of course, is everywhere in different ways and at different rates, with different results, but has taken place over the past two to three decades in the space indicated above.

"Postsecularism represents a new paradigm of philosophical thinking, within the framework of which religiosity is no longer considered as something already experienced by humanity, and religious ideas and worldviews are justified for their important place in the modern world" [6, p. 68–69]. In this paradigmatic environment, interest inevitably arises in the spiritual and sacred dimension of both power and law, and, of course, the processes of their legitimation. It is clear that in its content and in a number of other characteristics, the post-secular paradigm cannot fully coincide with the classical (ancient-medieval) theocratic discourse that dominated until the secular-rationalistic (individualistic or "atomic") "leap" of the second half of the 16th century. –XVII centuries

It is difficult, in particular, to dispute, for example, that post-secularism arises and develops already in the digital environment, in the era of the obvious escalation of various forms of artificial intelligence and robotics [7], and in the political and legal field – the long dominance of the theory and practice of human rights (within the framework of the natural-legal type of legal understanding), approval, primarily in the Western world, of legal "egocentrism", "delusions of legal grandeur" (von Gierke), etc. It will be interesting and certainly practically significant to "read", understand the classical (typical) forms of legitimation of power in the conditions of a secular or post-secular paradigm.

It is clear that during the transition from the theocratic (or theological) paradigm to its secular version, quite serious shifts occurred in the content of the legitimation field of power structures and institutions that had developed over centuries within different national cultures, which, of course, determines the specifics of power relations, their legal regulation and protection. If you look closely at the Western civilizational space, you can see that, in particular, in England the transition to secular legal consciousness and legal thinking begins quite early, but this process proceeds gradually, very slowly.

Thus, the starting point here was the adoption of the Magna Carta of 1215, which, in the words of many English researchers, "laid the foundations of civilized citizenship," which, in essence, meant "launching" the process of creating purely secular legal norms and legal values, and therefore and other motivational guidelines of the majority of the population in relation to recognition of authority and trust in the supreme power. The well-known gospel dogma is "Let every soul be submissive to the higher authorities, for there is no authority except from God; the existing authorities were established by God" (Rom. 13:1) – now loses its absolute (spiritual "monopoly"), because a different, secular field of legitimacy of power is being formed, with a variety of its forms and methods. Society and the individual (subject, citizen) are already beginning ("learning") to live in a "double" world: evangelical (New Testament) and secular (secular), moreover, the ideological space of which is expanding more and more from century to century.

In this regard, another important stage towards the establishment of Western secularism was, without a doubt, the Reformation of the 16th–17th centuries. (although its beginning must be sought in the religious "protest" sentiments of J. Hus, i.e. at the turn of the 14th–15th centuries), and from the point of view of modernizing the mechanism and prin-

## Theory of State and Law

---

ciples of the legitimacy of state power – the Thirty Years' War of 1618–1648. , or rather its results (after it, the legitimacy of the power of the monarch is already entirely dependent on his religious affiliation, therefore, now it is far from “all power from God ...”), which influenced in the most radical way the emasculation of the deep, actually theocratic foundations of the population’s trust in the authorities (“Christian ruler” in general).

However, in the domestic political, legal and spiritual space, similar phenomena in relation to the legitimation of the supreme power can be observed from the second half of the 11th to the beginning of the 12th centuries, when society and social elites turned out to be very “sensitive” to any manifestations of “papal Catholic” sentiments in the upper echelons of power in general and among individual rulers in particular (for example, the authority and trust in the power of Prince Alexander Nevsky rested not on his military victories, which, in general, were not particularly significant, but on his political wisdom, which manifested itself in 1248, when he rejected the proposals of the Pope to spread the “Latin” faith in the Russian principalities, in exchange for military assistance against the Tatars and, on the contrary, the legitimacy of the power of False Dmitry I quickly decreased to “zero” when he began to talk about his plans for the “Catholicization” of the Muscovite kingdom).

Further, of course, the secular model of legitimation of institutions of state power is becoming more and more rationalized and pragmatized, which, by and large, became the basis for the approval by M. Weber and other Western researchers of its three classical forms: traditional, charismatic and rational. It is clear that these are some “ideal” models of the legitimacy of power, which in the real world have an infinite number of various interweavings, “refractions”, “expressions” and “reflections”, but retain their connection to the secular type of society. If the power elites do not recognize the fact of secularization of society, or do not want to do this, then the collapse of state power is inevitable.

Thus, the entourage of the last Russian emperor, like himself, continued to live with confidence in the absolute authority and trust of the majority of his subjects in the figure of the “anointed” sovereign, but in a fast-moving revolutionary world, tough, secularizing, modernizing, this version of the legitimacy of the domestic monarchy no longer worked, other methods were required, but, unfortunately, there was no clear understanding of this.

The post-secular paradigm, of course, has not yet fully formed, and the question of its establishment in the modern world is still open and not unambiguous. In general, its emergence is a Response to Challenges, to the variety of deformations of secularism in the legal, political, spiritual and other spheres of life. Post-secularism is not at all “nostalgia” for theologism or theocratism, but, in many ways, a forced defense against the increasingly growing transanthropology or transhumanism (in a milder version of this threat), the search for an effective way to overcome the spiritual and institutional riskiness of the second half of the 20th century -first quarter of the 21st century. in states of both the West and even the East.

Thus, now it is hardly possible to say unambiguously about a complete understanding of the nature and prospects of the post-secular paradigm, just as it is hardly possible to speak unambiguously about the specifics and basic principles of the mechanism of legitimacy of state power within its framework. However, let us highlight some, most likely staged, aspects of post-secular legitimation.

Firstly, the presence of an appropriate socio-ideological space based on the canons, dogmas and ethical principles of the traditional religious denomination for a particular society, and the majority of the state’s population should be immersed in such a world;

Secondly, the principles of a “secular” state, and indeed its very concept, must be re-considered from the point of view of Christian law (in relation to the relevant countries or otherwise in countries with different religious orientations). Here it is especially worth paying attention to the need to draw a clear legal and political line between the “secular” and “atheistic” state, which still requires serious research;

Thirdly, other criteria for assessing the power activities of the head of state and other power institutions are needed, which would differ significantly from traditional, charismatic, and habitual rational ones; moreover, these criteria must be recognized by citizens as necessary and sufficient legitimation conditions (this point is most likely currently the most difficult even at the stage of their theoretical development).

### Bibliography

1. Apolsky E. A. History of state and law in the countries of medieval Eurasia / E. A. Apolsky, V. Yu. Melnikov, A. V. Seregin. Moscow: Interplay LLC, 2017. 565 p.
2. Apolsky E.A. Some features of the formation of the pre-revolutionary science of state law // Law and Education. 2016. No. 3. P. 98–104.
3. Borohov E. Encyclopedia of aphorisms. Scatterings of thoughts. Moscow, 2001. 716 p.
4. Kerimov A.D. Democracy: experience of critical analysis. Moscow, 2019. 184 p.
5. Novgorodtsev P.I. About the social ideal. Moscow: Press, 1991. 638 p.
6. Ovchinnikov A.I. God and the Constitution in the post-secular world / God. Human. Constitution. Biblical philosophy of law in the scientific heritage of A.P. Lopukhin (1852 – 1904): monograph /ed. A.I. Ovchinnikova. Moscow, 2020. 272 p.
7. Theoretical and legal paradigm of the existence of cybernetic (information) civilization: monograph / Ed. S.A. Komarova. Moscow: Publishing house MATGiP, 2022. 320 p.
8. Higgins R. The Seventh Enemy. The human factor in the global crisis. (Chapters from the book) / R. Higgins; [transl. V. E. Ermolaeva and D. N. Lyalikov] // Global problems and general human values: per. from English and fr. / comp. L. I. Vasilenko, V. E. Ermolaeva; input. Art. Yu. A. Shreydera; [ed. V. M. Leontiev]. Moscow, 1990. P. 26–75.
9. Chirkin V.E. Fundamentals of state power. Moscow: Yurist, 1996. 110 p.

---

**For citation:** Ivanova S. E. Legitimacy of state institutions in the secular and post-secular political and legal space: article // Theory of State and Law. 2024. No. 1 (35). P. 135–140.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_130

## Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_141

С.Ф. Мазурин\*

## ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РОССИИ

***Аннотация.** Рассматриваются значимые проблемы формирования духовности и нравственности в социальной среде общества на современном этапе развития государственности в России. Определяются факторы, оказывающие негативное влияние на развитие общественных отношений, государственности, самосознание российского общества.*

***Ключевые слова:** государство, публичная власть, общественные отношения, социальная среда, духовность, нравственность, идеология.*

Установлению равновесия между административно-правовой системой государства и обществом может способствовать только выработка единой государственной воспитательной программы на основе нравственных идей и принципов православной культуры, которая оказывает гармоничное влияние на развитие личности, общества и государства, существенно снижая межличностные конфликты и уровень преступности. Причины возникновения дисбаланса в системе общественных отношений могут быть, как внутренними (неэффективный характер системы управления общественными процессами), так и внешними – идеологическое воздействие на общественные отношения извне, так называемое информационное ангажирование, направленное на лишение населения духовности, нравственности, его отдаление от богоустановленных идейных начал развития межличностных отношений, основанных на любви и милосердии к своим ближним и даже к своим врагам.

Как представляется, основными факторами, оказывающими негативное влияние на совершенствование и дальнейшее прогрессивное развитие общественных отношений и прогрессивной государственности в России, являются:

- объективный формализм в разделении публичной власти, значительные части которой объединены общими материальными интересами;
- бюрократизация механизма реализации правовой системы общества, защищающей конституционные права, свободы и законные интересы населения от противоправных посягательств, от произвола отдельных субъектов государственной власти;
- неполноценная система общественного образования, замалчивающая отдельные негативные этапы развития государственности в России;
- отсутствие цельного государственно-правового механизма предупреждения идеологического воздействия экстремизма на систему общественных отношений и систему публичной власти в России;

---

\* **Мазурин Станислав Фёдорович**, доцент кафедры гражданского процесса Санкт-Петербургской юридической академии, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: svyatoslav53@mail.ru

– отсутствие государственной программы духовного и нравственного образования и воспитательного воздействия на самосознание человека и формирование нравственного менталитета российского народа.

Все указанные факторы имеют тесную взаимосвязь и совокупно оказывают влияние на развитие либеральной правовой системы государства, которая не отвечает интересам абсолютного большинства населения. Сложность регулирования общественных отношений в любом государстве настолько велика, что практически всегда можно найти недостатки в функционировании правовой системы общества. В обществе, где нормы духовности и нравственности составляют основу развития права, возникающие социальные проблемы легко разрешаются за счет существующих государственно-правовых механизмов, обеспечивая гибкость развития общественных отношений. Духовно-нравственная деформация общественного сознания, вызванная секуляризацией общественных отношений, делает эти государственно-правовые механизмы неуправляемыми, либо работающими в ущерб государственному развитию. В этом случае, возникают так называемые системные долговременные кризисы [7, с. 192–256]. Одним из главных элементов возникновения кризисов в системе общественных отношений, как уже было отмечено, являются структурные диспропорции, между правовым и нравственным состоянием общества и его управляющим механизмом.

Рассматривая современную ситуацию и кризисный характер складывающихся в России общественных отношений, можно отметить, что здесь возникают три основные проблемы.

*Во-первых*, изменения во внутренней экономической политике государства, ориентированной на стихийный рынок, привели к негативному изменению состояния социально-экономической системы, к глобальному сокращению рабочих мест, к обнищанию значительной части населения и соответственно недовольству политическим курсом государства, не дающим никаких гарантий уверенности человека в завтрашнем дне.

*Во-вторых*, на протяжении последних ста лет в России, СССР и в современной Российской Федерации, абсолютно не уделялось достаточного внимания духовно-нравственному воспитанию человека, приоритет был отдан материальным, а не духовным ценностям. Отделение Церкви от государства и секуляризация науки и образования явились главными причинами изменения мировоззрения в широких общественных кругах и падения нравственности среди населения России.

*В-третьих*, в системе органов государственного управления, происходило игнорирование духовно-нравственных основ общественного развития, многие государственные чиновники, поддавшись материальным соблазнам, способствовали своими противоправными действиями развитию коррупции, в связи с чем, Россию охватил долговременный административный кризис. При этом субъективное воззрение со стороны властвующей государственной элиты на мир, как на арену борьбы за индивидуальное или родовое экономическое превосходство, всегда оправдывало чиновничий произвол, насилие, эксплуатацию и неравенство.

Анализ вопросов совершенствования общественных отношений и прогрессивного, цивилизованного, развития России без совокупного учета указанных нами факторов, оказывающих влияние на состояние общественных отношений, невозможен. Прогресс российского общества невозможен без эффективной реализации права на образование – одного из наиболее существенных конституционных социаль-



ных прав человека, которое создает основу развития личности и общества. Образование – это процесс развития, саморазвития и воспитания личности, связанный с овладением социально значимым опытом человечества в различных сферах деятельности гражданина, который знает и любит историю своего общества государства [5, с. 94].

Поэтому не случайно, при обсуждении и принятии поправок к Конституции Российской Федерации в 2020 году [2; 3; 4; 6; 8; 9], особое внимание было акцентировано на сохранении исторической правды о нашем государстве. В частях 2 и 3 ст. 67.1 констатируется, что Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство и чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается [1; 5]. Следует согласиться с тем, что под *единством следует* понимать «целостность, сплоченность, неразрывность. Поэтому можно сказать, что единство государства – это целостность, сплоченность и неразрывность совокупности граждан государства, его территории, государственной власти, права и основанных на нем государственно-правовых отношений, при условии, что **централизация государственной власти признается важнейшим (приоритетным, единственным) способом интеграции Российской Федерации, обеспечивающим достижение государственного единства.**

Положения части 3 статьи 67.1 появились не случайно и безо всякого сомнения выстраданы, своевременны и крайне необходимы именно в настоящее время для конституционного закрепления традиций, обычаев, ритуалов наших всех предшествующих поколений предков. Речь идет о памяти защитников Родины и Отечества, начиная от Древней Руси и заканчивая современной Россией, эту память, эти подвиги мы обязаны помнить и чтить всегда и везде гражданам государства, гражданским обществом, относиться к названным явлениям с одинаковым почтением, уважением, восхищением и достоинством» [5, с. 156].

Данное требование Основного Закона государства, обязывает не только все образовательные учреждения России доносить эту историческую правду до учащихся, независимо от темных или светлых периодов развития государственности, но и анализировать ее в научных трудах представителей гуманитарных наук. Без глубокого научно-творческого подхода и осмысления всех происходящих исторических событий, связанных с развитием общественных отношений и государственности в России, мы никогда не сможем построить правовое, социально справедливое государство.

### Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru/>
2. *Виноградова Е.В., Виноградова П.А.* Укрепление конституционных гарантий поправками 2020 года в Конституцию Российской Федерации. – М.: Эдитус, 2020. – 200 с.
3. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Поправки в Конституцию Российской Федерации в контексте запрограммированного общества // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Сборник материалов Все-

российской научно практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 129–152.

4. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Поправки в российское законодательство и комплексная теория права как основа суверенной философии права // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 172–187.

5. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с. (Серия: Профессиональный комментарий).

6. *Лазарев В.В.* Ценностно-идеологический подход к оценке новелл Конституции РФ // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 2. – С. 11–17.

7. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022. – 490 с.

8. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И.* Конституционная реформа как реализация ценностного консенсуса общества // В сборнике: Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства. Всероссийская научно-практическая конференция. – Уфа, 2021. – С. 227–238.

9. *Хабриева Т.Я., Клишас А.А.* Тематический комментарий к Закону Российской Федерации О поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 240 с.

---

**Для цитирования:** *Мазурин С.Ф.* Исторические проблемы развития государственности в России: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 141–144.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_141

### HISTORICAL PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF STATEHOOD IN RUSSIA

Stanislav F. Mazurin\*

**Annotation.** *The article deals with the main problems of the formation of spirituality and morality in the social environment of society at a certain stage of the development of statehood in Russia in the 20th century. The factors that have a negative impact on the self-consciousness of the Russian people, representing a shameful page in the history of our Great Fatherland, are outlined.*

**Keywords:** *state, public authority, public relations, social environment, spirituality, morality, Zionism, ideology.*

Establishing a balance between the administrative-legal system of the state and society can only be facilitated by the development of a unified state educational program based on moral ideas and principles of Orthodox culture, which has a harmonious impact on the development of the individual, society and the state, significantly reducing interpersonal conflicts and the crime rate. The reasons for the emergence of an imbalance in the system of social relations can be both internal (the ineffective nature of the system for

---

\* **Mazurin Stanislav Fedorovich**, Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the St. Petersburg Academy of Law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. E-mail: svyatoslav53@mail.ru

## Theory of State and Law

---

managing social processes) and external – ideological influence on social relations from the outside, the so-called information bias, aimed at depriving the population of spirituality, morality, its distance from the divinely established ideological principles development of interpersonal relationships based on love and mercy towards one's neighbors and even one's enemies.

It seems that the main factors that have a negative impact on the improvement and further progressive development of social relations and progressive statehood in Russia are:

- objective formalism in the division of public power, significant parts of which are united by common material interests;
- bureaucratization of the mechanism for implementing the legal system of society, which protects the constitutional rights, freedoms and legitimate interests of the population from illegal attacks, from the arbitrariness of individual subjects of state power;
- an inadequate public education system that glosses over certain negative stages in the development of statehood in Russia;
- the absence of an integral state-legal mechanism for preventing the ideological impact of extremism on the system of social relations and the system of public authority in Russia;
- lack of a state program for spiritual and moral education and educational influence on human self-awareness and the formation of the moral mentality of the Russian people.

All of these factors are closely interrelated and collectively influence the development of the liberal legal system of the state, which does not meet the interests of the absolute majority of the population. The complexity of regulating social relations in any state is so great that it is almost always possible to find shortcomings in the functioning of the legal system of society. In a society where the norms of spirituality and morality form the basis for the development of law, emerging social problems are easily resolved through existing state legal mechanisms, ensuring flexibility in the development of social relations. The spiritual and moral deformation of public consciousness caused by the secularization of social relations makes these state and legal mechanisms uncontrollable or working to the detriment of state development. In this case, so-called long-term systemic crises arise [7, p. 192–256]. One of the main elements of the emergence of crises in the system of social relations, as already noted, is structural imbalances between the legal and moral state of society and its governing mechanism.

Considering the current situation and the crisis nature of social relations emerging in Russia, it can be noted that three main problems arise here.

Firstly, changes in the internal economic policy of the state, oriented towards the spontaneous market, led to a negative change in the state of the socio-economic system, to a global reduction in jobs, to the impoverishment of a significant part of the population and, accordingly, dissatisfaction with the political course of the state, which does not provide any guarantees a person's confidence in the future.

Secondly, over the past hundred years in Russia, the USSR and in the modern Russian Federation, absolutely insufficient attention has been paid to the spiritual and moral education of a person; priority was given to material rather than spiritual values. The separation of Church and state and the secularization of science and education were the main reasons for the change in worldview in broad public circles and the decline in morality among the Russian population.

Thirdly, in the system of government bodies, the spiritual and moral foundations of social development were ignored; many government officials, succumbing to material

temptations, contributed to the development of corruption through their illegal actions, and therefore Russia was engulfed in a long-term administrative crisis. At the same time, the subjective view on the part of the ruling state elite of the world as an arena of struggle for individual or clan economic superiority has always justified bureaucratic arbitrariness, violence, exploitation and inequality.

An analysis of issues of improving social relations and the progressive, civilized development of Russia without a cumulative consideration of the factors we have indicated that influence the state of social relations is impossible. The progress of Russian society is impossible without the effective implementation of the right to education – one of the most significant constitutional social rights of a person, which creates the basis for the development of the individual and society. Education is a process of development, self-development and personal education associated with the mastery of the socially significant experience of humanity in various fields of activity of a citizen who knows and loves the history of his society and state [5, p. 94].

Therefore, it is no coincidence that when discussing and adopting amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 [2; 3; 4; 6; 8; 9], special attention was focused on preserving the historical truth about our state. Parts 2 and 3 of the Constitution state that the Russian Federation, united by a thousand-year history, preserving the memory of the ancestors who passed on to us the ideals and faith in God, as well as the continuity in the development of the Russian state, recognizes the historically established state unity and honors the memory of the defenders of the Fatherland, ensures the protection of the historical truth. Decreasing the significance of the people's feat in defending the Fatherland is not allowed [1; 5]. It should be agreed that unity should be understood as "integrity, cohesion, continuity. Therefore, we can say that the unity of the state is the integrity, cohesion and continuity of the totality of citizens of the state, its territory, state power, law and state-legal relations based on it, provided that the centralization of state power is recognized as the most important (priority, only) way of integration Russian Federation, ensuring the achievement of state unity.

The provisions of Part 3 of Article 67.1 did not appear by chance and, without any doubt, were hard-won, timely and extremely necessary precisely at the present time for the constitutional consolidation of the traditions, customs, and rituals of our all previous generations of ancestors. We are talking about the memory of the defenders of the Motherland and Fatherland, starting from Ancient Rus' and ending with modern Russia, we must remember and honor this memory, these exploits always and everywhere, citizens of the state, civil society, treat these phenomena with the same reverence, respect, admiration and dignity" [5, p. 156].

This requirement of the Basic Law of the state obliges not only all educational institutions in Russia to convey this historical truth to students, regardless of the dark or bright periods of the development of statehood, but also to analyze it in the scientific works of representatives of the humanities. Without a deep scientific and creative approach and comprehension of all ongoing historical events related to the development of social relations and statehood in Russia, we will never be able to build a legal, socially just state.

### Bibliography

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru/>

2. Vinogradova E.V., Vinogradova P.A. Strengthening constitutional guarantees with the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation. Moscow: Editus, 2020. 200 p.

3. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Amendments to the Constitution of the Russian Federation in the context of a programmed society // Amendments to the Constitution of the Russian Federation and prospects for the development of regional legislation: Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Ufa, March 24, 2021) / Rep. ed. N.V. Yamaletdinova. Ufa: RIC BashSU, 2021. Pp. 129–152.

4. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Amendments to Russian legislation and the comprehensive theory of law as the basis of sovereign philosophy of law // Amendments to the Constitution of the Russian Federation and prospects for the development of regional legislation: Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Ufa, March 24, 2021) / Rep. ed. N.V. Yamaletdinova. Ufa: RIC BashSU, 2021. Pp. 172–187.

5. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house "Urayt", 2023. 325 p. (Series: Professional Commentary).

6. Lazarev V.V. A value-ideological approach to assessing the novelties of the Constitution of the Russian Federation // Legal science: history and modernity. 2021. No. 2. P. 11–17.

7. Political and legal management and threats to state sovereignty: Monograph / Ed. ed. V.P. Salnikova. St. Petersburg: St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, University Foundation, 2022. 490 p.

8. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I. Constitutional reform as the implementation of the value consensus of society // In the collection: Amendments to the Constitution of the Russian Federation and prospects for the development of regional legislation. All-Russian scientific and practical conference. Ufa, 2021. Pp. 227–238.

9. Khabrieva T.Ya., Klishas A.A. Thematic commentary to the Law of the Russian Federation On the amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ "On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority." Moscow: Norma: INFRA-M, 2020. 240 p.

---

**For citation:** Mazurin S.F. Historical problems of the development of statehood in Russia: article // Theory of State and Law. 2024. No. 1 (35). P. 144–147.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_141

## Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_148

К.Р. Мурсалимов\*

## ГОСУДАРСТВО, ПРАВО, ЗАКОН: ПРОТИВОРЕЧИЕ И ВЗАИМОСВЯЗЬ

***Аннотация.** В статье рассматриваются государство, право, закон как взаимообусловленные явления, связанные единым процессом правообразования, и одновременно вступающие в противоречия между собой. При этом подчеркивается, что в только в гармоничной взаимосвязи данные явления способствуют формированию адекватного общественным отношениям государственно-правового регулирования.*

***Ключевые слова:** государство, право, закон, правообразование, государственно-правовое регулирование, нормативный правовой акт.*

Противоречия между государством, правом, и законом являются неотъемлемой частью общественной и политической жизни. Взаимное влияние между этими элементами может быть сложным и динамичным. В то время как догматическое правоведение подчеркивало единство права и государства, оно упускало из виду их диалектическое противоречие.

Каждый из этих компонентов – государство, право и закон – имеет свою относительную самостоятельность. Они подвержены влиянию экономики, политики и морали, хотя это воздействие может быть различным для каждого из них. Право, вероятно, ближе к экономике и морали, государство тесно связано с политикой, а закон зависит от государства и политики.

Связи между этими элементами могут быть разнообразными и изменчивыми, но они всеобщие и носят противоречивый характер. Например, невозможно не заметить прямых и косвенных связей между экономикой и законодательством, правом и политикой, государством и моралью.

Однако социальные проблемы не возникают из-за того, что право является выражением политики, а из-за того, что оно может концентрировать в себе неподходящую политику, которая не отражает объективные закономерности общественного развития, независимо от источника этой политики. В такой ситуации возникает напряженность в правовой системе.

Противоречия в праве, в философском и ценностном понимании этого термина, являются объективными и неотъемлемыми свойствами общественных отношений. Они развиваются параллельно социальному движению. Поэтому право не может быть описано как внутренне согласованная и непротиворечивая система. То же самое относится и к законодательству, которое, конечно же, не может быть идеальным в каждый данный момент.

---

\* **Мурсалимов Камилъ Рамилевич**, доцент кафедры экономических и финансовых исследований Высшей школы государственного аудита (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: mkr1976@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3533-7167>

Противоречия в государстве обусловлены его относительной независимостью от общества, а также самостоятельностью различных властей и отдельных институтов. Это создает сложные динамические отношения внутри государственной системы.

В целом, противоречивые процессы в обществе и политической системе непременно находят свое отражение в системе «государство – право – закон». Понимание этих противоречий и их влияния на развитие общества и политики является важным аспектом для понимания сложности и динамики процесса правообразования.

В юридической литературе нет единства мнений относительно этапов и стадий правотворчества, считает С.А. Комаров, основное внимание уделяется официальному процессу рассмотрения и принятия нормативных правовых актов, прежде всего, законопроектов. Он выделяет два этапа: **подготовку нормативного правового акта и его принятие**, которые, в свою очередь, распадаются на ряд стадий [3, с. 316].

Нам представляется, что правообразующий процесс включает в себя три взаимосвязанных этапа: выявление необходимости правового регулирования общественных отношений, правотворчество или санкционирование правовых норм и действие права.

Первый этап правообразования характеризуется определением потребностей в появлении или изменении правовых установлений. Выработанные модели поведения обретают правовую форму на втором этапе. На третьем этапе происходит реализация правовых норм в конкретных жизненных ситуациях, что показывает соответствие правовых новаций существующему режиму законности и правопорядку.

На первом этапе «основная роль в выявлении объективных потребностей правового регулирования в современном обществе принадлежит государственным институтам» [4, с. 12]. В этом процессе участвуют и иные социальные институты граждане, политические партии, и другие. Правообразующая деятельность государства осуществляется в ходе правотворчества и санкционирования права на этапе оформления правовых установлений. На последнем этапе государство отслеживает действенность правовых норм, в том числе посредством отправления производства по тому или иному официальному делу, при абстрактном и конкретном нормоконтроля, при разрешении споров о компетенции, при рассмотрении конституционных жалоб. "Результатом последнего этапа может стать ожидаемый членами общества правовой порядок. И тогда можно будет констатировать, что установленные в законах, указах, постановлениях и т.д. правовые нормы есть право. В противном случае в ситуации правового беспорядка, юридических конфликтов, нарушения прав и свобод членов общества и иных негативных обстоятельств невозможно утверждать, что итогом процесса трансформации норм стало право" [4, с. 12].

Борисов А.С. и Агаркова Д.А. выделяют два этапа правообразования [1, с. 91]. Однако такое понимание сужает содержание правообразующей деятельности государства. Весьма важное значение имеет проверка установленных правовых положений на предмет их гармонизации с существующим правопорядком, что выявляется, прежде всего, в ходе правоприменительной практики.

В юридической практике возникают проблемы, связанные с неверным выбором или применением критериальных оснований в отношении того или иного правового явления, что порождает нарушения в формировании и функционировании права, иногда носящие системный характер. Так, существуют некоторые проблемы как содержательного, так и юридико-технического характера, на уровне норматив-

но-правового регулирования правотворческой деятельности исполнительных органов государственной власти.

Действующее законодательство Российской Федерации неполно регулирует различные стороны правотворчества. До сих пор отсутствует определение понятия и видов нормативных правовых актов, полномочий правотворческих органов, не регламентирован единый порядок подготовки и оформления проектов нормативных правовых актов. Это осложняет взаимоотношения между участниками процесса создания правовых актов, отрицательно сказывается на качестве актов, оперативности их принятия, что нарушает системные связи между ними и приводит к возникновению многочисленных юридических противоречий и коллизий.

В целях оптимизации нормативно-правового материала, единообразного его понимания и применения следует согласовать все однородные нормативные правовые акты между собой. Кроме того, в зависимости от юридической силы все нижестоящие нормативные правовые акты необходимо привести в соответствие с вышестоящими на предмет одинакового толкования всех употребляемых понятий и словосочетаний, а также процедур, событий и деяний. В разрешении указанных проблем существенное значение имеет принятие федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» проект которого больше 20 лет обсуждается в научных кругах и органах государственной власти Российской Федерации [2].

Цель законопроекта – упорядочить систему действующих в Российской Федерации нормативных правовых актов, создать научно-обоснованные стандарты, определяющие содержание и форму правового акта, обеспечить законность в процессе принятия правотворческих решений.

Законопроектом предусматривается определение понятия нормативного правового акта как официального документа, принятого (изданного) полномочным государственным органом или должностным лицом, устанавливающего, изменяющего или отменяющего нормы права; установление видов нормативных правовых актов Российской Федерации в зависимости от их юридической значимости и особенностей предмета регулирования: законы, федеральные конституционные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, нормативные правовые акты органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, нормативные правовые акты органов местного самоуправления; закрепление принципа планирования правотворческой деятельности и организации независимой профессиональной экспертизы внесенных проектов; определение порядка толкования законов и иных нормативных правовых актов и органы, уполномоченные осуществлять эту деятельность.

Принятие законопроекта позволит создать единую правовую базу для правотворчества в Российской Федерации, повысить качество нормативных правовых актов, обеспечить их согласованность и исключить противоречия между ними.

Перспективной представляется концепция указанного законопроекта, представленная Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. В ней отмечается, что основу законопроекта «составляют четыре принципиальных положения: во-первых, регулирование охватывает все виды нормативных правовых актов, включая муниципальные. Ранее акцент был сделан преимущественно на характеристиках закона. Во-вторых, предпринята попытка связать воедино все фазы появления и действия актов, как в процессе



правотворчества, так и в процессе правоприменения. Это позволяет определить критерии их эффективности. В-третьих, намечены способы обеспечения соотношения национальных правовых актов и международно-правовых актов ввиду актуальности данной проблемы в условиях интеграционных процессов. В-четвертых, впервые даны характеристики способов использования новых информационных технологий в процессах правотворчества и правоприменения» [5, с. 6].

Версия указанного законопроекта, разработанная Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации в 2012 году, придавала процессу нормотворчества и правоприменения более целеустремленный и ритмичный характер [5, с. 4].

Современная нормотворческая практика свидетельствует о наличии дефектов в ходе подготовки проектов нормативных актов, связанных с нарушением критериев (правил) юридической техники – пренебрежением терминологическими требованиями, нестыковкой с однородными нормативными актами как в рамках ведомственной, так и в рамках межведомственной нормативной базы, несогласованность нормативных правовых актов.

В этой связи необходимо совершенствование как самих критериев формирования правового поля, так и повышение эффективности правоприменительной деятельности, образовательного уровня юристов, особенно занимающихся правотворчеством.

Следует отметить, что система советского государственного управления помогла укреплению позитивного правопонимания в юридической науке. "Узконормативная" трактовка права способствовала его институционализации; установлению категориально-понятийного аппарата права; выделению элементов механизма государственно-правового регулирования; формированию инструментария правотворческой деятельности. Вместе с этим советская наука низвела право до практической юриспруденции, отрицая различие между правом и законом.

История развития правопонимания показала, что только сочетание юридической практики, теории и философии права позволяет создать цельное представление о праве, отвечающее потребностям общественного развития.

Проблемы современной правовой действительности свидетельствуют, что принятие правотворческого решения обусловлено "разовыми" практическими потребностями, при этом не принимается во внимание научное обоснование такого решения. Оно основывается на умозрительном нормотворчестве, не учитывая закономерности и тенденции развития юридической практики, нарушая принципы соотношения государства и права. Таким образом, государство, право, закон – есть взаимобусловленные явления, объединенные единым процессом правообразования. И только в гармоничной взаимосвязи данные явления определяют формирование адекватного общественным отношениям государственно-правовое регулирование.

### Библиографический список

1. Борисов А.С., Агаркова Д.А. К вопросу о правообразовании: определение содержания и границ понятия // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 1. – С. 87–94.
2. Законопроект был отклонен и снят с дальнейшего рассмотрения 12 мая 2004 года постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 491-ІУ ГД // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

3. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.

4. Миронов В.О., Зин Н.В. О правообразовании // Актуальные вопросы образования и науки. – 2018. – № 2 (64). – С. 11–17.

5. Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (инициативный законопроект). – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2013. – 70 с.

---

**Для цитирования:** Мурсалимов К.Р. Государство, право, закон: противоречие и взаимосвязь: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 148–152.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_148

### STATE, LAW, BILL: CONTRADICTION AND RELATIONSHIP

Kamil R. Mursalimov\*

**Annotation.** *The article considers the state, law, and the law as mutually conditioned phenomena connected by a single process of legal education, and at the same time conflicting with each other. At the same time, it is emphasized that only in a harmonious relationship, these phenomena contribute to the formation of an adequate public relations state-legal regulation*

**Keywords:** *state, law, law, legal education, state legal regulation, regulatory legal act.*

Contradictions between the state, law, and bill are an integral part of social and political life. The mutual influence between these elements can be complex and dynamic. While dogmatic jurisprudence emphasized the unity of law and state, it lost sight of their dialectical contradiction.

Each of these components – state, law and bill – has its own relative independence. They are influenced by economics, politics and morality, although these influences may be different for each of them. Law is probably closer to economics and morality, the state is closely related to politics, and the law depends on the state and politics.

The connections between these elements may be varied and changeable, but they are universal and contradictory. For example, it is impossible not to notice direct and indirect connections between economics and legislation, law and politics, state and morality.

However, social problems do not arise because law is an expression of politics, but because it can concentrate inappropriate policies that do not reflect the objective laws of social development, regardless of the source of these policies. In such a situation, tension arises in the legal system.

Contradictions in law, in the philosophical and value understanding of this term, are objective and integral properties of social relations. They develop in parallel with the social movement. Therefore, law cannot be described as an internally consistent and consistent system. The same applies to legislation, which, of course, cannot be ideal at every given moment.

---

\* **Mursalimov Kamil Ramilevich**, Associate Professor of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit (Faculty) Lomonosov Moscow State University, Candidate of Law, Associate Professor. E-mail: mkr1976@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3533-7167>

## Theory of State and Law

---

The contradictions in the state are due to its relative independence from society, as well as the independence of various authorities and individual institutions. This creates complex dynamic relationships within the government system.

In general, contradictory processes in society and the political system are certainly reflected in the “state – law – law” system. Understanding these contradictions and their impact on the development of society and politics is an important aspect for understanding the complexity and dynamics of the process of legal formation.

In the legal literature there is no consensus on the stages of law-making, believes S.A. Komarov, the main attention is paid to the official process of consideration and adoption of regulatory legal acts, primarily bills. He distinguishes two stages: preparation of a normative legal act and its adoption, which, in turn, fall into a number of stages [3, p. 316].

It seems to us that the law-forming process includes three interrelated stages: identifying the need for legal regulation of social relations, law-making or authorization of legal norms, and the operation of law.

The first stage of legal formation is characterized by identifying the needs for the emergence or change of legal provisions. The developed models of behavior acquire legal form at the second stage. At the third stage, legal norms are implemented in specific life situations, which show the compliance of legal innovations with the existing regime of legality and order.

At the first stage, “the main role in identifying the objective needs of legal regulation in modern society belongs to state institutions” [4, p. 12]. Other social institutions, citizens, political parties, and others, also participate in this process. The law-forming activity of the state is carried out in the course of law-making and sanctioning of law at the stage of formalizing legal regulations. At the last stage, the state monitors the effectiveness of legal norms, including through the administration of proceedings in a particular official case, with abstract and concrete normative control, with the resolution of disputes about competence, with consideration of constitutional complaints. “The result of the last stage may be the legal order expected by members of society. And then it will be possible to state that the legal norms established in laws, decrees, resolutions, etc. are law. Otherwise, in a situation of legal disorder, legal conflicts, violations of rights and freedoms of members of society and other negative circumstances, it is impossible to assert that the result of the process of transformation of norms was law” [4, p. 12].

Borisov A.S. and Agarkova D.A. think that there are two stages of legal formation [1, p. 91]. However, such an understanding narrows the content of the state’s law-making activities. It is very important to check the established legal provisions for their harmonization with the existing legal order, which is revealed, first of all, in the course of law enforcement practice.

In legal practice, problems arise related to the incorrect choice or application of criteria in relation to a particular legal phenomenon, which give rise to violations in the formation and functioning of law, sometimes of a systemic nature. Thus, there are some problems of both substantive and legal-technical nature, at the level of normative and legal regulation of the law-making activities of executive bodies of state power.

The current legislation of the Russian Federation does not fully regulate various aspects of lawmaking. There is still no definition of the concept and types of normative legal acts, the powers of law-making bodies, and a unified procedure for the preparation and execution of draft normative legal acts is not regulated. This complicates the relationship between participants in the process of creating legal acts, negatively affects the quality of acts

and the speed of their adoption, which disrupts the systemic connections between them and leads to the emergence of numerous legal contradictions and collisions.

In order to optimize the regulatory material, its uniform understanding and application, all homogeneous regulatory legal acts should be harmonized with each other. In addition, depending on the legal force, all lower-level normative legal acts must be brought into line with the higher ones in order to ensure the same interpretation of all concepts and phrases used, as well as procedures, events and actions. In resolving these problems, the adoption of the federal law "On Regulatory Legal Acts in the Russian Federation", the draft of which has been discussed for more than 20 years in scientific circles and government bodies of the Russian Federation, is essential [2].

The purpose of the bill is to streamline the system of regulatory legal acts in force in the Russian Federation, create scientifically based standards that determine the content and form of a legal act, and ensure legality in the process of making law-making decisions.

The bill provides for the definition of the concept of a normative legal act as an official document adopted (issued) by an authorized state body or official, establishing, amending or repealing rules of law; establishment of types of regulatory legal acts of the Russian Federation depending on their legal significance and features of the subject of regulation: laws, federal constitutional laws, decrees of the President of the Russian Federation, decrees of the Government of the Russian Federation, regulatory legal acts of federal executive authorities, regulatory legal acts of executive authorities of constituent entities of the Russian Federation Federations, regulatory legal acts of local governments; consolidation of the principle of planning law-making activities and organizing an independent professional examination of submitted projects; determining the procedure for interpreting laws and other regulatory legal acts and the bodies authorized to carry out this activity.

The adoption of the bill will create a unified legal framework for lawmaking in the Russian Federation, improve the quality of regulatory legal acts, ensure their consistency and eliminate contradictions between them.

The concept of this bill, presented by the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, seems promising. It notes that the basis of the bill "is made up of four fundamental provisions: firstly, regulation covers all types of regulatory legal acts, including municipal ones. Previously, the emphasis was primarily on the characteristics of the law. Secondly, an attempt has been made to link together all the phases of the emergence and operation of acts, both in the process of law-making and in the process of law enforcement. This allows us to determine the criteria for their effectiveness. Thirdly, ways to ensure the relationship between national legal acts and international legal acts are outlined in view of the relevance of this problem in the context of integration processes. Fourthly, for the first time, characteristics of the ways of using new information technologies in the processes of lawmaking and law enforcement are given" [5, p. 6].

The version of this bill, developed by the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation in 2012, gave the process of rule-making and law enforcement a more purposeful and rhythmic character [5, p. 4].

Modern rule-making practice indicates the presence of defects in the preparation of draft regulatory acts associated with violation of the criteria (rules) of legal technology – neglect of terminological requirements, inconsistency with homogeneous regulatory acts both within the departmental and interdepartmental regulatory framework, inconsistency of regulatory legal acts.

# Theory of State and Law

---

In this regard, it is necessary to improve both the criteria for the formation of the legal field and to increase the efficiency of law enforcement activities and the educational level of lawyers, especially those involved in lawmaking.

It should be noted that the system of Soviet public administration helped strengthen positive legal understanding in legal science. The “narrow normative” interpretation of law contributed to its institutionalization; establishing the categorical-conceptual apparatus of law; highlighting the elements of the mechanism of state legal regulation; formation of tools for law-making activities. At the same time, Soviet science reduced law to practical jurisprudence, denying the difference between law and law.

The history of the development of legal understanding has shown that only a combination of legal practice, theory and philosophy of law makes it possible to create a holistic idea of law that meets the needs of social development.

The problems of modern legal reality indicate that the adoption of a law-making decision is determined by “one-time” practical needs, while the scientific justification of such a decision is not taken into account. It is based on speculative rule-making, without taking into account the patterns and trends in the development of legal practice, violating the principles of the relationship between state and law. Thus, the state, law, law are interdependent phenomena, united by a single process of legal formation. And only in a harmonious relationship do these phenomena determine the formation of state and legal regulation adequate to social relations.

## Bibliography

1. Borisov A.S., Agarkova D.A. On the issue of legal formation: determining the content and boundaries of the concept // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2015. No. 1. P. 87–94.
2. The bill was rejected and withdrawn from further consideration on May 12, 2004 by resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation 491-IY ГД // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
3. Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for universities / S. A. Komarov. – 10th ed., rev. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 528 p.
4. Mironov V.O., Zin N.V. On legal formation // Current issues of education and science 2018. No. 2 (64). Pp. 11–17.
5. Draft federal law “On regulatory legal acts in the Russian Federation” (initiative bill). Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2013. 70 p.

---

**For citation:** Mursalimov K.R. State, law, bill: contradiction and relationship: article // Theory of state and law. 2024. No. 1 (35). P. 152–155.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_148

## Научная статья

УДК 347.6; 314.3

ББК 67.404; 60.740

DOI 10.47905/MATGIP\_2024\_1\_35\_156

**С. Б. Мякинина\***

**А.А. Соловьев\*\***

**Н.А. Шеяфетдинова\*\*\***

## ПОСТМОРТАЛЬНАЯ РЕПРОДУКЦИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

***Аннотация.** Относительно новое достижение научного прогресса в лице постмортальной репродукции, сделало необходимым ее осмысление с разных позиций (правовых, моральных, этических, медицинских и т.д.), однако глобальным аспектом в этом плане выступает исследование данной технологии в контексте функций государства. Авторами рассмотрена постмортальная репродукция сквозь призму социальной функции государства, а также выявлены возможные правовые проблемы, которые могут возникнуть при ее практической реализации. Актуальность данной статьи определяется целесообразностью уточнения роли постмортальной репродукции в государственно-правовой действительности, а также растущим интересом к данной процедуре, современными вызовами, связанными с гибелью молодого, здорового репродуктивного поколения и, соответственно, вытекающей из этого потребностью в правовом регулировании постмортальной репродукции ввиду тех возможностей, которые она предоставляет в контексте социальной функции государства.*

***Ключевые слова:** постмортальная репродукция, демография, установление происхождения детей, функции государства, социальная функция государства.*

Функционирование государства сопряжено с постоянным коррелированием своего развития с результатами научно-технического прогресса. Акцентированность на принятии или не принятии медицинских исследований важно для любого государства вдвойне, поскольку от них зачастую зависят перспективы существования

---

\* **Мякинина Светлана Борисовна**, доцент кафедры права ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», кандидат социологических наук. E-mail: sb.myakinina@mpgu.su

\*\* **Соловьев Андрей Александрович**, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, заместитель председателя Арбитражного суда Московской области, доктор юридических наук, доцент. E-mail: solov.arbitr@rambler.ru

\*\*\* **Шеяфетдинова Наталья Александровна**, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», доцент кафедры КБ-12 «Правовое обеспечение национальной безопасности» ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет», кандидат юридических наук, доцент. E-mail: SheiafetdinovaUP@mail.ru

самого государства ввиду связанности последнего с состоянием здоровья населения и в целом с его наличием.

В современном обществе наука и медицина достигли такого уровня прогресса, что перед правоприменителями ставятся все новые задачи по имплементации данного состояния к существующим правовым нормам, а также к разработке новых нормативных правовых актов, необходимость которых не предполагалась всего несколько десятилетий назад. Одной из таких задач является постмортальная репродукция, которая имеет место быть в случае, когда зачатие /перенос эмбриона происходит после смерти родителя/родителей [12, с. 31]. Благодаря этой технологии удастся передавать поколениям генетический материал человека, обогащая генетическое разнообразие социума [8, с. 70].

Однако возникающие правовые вопросы, связанные с данной процедурой, остаются недостаточно исследованными и отрегулированными. Поэтому возникшая новая возможность повысить уровень рождаемости в нашей стране не может использоваться широко и приносить свои плоды. Постмортальная репродукция интересна не только с точки зрения ее нормативного закрепления, но и с позиции включения ее в состав той или иной функции государства, в том случае, если оно видит выгодные для себя и общества перспективы для ее популяризации. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть данную технологию в контексте социальной функции государства.

Социальная функция государства подразумевает внедрение совокупности государственных мер, в том числе для воспроизводства населения [14, с. 46]. В свою очередь миссия социального государства ориентирована на стремление к социальному балансу и миру [7, с. 29]. Социальная же опека государства должна быть направлена на нуждающихся [13, с. 87], что как нельзя более относится к исполняющим функции государства работникам, чья деятельность сопряжена с риском. Следовательно, государство должно осуществить все от него зависящее для максимальной реализации такими субъектами прав, свобод, иных не запрещенных законом возможностей, среди которых целесообразно предусмотреть и постмортальную репродукцию на безвозмездной основе.

Указывая на обязательную безвозмездность права на посмертную репродукцию [11, с. 117], не следует забывать и о возможной платной основе последней в том случае, если рассматриваемая технология заинтересует те слои населения, которые не нуждаются в государственной протекции.

Состояние демографии, диктуемое сложившейся ситуацией, отсылает к целесообразности использования актуальных инициатив репродуктивного поведения [9, с. 88]. Отмеченное еще в 2008 г. «расширение вариативности в реализации супружескими парами репродуктивной потребности» [6, с. 113] обуславливается, в том числе, теми научно-техническими возможностями, которые предоставляются государством. В данном случае постмортальная репродукция как нельзя более отражает еще один вариант, который может предоставить гражданам государство в рамках реализации социальной функции.

Однако нельзя исключать воздействия искусственной репродукции человека на видоизменение семьи как социального института [10, с. 27]. Те морально-этические вызовы, которые ставит перед обществом и государством постмортальная репродукция относительно гуманности по отношению к ребенку, в случае его зачатия или переносе его эмбриона только после смерти обоих родителей, подразумевает изначальное «гене-

тическое сиротство» рожденного ребенка, что трудно отнести к благоприятствующим распространению постмортальной репродукции факторам.

Как техническая, так и юридическая стороны постмортальной репродукции ставят перед наукой и практикой ряд неразрешенных вопросов, в частности для надлежащего регулирования правового статуса детей, рожденных после смерти одного или обоих родителей, необходимо ввести в законодательный оборот термин – «ребенок, зачатый после смерти хотя бы одного родителя (постмортальный ребенок)». Это позволит не только придать правовую определенность данной категории детей, но и признать за ними ряд субъективных прав, а также выявить связанные с этой категорией пробелы в действующем законодательстве и представить предложения по их ликвидации. Какие же вопросы ставит перед нами данная новелла медицинской науки?

Во-первых, необходимы современные методы сбора и хранения образцов ДНК или спермы умерших людей. Наука еще не может получить яйцеклетки после смерти женщины, но возможен забор овариальной ткани для последующего «выращивания» ооцитов. Овариальную ткань также возможно криоконсервировать с последующей необходимостью ее надлежащего хранения.

Во-вторых, важно учитывать волеизъявление самого человека по поводу использования его генетического материала после смерти, а также по последствиям такого использования. «Даже если умерший при жизни хотел ребенка, это не означает, что он хотел бы его после смерти» [3, с. 17]. Соответственно, невозможно не принимать в расчет волеизъявление личности в отношении перспектив сданного им генетического материала, в случае его смерти [4].

В-третьих, возникает вопрос о том, кто имеет право на получение и кому может быть предоставлено право на изъятие клеток или тканей умершего.

В-четвертых, возникают вопросы с правовым статусом постмортальных детей: как установить отцовство, как допустить ребенка, который является кровным родственником умершего, к наследованию, обеспечив тем самым его права.

Нельзя игнорировать и различия в вопросах наследования между странами континентального и общего права [15, с. 98]. Что касается установления материнства, то не российский, не зарубежные правовые порядки не видят возможности в посмертной реализации этого права [2, с. 143].

Техническая сторона постмортальной репродукции требует значительных научно-технических достижений. Одним из основных вопросов является сохранение генетического материала умершего. Для этого необходимы современные методы сбора и хранения образцов ДНК или спермы/овариальной ткани умерших людей. Поэтому важно разработать и оптимизировать процедуры для успешного оплодотворения полученных образцов и последующей имплантации эмбрионов.

В свете целесообразности учета волеизъявления самого человека по поводу использования его генетического материала после смерти, нужно учитывать факт того, что на данную процедуру психологически сложно решиться. Тем не менее, некоторые люди могут выразить желание продолжить свое потомство через постмортальную репродукцию, поэтому надо обеспечить, чтобы это решение было принято на основе информированного согласия и подкреплено согласием на медицинское вмешательство и/или завещанием. Также необходимо разъяснение правовых последствий такого согласия. В связи с изложенным, грамотная научно-просветительская работа с населением, социальная реклама могут помочь в решении вопроса.



В современном обществе возникают все больше правовых проблем, связанных с возможностью постмортальной репродукции. Проблемы актуальны практически во всех странах, где подобный способ не является запрещенным. Один из таких аспектов связан с правом получения половых клеток или эмбрионов умершего, которое может быть предоставлено выжившему супругу или другим заинтересованным родственникам из криобанка [1, с. 88]. Это вызывает важные вопросы о свободе выбора и возможности продолжения рода после смерти одного из супругов. Граждане РФ имеют право на криоконсервацию и хранение своих половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов за счет личных средств и иных средств, предусмотренных законодательством Российской Федерации, согласно Федеральному закону от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [5]. Однако срок хранения и допустимые уровни цен законодательно не урегулированы.

Новые медицинские технологии ставят государство перед выбором их разрешения или запрещения (и, соответственно, нормативного правового закрепления). Одобренные должны обрести свое место в государственно-правовой действительности, которое определяется их внедрением в функционирование государства посредством включения в состав одной или нескольких функций государства. Вопрос постмортальной репродукции особенно важен в связи с возможностью проведения государствами военных действий, когда на полях сражений гибнет большое число военнослужащих, которые являются не только молодыми людьми, но и составляют здоровый, активный генофонд населения каждого государства. Их потомство, как правило, отличается хорошим здоровьем и активным развитием, что каждому государству необходимо сохранять и приумножать. Помочь в этом могут в том числе и методы вспомогательных репродуктивных технологий, связанные с репродукцией человека после его смерти – постмортальной репродукцией.

Соответственно, четкое понимание со стороны государства перспектив использования постмортальной репродукции позволит однозначно определиться с выгодами или опасностями ее распространения. Если те или иные государства сочтут необходимым развивать данную технологию, то преимущества ее использования в рамках социальной функции очевидны, поскольку дадут возможность гражданам государства с большей уверенностью решиться на участие в профессиональной деятельности сопряженной с риском для жизни; участие в клинических исследованиях лекарственных препаратов и т.п.

Кроме того, социальная политика государства может задействовать постмортальную репродукцию в качестве одной из мер социальной поддержки, наряду с имеющимися, для тех категорий граждан, в которых государство заинтересовано, а также заинтересовывать молодое поколение социально значимыми профессиями, мотивируя безвозмездной возможностью постмортальной репродукции.

Однако надо понимать, что государство не может пообещать больше того, что реально способно осуществить. Сохранить половые клетки человека и поспособствовать их использованию по прямому назначению (в виде рождения «постмортального» ребенка) не означает взять на себя обязанность по поиску тех, кто данного ребенка выносит и родит. Данный аспект явно входит в круг интересов самого человека, а не государства. Последнее должно сконцентрироваться на нормативной базе, позволяющей осуществить постмортальную репродукцию в русле социальной

функции государства максимально эффективно и безопасно для общественных, государственных и личных интересов.

## Библиографический список

1. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // URL: <https://clck.ru/YwuWU>
2. *Алейникова В.В.* Постмортальные дети в семейном и наследственном праве: "быть или не быть, вот в чем вопрос..." // Закон. – 2023. – № 4. – С. 137–157.
3. *Алламярова Н.В., Синакwa Э.К., Гараева А.С.* Этико-правовые аспекты постмортальной репродукции // Проблемы стандартизации в здравоохранении. – 2018. – № 11–12. – С. 13–19.
4. *Аникина Г. В.* К вопросу о правовом регулировании постмортальной репродукции // «Наука. Общество. Государство». – 2013. – № 2 (2) // URL: [https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/anikina\\_gv\\_13\\_2\\_05.pdf](https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/anikina_gv_13_2_05.pdf)
5. *Волков К.В.* К вопросу о дискриминации постмортальных детей в их наследственных правах в России // Сфера права. – 2021. – № 1. – С. 86–92.
6. *Гурко Т.А.* Брак и родительство в России. – М.: Институт социологии Российской академии наук, 2008. – 324 с.
7. *Кручинин В.Н.* Государство как социальный институт и его социальная функция // Правовая реформа. – 2015. – Т. 1. – С. 21–35.
8. *Муравьева Е.В.* Правовые проблемы постмортальной репродукции // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 12 (139). – С. 70–74
9. *Назаренко С.В.* Механизм социального контроля в реализации демографической политики // В сб.: Моделирование демографического развития и социально-экономическая эффективность реализации демографической политики России. – М., 2015. – С. 76–89.
10. *Новицкая Т.* Вспомогательные репродуктивные технологии как фактор реконфигурации семейно-родственных связей в Беларуси и России // Наука и инновации. – 2018. – № 4 (183). – С. 27–33.
11. *Нодари Д.Э.* О допустимости сделки об оказании медицинских услуг при реализации права на посмертную репродукцию // Вестник Московского университета МВД РФ. – 2015. – № 7. – С. 116–120.
12. *Свитнев К.Н.* Правовые и этические аспекты посмертной репродукции // Правовые вопросы в здравоохранении. – 2011. – № 6. – С. 30–43.
13. *Степушкина Е.И.* О моделях социальной государственности и содержании социальной функции государства // Теория государства и права. – 2019. – № 1(13). – С. 84–88.
14. *Шарков А.В.* Проблема социальных функций современного государства: философский анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2019. – № 1. – С. 44–54.
15. *Шелютто М.Л.* Дети, зачатые после смерти родителя: установление происхождения и наследственные права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 4 (59). – С. 91–98.

---

**Для цитирования:** *Мякина С.Б., Соловьев А.А., Шеяфетдинова Н.А.* Постмортальная репродукция как составляющая социальной функции государства: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 156–160.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_156

## POSTMORTEM REPRODUCTION AS A COMPONENT OF THE SOCIAL FUNCTION OF THE STATE

Svetlana B. Myakinina \*

Andrey A. Soloviev\*\*

Natalya A. Sheyafetdinova \*\*\*

**Annotation.** *A relatively new achievement of scientific progress in the face of postmortem reproduction has made it necessary to understand it from different positions (legal, moral, ethical, medical, etc.), however, the global aspect in this regard is the study of this technology in the context of state functions. The authors considered postmortem reproduction through the prism of the social function of the state, and also identified possible legal problems that may arise during its practical implementation. The relevance of this article is determined by the expediency of clarifying the role of postmortem reproduction in state legal reality, as well as the growing interest in this procedure, modern challenges associated with the death of a young, healthy reproductive generation and, accordingly, the resulting need for legal regulation of postmortem reproduction in view of the opportunities it provides in the context of the social function of the state.*

**Keywords:** *postmortem reproduction, demography, establishment of the origin of children, functions of the state, social function of the state.*

The functioning of the state is associated with constant correlation of its development with the results of scientific and technological progress. The emphasis on the acceptance or non-acceptance of medical research is doubly important for any state, since the prospects for the existence of the state itself often depend on them due to the latter's connection with the state of health of the population and, in general, with its presence.

In modern society, science and medicine have reached such a level of progress that law enforcement officials are faced with ever new tasks to implement this state of affairs to existing legal norms, as well as to develop new normative legal acts, the need for which was not expected just a few decades ago. One of these tasks is postmortem reproduction, which occurs in the case when conception/embryo transfer occurs after the death of the parent/parents [12, p. 31]. Thanks to this technology, it is possible to transmit human genetic material to generations, enriching the genetic diversity of society [8, p. 70].

However, emerging legal issues related to this procedure remain insufficiently researched and regulated. Therefore, the new opportunity that has arisen to increase the birth rate in our country cannot be used widely and bear fruit.

---

\* **Myakinina Svetlana Borisovna**, Associate Professor of the Department of Law, Moscow Pedagogical State University, Candidate of Sociological Sciences. E-mail: sb.myakinina@mpgu.su

\*\* **Soloviev Andrey Aleksandrovich**, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow Pedagogical State University", Professor of the Department of Civil and Administrative Litigation of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (MSAL), Deputy Chairman of the Arbitration Court of the Moscow Region, Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: solov.arbitr@rambler.ru

\*\*\* **Sheyafetdinova Natalya Aleksandrovna**, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Moscow Pedagogical State University, Associate Professor of the Department of KB-12 "Legal Support of National Security" of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "MIREA – Russian Technological University", Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. E-mail: SheyafetdinovaUP@mail.ru

Postmortem reproduction is interesting not only from the point of view of its normative consolidation, but also from the position of including it in one or another function of the state, if it sees prospects for its popularization that are beneficial for itself and society. In this regard, it seems appropriate to consider this technology in the context of the social function of the state.

The social function of the state implies the introduction of a set of government measures, including for the reproduction of the population [14, p. 46]. In turn, the mission of the welfare state is focused on the desire for social balance and peace [7, p. 29]. Social care of the state should be aimed at those in need [13, p. 87], which could not be more true for employees performing state functions, whose activities are associated with risk. Therefore, the state must do everything in its power to maximize the realization by such subjects of rights, freedoms, and other opportunities not prohibited by law, among which it is advisable to provide for postmortem reproduction free of charge.

Pointing to the mandatory gratuitousness of the right to posthumous reproduction [11, p. 117], we should not forget about the possible paid basis of the latter if the technology in question is of interest to those segments of the population that do not need state protection.

The state of demography, dictated by the current situation, refers to the expediency of using current initiatives of reproductive behavior [9, p. 88]. Noted back in 2008, “the expansion of variability in the implementation of reproductive needs by married couples” [6, p. 113] is determined, among other things, by the scientific and technical capabilities provided by the state. In this case, postmortem reproduction perfectly reflects another option that the state can provide to citizens as part of the implementation of its social function.

However, we cannot exclude the impact of artificial human reproduction on the modification of the family as a social institution [10, p. 27]. Those moral and ethical challenges that postmortem reproduction poses to society and the state regarding humanity in relation to the child, in the event of his conception or the transfer of his embryo only after the death of both parents, imply the initial “genetic orphanhood” of the born child, which is difficult attributed to factors favoring the spread of postmortem reproduction.

Both the technical and legal aspects of postmortem reproduction pose a number of unresolved issues for science and practice, in particular, for the proper regulation of the legal status of children born after the death of one or both parents, it is necessary to introduce into law the term “child conceived after death” at least one parent (postmortem child).” This will not only give legal certainty to this category of children, but also recognize a number of subjective rights for them, as well as identify gaps related to this category in the current legislation and present proposals for their elimination. What questions does this novel of medical science pose to us?

First, modern methods are needed to collect and store DNA or sperm samples from deceased people. Science cannot yet obtain eggs after the death of a woman, but it is possible to collect ovarian tissue for the subsequent “growing” of oocytes. Ovarian tissue can also be cryopreserved with subsequent need for proper storage.

Secondly, it is important to take into account the will of the person himself regarding the use of his genetic material after death, as well as the consequences of such use. “Even if the deceased wanted a child during his lifetime, this does not mean that he would want one after death” [3, p. 17]. Accordingly, it is impossible not to take into account the will of the individual regarding the prospects of the genetic material donated by him in the event of his death [4].

Third, there is the question of who has the right to receive and who can be granted the right to remove the cells or tissues of the deceased.

Fourthly, questions arise with the legal status of postmortem children: how to establish paternity, how to allow a child who is a blood relative of the deceased to inherit, thereby ensuring his rights.

One cannot ignore the differences in matters of inheritance between countries of continental and common law [15, p. 98]. As for establishing maternity, neither Russian nor foreign legal systems see the possibility of posthumous implementation of this right [2, p. 143].

The technical side of postmortem reproduction requires significant scientific and technical achievements. One of the main issues is the preservation of the genetic material of the deceased. This requires modern methods for collecting and storing DNA or sperm/ovarian tissue samples from deceased individuals. Therefore, it is important to develop and optimize procedures for successful fertilization of the obtained samples and subsequent implantation of embryos.

In light of the advisability of taking into account the will of the person himself regarding the use of his genetic material after death, it is necessary to take into account the fact that it is psychologically difficult to decide on this procedure. However, some people may wish to procreate through postmortem reproduction, so it is important to ensure that this decision is made on the basis of informed consent and supported by medical consent and/or a living will. It is also necessary to clarify the legal consequences of such consent. In connection with the above, competent scientific and educational work with the population, social advertising can help in resolving the issue.

In modern society, more and more legal problems arise related to the possibility of postmortem reproduction. The problems are relevant in almost all countries where this method is not prohibited.

One of these aspects is related to the right to receive germ cells or embryos of the deceased, which can be granted to the surviving spouse or other interested relatives from the cryobank [1, p. 88]. This raises important questions about freedom of choice and the possibility of procreation after the death of one of the spouses. Citizens of the Russian Federation have the right to cryopreservation and storage of their germ cells, tissues of reproductive organs and embryos at the expense of personal funds and other funds provided for by the legislation of the Russian Federation, in accordance with the Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FZ "On the fundamentals of protecting the health of citizens in Russian Federation" [5]. However, the shelf life and acceptable price levels are not regulated by law.

New medical technologies present the state with the choice of allowing or prohibiting them (and, accordingly, their legal support). Those approved must find their place in state-legal reality, which is determined by their implementation in the functioning of the state through inclusion in one or more functions of the state. The issue of postmortem reproduction is especially important in connection with the possibility of states carrying out military operations, when a large number of military personnel die on the battlefields, who are not only young people, but also constitute a healthy, active gene pool of the population of each state. Their offspring, as a rule, are distinguished by good health and active development, which every state needs to preserve and increase. Methods of assisted reproductive technologies associated with human reproduction after death – postmortem reproduction – can also help with this.

Accordingly, a clear understanding on the part of the state of the prospects for the use of postmortem reproduction will make it possible to unambiguously determine the benefits or dangers of its spread. If certain states consider it necessary to develop this technology, then the advantages of its use within the framework of the social function are obvious, since they will enable citizens of the state to decide with greater confidence to participate in professional activities involving risk to life; participation in clinical trials of drugs, etc.

In addition, the state's social policy can use postmortem reproduction as one of the measures of social support, along with existing ones, for those categories of citizens in which the state is interested, as well as interest the younger generation in socially significant professions, citing the free possibility of postmortem reproduction.

However, one must understand that the state cannot promise more than what it is actually capable of delivering. Preserving human germ cells and facilitating their use for their intended purpose (in the form of the birth of a "postmortem" child) does not mean taking on the responsibility of finding those who will bear and give birth to this child. This aspect clearly falls within the interests of the individual himself, and not the state. The latter should concentrate on the regulatory framework that allows for postmortem reproduction in line with the social function of the state as efficiently and safely as possible for public, state and personal interests.

### Bibliography

1. Federal Law "On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation" dated November 21, 2011 No. 323-FZ (as amended on July 24, 2023) // Official Internet portal of legal information [pravo.gov.ru](http://pravo.gov.ru) // URL: <https://clck.ru/YwuWU>
2. Aleynikova V.V. Postmortem children in family and inheritance law: "to be or not to be, that is the question..." // *Law*. 2023. N 4. P. 137–157.
3. Allamyarova N.V., Sinakva E.K., Garayeva A.S. Ethical and legal aspects of postmortem reproduction // *Problems of standardization in healthcare*. 2018. No. 11–12. Pp. 13–19.
4. Anikina G.V. On the issue of legal regulation of postmortem reproduction // *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2013. No. 2 (2) // URL: [https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/anikina\\_gv\\_13\\_2\\_05.pdf](https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/anikina_gv_13_2_05.pdf)
5. Volkov K.V. On the issue of discrimination against postmortem children in their inheritance rights in Russia // *Sphere of Law*. 2021. No. 1. Pp. 86–92.
6. Gurko T.A. *Marriage and parenthood in Russia*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 2008. 324 p.
7. Kruchinin V.N. The state as a social institution and its social function // *Legal reform*. 2015. T. 1. P. 21–35.
8. Muravyova E.V. Legal problems of postmortem reproduction // *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2021. No. 12 (139). Pp. 70–74
9. Nazarenko S.V. The mechanism of social control in the implementation of demographic policy // In: *Modeling of demographic development and socio-economic efficiency of the implementation of demographic policy in Russia* // *Materials of the international scientific-practical conference*. Moscow, 2015. Pp. 76–89.
10. Novitskaya T. Assisted reproductive technologies as a factor in the reconfiguration of family ties in Belarus and Russia // *Science and Innovation*. 2018. No. 4 (183). Pp. 27–33.
11. Nodari D.E. On the admissibility of a transaction on the provision of medical services in the implementation of the right to posthumous reproduction // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2015. No. 7. Pp. 116–120.

12. Svitnev K.N. Legal and ethical aspects of posthumous reproduction // Legal issues in healthcare. 2011. No. 6. P. 30–43.

13. Stepushkina E.I. On models of social statehood and the content of the social function of the state // Theory of State and Law. 2019. No. 1 (13). Pp. 84–88.

14. Sharkov A.V. The problem of social functions of a modern state: philosophical analysis // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2019. No. 1. P. 44–54.

15. Shelutto M.L. Children conceived after the death of a parent: establishment of origin and inheritance rights // Journal of foreign legislation and comparative law. 2016. No. 4 (59). P. 91–98.

---

**For citation:** Myakinina S.B., Solovyov A.A., Sheyafetdinova N.A. Postmortem reproduction as a component of the social function of the state: article // Theory of State and Law. 2024. No. 1 (35). P. 161–165.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_156

## Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI 10.47905/MATGIP.2024\_1\_35\_166

Паисий (Кузнецов А.А.)\*

Сальников В.П.\*\*

Масленников Д.В.\*\*\*

Прокофьев К.Г.\*\*\*\*

## ИММАНУИЛ КАНТ О ПРАВСТВЕННЫХ ОСНОВАНИЯХ ГОСУДАРСТВА И ЕГО ОТНОШЕНИИ К ЦЕРКВИ КАК К «ЭТИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ» (К 300-ЛЕТИЮ ФИЛОСОФА)

*Аннотация.* В вопросах государственного строительства, права и отношения государства к церкви немецкая классическая философия изначально исходила из идей Просвещения об их полной независимости друг от друга. Но это противоречило тому углублению понимания природы государства и сущности религии, которое нес с собой новый диалектический метод познания, основы которого были заложены И.Кантом. Хотя при этом он сам, следуя установкам своего абстрактного априоризма, понимал церковь лишь как отвлеченный идеал, как своего рода аналог идеала чистого разума. В итоге И.Кант мог обосновать только прагматическую необходимость церковной организации для общества и для государства, но ее духовная значимость и идея глубинной взаимосвязи церкви с государством оставалась совершенно нераскрытой.

**Ключевые слова:** немецкая классическая философия; Кант; религия; мораль; свобода; церковь; право; закон; народ; государство.

Вопрос об отношении государства и Церкви являлся одним из традиционных в христианском богословии. Ни первые христиане, ни апостолы, ни Отцы Церкви, ни Сам Спаситель не отвергали государство. Определяющими являются слова Христа: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22.21). Апостол Петр предписывал «покорность всякому человеческому начальству, царю ли, правителям ли» (I Петра II, 13, 14). Также и апостол Павел призывал быть лояльным к государственным властям и повиноваться им «не только из страха наказания, но и по совести» (Римл. XIII, 5).

---

\* **Паисий**, епископ Яранский и Лузский (Кузнецов Андрей Анатольевич) (Кировская область, Россия). E-mail: samoyloff.dmitr-74lavra@yandex.ru

\*\* **Сальников Виктор Петрович**, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный сотрудник МВД России, академик РАЕН (г. Санкт-Петербург, Россия). E-mail: Fonduniver@bk.ru

\*\*\* **Масленников Дмитрий Владимирович**, главный научный сотрудник кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор. E-mail: dwm61@inbox.ru

\*\*\*\* **Прокофьев Константин Георгиевич**, доцент филиала Московского финансово-юридического университета в г. Орске, кандидат юридических наук. E-mail: 775777@bk.ru



Говоря о необходимости принятия христианами государства и государственной власти, выдающийся русский историк Церкви Е.В. Спекторский отмечал: «Христианский социальный идеал это не безгосударственность и не соревнование с каким бы то ни было государством, а царство Божие, наступление которого предполагает полное метафизическое преобразование и даже воскресение не только людей, но и физической природы, новое небо и новую землю. Впредь до этого люди должны носить этот идеал внутри себя, не отказываясь от участия в жизни государства» [23, с. 278].

Однако, по словам Блаженного Августина, государство тем отличается от шайки разбойников, что оно призвано служить идеалам духовной жизни своих подданных и создавать условия для этой жизни. Поскольку, по Г.Гегелю, истинное государство – это христианское государство, то природа государственности в полной мере раскрывается в отношении народа, входящего в Церковь как Тело Христово. Поэтому раскрытие традиционной темы отношения государства и церкви значимо для философского познания истинной природы государства и значимо для понимания земной церковью возможности своего отношения к мирским социально-политическим институтам.

Очевидно, что государство, подчиняясь общему закону развития, в течение веков создавало все более сложные формы своей организации, что требовало все более сложных и развитых форм его философского, научного и теологического понимания. Соответственно, должны были трансформироваться и основы симфонии государства и церкви, которые, действительно, не оставались неизменным со времен св. Юстиниана Великого и вплоть до институционального закрепления принципов отношения современного Российского государства и Русской Православной Церкви («Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», приняты Священным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 2000 г.).

В определении современных форм этой симфонии Церковь должна опираться, с одной стороны, на Священное Писание и Священное Предание, на исторический опыт практической реализации симфонических принципов. С другой стороны, нужно учитывать и опыт самопознания государства, осуществлявшийся в мышлении крупнейших философов прошлого. В этой связи актуальным представляется обращение к философскому наследию крупнейших мыслителей классической философии – И. Канта, И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинга и Г.В.Ф. Гегеля, которые внесли самый существенный вклад в осмысление природы государства на основе достижений немецкой классической философии, которая признается вершиной историко-философского процесса [5, с. 13; 16, с. 4–8]. При этом важно то, что они (в особенности это значимо для Г.Гегеля) преодолевают атеистические установки философии Просвещения и, будучи по образованию лютеранскими теологами, возвращаются к духовным корням своего мышления [26, с. 200–203].

И. Кант считал своей главной заслугой перед наукой разработку учения о государстве и праве. Если конкретные законы и способы их действия мы можем взять из опыта, то сама идея права, а равно и идея государства, согласно И. Канту, должна быть выведена a priori: «Что такое право? Этот вопрос может так же смутить правоведа – если только он не хочет впасть в тавтологию или вместо общего решения сослаться на то, что утверждали когда-либо законы какой-нибудь страны, – как пресловутый вопрос: “Что есть истина?”, обращенный к учителям логики. Что следует по праву (quid sit iuris), т. е. что говорят или говорили закона в том или ином месте

в то или другое время, он еще может указать; но право (*recht*) ли то, чего они требуют, и каков всеобщий критерий, на основании которого можно вообще различать правое и неправое (*iustum et iniustum*), – это остается для него тайной, если он хоть на время не оставляет указанные эмпирические принципы и не ищет источник этих суждений в одном лишь разуме» [11, с. 284].

Априорным принципом, который должен стать источником идеи права и идеи государства, составляет, по И. Канту, свобода субъекта [8, с. 74–75]. Таким образом, уже в начальном пункте осмысления сущности государства автором «Метафизики нравственности» заложено отношение этого социально-политического института к нравственному первопринципу. Такая постановка проблемы в своем дальнейшем развертывании с неизбежностью должна поставить вопрос об отношении права к нравственности, а государства – к церкви.

По И. Канту, свобода составляет самую суть субъекта, на ней основывается его спонтанность, которую философ определяет как основное качество рассудка, а также возможность действовать вопреки закону необходимости, господствующему в природе: «Так как чистая форма закона может быть представлена только разумом, стало быть, не есть предмет чувств и, следовательно, не относится к числу явлений, то представление о ней как определяющем основании воли отличается от всех определяющих оснований событий в природе по закону причинности, так как в этом случае определяющие основания сами должны быть явлениями. Но если никакое другое определяющее основание воли не может служить для нее законом, кроме всеобщей законодательной формы, то такую волю надо мыслить совершенно независимой от естественного закона явлений в их взаимоотношении, а именно от закона причинности. Такая действительная независимость называется свободой в самом строгом, т. е. трансцендентальном, смысле» [11, с. 211].

Чтобы законы свободы, составляющие суть бытия человека, могли согласовываться с законами природы, составляющими суть бытия природы, необходим некий опосредующий всеобщий закон. Такой закон будет совпадать с внешней формой природной необходимости, поскольку человек подчиняется ему, точно так же, как и закону природы. И в то же время этот закон полностью совпадает со сферой свободы, поскольку порождается только разумом. Разум же составляет внутреннюю природу самого человека, а значит, следуя этому закону, который дан разумом, человек не выходит за пределы своей свободы. Другими словами, он остается свободным. В качестве такого закона И. Кант в своей «Критике практического разума» называет «высший нравственный закон», который в общих чертах совпадает с содержанием категорического императива, хотя и не вполне тождественен ему по форме.

На глубокую связь понятия «высшего нравственного закона» с понятием Бога указывает И.А. Протопопов в своем развернутом комментарии учения Канта о религии и церкви: «В “Критике практического разума”, выдвигая понятие высшего нравственного закона, Кант связывает возможность реализации его объекта с субъективно устанавливаемым понятием Бога, который в виде постулата обеспечивает возможность счастья, которое бы соответствовало добродетели, достигаемой только через следование нравственному закону. Для законодательства чистого практического разума, выдвигающего идею о Боге как разумной причине мира, которая выступает причиной природы в виде системы целей, благодаря этому постулату, (не имеющего, казалось бы, никакого объективного значения), становится возможной

реализация его конечной цели – объекта высшего блага в чувственно воспринимаемом мире» [20, с. 99]. В данном контексте уместна постановка вопроса о своего рода «моральной теологии» И. Канта [245, с. 202–222].

И. Кант, определяя категорический императив, формирующий содержание высшего нравственного закона, писал: «Категорический императив, который вообще выражает лишь то, что есть обязательность, гласит: поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона! Следовательно, свои поступки ты должен сначала рассмотреть, исходя из субъективного основоположения; но значимо ли также объективно это основоположение – это ты можешь узнать лишь потому, что, так как твой разум испытывает его: можешь ли ты благодаря ему мыслить себя в то же время устанавливающим всеобщие законы, это основоположение может оказаться пригодным в качестве именно такого всеобщего законодательства» [11, с. 280].

Речь идет о своего рода «испытании» закона на то, что он, закон, действительно, берет свое начало от разума, а значит, является «законом свободы», а не «законом необходимости». В самом деле: человек действует в соответствии с высшим нравственным законом, а значит, мотивируется к действию своей свободой, именно тогда, когда движущей силой этой мотивации является разум. А поскольку разум един для всех людей (а И. Кант, без сомнения, полностью разделял эту предпосылку философии Просвещения), то вывод человека о возможности приведения своего личного правила поведения (максимы) к форме всеобщего законодательства будет указывать на разумный источник этой максимы, а значит, и на детерминацию поступка человека, исходя исключительно из принципа свободы (автономность воли).

Здесь, однако, возникает вопрос, как можно согласовать это законодательство разума, соответствующего принципу свободы, с законами природы, исключающими свободу. Такое согласование является необходимым, если только мы стремимся сосредоточить практическую деятельность человека исключительно в сфере субъективности и тем самым не стремимся дать ей внешнюю форму выражения. Задачу такого согласования сферы свободы со сферой природной каузальности автор «Критики практического разума» как раз и решает посредством того, что конструирует сферу права и государства в качестве идеального внешнего пространства для воплощения объективно реализуемой внутренней свободы субъекта.

Этот ход мысли, в принципе, аналогичен тому, который мы видели в учении о схематизме чистого разума, когда трансцендентальное единство апперцепции И. Кант согласовывал с противоположной ему формой созерцания на основании единства чистого понятия времени. При этом И. Кант опирался на положение, согласно которому форма времени присуща и единству самосознания, и созерцанию, поскольку является одной из двух его необходимых форм.

Согласно И. Канту, той внешней сферой, в которой человек может реализовать свою свободу, не вступая в конфликт с природной необходимостью, является право. Установление права следует из требования к человеку по форме соблюдать принципы нравственного поведения в отношении к другим людям. Право, таким образом, дедуцируется И. Кантом из той области, которая изначально принадлежит сфере морали. В свою очередь, система внешних принуждающих условий, обеспечивающих действие права, образует государство.

В итоге, понятие государства также оказывается в учении И. Канта внутренне противоречивым понятием: с одной стороны, государство имеет свой источник в сво-

боде и само, поэтому, является осуществленной свободой, несет в себе высшее нравственное содержание. С другой стороны, поскольку И. Кант все же противопоставляет друг другу мораль и право, он, фактически, не выходит за пределы трактовки государства как механизма, как это было свойственно для эмпиризма Нового времени.

Равным образом, и религию И. Кант понимает вполне в духе Просвещения, а именно, как состояние души человека, определяемое его разумом. Идея Бога является, согласно И. Канту, необходимой идеей разума, но при этом она остается лишь субъективным требованием, лишенным какой-либо действительно объективной реальности, на чем он, собственно, сам настаивал в своей критике онтологического доказательства бытия Бога. Старые схоластические доказательства бытия Бога обретают смысл и конкретность лишь вместе с достижением конкретности в понимании тождества бытия и мышления. Но эта конкретность будет достигнута лишь в последующем развитии философии, в особенности в учении абсолютного идеализма Г.В.Ф. Гегеля [15, с. 83]. Пока же И. Кант вынужден настаивать на том, что наше знание о тождестве мышления и бытия может быть только абстракцией, раз высшее основание этого тождества – трансцендентальное единство апперцепции не может быть дано в опыте [10, с. 106–109].

Соответственно этому, и отношение человека и Бога, составляющее суть религии, даже если просто опираться на этимологию этого слова (*religio* – благоговейное отношение), может пониматься И. Кантом не как действительно живое отношение, опосредованное историческим опытом и практикой человека, многовековой традицией общества, а только как некий абстрактный долг. Этот долг есть ничто иное, как внешний для человека, бездушный и бездуховный импульс, исходящий из рассудка. При том, что сам этот рассудок, о котором говорит И. Кант, по сути, остается ничем иным, как метафизическим новоевропейским *ratio*. В итоге оказывается, что и содержание религии, как и содержание права, в конечном итоге, определяется абстракцией внешнего долга, а не действительным взаимодействием свободы и разума, поскольку и свобода, и разум остаются у И. Канта лишь абстракциями. Более того, И. Кант, по сути, настаивает на том, что они могут быть только абстракциями.

Разум, как уверяет нас И. Кант, ограничивает свободу человека и тем самым не отрицает ее, а делает определенной свободой, одновременно направляя ее реализацию к высшему благу. Таким образом, он формирует основы морали, которые, однако, в силу абстрактности исходного понятия свободы сами могут трактоваться только агрегат рассудочных моральных норм. Но, более того, из этого далее следует, что и сама религия является производной от морали, но никак не наоборот.

Формирование и воспитание «человека религии», в равной степени отличающегося моральным и религиозным сознанием, согласно И. Канту, как раз и должно составлять смысл деятельности церкви. «Собственно, разговор о боге и церкви Кант в "Религии" начинает только тогда, когда речь заходит о нравственном воспитании человека, о его самопреображении, о формировании "нового человека" и "сердца"» [1, с. 37]. Общество, лишенное института, воспитывающего моральное сознание человека и удерживающее его в сосредоточенности на идее блага, обречено на то, чтобы утратить и моральный, и правовой характер. В таком случае, оказывается невозможным и государство. Поэтому установление государства как внешнего порядка осуществленной свободы возможно «не иначе, как только посредством создания и распространения общества, устроенного согласно законам добродетели и для ее пользы, общества, создание которого, то есть вовлечение людей в его сфе-

ру, станет по побуждению разума задачей и долгом для всего рода человеческого» [12, с. 330].

Однако такое «общество, устроенное согласно законам добродетели и для ее пользы», которое в дальнейшем изложении философом будет определено как церковь, основано на внешнем идеале и внешней цели, как и понятие морали, как понятие государства, как и то понятие Бога, к которому обращено это «общество». Генезис соотношения реальной церкви и реального государства И. Кант рассматривает, выделяя абстрактные начала того и другого. В любом случае такими началами является право свободного человека давать себе некоторый закон и быть самому себе судьей в отношении и этого закона, и меры следования ему, меры собственной обязанности по отношению к исполнению закона [12, с. 164]. Нетрудно увидеть, что здесь мы имеем точку самоопределения в соответствии с высшим нравственным законом и категорическим императивом. Если этот закон имеет форму легальности, то по И. Канту, мы имеем дело с «юридическим естественным состоянием», если – форму моральности, то с «этическим естественным состоянием» [12, с. 164]. Оба эти «естественные» состояния внутренне не связаны друг с другом, точно также, как независимы друг от друга дедуцируемый из высшего нравственного закона принципы легальности и моральности.

Однако из этического естественного состояния человеку все же необходимо выйти. Для обоснования этого требования И. Кант ссылается на аналогию с необходимостью выйти из юридического естественного состояния, которую он, в свою очередь, связывает с известным аргументом Т. Гоббса о «войне всех против всех» и о необходимости преодоления этого состояния [12, с. 165–166]. Разница, однако, состоит в том, что для сферы права и государства «общая воля создает законное внешнее принуждение» [12, с. 167], а в этической общности общая воля народа не может выступать законодателем. Поскольку сфера морального, которая объединяет этическую общность людей, регулируется лишь тем законом, который исходит из разума личности, и не может, в отличие от правовых норм, быть предметом внешнего принуждения.

Однако без этого внешнего субъекта невозможно создать общность людей. Из этого И. Кант делает тот вывод, что «не народ, а лишь некто другой мог бы представлять собой общественно-законодательное начало для этической общности» [12, с. 167–169]. Таким образом, И. Кант готовит логический переход для введения понятия Бога. Именно Бог является субъектом установления этической общности и перехода в нее из «этически естественного состояния». В принципе, полученный результат правилен, поскольку согласуется с тем, что Бог является действительным главой церкви. Нужно согласиться с суждением философа о том, что «... утверждение, что люди должны основывать царство божье... выглядит лишенным смысла. Бог сам должен быть основателем своего царства» [12, с. 222].

Однако выведение понятия о Боге – основателе церкви – из абстрактных рассудочных принципов приводит к ограниченному толкованию этого понятия. А именно: И. Кант ограничивается толкованием Бога как «морального миродержца». С этим можно было бы и согласиться, если бы речь шла о Боге как о высшем нравственном начале. Причем, акцент здесь должен был бы делаться на понятии нравственности, с учетом известного гегелевского различия между нравственностью и моралью. Однако ни этого различия, ни самого исторически наполненного понятия нравственности, определяемой в качестве воплощенной в системе общественных отношений

идеи абсолютного добра, мы в философском учении автора «Критики практического разума» не найдем.

В итоге, рассуждения о «моральном миродержце» подразумевают именно эту, рассудочно-ограниченную, кантовскую мораль. Тогда возникает вопрос: в какой мере мы можем соотносить кантовского «морального миродержца» с живым Богом богословия? Актуальность этого вопроса становится особенно понятна, если вспомнить слова выдающегося русского богослова XX столетия В.Н. Лосского: «Бог богословия – это "Ты", это Живой Бог Библии. Конечно, это Абсолют, но Абсолют личностный, которому мы говорим "Ты" в молитве» [13, с. 263].

Но очевидно, что в рассуждениях философа речь идет всего лишь о постулате практического разума и именно этот продукт человеческого рассудка, а вовсе не Иисус Христос, именуется в «Критике практического разума» Богом. Имени Богочеловека И. Кант, отнюдь, не случайно не приводит, как, впрочем, и не стремится он обосновать триединство Бога. Протоиерей Павел Хондзинский вполне определенно указывает на отрицание И. Кантом божественности Спасителя и обращает наше внимание на то, что «в Христологических рассуждениях святителя Иннокентия (Борисова) мы находим ряд опровергающих этот тезис аргументов» [27, с. 99].

Согласно И. Канту, именно и только Бог (трактуемый в указанном выше смысле) может сформировать из единичных моральных субъектов «этическую общность». И такую общность философ называет народом божьим, противопоставляя эту общность народу как источнику государственной власти, в которой реализуется принцип легальности. Вслед за Гуго Гроцием И. Кант придерживается различия между легальностью юридических законов (конституции), следующих из чистого разума (в отличие от Гроция, который пока что еще говорил лишь об общей природе человека), и легальностью тех законов, которые Сам Бог непосредственно мог бы дать народу [9, с. 79–80]. Последний случай И. Кант, хотя и считал его исторически возможным, все же оставлял в стороне, поскольку все же «эту конституцию в историческом смысле следует рассматривать как учреждение на основе политически-гражданских законов, которые хотя, и даны Богом, но внешним образом» [12, с. 169].

Идея народа божьего, согласно И. Канту, может быть осуществлена не иначе, как в форме церкви: «Этическая общность на основе божественного морального законодательства есть церковь» [12, с. 170, 222]. Взяв в качестве аналогии отношение между, с одной стороны, трансцендентальным единством самосознания, которое, как утверждалось в «Критике чистого разума», никогда не может стать предметом опыта, а с другой стороны, созерцание, которое наряду с рассудком есть часть опыта, И. Кант противопоставляет друг другу невидимую и видимую церковь. В этом можно усмотреть действие инстинкта разума, поскольку в действительности невидимая церковь включает в себя абсолютное божественное начало, которое можно с некоторой натяжкой соотнести с принципом всеобщности, который воплощен в мысли трансцендентального единства самосознания. Однако эту аналогию сам И. Кант не только не обосновывает, но и не развивает сколько-нибудь последовательно и очевидно.

Далее И. Кант рассматривает преимущественно видимую церковь как «моральное царство божье на земле, поскольку оно может быть создано через людей» [12, с. 170]. Предварительно им выделяются признаки этой истинной церкви, которые также не доказываются, а просто берутся из опыта. Это – всеобщность, чистота

(единение исключительно из моральных побуждений), отношение на основе принципа свободы, неизменяемость, согласно ее конституции. Нетрудно заметить, что по своей форме эти четыре признака составлены по аналогии четырьмя группами категорий, взятых из трансцендентальной аналитики: количество, качество, отношение, мера [10, с. 86–87]. Тем самым И. Кант пытается нам дать образец соединения чистых рассудочных понятий как формы опыта с материалом опыта. Хотя можно заметить, что и сама эта аналогия, и трактовка материала выглядят достаточно произвольными.

Поскольку общность людей в церкви выводится И. Кантом из чистого морального чувства, то она и должна, как он считает, оставаться такой и исключать всякие признаки управления, характерные для государства: «Правление в подобной общности не бывает ни монархическим (под началом папы или патриархов), ни аристократическим (епископов и прелатов), ни демократическим (как у сектантствующих иллюминатов)» [12, с. 171]. С таким посылом, не разбирая тонкости в характере власти в традиционных конфессиях, не определяя меру, с которой можно усмотреть во власти папы или патриарха, епископа и прелата, политический и нравственный аспект, И. Кант считает себя вправе, по сути дела, отрицать религиозный характер конфессий, как не выдерживающих критики рассудка (которому И. Кант, однако, приписывает звание разума). Сам он при этом предлагает в качестве альтернативы патерналистскую модель управления церковью. Даже на этом основании мы не можем согласиться с оценкой И.В. Горохолинской о том, что «значительный конструктивный потенциал имеет концепция “Всеобщей Церкви”, обоснованная И. Кантом в работе «Религия в пределах одного только разума» [3, с. 18].

В учении о государстве и церкви И. Кант воспроизводит представленную в «Критике чистого разума» и в «Критике практического разума» идею Бога как только лишь идеала разума, несмотря на его стремление примирить посредством этико-теологии «разногласие теоретического и практического употребления разума в метафизике» [25, с. 471]. Возможно, что своим учением об институциональной Церкви, И. Кант делает допустимым вывод о том, что Церковь «позволяет человеку выбрать единственно верный вектор в развитии его внутренней религии, сопряженной с реальным опытом богообщения», как полагает протоиерей Сергей Рубежанский [21, с. 55–61]. И все же, Церковь как Царство Божье означает, по И. Канту, лишь «принцип постоянного приближения к чистой вере разума» [12, с. 223] и принцип постепенного освобождения от того, что в церкви есть исторического. Другими словами, «освобождения» от традиции, а значит и освобождения от Священного Предания, наследия Отцов Церкви, истории подвижников и мучеников.

По сути, мы видим здесь ту же схему логического движения, что и в «Критике чистого разума»: освобождение от всего чувственного материала с тем, чтобы получить чистую априорную форму всеобщего в понятии трансцендентального синтеза апперцепции, а далее – оттолкнувшись от чистого априорного содержания этого принципа, заключающего в себе идею свободы, дедуцировать из него определения морали и права. Однако переход от единичного как предмета созерцания ко всеобщему как трансцендентальному синтезу достигается И. Кантом за счет абстракции, т.е. голого отрицания, всякого эмпирического содержания.

В результате и сам всеобщий синтез, и идея свободы, и, наконец, дедуцируемые отсюда мораль и право оказываются не более чем абстракциями. Еще более ошибается И. Кант, допуская аналогию между отношением эмпирического и апри-

орного в теории познания, с одной стороны, и исторической и чистой верой, с другой стороны. Ведь, историческое не есть эмпирическое. Тем более, если речь об историческом процессе духовного содержания, в данном случае – об историческом процессе развития религии и Церкви.

Но содержательное понимание исторического как особой сферы бытия, внутренне органически связанной со Священной историей Христа, как осевого явления и системообразующего центра мировой истории, было впервые раскрыто только Г.В.Ф. Гегелем. Необходимость внесения исторического сознания в философское мышление была связана у него с творчеством Ш.-Л. Монтескье [2, с. 112–123], необходимость внесения исторического сознания в философское мышление – с пиелистской теологией Галле, достижение необходимых для этого методологических средств – с философией И.Г. Фихте и с собственным развитием на этой основе понятия духа (Geist).

Философия Г.В.Ф. Гегеля стала результатом преодоления одностороннего субъективизма И. Канта, в силу которого всеобщее понималось автором «Критики чистого разума» лишь как абстрактно-всеобщее. Соответственно, понятие морали дедуцировалось И. Кантом из необходимости практической реализации единичного эмпирического субъекта и в таком качестве не могло стать тем понятием, которое, действительно, могло бы конкретно объяснить не просто механизм, но и внутренний нравственный смысл и природу той духовной субстанции, которая объединяет людей и делает их высшей социальной общностью – государством. Соответственно, и духовная сущность Церкви не могла быть охвачена трактовкой в пределах эмпирического подхода, полным наследником которого оставался И. Кант. В своем трактате «В пределах только разума» (под разумом, повторим, здесь мог пониматься только новоевропейский ratio) И. Кант еще мог обосновать прагматическую необходимость церковной организации для общества и для государства, но ее духовная значимость, а значит, и глубинная взаимосвязь церкви с государством, о которой говорил еще Блаженный Августин, оставалась совершенно нераскрытой.

Уже в философии И.Г. Фихте окончательно преодолевается односторонний эмпиризм Нового времени, от наследия которого И. Кант так и не смог избавиться [17, с. 57–58]. Одновременно преодолевается и догматизм вольфианской метафизики, с позиций которого признавалось вполне достаточным и исчерпывающим сведение определений государства и Церкви к абстрактному единству, что демонстрирует в своих работах И. Кант. Тем самым закладываются основы философского обоснования лютеранской теологии на более высоком теоретическом и методологическом уровне, чем это было в XVII – XVIII вв. В основе идеи церкви лежит понятие народа как выразителя всеобщей нравственной субстанции [14, с. 243–252].

Это достигается благодаря тому, что И.Г. Фихте трактует высшее единство бытия и мышления как спонтанную активность «Я». Таким образом и все особенные формы этого всеобщего единства он понимает как продукт активной, спонтанной и свободной деятельности «Я», а потому и само единство автор «Основ общего наукоучения» может теперь определять и выражать как процесс активной деятельности. В таком случае становится понятен смысл положения Г.В.Ф. Гегеля о том, что «истина – это не отчеканенная монета, которую можно положить в карман». По своей природе истина есть процесс [19, с. 61–64]. При таком подходе преодолеваются установки догматического рационализма, утвердившегося в немецкой философии со времен Хр. Вольфа. Кроме того, «Я» в трактовке И.Г. Фихте приближается к поня-



тию абсолюта [7, с. 384–398]. По мере эволюции своего наукоучения философ все более настойчиво стремился преодолеть всякие признаки субъективизма в трактовке абсолюта. А это, в свою очередь, составляет решающий шаг в преодолении принципов эмпиризма.

Достижения трансцендентальной философии И. Канта и ее реформированной формы в учении И.Г. Фихте в полной мере реализуются Г.В.Ф. Гегелем, который на основе своей спекулятивной логики, изложенной в фундаментальном труде «Наука логики», разрабатывает теоретические и методологические основания понятия «духа», которое позволило ему раскрыть значение религии и церкви для человека, общества и государства, исходя из духовного и исторического содержания всех этих понятий [4, с. 181–185; 6, с. 178–187].

Понятие «духа» в философии Гегеля является сложным синтетическим понятием, в котором кантовский и фихтевский трансцендентализм как способ обращения с идеей субъекта дополняется восприятием идеи истории и исторического, имевших широкое христологическое измерение [22, с. 191]. Все это, без сомнения, формирует совершенно новые теоретические и методологические предпосылки для исследования отношения государства и церкви.

Итогом философского познания И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинга и Г.В.Ф. Гегеля стало гораздо более глубокое, чем у И. Канта, понимание смысла исторического развития религии, стало действительное понимание необходимости Церкви для духовной жизни и характера внутреннего единства государства и церкви как условий и явлений этой жизни.

Для И. Канта же и государство, и церковь, понятия которых трактовались им как производные от абстракции морального сознания, в конечном счете остались несвязанными друг с другом социальными образованиями: как государство, лишенное духовных основ, и как церковь, отделенная от истории и традиции. Однако именно в философии И. Канта были заложены предпосылки для того глубокого понимания сущности государства и понимания внутренней нравственной необходимости его отношения с церковью, которого достиг немецкий классический идеализм в своем дальнейшем развитии и которое может стать одним из важных элементов в трактовке симфонии государства и Церкви в суверенной философии права России [18, с. 14–15].

### Библиографический список

1. Белов В.Н., Фахрудинова Э.Р. И. Кант о религии, вере, Боге и церкви // Кантовский сборник. – 2017. – Т. 36. – № 1. – С. 30–40.
2. Гайнутдинов Р.И., Масленников Д.В. Идея духа истории в трактовке Монтестье и Гегеля // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2019. – Т. 20. – № 4. – С. 112–123.
3. Горохолинская И.В. Концепция «Всеобщей церкви» И. Канта как схема толерантизации межконфессиональных отношений: служение Богу как уважение к Другому // *Studia Humanitatis*. – 2015. – № 2. – С. 17–28.
4. Денисов А.М., Исмаилов И.Р., Масленников Д.В. Гегель и Савиньи: становление идеи историзма в праве // *Юридическая наука: история и современность*. – 2017. – № 3. – С. 181–185.
5. Добро, доверие, справедливость в философско-правовой мысли: античность и современность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2022. – 463 с.

6. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* К вопросу о значении логической формы философии для понимания природы абсолютного в праве // Мир политики и социологии. – 2018. – № 2. – С. 178–187.
7. *Иваненко А.А.* «Абсолютное Я» и «Абсолютное» в философии Иоганна Готлиба Фихте // Вопросы теологии. – 2021. – Т. 3. – № 3. – С. 384–398.
8. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.
9. История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; отв. ред.: Альбов А.П., Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 640 с.
10. *Кант И.* Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
11. *Кант И.* Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. – СПб, 1995. – 528 с.
12. *Кант И.* Религия в пределах только разума // Иммануил Кант. Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – С. 78–278.
13. *Лосский Вл.* Мистическое богословие. – Киев, 1991. – 392 с.
14. *Лукьянов А.В., Пушкарева М.А.* Иоганн Готлиб Фихте как теолог // Вопросы теологии. – 2021. – Т. 3. – № 2. – С. 243–253.
15. *Масленников Д.В.* Единство мышления и бытия в гегелевских «Лекциях о доказательстве бытия Божия» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2020. – Т. 21. – № 2. – С. 73–85.
16. *Масленников Д.В.* Природа логического в философии абсолютного идеализма (Гегель и Фихте). – СПб: НОИР, 2011. – 151 с.
17. *Масленников Д.В., Пономарев А.А.* Кантовская философия права в системе парадигм правовой мысли // Юридическая мысль. – 2016. – № 5 (97). – С. 52–58.
18. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022. – 490 с.
19. *Полозова А.Е.* Спекулятивный подход к истине в философии Г.В.Ф. Гегеля // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 6 (74). – С. 61–64.
20. *Протопопов И.А.* Идея Бога как трансцендентальный идеал чистого разума в «Критике чистого разума» // Богатырёв Д.К., Богатырёва Л.В., Бильченко Е.В., Гуторов В.А., Докучаев И.И., Масленников Д.В., Никоненко С.В., Перцев А.В., Преображенская К.В., Протопопов И.А., Сальников В.П., Соловьев А.П., Бердников И.В.; *Хромцова М.Ю.* Идея Бога и образ теологии в философских дискурсах зрелого модерна и постмодерна: коллективная монография / Под общ. ред. Д.В. Масленникова. – СПб: РХГА, 2023. – С. 86–99.
21. *Рубежанский С.* Церковь как институциональная форма религии // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). – 2022. – № 14. – С. 55–61.
22. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Прокофьев К.Г.* Смысл различия в подходе И. Канта и И.Г. Фихте к задаче дедукции права и морали // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 4. – С. 185–192.
23. *Спекторский Е.В.* Христианство и культура. – Прага: Пламя, 1925. – 311 с.
24. *Судаков А.К.* Свойства божественной воли: И. Кант между спекулятивной и моральной теологией // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. – 2023. – № 2 (18). – С. 202–222.
25. *Судаков А.К.* Царство добра и права: Кант и Форберг о моральной религии // Философия религии: альманах. – 2015. – № 2014–2015. – С. 449–472.
26. Философско-правовое познание: актуальные проблемы. Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022. – 417 с.

27. Хондзинский П.В. Восприятие идей И. Канта в богословском наследии свт. Иннокентия (Борисова) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2017. – № 74. – С. 94–102.

---

**Для цитирования:** Паисий (Кузнецов А.А.), Сальников В.П., Масленников Д.В., Прокофьев К.Г. Иммануил Кант о нравственных основаниях государства и его отношении к церкви как к «этической общности» (к 300-летию философа): статья // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 166–177.

DOI: 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_166

### IMMANUEL KANT ON MORAL FOUNDATIONS THE STATE AND ITS RELATIONSHIP TO THE CHURCH AS TO THE “ETHICAL COMMUNITY” (TO THE 300-TH ANNIVERSARY OF THE PHILOSOPHER)

Paisiy (Andrey A. Kuznetsov)\*

Viktor P. Salnikov\*\*

Dmitry V. Maslennikov\*\*\*

Konstantin G. Prokofiev\*\*\*\*

**Annotation.** *In matters of state building, law and the relationship of the state to the church, German classical philosophy initially proceeded from the ideas of the Enlightenment about their complete independence from each other. But this contradicted the deepening understanding of the nature of the state and the essence of religion, which was brought with it by the new dialectical method of knowledge, the foundations of which were laid by I. Kant. Although at the same time he himself, following the tenets of his abstract apriorism, understood the church only as an abstract ideal, as a kind of analogue of the ideal of pure reason. As a result, I. Kant could only substantiate the pragmatic necessity of church organization for society and for the state, but its spiritual significance and the idea of the deep relationship between the church and the state remained completely undisclosed.*

**Key words:** *German classical philosophy; Kant; religion; morality; Liberty; church; right; law; people; state.*

The question of the relationship between the state and the Church has been one of the traditional ones in Christian theology. Neither the first Christians, nor the apostles, nor the Fathers of the Church, nor the Savior Himself rejected the state. The decisive words are the words of Christ: “Render unto Caesar the things that are Caesar’s, and unto God the

---

\* **Paisiy**, Bishop of Yaran and Luz (Kuznetsov Andrey Anatolyevich) (Kirov region, Russia). E-mail: samoyloff.dmitr-74lavra@yandex.ru

\*\* **Salnikov Viktor Petrovich**, Professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (St. Petersburg, Russia). E-mail: Fonduniver@bk.ru

\*\*\* **Maslennikov Dmitry Vladimirovich**, chief researcher of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Law Institute" (St. Petersburg), Doctor of Philosophy, Professor. E-mail: dwm61@inbox.ru

\*\*\*\* **Prokofiev Konstantin Georgievich**, associate professor of the branch of the Moscow Finance and Law University in Orsk, candidate of legal sciences. E-mail: 775777@bk.ru

things that are God's" (Matthew 22.21). The Apostle Peter ordered "submission to every human authority, whether to a king or rulers" (I Peter II, 13, 14). Also, the Apostle Paul called for loyalty to government authorities and to obey them "not only out of fear of punishment, but also out of conscience" (Rom. XIII, 5).

Speaking about the need for Christians to accept the state and state power, the outstanding Russian historian of the Church E.V. Sectorsky noted: "The Christian social ideal is not statelessness and not competition with any state, but the kingdom of God, the onset of which presupposes a complete metaphysical transformation and even the resurrection of not only people, but also physical nature, a new heaven and new earth. Until then, people must carry this ideal within themselves, without refusing to participate in the life of the state" [23, p. 278].

However, according to St. Augustine, the state differs from a gang of robbers in that it is called upon to serve the ideals of the spiritual life of its subjects and create conditions for this life. Since, according to G. Hegel, the true state is a Christian state, the nature of statehood is fully revealed in relation to the people entering the Church as the Body of Christ. Therefore, the disclosure of the traditional theme of the relationship between the state and the church is significant for the philosophical knowledge of the true nature of the state and significant for the earthly church's understanding of the possibility of its relationship to worldly socio-political institutions.

It is obvious that the state, subject to the general law of development, over the centuries created increasingly complex forms of its organization, which required increasingly complex and developed forms of its philosophical, scientific and theological understanding. Accordingly, the foundations of the symphony of state and church, which, indeed, have not remained unchanged since the time of St., had to be transformed. Justinian the Great and up to the institutional consolidation of the principles of the relationship between the modern Russian state and the Russian Orthodox Church ("Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church", adopted by the Consecrated Council of Bishops of the Russian Orthodox Church in 2000).

In determining the modern forms of this symphony, the Church must rely, on the one hand, on Holy Scripture and Holy Tradition, on the historical experience of the practical implementation of symphonic principles. On the other hand, it is necessary to take into account the experience of self-knowledge of the state, carried out in the thinking of the greatest philosophers of the past. In this regard, it seems relevant to turn to the philosophical heritage of the greatest thinkers of classical philosophy – I. Kant, I.G. Fichte, F.W.J. Schelling and G.W.F. Hegel, who made the most significant contribution to understanding the nature of the state based on the achievements of German classical philosophy, which is recognized as the pinnacle of the historical and philosophical process [5, p. 13; 16, p. 4–8]. At the same time, it is important that they (especially this is significant for G. Hegel) overcome the atheistic attitudes of the philosophy of the Enlightenment and, being Lutheran theologians by education, return to the spiritual roots of their thinking [26, p. 200–203].

I. Kant considered his main service to science to be the development of the doctrine of state and law. If we can take specific laws and methods of their operation from experience, then the very idea of law, as well as the idea of the state, according to I. Kant, must be derived a priori: "What is law? This question can be as confusing to a jurist – unless he wants to fall into a tautology or, instead of a general decision, refer to what the laws of any country have ever stated – as the notorious question: "What is truth?" addressed to teachers of logic. `What follows by law (quid sit iuris), i.e. `what the law says or said in this or

that place at this or that time, he can still indicate; but is it right (recht) what they demand, and what is the universal criterion on the basis of which one can generally distinguish between right and wrong (iustum et iniustum) – this remains a mystery to him if he does not at least temporarily abandon these empirical principles and does not look for the source of these judgments in reason alone” [11, p. 284].

The a priori principle, which should become the source of the idea of law and the idea of the state, is, according to I. Kant, the freedom of the subject [8, p. 74–75]. Thus, already at the initial point of understanding the essence of the state by the author of “Metaphysics of morality”, the attitude of this socio-political institution to the moral first principle is laid down. Such a formulation of the problem in its further development must inevitably raise the question of the relationship of law to morality, and the state to the church.

According to I. Kant, freedom is the very essence of the subject; its spontaneity is based on it, which the philosopher defines as the main quality of reason, as well as the ability to act contrary to the law of necessity that prevails in nature: “Since the pure form of the law can only be represented by reason, therefore, is not an object of feelings and, therefore, does not belong to the number of phenomena, then the idea of it as the determining basis of the will differs from all the determining reasons for events in nature according to the law of causality, since in this case the determining reasons themselves must be phenomena. But if no other determining basis of the will can serve as a law for it, except for the universal legislative form, then such a will must be thought of as completely independent of the natural law of phenomena in their interrelationship, namely, the law of causality. Such real independence is called freedom in the strictest, i.e., transcendental, sense” [11, p. 211].

In order for the laws of freedom, which constitute the essence of human existence, to be consistent with the laws of nature, which constitute the essence of the existence of nature, a certain mediating universal law is necessary. Such a law will coincide with the external form of natural necessity, since a person obeys it, just like the law of nature. And at the same time, this law completely coincides with the sphere of freedom, since it is generated only by reason. Reason constitutes the internal nature of man himself, which means that by following this law, which is given by reason, man does not go beyond the limits of his freedom. In other words, he remains free. As such a law, I. Kant in his “Critique of Practical Reason” calls the “highest moral law,” which in general terms coincides with the content of the categorical imperative, although not completely identical to it in form.

I.A. points out the deep connection between the concept of “highest moral law” and the concept of God. Protopopov in his detailed commentary on Kant’s teaching on religion and the church: “In the Critique of Practical Reason, putting forward the concept of the highest moral law, Kant connects the possibility of realizing its object with the subjectively established concept of God, which in the form of a postulate provides the possibility of happiness, which would corresponded to virtue, achieved only through adherence to the moral law. For the legislation of pure practical reason, which puts forward the idea of God as the rational cause of the world, which acts as the cause of nature in the form of a system of goals, thanks to this postulate (which, it would seem, has no objective meaning), the realization of its final goal becomes possible – the object of the highest good in the sensually perceived world” [20, p. 99]. In this context, it is appropriate to raise the question of a kind of “moral theology” of I. Kant [245, p. 202–222].

I. Kant, defining the categorical imperative that forms the content of the highest moral law, wrote: “The categorical imperative, which generally expresses only what is obligatory, says: act in accordance with the maxim, which at the same time can have the force

of a universal law! Consequently, you must first consider your actions based on a subjective basis; but whether this principle is also objectively significant – you can know this only because, since your mind tests it: whether thanks to it you can think of yourself at the same time establishing universal laws, this principle may turn out to be suitable as just such universal legislation" [11, p. 280].

We are talking about a kind of "testing" of the law to see that it, the law, actually originates from reason, and therefore is the "law of freedom" and not the "law of necessity." In fact: a person acts in accordance with the highest moral law, which means he is motivated to act by his freedom, precisely when the driving force of this motivation is reason. And since reason is the same for all people (and I. Kant, without a doubt, completely shared this premise of the philosophy of the Enlightenment), then a person's conclusion about the possibility of bringing his personal rules of behavior (maxims) to the form of universal legislation will point to a reasonable source this maxim, and therefore on the determination of human action, based solely on the principle of freedom (autonomy of the will).

Here, however, the question arises of how this legislation of reason, corresponding to the principle of freedom, can be reconciled with the laws of nature that exclude freedom. Such coordination is necessary if only we strive to concentrate the practical activity of man exclusively in the sphere of subjectivity and thereby do not strive to give it an external form of expression. The author of the "Critique of Practical Reason" solves the problem of such coordination of the sphere of freedom with the sphere of natural causation by constructing the sphere of law and state as an ideal external space for the embodiment of the objectively realized internal freedom of the subject.

This line of thought is, in principle, similar to that which we saw in the doctrine of schematism of pure reason, when I. Kant coordinated the transcendental unity of apperception with the opposite form of intuition on the basis of the unity of the pure concept of time. At the same time, I. Kant relied on the position according to which the form of time is inherent in both the unity of self-consciousness and contemplation, since it is one of its two necessary forms.

According to I. Kant, the external sphere in which a person can realize his freedom without coming into conflict with natural necessity is law. The establishment of law follows from the requirement for a person to comply with the principles of moral behavior in relation to other people. Law, thus, is deduced by I. Kant from the area that originally belongs to the sphere of morality. In turn, the system of external coercive conditions that ensure the operation of law forms the state.

As a result, the concept of the state also turns out to be an internally contradictory concept in the teachings of I. Kant: on the one hand, the state has its source in freedom and, therefore, itself is realized freedom and carries the highest moral content. On the other hand, since I. Kant still contrasts morality and law with each other, he, in fact, does not go beyond the interpretation of the state as a mechanism, as was typical for the empiricism of the New Age.

Likewise, I. Kant understands religion entirely in the spirit of the Enlightenment, namely, as the state of a person's soul, determined by his reason. The idea of God is, according to I. Kant, a necessary idea of reason, but at the same time it remains only a subjective requirement, devoid of any truly objective reality, which he himself insisted on in his criticism of the ontological proof of the existence of God. The old scholastic proofs of the existence of God acquire meaning and concreteness only with the achievement of concreteness in understanding the identity of being and thinking. But this concreteness will be achieved only in the subsequent development of philosophy, especially in the teaching of absolute

idealism by G.V.F. Hegel [15, p. 83]. In the meantime, I. Kant is forced to insist that our knowledge of the identity of thinking and being can only be an abstraction, since the highest basis of this identity – the transcendental unity of apperception cannot be given in experience [10, p. 106–109].

Accordingly, the relationship between man and God, which constitutes the essence of religion, even if we simply rely on the etymology of this word (*religio* – reverent attitude), can be understood by I. Kant not as a truly living relationship, mediated by historical experience and practice man, the centuries-old tradition of society, but only as a kind of abstract duty. This duty is nothing more than external to a person, a soulless and unspiritual impulse emanating from reason. Despite the fact that this reason itself, which I. Kant speaks of, essentially remains nothing more than a metaphysical new European ratio. As a result, it turns out that the content of religion, like the content of law, is ultimately determined by the abstraction of external debt, and not by the actual interaction of freedom and reason, since both freedom and reason remain only abstractions in I. Kant. Moreover, I. Kant, in fact, insists that they can only be abstractions.

Reason, as I. Kant assures us, limits human freedom and thereby does not deny it, but makes it a certain freedom, while simultaneously directing its implementation to the highest good. In this way, it forms the foundations of morality, which, however, due to the abstractness of the original concept of freedom, can themselves be interpreted only as an aggregate of rational moral norms. But, moreover, it further follows from this that religion itself is a derivative of morality, but not vice versa.

The formation and education of a “man of religion”, equally distinguished by moral and religious consciousness, according to I. Kant, should precisely be the meaning of the activity of the church. “Actually, Kant begins to talk about God and the church in “Religion” only when it comes to the moral education of a person, about his self-transformation, about the formation of a “new man” and “heart”” [1, p. 37]. A society deprived of an institution that educates a person’s moral consciousness and keeps him focused on the idea of good is doomed to lose both moral and legal character. In this case, the state also turns out to be impossible. Therefore, the establishment of the state as the external order of realized freedom is possible “no other way than through the creation and spread of a society organized according to the laws of virtue and for its benefit, a society whose creation, that is, the involvement of people in its sphere, will be prompted by reason is a task and duty for the entire human race” [12, p. 330].

However, such a “society organized according to the laws of virtue and for its benefit,” which in the further presentation by the philosopher will be defined as a church, is based on an external ideal and an external goal, like the concept of morality, like the concept of the state, like that concept God, to whom this “society” is addressed. I. Kant examines the genesis of the relationship between the real church and the real state, highlighting the abstract principles of both. In any case, such principles are the right of a free person to give himself a certain law and to be his own judge in relation to this law, and the measure of following it, the measure of his own responsibility in relation to the execution of the law [12, p. 164]. It is not difficult to see that here we have a point of self-determination in accordance with the highest moral law and the categorical imperative. If this law has the form of legality, then according to I. Kant, we are dealing with a “legal state of nature”; if it is a form of morality, then with an “ethical state of nature” [12, p. 164]. Both of these “natural” states are not internally connected with each other, just as the principles of legality and morality deduced from the highest moral law are independent of each other.

However, a person still needs to emerge from the ethical natural state. To substantiate this requirement, I. Kant refers to the analogy with the need to get out of the legal state of nature, which he, in turn, connects with the famous argument of T. Hobbes about the “war of all against all” and the need to overcome this state [12, With. 165–166]. The difference, however, is that for the sphere of law and the state, “the general will creates legitimate external coercion” [12, p. 167], and in an ethical community the general will of the people cannot act as a legislator. Since the sphere of morality, which unites the ethical community of people, is regulated only by the law that comes from the mind of the individual, and cannot, unlike legal norms, be the subject of external coercion.

However, without this external subject it is impossible to create a community of people. From this I. Kant draws the conclusion that “not the people, but only someone else could represent the social-legislative principle for the ethical community” [12, p. 167–169]. Thus, I. Kant prepares a logical transition for the introduction of the concept of God. It is God who is the subject of the establishment of an ethical community and the transition to it from an “ethically natural state.” In principle, the result obtained is correct, since it is consistent with the fact that God is the actual head of the church. One must agree with the philosopher’s judgment that “... the assertion that people should establish the kingdom of God... seems meaningless. God himself must be the founder of his kingdom” [12, p. 222].

However, deriving the concept of God – the founder of the church – from abstract rational principles leads to a limited interpretation of this concept. Namely: I. Kant limits himself to the interpretation of God as a “moral ruler of the world.” One could agree with this if we were talking about God as the highest moral principle. Moreover, the emphasis here should be on the concept of morality, taking into account the well-known Hegelian distinction between morality and ethics. However, we will not find either this difference or the historically filled concept of morality, defined as the idea of absolute good embodied in the system of social relations, in the philosophical teaching of the author of the Critique of Practical Reason.

As a result, discussions about the “moral ruler of the world” imply precisely this, rationally limited, Kantian morality. The question then arises: to what extent can we relate Kant’s “moral ruler of the world” with the living God of theology? The relevance of this issue becomes especially clear if we recall the words of the outstanding Russian theologian of the twentieth century V.N. Lossky: “The God of theology is “You”, this is the Living God of the Bible. Of course, this is the Absolute, but the Absolute is personal, to which we say “You” in prayer” [13, p. 263].

But it is obvious that in the philosopher’s reasoning we are talking only about a postulate of practical reason, and it is this product of human reason, and not Jesus Christ, that is called God in the Critique of Practical Reason. It is no coincidence that I. Kant does not mention the name of the God-man, nor does he, incidentally, seek to substantiate the trinity of God. Archpriest Pavel Khondzinsky quite definitely points out I. Kant’s denial of the divinity of the Savior and draws our attention to the fact that “in the Christological considerations of St. Innocent (Borisov) we find a number of arguments refuting this thesis” [27, p. 99].

According to I. Kant, it is and only God (interpreted in the above sense) who can form an “ethical community” from individual moral subjects. And the philosopher calls such a community the people of God, contrasting this community with the people as the source of state power, in which the principle of legality is realized. Following Hugo Grotius, I. Kant adheres to the distinction between the legality of legal laws (constitutions) follow-



ing from pure reason (unlike Grotius, who so far only spoke about the general nature of man), and the legality of those laws that he himself God could directly give to the people [9, p. 79–80]. The last case I. Kant, although he considered it historically possible, still left it aside, since nevertheless “this constitution in the historical sense should be considered as an institution on the basis of political-civil laws, which, although given by God, are externally” [12, p. 169].

The idea of the people of God, according to I. Kant, can be realized only in the form of a church: “An ethical community based on divine moral legislation is the church” [12, p. 170, 222]. Taking as an analogy the relationship between, on the one hand, the transcendental unity of self-consciousness, which, as stated in the Critique of Pure Reason, can never become an object of experience, and on the other hand, contemplation, which, along with reason, is part of experience, I. Kant contrasts the invisible and visible church with each other. This can be seen as the action of the instinct of reason, since in reality the invisible church includes the absolute divine principle, which can, with some stretch, be correlated with the principle of universality, which is embodied in the thought of the transcendental unity of self-consciousness. However, I. Kant himself not only does not substantiate this analogy, but also does not develop it in any consistent and obvious way.

Further, I. Kant considers the predominantly visible church as “the moral kingdom of God on earth, since it can be created through people” [12, p. 170]. Previously, they highlight the signs of this true church, which are also not proven, but are simply taken from experience. This is universality, purity (unity solely from moral motives), a relationship based on the principle of freedom, immutability, according to its constitution. It is easy to notice that in their form these four features are composed by analogy of four groups of categories taken from transcendental analytics: quantity, quality, ratio, measure [10, p. 86–87]. Thus, I. Kant is trying to give us an example of combining pure rational concepts as a form of experience with the material of experience. Although it can be noted that this analogy itself and the interpretation of the material seem quite arbitrary.

Since the community of people in the church is derived by I. Kant from a pure moral sense, then it should, as he believes, remain that way and exclude any signs of governance characteristic of the state: “Government in such a community is neither monarchical (under the leadership of the pope or patriarchs), neither aristocratic (bishops and prelates), nor democratic (like the sectarian Illuminati)” [12, p. 171]. With such a message, without understanding the subtleties of the nature of power in traditional confessions, without defining the extent to which one can see the political and moral aspect in the power of the pope or patriarch, bishop and prelate, I. Kant considers himself entitled, in essence cases, to deny the religious character of confessions, as not withstanding the criticism of reason (to which I. Kant, however, ascribes the title of reason). At the same time, he himself proposes a paternalistic model of church governance as an alternative. Even on this basis, we cannot agree with I.V.’s assessment. Gorokholinskaya that “the concept of the “Universal Church”, substantiated by I. Kant in his work “Religion within the limits of reason alone” has significant constructive potential” [3, p. 18].

In his doctrine of state and church, I. Kant reproduces the idea of God presented in the “Critique of Pure Reason” and in the “Critique of Practical Reason” as only the ideal of reason, despite his desire to reconcile through ethical-theology “the disagreement between the theoretical and practical use of reason in metaphysics” [25, p. 471]. It is possible that with his teaching about the institutional Church, I. Kant makes it possible to conclude that the Church “allows a person to choose the only correct vector in the development of his in-

ternal religion, associated with the real experience of communion with God,” as Archpriest Sergius Rubezhansky believes [ 21, p. 55–61]. And yet, the Church as the Kingdom of God means, according to I. Kant, only “the principle of constant approach to the pure faith of reason” [12, p. 223] and the principle of gradual liberation from what is historical in the church. In other words, “liberation” from tradition, and therefore liberation from Holy Tradition, the heritage of the Church Fathers, the history of ascetics and martyrs.

In essence, we see here the same scheme of logical movement as in the “Critique of Pure Reason”: liberation from all sensory material in order to obtain a pure a priori form of the universal in the concept of transcendental synthesis of apperception, and then starting from the pure a priori content of this principle, which contains the idea of freedom, to deduce from it the definitions of morality and law. However, the transition from the individual as an object of contemplation to the universal as a transcendental synthesis is achieved by I. Kant through abstraction, i.e. naked negation of any empirical content.

As a result, the universal synthesis itself, the idea of freedom, and, finally, morality and law deduced from here turn out to be nothing more than abstractions. I. Kant is even more mistaken in admitting an analogy between the relation of the empirical and a priori in the theory of knowledge, on the one hand, and historical and pure faith, on the other hand. After all, the historical is not empirical. Moreover, if we are talking about the historical process of spiritual content, in this case – about the historical process of the development of religion and the Church.

But a meaningful understanding of the historical as a special sphere of existence, internally organically connected with the Sacred History of Christ, as an axial phenomenon and system-forming center of world history, was first revealed only by G.V.F. Hegel. The need to introduce historical consciousness into philosophical thinking was associated with the work of Sh.-L. Montesquieu [2, p. 112–123], the need to introduce historical consciousness into philosophical thinking – with the pietist theology of Galle, the achievement of the methodological means necessary for this – with the philosophy of I.G. Fichte and with his own development on this basis of the concept of spirit (Geist).

Philosophy of G.W.F. Hegel was the result of overcoming the one-sided subjectivism of I. Kant, due to which the universal was understood by the author of the “Critique of Pure Reason” only as an abstract universal. Accordingly, the concept of morality was deduced by I. Kant from the need for the practical implementation of a single empirical subject and in such qualities could not become the concept that, indeed, could specifically explain not just the mechanism, but also the internal moral meaning and nature that spiritual substance that unites people and makes them the highest social community – the state. Accordingly, the spiritual essence of the Church could not be captured within the framework of the empirical approach, the full heir of which was I. Kant. In his treatise “Within the Limits of Reason Only” (by reason, we repeat, here only the new European ratio could be understood), I. Kant could still substantiate the pragmatic necessity of church organization for society and for the state, but its spiritual significance, and therefore and the deep relationship between the church and the state, which St. Augustine spoke about, remained completely undisclosed.

Already in the philosophy of I.G. Fichte finally overcomes the one-sided empiricism of the New Age, the legacy of which I. Kant was never able to get rid of [17, p. 57–58]. At the same time, the dogmatism of Wolffian metaphysics is also overcome, from the standpoint of which the reduction of the definitions of the state and the Church to an abstract unity, which I. Kant demonstrates in his works, was considered quite sufficient and exhaustive.

## Theory of State and Law

---

This lays the foundations for the philosophical foundation of Lutheran theology at a higher theoretical and methodological level than was the case in the 17th – 18th centuries. The idea of the church is based on the concept of the people as an exponent of the universal moral substance [14, p. 243–252].

This is achieved due to the fact that I.G. Fichte interprets the highest unity of being and thinking as the spontaneous activity of the “I”. Thus, he understands all the special forms of this universal unity as a product of active, spontaneous and free activity of the “I”, and therefore the author of the “Fundamentals of General Science” can now define and express unity itself as a process of active activity. In this case, the meaning of G.V.F.’s provision becomes clear. Hegel that “truth is not a minted moment that can be put in your pocket.” By its nature, truth is a process [19, p. 61–64]. With this approach, the tenets of dogmatic rationalism, which have been established in German philosophy since the time of Chr., are overcome. Wolf. In addition, “I” in the interpretation of I.G. Fichte approaches the concept of the absolute [7, p. 384–398]. As his scientific teaching evolved, the philosopher more and more persistently sought to overcome any signs of subjectivism in the interpretation of the absolute. And this, in turn, constitutes a decisive step in overcoming the principles of empiricism.

Achievements of the transcendental philosophy of I. Kant and its reformed form in the teaching of I.G. Fichte are fully realized by G.V.F. Hegel, who, on the basis of his speculative logic, set out in the fundamental work “Science of Logic,” develops the theoretical and methodological foundations of the concept of “spirit,” which allowed him to reveal the meaning of religion and the church for man, society and the state, based on the spiritual and historical content of all these concepts [4, p. 181–185; 6, p. 178–187].

The concept of “spirit” in Hegel’s philosophy is a complex synthetic concept in which Kantian and Fichtean transcendentalism as a way of dealing with the idea of the subject is complemented by the perception of the idea of history and the historical, which had a broad Christological dimension [22, p. 191]. All this, without a doubt, forms completely new theoretical and methodological prerequisites for studying the relationship between the state and the church.

The result of philosophical knowledge of I.G. Fichte, F.W.J. Schelling and G.W.F. Hegel had a much deeper understanding of the meaning of the historical development of religion than I. Kant, there was a real understanding of the necessity of the Church for spiritual life and the nature of the internal unity of the state and the church as conditions and phenomena of this life.

For I. Kant, both the state and the church, the concepts of which were interpreted by him as derivatives of the abstraction of moral consciousness, ultimately remained unconnected social formations: as a state, devoid of spiritual foundations, and as a church, separated from history and traditions. However, it was in the philosophy of I. Kant that the prerequisites were laid for that deep understanding of the essence of the state and understanding of the internal moral necessity of its relationship with the church, which German classical idealism achieved in its further development and which can become one of the important elements in the interpretation of the symphony state and Church in the sovereign philosophy of law of Russia [18, p. 14–15].

### Bibliography

1. Belov V.N., Fakhrudinova E.R. I. Kant on religion, faith, God and the church // Kant’s collection. 2017. T. 36. No. 1. P. 30–40.

2. Gainutdinov R.I., Maslennikov D.V. The idea of the spirit of history in the interpretation of Montesquieu and Hegel // Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2019. T. 20. No. 4. P. 112–123.
3. Gorokholinskaya I.V. The concept of the “Universal Church” by I. Kant as a scheme for the tolerance of interfaith relations: service to God as respect for the Other // Studia Humanitatis. 2015. No. 2. P. 17–28.
4. Denisov A.M., Ismagilov I.R., Maslennikov D.V. Hegel and Savigny: the formation of the idea of historicism in law // Legal science: history and modernity. 2017. No. 3. P. 181–185.
5. Goodness, trust, justice in philosophical and legal thought: antiquity and modernity: Monograph / Ed. ed. V.P. Salnikova. St. Petersburg: St. Petersburg Military Institute of National Guard Troops, University Foundation, 2022. 463 p.
6. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. On the question of the significance of the logical form of philosophy for understanding the nature of the absolute in law // World of Politics and Sociology. 2018. No. 2. P. 178–187.
7. Ivanenko A.A. “Absolute Self” and “Absolute” in the philosophy of Johann Gottlieb Fichte // Questions of Theology. 2021. T. 3. No. 3. P. 384–398.
8. The idea of freedom. Right. Morality (classical and postclassical philosophy of law): Monograph / Ed. doc. legal Sciences S.I. Zakhartseva. Moscow: Yurlitinform, 2020. 288 p.
9. History of the philosophy of law: Monograph / Albov A.P., Baranov V.M., Idrisov Z.Sh., Maslennikov D.V., Peshkov A.I., Revnova M.B., Salnikov V.P., Salnikov M.V., Sotnikova N.N., Chegovadze L.A.; resp. ed.: Albov A.P., D.V. Maslennikov, V.P. Salnikov. St. Petersburg: Law Institute (St. Petersburg), St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1998. 640 p.
10. Kant I. Critique of Pure Reason. Moscow: Mysl, 1994. 591 p.
11. Kant I. Fundamentals of the metaphysics of morality. Critique of practical reason. Metaphysics of morals. St. Petersburg, 1995. 528 p.
12. Kant I. Religion within the limits of reason alone // Immanuel Kant. Treatises and letters. Moscow: Nauka, 1980. P. 78–278.
13. Lossky V.I. Mystical theology. Kyiv, 1991. 392 p.
14. Lukyanov A.V., Pushkareva M.A. Johann Gottlieb Fichte as a theologian // Questions of theology. 2021. T. 3. No. 2. P. 243–253.
15. Maslennikov D.V. The unity of thinking and being in Hegel’s “Lectures on the proof of the existence of God” // Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2020. T. 21. No. 2. P. 73–85.
16. Maslennikov D.V. The nature of the logical in the philosophy of absolute idealism (Hegel and Fichte). St. Petersburg: NOIR, 2011. 151 p.
17. Maslennikov D.V., Ponomarev A.A. Kantian philosophy of law in the system of paradigmas of legal thought // Legal thought. 2016. No. 5 (97). Pp. 52–58.
18. Political and legal management and threats to state sovereignty: Monograph / Under the general. ed. V.P. Salnikova. St. Petersburg: St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, University Foundation, 2022. 490 p.
19. Polozova A.E. Speculative approach to truth in the philosophy of G.V.F. Hegel // Society: philosophy, history, culture. 2020. No. 6 (74). Pp. 61–64.
20. Protopopov I.A. The idea of God as a transcendental ideal of pure reason in the “Critique of Pure Reason” // Bogatyrev D.K., Bogatyreva L.V., Bilchenko E.V., Gutorov V.A., Dokuchaev I.I., Maslennikov D.V., Nikonenko S.V., Pertsev A.V., Preobrazhenskaya K.V., Proto-popov I.A., Salnikov V.P., Solovyov A.P., Berdnikov I.V.; Khromtsova M.Yu. The idea of God and the image of theology in the philosophical discourses of mature modernity and postmodernity: a collective monograph / Ed. ed. D.V. Maslennikova. St. Petersburg: RKhGA, 2023. P. 86–99.
21. Rubezhansky S. Church as an institutional form of religion // Proceedings of the Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary orientation). 2022. No. 14. P. 55–61.
22. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Prokofiev K.G. The meaning of the difference is in the approach of I. Kant and I.G. Fichte to the problem of deduction of law and morality // Legal science: history and modernity. 2018. No. 4. P. 185–192.

23. Spektorsky E.V. Christianity and culture. Prague: Flame, 1925. 311 p.
24. Sudakov A.K. Properties of the divine will: I. Kant between speculative and moral theology // Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy. 2023. No. 2 (18). P. 202–222.
25. Sudakov A.K. The kingdom of good and right: Kant and Forberg on moral religion // Philosophy of religion: almanac. 2015. No. 2014–2015. Pp. 449–472.
26. Philosophical and legal knowledge: current problems. Monograph / Under the general. ed. V.P. Salnikova. St. Petersburg: St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, University Foundation, 2022. 417 p.
27. Khondzinsky P.V. The perception of the ideas of I. Kant in the theological heritage of St. Innokentiya (Borisova) // Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University. – Series 2: History. History of the Russian Orthodox Church. 2017. No. 74. P. 94–102.

---

**For citation:** Paisiy (Kuznetsov A.A.), Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Prokofiev K.G. Immanuel Kant on moral foundations the state and its relationship to the church as to the “ethical community” (to the 300th anniversary of the philosopher): article // Theory of State and Law. 2024. No. 1 (35). P. 177–187.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_166

## Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI 10.47905/MATGIP\_2024\_1\_35\_188

Е.А. Певцова\*

## СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА О СООТНОШЕНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ, ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ И ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ

***Аннотация.** В статье анализируются некоторые этапы развития научной мысли о соотношении правовой культуры, правового сознания и правового воспитания с позиции теории права. Выявлено, что к настоящему времени различными научными школами по-разному трактуются указанные юридические конструкции, ставится под сомнение сам факт признания указанных понятий юридическими конструкциями. Обращено внимание на то, что в отдельные исторические периоды научный интерес к исследуемым юридическим конструкциям был волнообразный: то угасал, то возникал вновь. В статье представлен опыт организации правового воспитания в различных регионах страны. Несмотря на многочисленные дискуссии, отстаивается позиция о том, что указанные понятия взаимосвязаны между собой, являются юридическими конструкциями и входят в предмет изучения теории государства и права. Представлены авторские определения правовой культуры, правового сознания и правового воспитания, которые наиболее эффективно позволяют отразить их взаимообусловленность и разработать действенный комплекс мер по искоренению возникающих дефектов и повышению уровня указанных явлений в реальной правовой жизни.*

***Ключевые слова:** дефиниции, правовое сознание, правовое воспитание, правовая культура, соотношение правового воспитания и правовой культуры.*

**Введение.** Уже много десятилетий не прекращается спор ученых-юристов о том, являются ли вообще предметом научного исследования теории государства и права такие конструкции как «правовая культура», «правовое сознание» и «правовое воспитание» [1, 9, 15, 16; 23, 36; 37]. Известно, что предмет любой науки – это то, на что направлено ее изучение. А направлена ли теория права на исследование вопросов правового воспитания или правовой культуры? И нужен ли вообще в современных условиях такой предмет этой науке? Есть многочисленная группа сторонников того, что эти понятия вообще далеки от теоретиков права, ибо они являются якобы предметом изучения исключительно педагогики и других наук, и скорее всего именно с педагогической точки зрения их и следует изучать наиболее пристально.

---

\* Певцова Елена Александровна – ректор Российского университета народного хозяйства имени В.И. Вернадского, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации. E-mail: pevtsova@bk.ru

Оспаривая такой подход в одной из дискуссий несколько лет тому назад, Г.В. Мальцев сказал замечательные слова: «Тот, кто так считает и высказывается подобным образом, сам того не ведая, проявляет правовой нигилизм». И с таким постулатом трудно поспорить. Ведь пренебрежительное отношение юристов к важным понятиям, которые как никогда актуальны сегодня, приводит к негативным последствиям: а именно, глубокому непониманию того, что от уровня правового сознания, правовой культуры и правового воспитания зависит суть правовой системы общества. В этом мы убедились сполна.

С 90-х годов прошлого столетия невнимательное отношение к указанным конструкциям со стороны юридической науки привело к известным проблемам: резкому негативному отношению к законам и праву, особенно среди молодёжи, росту преступности, изощренных методов нарушения закона. Анализ работы школ России в те годы приводил к неутешительным выводам: 80% обучающихся старшей школы относились с недоверием к закону, праву, считали их «не работающим механизмом, зафиксированном на бумаге»\*. Педагоги не обладали на тот момент юридической компетентностью, чтобы хотя бы стихийно – эмпирическим путем решать возникающие проблемы, а педагогических знаний явно было недостаточно.

Воспользовавшись сложившимся хаосом, многие западные общественные деятели предложили массу учебной литературы (учебники, учебные и методические пособия) для грифования в Экспертный совет Министерства образования России, чтобы получить прямой доступ в школы страны. Именно тогда не все понимали, что воздействие учебной литературы на правовое сознание способно определять поступки взрослеющей личности напрямую на многие в будущем. Именно так и произошло. Немалые гонорары заставляли отдельных авторов поддерживать высказываемые в учебных пособиях идеи о необходимости противостоять государственной власти, защищая якобы свои права, негативно высказываться в адрес страны, сотрудников правоохранительных органов, отстаивая независимость и свое мнение.

Открыто позиционировалась коррупция, взяточничество как нормальные явления правовой жизни. В предлагаемых тренажерах, направленных на правовое сознание подрастающего поколения, четко отработывалась мысль: «все, что создано в стране – направлено против тебя, и ты должен это уничтожить». Так, правовое воспитание подвергалось насмешкам, и было отнесено к прошлому как к застойному явлению, которое должно быть искоренено. Совершенно очевидно, что неумение разобраться в блоках правового сознания населения и механизме воздействия на них чревато правовыми конфликтами и хаосом в правовом поведении субъектов права. Ставилось под сомнение само отнесение правового воспитания, правовой культуры и правового сознания к категориям юридических конструкций.

В Новом энциклопедическом словаре дается такое определение юридической конструкции [38]. Под этим понятием понимается некая идеальная нормативно-правовая модель отражения действительности, которая создаётся в результате некой абстракции, выступающей в свою очередь как элемент юридической техники. Само слово «конструкция» (от лат. «построение») предполагает устройство, расположение частей, а с позиции синтаксиса – это есть целое, объединившееся из отдельных единиц по определенным правилам. Непризнание исследуемых явлений

---

\* Автором были проведены социологические исследования по данному вопросу на основе анкетирования 3500 школьников из 23 субъектов Российской Федерации (1998-2003 гг.).

юридическими конструкциями означает полное их забвение в юридической практике, «слепое наведение» того, что именно они и определяют стержень правового порядка, а значит и законности в государстве. Такой подход автором отвергается как недопустимый с юридической точки зрения.

Науке известны примеры того, как пренебрежение к отдельным темам, не позволяло решить важные вопросы корректировки поведения и здоровья человека. Имели место быть и совсем парадоксальные случаи. Более 80 лет тому назад (в 1939 году) один из изобретателей австриец, эмигрировавший в США, доктор Вильгельм Райх, которого считали одновременно и гением, и шарлатаном, открыл оргонное излучение для проведения вегетотерапии в отношении корректировки поведения человека. В его книге «Анализ характера» он описал новый прибор, способный справиться с заболеваниями психики, онкологическими болезнями (из 16 безнадежных больных он спас 15), основанный на концентрации мощной энергии. Ученый считал, что у человека формируется некий панцирь в течение жизни, как защита эго от опасностей. Панцирь снижает мобильность, воздействует на мышцы, кости организма, не допускает проявления чувств и ощущений, через этот панцирь не проходит энергия, что приводит к хроническим заболеваниям. Однако бюрократические споры, жесткие дискуссии, война со стороны оппонентов и финансовые ограничения не дали ему возможность внедрить прибор. Автора изобретения посадили в тюрьму, так и не дав возможности развивать научные идеи. И подобных примеров много. Сегодня трудно оценить однозначно известные открытия, но, если они спасают жизнь людей или делают ее комфортно – безопаснее, наверное, стоит об этом задуматься и не оставлять без внимания.

**Степень научной изученности темы.** Трудно найти проблему подобную заявленной, которая не была бы так активно исследована за последние десятилетия, причем преимущественно учеными таких наук как педагогика, социология, политология, даже история и т.д. Но вот изучение вопросов правового воспитания, правовой культуры с позиции теории государства и права можно поделить на этапы пристального внимания и охлаждения. Причем совершенно четко бросается в глаза тот факт, что именно развитие рыночных отношений, появление новых ценностей общества, начиная с 90-х годов прошлого столетия, отбросило далеко назад вопросы правовой культуры и правового воспитания. В этот период практически не защищаются диссертации по данной теме (лишь отдельные инициаторы продолжают писать для академического сообщества, не вызывая никакого интереса у юристов, у которых в приоритете стали вопросы предпринимательского и гражданского права). Результаты воспитания очевидны не сразу, а новое общество было заинтересовано в получении наиболее быстрых итогов от правовой деятельности, сопряженной в первую очередь с финансами.

Сгруппируем работы по теме за период с конца XIX столетия до настоящего времени. В основу классификации положим содержательный аспект понимания указанных конструкций в теории права и государства.

Если принять за основу классификации конец XIX столетия, то первым этапом несомненно выступит так называемый дореволюционный, когда юридическая наука не рассматривала правосознание, правовое воспитание и правовую культуру подрастающего поколения и молодёжи как самостоятельное направление исследований. Практика показывала, что в приоритете были прикладные исследования. Теоретические основы указанных конструкций исследовались исключительно с пози-



ции уголовно-правовых или социально-психологических аспектов. Такие подходы видны при прочтении книг Ю.С. Гамбарова, Б.А. Кистяковского, Н.М. Коркунова, И.В. Михайловского, С.А. Муромцева, Л.И. Петражицкого, Г.Ф. Шершеневича, Б.Н. Чичерина и других.

Ю.С. Гамбаров, например, рассматривал право не как принудительную силу, а как определенный мотив, который влияет на волю человека. Согласно его представлениям, право, как часть общества следует изучать исключительно в рамках возможности практического использования в реальной жизни. В его понимании право есть все то, что не санкционировано принуждением. Теоретический элемент права определяет то, что происходит в человеческих отношениях. А значит, может влиять на поведение субъекта, то есть идеи существования воспитательной функции права очевидны.

После событий 1917 года в юриспруденции начали переосмысливать многие понятия, связанные с правовой культурой, правосознанием, правовым воспитанием, и появились труды С.А. Голунского, И.П. Разумовского, М.А. Рейснера, П.И. Стучки, Н.П. Фиолетова, М.А. Чельцова-Бебутова и др. Так, С.А. Голунский, формулируя новое понимание правовой нормы с позиции социалистического подхода, акцентировал внимание на необходимости новых идей о воспитании людей, способных эти нормы реализовывать. И.П. Разумовский стал разрабатывать вопросы соотношения права и идеологии, что напрямую подводило ученых к пониманию новой сути правового воспитания.

В советский период, уже после войны, формулируются дефиниции указанных понятий, что находит отражение в работах С.С. Алексеева, всегда просто и с виртуозной легкостью формулировавшего сложные юридические конструкции. В этот период выходят труды К.Т. Бельского, А.Я. Берченко, Н.А. Буры, Н.Л. Гранат, Д.А. Керимова, Н.И. Козюбры, В.Н. Кудрявцева, Е.А. Лукашевой, Г.В. Мальцева, А.В. Мицкевича, В.В. Оксамытного [39], И.Ф. Рябко, Н.Я. Соколова [58; 59], Е.А. Чефранова, В.А. Щегорцова и др. Учеными четко было определено регулирующее воздействие правового сознания на поведение людей. В рамках исследования указанных конструкций рассматривались вопросы роли права и нравственности в развитии правового сознания и правовой культуры. Было обращено внимание на исследование дефектов правового сознания, а также исправления тех лиц, у которых подобные изменения в правовом сознании были констатированы.

В работах И.Ф. Покровского, Д.А. Потопейко, И.Е. Фарбера затрагивались вопросы соотношения индивидуального и общественного правосознания, его структуры, связи с социальной средой. А.Р. Ратинов обратил внимание на определение функций правового сознания, что позволило соединить указанные конструкции между собой.

Определенный бум в исследовании темы очевиден в 60-е годы XX столетия. В этот период появляется немало работ по организации правовой пропаганды, поднимаются вопросы совершенствования механизма правового регулирования в стране в соотношении с правовым воспитанием школьной молодёжи. (А.Д. Бойков, Г.П. Давыдов, А.И. Долгова, Г.М. Миньковский, В.В. Тищенко и другие.). В 60–70-е годы прошлого столетия правовое воспитание становится отдельным и довольно модным объектом правового исследования с позиции теории права. В.В. Тищенко на основе многочисленных примеров советской пропаганды доказывает, что правовое воспитание есть предмет теории государства и права.

Авторы, дискутируя на это счет, предлагают выделить юридическую педагогику и педагогическую юриспруденцию, как самостоятельные области знаний. Появляется и такой термин как «правопедагогическая деятельность». Ее объектом предлагают выделить человека как носителя определенной правовой культуры и объекта правового воспитания (И.Ф. Рябко). С позиции сегодняшнего дня такой подход можно признать несколько неоправданным, потому что практика доказала, что, выступая только в роли субъекта в субъект-субъектных отношениях возможно достичь эффективного результата правовоспитательной деятельности. В таких отношениях сам Человек выступает активным участником правовой действительности, а не пассивным ее созерцателем.

С 90-х годов XX века интерес к тематике начинает резко снижаться и практически сходит «на нет». В публицистических статьях высказываются весьма резкие замечания в адрес правового воспитания, а разработанные его формы признаются архаичными и отбрасываются вовсе.

Однако молодые ученые, которые получают наставления от своих учителей о необходимости изучать данные явления с позиции юриспруденции, смело берутся за изучение вопросов правового сознания и правовой культуры, правового воспитания. Так появляются диссертации (Т.М. Почтарь, И.А. Крыгина, В.М. Боев [14] и др.), в которых проблематика поддерживается и развивается от полного вытеснения из поля зрения науки.

Предпринимаются попытки изучить правовое сознание отдельных социально-профессиональных групп: судей, адвокатов, государственных служащих (Г.А. Голубева, О.Г. Шапиев и другие). Появляются и стыковые междисциплинарные исследования Н.Е. Борисовой, П.А. Дороховой, В.И. Новоселова, В.М. Сырых, В.И. Шкатуллы по вопросам образовательного права, ювенального права. В практике предпринимаются попытки разработки новых нормативных правовых актов, а также образовательного кодекса.

В начале XX столетия проявилась интересная тенденция. Ее суть заключалась в том, что вопросы правового сознания, правового воспитания и формирования правовой культуры стали решаться довольно быстрыми темпами в реальной практике, то есть эмпирическим путем. При этом фундаментальная и даже прикладная юриспруденция начала явно отставать. Сначала казалось, что все это было связано с отсутствием достаточного количества профессиональных молодых ученых-юристов, а интерес у маститых профессионалов к теме пропал в силу быстрых темпов развития прикладных юридических наук, связанных с реальным сектором экономики. Вопросы теории права как бы казались второстепенными. Доказательством тому стало выхолащивание теоретических правовых дисциплин из учебных планов вновь создаваемых юридических факультетов и вузов, которые «росли» как грибы. Все это привело к тому, что быстро изменяющееся законодательство, которое изучали подготовленные юристы, было трудно для восприятия и понимания теми, кто не изучил и не познал в достаточном объеме теоретические вопросы государства и права.

Тут же вспоминались годы средневековья, когда еще в Энциклопедии права немецкого общественного деятеля Рингельберга (1541 год) подчеркивалась важность познания теоретических вопросов права и государства на самых первых этапах подготовки юристов и их новое осмысление на последних этапах. Так юрист осваивал компетенции, словно по спирали, наращивая свой багаж знаний. Спустя го-

ды стало понятно, что ученые того времени просто приспособивались к политической ситуации, старались выбирать для изучения те темы, которые позволяли бы быстро развивать бизнес. Страна нуждалась в профессиональных юристах, которых не хватало рынку. Но одновременно с подготовкой огромного количества юристов качество юридического образования оставляло желать лучшего. И, конечно же, вопросы правового воспитания, правовой культуры и правосознания оказывались в первую очередь за бортом познания.

В тот период в разных регионах страны создаются свои школы разработки моделей правового воспитания и формирования правового сознания. Что интересно: они были самыми разными. Не существовало общей модели или научно обоснованной концепции реализации правовоспитательной деятельности. Наука как бы отставала от практики. Возникло немало команд, каждая из которых предлагала свою модель реализации правового воспитания. На уровне региональных властей стали создаваться локальные концепции, модели правового воспитания и формирования правовой культуры детей и молодёжи. Многие из них были слабы, не опирались на научные достижения (их просто некогда было анализировать), а потому были мало эффективны на практике.

Вместе с тем, стали масштабно заявлять о себе формировавшиеся новые научные школы.

Например, Питерская школа, которую возглавила доктор педагогических наук Наталья Элиасбер, развивала идеи ценностного подхода к праву, реализации новых аспектов нравственно-правового воспитания. Не случайно, такой подход называли этико-правовым.

Другие идеи объединили правозащитников, которых вдохновил Всеволод Луховицкий, предложивший включать вопросы изучения прав человека и гражданина в разные гуманитарные дисциплины системы общего образования. Это коснулось и русского языка, и литературы, и истории, где на конкретных текстах отработывались идеи и механизмы защиты прав и законных интересов личности. Многие технологии были заимствованы из стран Восточной Европы, где подобные курсы были широко распространены.

Бесспорно, такой подход активизировал обучающий процесс, сделал его более практичным. Но и имел несколько минусов с позиции юридической науки. Авторские коллективы не имели вообще никакого юридического образования, что приводило к ошибкам и неверным трактовкам юридических конструкций, а также затрудняло их правильное усвоение для использования в реальной практике. Кроме того, иногда весьма агрессивно проскальзывал правозащитнический подход, призывающий к резкому противостоянию государственной власти.

Отдельная модель в рамках нового понимания права и формирования правовой культуры был предложен автором, когда создается целый комплекс учебников, в которых научно обосновывается необходимость формирования правовой культуры детей с самого раннего возраста, с учётом понимания того, что право не есть насилие и средство наказания, а эта та сила, которая позволяет личности стать успешной в своем государстве. Стандартизация образования позволила юридически закрепить необходимые правовые дидактические единицы, которые способствовали формированию правовой культуры подрастающего поколения. Не случайно в школы страны вводится курс под названием «Право. Основы правовой культуры». Появляется отдельное направление научных исследований под названием

«правовое просветительство». Правовоспитательная деятельность, построенная на научных подходах, начинает показывать свою эффективность.

Самостоятельное направление, предложенное Я.В. Соколовым, интегрировало решение вопросов правового воспитания и формирования правовой культуры в курсы граждановедения. Были предложены интерактивные механизмы, позволяющие гражданину с детских лет проявлять свою социальную активность в обществе, участвовать в решении различных вопросов социальной среды, в которую был погружен ребенок на том или ином этапе своего взросления. Игровые технологии, которые нравились обучающимся, стали включаться в методики правового воспитания.

В рамках активной работы Российского Фонда правовых реформ (РФПР) развивается работа с учителями, руководителями образовательных организаций по внедрению курсов по праву в старшую школу. Этому движению яростно противостояли бюрократические подходы и нежелание многих усилить грамотно выстроенную работу по правовому воспитанию. Такая борьба шла десятилетиями и, увы, не прекратилась в настоящее время, когда курсы по праву просто ушли из средней школы под мотивом отсутствия часов на отдельную правовую подготовку.

Интерес к теме еще больше «просыпается» с начала 2020-х годов. В федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [1] впервые за долгие годы его существования вводятся нормы, закрепляющие необходимость организации целенаправленной воспитательной работы. Появляются новые рабочие программы, календарные планы воспитательной работы. Кто-то может заметить, что такое было всегда в советской школе и новые нормы не столь новы. Однако это не совсем так. Забвение воспитания привело к хаосу, прежде всего, с юридической точки зрения в его восприятии. Не существовали и юридически закреплённые требования к воспитательной деятельности с обучающимися.

Особенно становится ощутимой потребность в организации правового воспитания и формирования правовой культуры в связи с СВО (специальной военной операцией), развернувшимися санкциями в отношении России. Новый курс Президента РФ В.В. Путина на обновление страны, уход от монополярного мира, ориентирует страну на особое внимание к вопросам воспитания и правоверного поведения граждан. Наконец-то, после такого колоссального периода забвения тематика правовой культуры, правового сознания и правового воспитания становится центральной в научных исследованиях. Закрепляется и представление о традиционных ценностях как новой идеологической основы государства и даже всего человечества. Многие ученые доказывают, что именно традиционные ценности могут составить альтернативу глобализму.

С позиции теории государства и права исследуются теоретико-правовые аспекты современного правосознания людей на примере различных стран (Е.Т. Жырлыкасымов [29]), отдельных категорий населения (О.В. Лещенко [34]).

В некоторых работах предпринимаются попытки дать определение правовой культуры общества с позиции современного цифрового мира (Л.О. Макаренко) [36]. Авторы выводят формулу зависимости правовой информированности от правового сознания (Р.А. Осипов) [40], определяют взаимосвязь правового сознания и реализации права (А.Н. Фролов) [62].

Стоит приветствовать возрождение вопросов изучения профессионального правового сознания и правовой культуры, старт идеям которых был дан извест-

ным юристом в этом направлении Н.Я. Соколовым еще в далекие советские годы (О.В. Чикалов [65] и др.). В последние годы правовое сознание и правовая культура стали исследоваться применительно к вопросам развития цифрового общества (Н.Н. Попова).

**Суть конструкций с позиции теории права.** Если попытаться подсчитать количество определений, которые дали ученые таким юридическим конструкциям как «правовое воспитание», «правовое сознание», «правовая культура», то их количество с разными подходами может превысить цифру 200. Их не просто много, они разнополярны и понимаются абсолютно по-разному. Как это определить: как некий коллапс в науке или дискуссионность мнений, порождающая новое? Ведь наука не может быстро развиваться, если ее ученые не договариваются о некой унификации понимания терминологии. Думаю, что не в этом дело. Речь идет о том, что каждый исследователь пытается посмотреть на указанную конструкцию с одной определённой стороны, а отсутствие понимания взаимосвязи трех конструкций с позиции теории государства и права, приводит к некоторому хаосу в усвоении и осмыслении. Среди студентов, изучающих теорию государства и права на первых курсах в вузах, бытует мнение, что эти вопросы не стоит даже как следует изучать – они и так понятны, и на экзамене на них легко можно ответить вне всякой специальной подготовки, так как они не имеют четкой конструкции. Данный постулат явно неверен, и ниже это будет доказано.

Автор не ставит задачу привести все определения в статье и дать им анализ, они слишком разноплановы и понятно, что ученый дает им определение исходя из поставленных задач в процессе исследования. Однако слишком разный разброс дефиниций приблизительно с одного и того же ракурса рассмотрения явно диктует потребность дать четкие понимания исходных формул, которые должны быть одинаково понимаемы в юридической науке, именно с позиции теории государства и права. Эти азбучные формулы особенно пригодятся начинающим юристам.

Итак, наиболее распространёнными в теории государства и права являются следующие определения указанных юридических конструкций.

«Правовая культура – это уровень развития правосознания в обществе, соблюдения правовых норм каждым членом общества, гарантированность прав и свобод в обществе» [46] – так для всего студенчества предлагается понимать конструкцию правовой культуры на открытых пространствах сети Интернет. Очевидно, что слова, включенные в разъяснение термина, показывают на связь изучаемых конструкций, однако не совсем точно показана эта взаимообусловленность. Так, представляется, что уравнивать правовую культуру с уровнем развития правосознания не совсем верно. Ведь правовая культура проявляется исключительно в поведении людей или их объединений, и не может быть определена без активных или пассивных действий субъектов права. Эти конструкции явно не тождественны в этом смысле.

Конструкцию «правовое сознание» исследователи темы определяют как форму общественного сознания, которая содержит субъективное отношение индивида к правовой реальности и проявляется в социально значимых действиях и поступках человека (Ю.К. Погребная [47]). Данным определением вновь пестрят просторы виртуальной реальности. Опять представляется некий хаос в умах тех, кто пытается понять основы юридических конструкций. Если правосознание проявляет себя в поступках, то, что тогда представляет собой в этом контексте правовая культура?

Правовое воспитание в научных работах последних лет вообще слабо взаимосвязано с рассмотрением правовой культуры и правосознания. В рамках теории права об этом вообще умалчивают, и только педагогические исследования показывают важность организации подобной деятельности, начиная с самого младшего возраста (Т.Н. Сорокина). Правовое воспитание с юридической точки зрения определяется как целенаправленное постоянное воздействие на человека с целью формирования у него правовой культуры и активного правомерного поведения. В открытой сети Интернет четко пропагандируется идея о том, что человеку необходимы в жизни юридические знания, надо его научить уважать и соблюдать законы. Выделяется узкий подход в понимании правового воспитания, который связан с работой в отношении конкретных субъектов права или социально-демографической группы (например, школьников старшего возраста).

Вообще никогда нельзя забывать о том, что правовое воспитание есть компонент идеологической функции современного государства. И политика государства определяет содержание этой целенаправленной работы. Правовую информацию передают с помощью специальных средств, форм и методов трансляции, которые должны учитывать существующие закономерности. Хочется подчеркнуть, что у государства должна быть обязательно отдельная правовоспитательная функция как системная деятельность, о которой говорят уже более 15-ти лет в научных исследованиях многие теоретики государства и права.

Субъектами правового воспитания выступают различные органы власти. В советский период одним из ярких субъектов правовоспитательной работы выступало Министерство юстиции, а уже потом и Министерство образования. В настоящее время акценты поменялись, но управление правовоспитательным воздействием всегда должно оставаться в компетенции органов власти. При этом обязательно активное взаимодействие с институтами гражданского общества (общественные объединения, семья, религиозные организации, профсоюзные организации и так далее), деятельность которых соответствует национальным интересам в сфере профилактики правонарушений. В качестве объекта правового воспитания декларируется население страны. Однако, новый мир, в который вступило человечество в этом столетии, подчёркивает важность именно субъект-субъектного взаимодействия, переводя понимание объекта в субъекта правового воспитания.

**Новое осмысление юридических конструкций.** Цифровизация общественной жизни, ключевые тренды ВУКА – мира, влияющие на каждого из нас, не могут не вносить коррективы в понимание указанных конструкций, которые важно договориться понимать однозначно изначально для проведения прорывных открытий в этом направлении.

*Во-первых*, необходимо четко определить в отношении кого рассматриваются указанные конструкции (молодежь, дети, а может определенные профессиональные сообщества, например, сотрудников органов внутренних дел или судей). Особое место занимает такая категория лиц как школьная молодёжь. Почему? Да потому, что именно в этот период взросления личности наиболее легко с учётом сензитивных зон развития человека и его психических свойств сформировать необходимое содержание указанных конструкций.

*Во-вторых*, надо четко понять, что каждая конструкция – это самостоятельно относительно обособленная категория, которая между тем находится в явной взаимосвязи друг с другом. Изменения в одной конструкции влекут за собой изменения

в другой. Вот почему важно договориться о понимании ключевого содержания каждой конструкции.

*В-третьих*, необходимо подходить к указанным понятиям не с позиции описательного подхода, а с позиции конструктивного подхода, позволяющего измерять составляющие их элементы. Это важно для принятия действенных мер по предотвращению дефектов и развитию необходимого содержания внутренних составляющих.

Эти указанные постулаты позволяют сделать следующие элементарные определения указанных выше конструкций с позиции теории государства и права.

Правовое сознание – это форма общественного сознания, которая представляет собой совокупность взглядов, убеждений, настроений, эмоций, чувств о праве и его роли в развитии общества. Как видно из этого определения, речь не должна идти о поведении или поступках в реальной действительности, а мы должны сосредоточиться именно на внутреннем осмыслении сознания личности. Оно может быть индивидуальным (принадлежит конкретному человеку), групповым (например, у школьной молодёжи) или коллективным у всего населения страны. В структуре правового сознания важно увидеть с позиции описательного (дескриптивного) подхода две составляющие: психологическую и идеологическую сферы и уровни: научно-теоретический, практический и обыденный.

Конструктивный подход к пониманию правового сознания позволяет образно расчленить его на сферы направленности, опыта и мотивации, каждая из которых получает в процессе исследования количественно-качественные оценки. А их совокупность и дает полную картину о состоянии правового сознания. Это в свою очередь дает возможность более четко разработать и предложить для нормотворчества пути и средства профилактики правонарушений, обеспечивая правомерность поведения субъектов права в реальной правовой жизни.

Ведущими компонентами сферы направленности выступают относительно самостоятельные блоки правового сознания, к которым можно отнести: логико-нормативный блок, эмоционально-образный блок и принципиально-волевой. Именно их состояние, которое изучается в процессе социологических исследований, определяет уровень правового сознания и правовой культуры. Компоненты, о которых сказано выше, могут в реальной действительности друг другу противоречить. А это влечет за собой нестабильность правового поведения субъектов, а, следовательно, требуют системной работы по правовому воспитанию.

Правовое сознание есть компонент правовой культуры. Она и отличается от него тем, что проявляется в деяниях, поступках субъектов права. И какое бы определение правовой культуре не давали (их действительно много), важно понять, что она сопряжена с правовым сознанием людей, но дает о себе знать только в реальной правовой жизни.

Правовая культура есть совокупность накопленных человеческой цивилизацией правовых знаний, эмоций и чувств, выраженных исключительно в правомерных поступках личности. Противоправные поступки с позиции теории права, в отличие от социологии, не могут включаться в содержание правовой культуры. Как выражаются математики, правовая культура есть сумма таких слагаемых как правовое сознание плюс реальное правомерное поведение, а также деятельность, направленная на формирование правосознания в условиях правового государства [22; 71].

И, наконец, правовое воспитание – это то, что связывает два предыдущих понятия, ибо оно и есть средство, с помощью которого формируется их содержание.

**Выводы.** Проведённое исследование позволило заключить, что:

*во-первых*, правовое воспитание, правовое сознание и правовая культура являются юридическими конструкциями, они представляют собой самостоятельный предмет теории государства и права. Их глубокое познание именно с юридической точки зрения дает потенциальные возможности профессионального управления вопросами установления правопорядка и законности в государстве, профилактики правонарушений в будущем;

*во-вторых*, правовая культура, правовое сознание и правовое воспитание тесно взаимосвязаны между собой. При этом правовое сознание можно рассматривать как компонент правовой культуры, оно уже в сравнении с ней, а правовое воспитание есть комплекс мер и механизмов, оказывающих на первые два понятия действующее влияние;

*в-третьих*, указанные конструкции не статичны, они подвержены изменениям, а потому важно их изучать с позиции конструктивного подхода, исследуя составляющие блоки и элементы с помощью количественно-качественных показателей. Данные исследования проводятся в виде мониторинга состояния правовой культуры и правового сознания общества, на основе специально разработанных анкет с помощью методов математики и социологии права (анкетирование, интервьюирование).

Пристального внимания заслуживает логико-нормативный блок, демонстрирующий уровень правовой информированности и обученности субъектов; эмоционально-образный, показывающий отношение к праву и законам, и мотивационный, закрепляющий механизм поведения людей в правовой жизни. Именно измеримость с помощью социологических методов права позволяет выстроить количественно-качественные показатели состояния правового сознания (а именно правовой идеологии и правовой психологии), их влияния на правовую культуру (то есть, как они проявляются в поведении), чтобы определить наиболее эффективный механизм правового воспитания.

Такие азбучные постулаты могут стать основой формирования сложных механизмов правовой действительности, направленных на развитие правовой системы общества по пути к прогрессу, с опорой на традиционные российские ценности, что обеспечит лидерство российского государства во всех сферах общества.

### Библиография

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
2. Агапов Д.А. Правовая культура как элемент гражданского общества // Правовая культура. – 2007. – № 1 (2). – С. 10–14.
3. Аграновская Е.В. Правовая культура и обеспечение прав личности. – М.: Наука, 1988. – 142 с.
4. Акимова Т.И. Правовая пропаганда как способ формирования позитивных элементов правового сознания, определяющих показатель лояльности правосознания // Современные актуальные вопросы государства, права и юридического образования. Материалы Всероссийской научно-практической Интернет-конференции, 1 ноября 2004 г. – Тамбов: Першина, 2004. – С. 66–71.



5. *Арсентьева А.Г.* Нравственно-правовая культура и ее формирование у сотрудников внутренних дел: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1996. – 19 с.
6. *Ахметов А.С.* Проблемы формирования правовой культуры современного общества // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 3. – С. 18–22.
7. *Байниязов Р.С.* Правосознание и правовой менталитет в России. – Саратов: СЮИ МВД России, 2008. – 212 с.
8. *Байниязов Р.С.* Правосознание и российский правовой менталитет // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 31–40.
9. *Баринов Э.Э.* Муниципально-правовая культура российского общества: современное состояние и основные направления развития // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 7. – С. 28–32.
10. *Барканов А.А.* Культурно-воспитательная функция современного российского государства. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 28 с.
11. *Баумова М.Г.* Функции правовой культуры. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2005. – 27 с.
12. *Беляев В.Г.* Правовая культура в гражданском обществе // Правовая культура в России на рубеже столетий: Материалы Всерос. науч.-теорет. конф. (16–17 февр. 2001 г.). – Волгоград, 2001. – 239 с.
13. *Бессарабов Р.А.* Правовая социализация и правовое воспитание // Философия права. – 2010. – № 4. – С. 118–122.
14. *Боер В.М.* Правовая информированность и формирование правовой культуры личности (вопросы теории). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1993. – 22 с.
15. *Бондарев А.С.* Правовая антикультура в правовом пространстве общества: Монография. – Пермь, 2006. – 191 с.
16. *Бондарев А.С.* Правовая антикультура: понятие и формы выражения // Правовая культура. – 2007. – № 2 (3). – С. 4–15.
17. *Бондарев А.С.* Юридическая ответственность и безответственность стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права. – СПб, 2008. – 185 с.
18. *Бугаенко Ю.Ю.* Правовая культура в современной России: Дисс. ... канд. филос. наук. – Краснодар, 2007. – 23 с.
19. *Волкова Н.С.* Воспитание как государственно значимая деятельность: правовые аспекты // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27. – № 11. – С. 26–37.
20. *Вопленко Н.Н.* Правосознание и правовая культура: учеб. пособие. – Волгоград, 2000. – 52 с.
21. *Воронцова И.В., Долотина Р.Р., Сулейманова А.Ш.* Материальные и процессуальные аспекты правового регулирования состояния дееспособности лица при оценке его сознания и элементов психики // Вестник гражданского процесса. – 2022. – Т. 12. – № 6. – С. 43–64.
22. *Галиев Ф.Х., Комаров С.А.* Правовое государство и правовая культура: взаимосвязь и взаимообусловленность: статья // Юридическая наука. – 2016. – № 6. – С. 5–10.
23. *Грамматиков В.В.* Природа деформации профессионального правосознания (на примере адвокатской деятельности) // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 5. – С. 19–27.
24. *Графский В.Г.* О своеобразии советской правовой культуры // Труды Института государства и права РАН. – 2011. – № 4. – С. 130–152.
25. *Грошев А.В.* Функции правосознания в механизме уголовно-правового регулирования: Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1997. – 61 с.
26. *Дегтярева М.В.* Контркультура в структуре культуры России XX века. Автореферат дисс. ... канд. культурологии. – Краснодар, 2005. – 19 с.
27. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* О формировании правовой культуры молодежи в России и Беларуси // Социологические исследования. – 2006. – № 10 (270). – С. 71–77.
28. *Ильин И.А.* О сущности правосознания. – М.: ТОО "Paper", 1993. – 234 с.

29. *Жырлыкасымов Е.Т.* Теоретико-правовые аспекты современного правосознания граждан Республики Казахстан. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Бишкек, 2020. – 174 с.
30. *Каландаришвили З.Н.* Деформация правового сознания молодежи и юридические способы ее преодоления: Монография. – СПб, 2005. – 155 с.
31. *Карпунина В.В.* Правовая антикультура. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2011. – 26 с.
32. *Кейзеров Н.М.* Политическая и правовая культура: методологические проблемы. – М., 1983. – 229 с.
33. *Лазарев В.В.* Юридическая наука в свете перспектив цифровизации // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27. – № 2. – С. 5–19.
34. *Лещенко О.В.* Правовое сознание несовершеннолетних сужденных, содержащихся в изоляции от общества: вопросы теории и практики. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Курск, 2017. – 219 с.
35. *Маликов Е.Ю.* Ценностно-нормативная функция правовой культуры и ее роль в формировании добросовестного осуществления субъективных гражданских прав и исполнении обязанностей // LegalConcept (Правовая парадигма). – 2017. – Т. 16. – № 1. – С. 21–27.
36. *Макаренко Л.О.* Теоретико-методологические аспекты познания и формирования правовой культуры. – Киев, 2019. – 441 с.
37. *Некрасова Е.В.* Тенденции развития правового регулирования участия третьих лиц в воспитании детей в странах Европейского союза // Семейное и жилищное право. – 2019. – № 3. – С. 12–14.
38. Новый Энциклопедический словарь. – М., 2000. – 1455 с.
39. *Оксамытний В.В.* Правомерное поведение личности: теоретические и методологические проблемы: Дисс. ... докт. юрид. наук. – Киев, 1990. – 374 с.
40. *Осипов Р.А.* Правовая информированность и правовое сознание граждан. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2018. – 26 с.
41. *Павлов О.Ф.* Профессиональная правовая культура в сфере правоохранительной службы (на примере сотрудников милиции). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 2005. – 29 с.
42. *Певцова Е.А.* Функции правосознания учащейся молодежи: состояние и проблемы развития. // Lex Russica (Русский закон). – 2006. – Т. 65. – № 5. – С. 873–892.
43. *Певцова Е.А., Соколов Н.Я.* Правовое просвещение в России: состояние, проблемы и перспективы развития. – М., 2019. – 272 с.
44. *Певцова Е.А.* Воспитательные отношения как объект правового регулирования в современном мире (теоретико-правовой взгляд) // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия: Юриспруденция. – 2021. – № 3. – С. 26–38.
45. *Петров В.Р.* Деформация правосознания граждан России: дисс. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2000. – 222 с.
46. Правовая культура и правовое воспитание // <https://law.wikireading.ru/8814?usclid=lsow1gsa55596170618>
47. *Погребная Ю.К.* Правосознание современного российского общества (вопросы теории и методологии исследования): дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 187 с.
48. *Ромашов Р.А.* Национальная правовая культура России: традиции, ценности, техника / Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 49–52.
49. *Сальников В.П.* Правовая культура: теоретико-методологический аспект: дисс. ... докт. юрид. наук. – Л., 1990. – 402 с.
50. *Сафронов А.А.* Правовая культура личности в механизме устойчивого развития российского государства (теоретико-методологический анализ). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Дону, 2005. – 27 с.
51. *Семитко А.П.* Развитие правовой культуры как правовой прогресс (проблемы теории и методологии). Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1996. – 36 с.

52. *Сенин И.Н., Кожевников В.В.* Правовой нигилизм как социальное явление. Монография. – Омск, 2005. – 167 с.
53. *Синюков В.Н.* Российская правовая система. Введение в общую теорию. – 2-е изд., доп. – М., 2010. – 670 с.
54. *Склифус С.В.* Правосознание и правовая культура гражданского общества как источник развития Российского государства // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 9. – С. 13–15.
55. *Славова Н.А., Чвякин В.А.* Правовая культура как фактор эффективного развития общества и государства // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 6. – С. 11–16.
56. *Смоленский М.Б.* Правовая культура и идея государственности // Государство и право. – 2009. – № 4. – С. 15–21.
57. *Снашков С.А.* Тенденции развития правовой культуры современного российского общества // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – Вып. № 2 (116). – С. 56–61.
58. *Соколов Н.Я.* Профессиональная культура юристов (по итогам социологического исследования). Научно-практическое пособие. – М., 2007. – 64 с.
59. *Соколов Н.Я.* Профессиональное сознание юристов. – М.: Наука, 1988. – 222 с.
60. *Сокольская Л.В.* Понятие и признаки правовой аккультурации // LEX RUS SICA (Научные труды МГЮА). – 2009. – Т. 68. – № 3. – С. 557–569.
61. *Сорокин В.В.* Правосознание в переходный период общественного развития // Журнал российского права. – 2002. – № 10. – С. 59–70.
62. *Фролов А.Н.* Механизм влияния трансформированного правосознания на содержание и реализацию права в современной России: дисс. ... канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 2018. – 284 с.
63. *Хачатуров Р.И.* Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества в России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2005. – 25 с.
64. *Цалиев А.М.* Об актуальности совершенствования правового воспитания и юридического образования как основы поведения правосознания в свете конституционных новелл // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 1. – С. 58–59.
65. *Чикалов О.В.* Типы профессионального правосознания: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2023. – 199 с.
66. *Шаповалов И.А.* Некоторые теоретические аспекты формирования российского правосознания // Государство и право. – 2005. – № 4. – С. 84–90.
67. *Шарандина Н.Л.* Цифровая экономика и формирование налоговой культуры: правовой аспект // Финансовое право. – 2019. – № 10. – С. 25–32.
68. *Юрашевич Н.М.* Правосознание и право: общность и различия // Государство и право. – 2005. – № 7. – С. 69–74.
69. *Яковлев М.В.* Профессиональная правовая культура: теоретико-правовое исследование (на примере военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2021. – 27 с.
70. *Якушин А.В., Хрисанова Е.Г.* Правовое воспитание населения: монография. – Н. Новгород, 2003. – 192 с.
71. *Conciencia juridica y cultura juridica de los ciudadanos rusos: formulacion teorica y juridica del problema: article // Vorobyov S.M., Zotova N.V., Komarov S.A., Kurmaev R.M., Leshchenko O.V. // Dilemas contemporaneos: educacion, politica y valores //http://www.dilemascontemporaneoseducacionpoliticaayvalores.com/ Aco: VII Numero: Ediciyn Especial Artículo №: 108 Periodo: Noviembre, 2019. DOI: <https://doi.org/10.46377/dilemas.v30i1.1092>*

---

**Для цитирования:** *Певцова Е.А.* Современная теория права о соотношении правовой культуры, правового сознания и правового воспитания: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 188–201.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_188

## MODERN THEORY ON LAW ABOUT THE RELATIONSHIP BETWEEN LEGAL CULTURE, LEGAL CONSCIOUSNESS

Elena A. Pevtsova\*

**Annotation.** *The article analyzes some stages in the development of scientific thought about the relationship between legal culture, legal consciousness and legal education from the perspective of legal theory. It has been revealed that to date, various scientific schools have interpreted these legal constructions differently, and the very fact of recognizing these concepts as legal constructions has been called into question. Attention is drawn to the fact that in certain historical periods, scientific interest in the legal structures under study was wave-like: it either faded away or arose again. The article presents the experience of organizing legal education in various regions of the country. Despite numerous discussions, the position is defended that these concepts are interconnected, are legal constructs and are included in the subject of study of the theory of state and law. The author's definitions of legal culture, legal consciousness and legal education are presented, which most effectively make it possible to reflect their interdependence and develop an effective set of measures to eradicate emerging defects and increase the level of these phenomena in real legal life.*

**Key words:** *definitions, legal consciousness, legal education, legal culture, relationship between legal education and legal culture.*

**Introduction.** For many decades now, there has been an ongoing debate among legal scholars about whether constructs such as “legal culture,” “legal consciousness,” and “legal education” are even the subject of scientific research into the theory of state and law [1, 9, 15, 16; 23, 36; 37]. It is known that the subject of any science is what its study is aimed at. Is the theory of law aimed at studying issues of legal education or legal culture? And does this science even need such a subject in modern conditions? There is a large group of supporters that these concepts are generally far from legal theorists, because they are supposedly the subject of study exclusively of pedagogy and other sciences, and most likely it is from a pedagogical point of view that they should be studied most closely.

Challenging this approach in one of the discussions several years ago, G.V. Maltsev said wonderful words: “Those who think so and express themselves in such a way, without knowing it, is showing legal nihilism.” And it’s hard to argue with such a postulate. After all, the disdainful attitude of lawyers towards important concepts that are more relevant than ever today leads to negative consequences: namely, a deep misunderstanding of the fact that the essence of the legal system of society depends on the level of legal consciousness, legal culture and legal education. We are fully convinced of this.

Since the 90s of the last century, inattention to these structures on the part of legal science has led to well-known problems: a sharp negative attitude towards laws and law, especially among young people, an increase in crime, and sophisticated methods of breaking the law. An analysis of the work of Russian schools in those years led to disappointing conclusions: 80% of high school students were distrustful of the law, the right, and considered them “a non-working mechanism recorded on paper.” At that time, teachers did not

---

\* **Pevtsova Elena Aleksandrovna** – Rector of the Russian University of National Economy named after V.I. Vernadsky, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Science and High Technologies of the Russian Federation. E-mail: pevtsova@bk.ru

have the legal competence to at least spontaneously – empirically solve emerging problems, and pedagogical knowledge was clearly not enough.

Taking advantage of the current chaos, many Western public figures offered a lot of educational literature (textbooks, educational and teaching aids) for registration to the Expert Council of the Russian Ministry of Education in order to gain direct access to the country's schools. It was then that not everyone understood that the impact of educational literature on legal consciousness can determine the actions of a maturing individual directly on many in the future. That's exactly what happened. Considerable fees forced some authors to support the ideas expressed in textbooks about the need to resist state power, allegedly defending their rights, to speak negatively about the country, law enforcement officers, defending independence and their opinion.

Corruption and bribery were openly positioned as normal phenomena of legal life. In the proposed simulators, aimed at the legal consciousness of the younger generation, the idea was clearly worked out: “everything that has been created in the country is directed against you, and you must destroy it.” Thus, legal education was subjected to ridicule and was relegated to the past as a stagnant phenomenon that must be eradicated. It is quite obvious that the inability to understand the blocks of legal consciousness of the population and the mechanism of influence on them is fraught with legal conflicts and chaos in the legal behavior of subjects of law. The very classification of legal education, legal culture and legal consciousness into the categories of legal constructs was questioned.

The New Encyclopedic Dictionary gives this definition of a legal structure [38]. This concept is understood as a certain ideal normative-legal model of reflecting reality, which is created as a result of a certain abstraction, which in turn acts as an element of legal technology. The very word “construction” (from the Latin “construction”) presupposes a structure, an arrangement of parts, and from the point of view of syntax, it is a whole united from individual units according to certain rules. Non-recognition of the phenomena under study as legal constructions means their complete oblivion in legal practice, “blind pointing out that it is they who determine the core of the legal order, and therefore the rule of law in the state. The author rejects this approach as unacceptable from a legal point of view.

Science knows examples of how neglect of certain topics did not allow solving important issues of adjusting human behavior and health. There were also some completely paradoxical cases. More than 80 years ago (in 1939), one of the inventors, an Austrian who emigrated to the United States, Dr. Wilhelm Reich, who was considered both a genius and a charlatan, discovered orgone radiation for vegetotherapy in relation to the correction of human behavior. In his book “Character Analysis,” he described a new device that could cope with mental illnesses and cancer (out of 16 hopeless patients, he saved 15), based on the concentration of powerful energy. The scientist believed that a person develops a certain shell throughout life as a way to protect the ego from dangers. The shell reduces mobility, affects the muscles and bones of the body, and does not allow the manifestation of feelings and sensations; energy does not pass through this armor, which leads to chronic diseases. However, bureaucratic disputes, tough discussions, war from opponents and financial restrictions did not give him the opportunity to introduce the device. The author of the invention was sent to prison without being given the opportunity to develop scientific ideas. And there are many similar examples. Today it is difficult to evaluate clearly known discoveries, but if they save people's lives or make it more comfortable – safer, it's probably worth thinking about it and not ignoring it.

**The degree of scientific study of the topic.** It is difficult to find a problem similar to the one stated, which has not been so actively studied over the past decades, mainly by scientists in such sciences as pedagogy, sociology, political science, even history, etc. But the study of issues of legal education, legal culture from the perspective of the theory of state and law can be divided into stages of close attention and cooling. Moreover, it is quite clearly striking that it was the development of market relations, the emergence of new values of society, starting from the 90s of the last century that threw the issues of legal culture and legal education far back. During this period, dissertations on this topic are practically not defended (only individual initiators continue to write for the academic community, without arousing any interest among lawyers, whose priority has become issues of business and civil law). The results of education are not immediately obvious, and the new society was interested in obtaining the fastest results from legal activities, primarily associated with finance.

Let us group works on the topic for the period from the end of the 19th century to the present. The classification will be based on the substantive aspect of understanding these constructs in the theory of law and state.

If we take the end of the 19th century as the basis for the classification, then the first stage will undoubtedly be the so-called pre-revolutionary one, when legal science did not consider legal consciousness, legal education and the legal culture of the younger generation and youth as an independent direction of research. Practice has shown that applied research was a priority. The theoretical foundations of these constructs were studied exclusively from the perspective of criminal law or socio-psychological aspects. Such approaches are visible when reading the books of Yu.S. Gambarov, B.A. Kistyakovsky, N.M. Korkunova, I.V. Mikhailovsky, S.A. Muromtseva, L.I. Petrazhitsky, G.F. Shershenevich, B.N. Chicherin and others.

Yu.S. Gambarov, for example, viewed law not as a coercive force, but as a certain motive that influences the will of a person. According to his ideas, law, as a part of society, should be studied exclusively within the framework of the possibility of practical use in real life. In his understanding, law is everything that is not sanctioned by coercion. The theoretical element of law determines what happens in human relations. This means that it can influence the behavior of the subject, that is, the ideas of the existence of the educational function of law are obvious.

After the events of 1917, jurisprudence began to rethink many concepts related to legal culture, legal consciousness, and legal education, and the works of S.A. Golunsky, I.P. Razumovsky, M.A. Reisner, P.I. Stuchki, N.P. Fioletova, M.A. Cheltsova-Bebutova and others. So, S.A. Golunsky, formulating a new understanding of legal norms from the position of a socialist approach, focused on the need for new ideas about educating people capable of implementing these norms. I.P. Razumovsky began to develop issues of the relationship between law and ideology, which directly led scientists to understand the new essence of legal education.

In the Soviet period, after the war, definitions of these concepts were formulated, which is reflected in the works of S.S. Alekseev, who always formulated complex legal structures simply and with masterly ease. During this period, the works of K.T. Belsky, A.Ya. Berchenko, N.A. Bury, N.L. Garnet, D.A. Kerimova, N.I. Kozyubry, V.N. Kudryavtseva, E.A. Lukasheva, G.V. Maltseva, A.V. Mitskevich, V.V. Oksamytny [39], I.F. Ryabko, N.Ya. Sokolov [58; 59], E.A. Chefranova, V.A. Shchegortsova and others. Scientists have clearly defined the regulating influence of legal consciousness on people's behavior. As part of the study of

these structures, issues of the role of law and morality in the development of legal consciousness and legal culture were considered. Attention was paid to the study of defects in legal consciousness, as well as the correction of those individuals in whom such changes in legal consciousness were identified.

In the works of I.F. Pokrovsky, D.A. Potopeyko, I.E. Farber touched upon the issues of the relationship between individual and social legal consciousness, its structure, and connections with the social environment. A.R. Ratinov drew attention to the definition of the functions of legal consciousness, which made it possible to connect these structures with each other.

A certain boom in the study of the topic is obvious in the 60s of the twentieth century. During this period, a lot of work appeared on the organization of legal propaganda, questions were raised about improving the mechanism of legal regulation in the country in relation to the legal education of school youth. (A.D. Boykov, G.P. Davydov, A.I. Dolgova, G.M. Minkovsky, V.V. Tishenko and others.). In the 60–70s of the last century, legal education became a separate and quite fashionable object of legal research from the perspective of legal theory. V.V. Tishenko, based on numerous examples of Soviet propaganda, proves that legal education is the subject of the theory of the sovereign and law.

The authors, discussing this, propose to distinguish legal pedagogy and educational jurisprudence as independent areas of knowledge. The term “legal pedagogical activity” also appears. It is proposed that its object be identified as a person as a bearer of a certain legal culture and an object of legal education (I.F. Ryabko). From the standpoint of today, such an approach can be considered somewhat unjustified, because practice has proven that, acting only as a subject in subject-subject relations, it is possible to achieve an effective result of legal educational activities. In such relations, Man himself acts as an active participant in legal reality, and not as a passive contemplator.

Since the 90s of the twentieth century, interest in the topic begins to decline sharply and practically disappears. In journalistic articles, very harsh remarks are made about legal education, and its developed forms are recognized as archaic and discarded altogether.

However, young scientists who receive instructions from their teachers about the need to study these phenomena from the perspective of jurisprudence, boldly take on the study of issues of legal consciousness and legal culture, legal education. This is how dissertations appear (T.M. Pochtar, I.A. Krygina, V.M. Boer [14], etc.), in which the problems are supported and developed from being completely ousted from the field of view of science.

Attempts are being made to study the legal consciousness of certain social and professional groups: judges, lawyers, civil servants (G.A. Golubeva, O.G. Shapiev and others). Interdisciplinary studies by N.E. are also appearing. Borisova, P.A. Dorokhova, V.I. Novoselova, V.M. Syrykh, V.I. cases on educational law, juvenile law. In practice, attempts are being made to develop new regulatory legal acts, as well as an educational code.

At the beginning of the 20th century, an interesting trend emerged. Its essence was that issues of legal consciousness, legal education and the formation of a legal culture began to be resolved at a fairly rapid pace in real practice, that is, empirically. At the same time, fundamental and even applied jurisprudence began to clearly lag behind. At first it seemed that all this was due to the lack of a sufficient number of professional young legal scholars, and the interest of seasoned professionals in the topic disappeared due to the rapid pace of development of applied legal sciences related to the real sector of the economy. Issues of legal theory seemed to be of secondary importance. Proof of this was the emasculation of theoretical legal disciplines from the curricula of newly created law faculties and

universities, which “grew” like mushrooms. All this led to the fact that the rapidly changing legislation, which trained lawyers learned, was difficult to perceive and understand for those who did not study and understand the theoretical issues of state and law sufficiently.

We immediately recalled the years of the Middle Ages, when even in the Encyclopedia of Law of the German public figure Ringelberg (1541), the importance of knowledge of theoretical issues of law and state at the very first stages of training lawyers and their new understanding at the last stages was emphasized. This is how the lawyer mastered competencies, as if in a spiral, increasing his knowledge base. Years later, it became clear that scientists of that time were simply adapting to the political situation, trying to choose topics for study that would allow them to quickly develop their business. The country needed professional lawyers, which the market lacked. But while a huge number of lawyers were being trained, the quality of legal education left much to be desired. And, of course, issues of legal education, legal culture and legal consciousness were primarily left out of cognition.

During that period, different regions of the country created their own schools for developing models of legal education and forming legal consciousness. What's interesting is that they were very different. There was no general model or scientifically based concept for the implementation of legal educational activities. Science seemed to lag behind practice. Quite a few teams emerged, each of which proposed its own model for implementing legal education. At the level of regional authorities, local concepts and models of legal education and the formation of the legal culture of children and youth began to be created. Many of them were weak, were not based on scientific achievements (there was simply no time to analyze them), and therefore were of little effectiveness in practice.

At the same time, emerging new scientific schools began to make themselves known on a large scale.

For example, the St. Petersburg school, headed by Doctor of Pedagogical Sciences Natalya Eliasber, developed the ideas of a value-based approach to law and the implementation of new aspects of moral and legal education. It is no coincidence that this approach was called ethical and legal.

Other ideas united human rights activists, who were inspired by Vsevolod Lukhovitsky, who proposed including the study of human and civil rights in various humanitarian disciplines of the general education system. This affected the Russian language, literature, and history, where ideas and mechanisms for protecting the rights and legitimate interests of individuals were worked out on specific texts. Many technologies were borrowed from Eastern European countries, where similar courses were widespread.

Undoubtedly, this approach intensified the learning process and made it more practical. But it also had several disadvantages from the position of legal science. The teams of authors had no legal education at all, which led to errors and incorrect interpretations of legal structures, and also made it difficult to correctly assimilate them for use in real practice. In addition, sometimes a human rights approach was very aggressive, calling for a sharp confrontation with state power.

A separate model within the framework of a new understanding of law and the formation of legal culture was proposed by the author, when a whole set of textbooks is created, in which the need to form a legal culture of children from a very early age is scientifically substantiated, taking into account the understanding that law is not violence and a means of punishment, but This is the force that allows an individual to become successful in his state. Standardization of education made it possible to legally consolidate the necessary legal didactic units, which contributed to the formation of the legal culture of the younger genera-



tion. It is no coincidence that a course called “Law. Fundamentals of legal culture”. A separate area of scientific research called “legal education” is emerging. Legal educational activities based on scientific approaches are beginning to show their effectiveness.

An independent direction proposed by Ya.V. Sokolov integrated the solution of issues of legal education and the formation of legal culture into civics courses. Interactive mechanisms were proposed that allow a citizen from childhood to show his social activity in society, to participate in solving various issues of the social environment in which the child was immersed at one or another stage of his growing up. Gaming technologies, which students liked, began to be included in legal education methods.

As part of the active work of the Russian Foundation for Legal Reforms (RFLR), work is being developed with teachers and heads of educational organizations to introduce law courses in high schools. This movement was fiercely opposed by bureaucratic approaches and the reluctance of many to strengthen competently structured work on legal education. This struggle has been going on for decades and, alas, has not stopped at the present time, when law courses have simply been withdrawn from high school due to the lack of hours for separate legal training.

Interest in the topic has been awakening even more since the beginning of the 2020s. For the first time in many years of its existence, the federal law “On Education in the Russian Federation” [1] introduces norms that establish the need to organize targeted educational work. New work programs and calendar plans for educational work appear. Someone may notice that this has always been the case in Soviet schools and the new norms are not so new. However, this is not quite true. The neglect of education led to chaos, primarily from a legal point of view in its perception. There were no legally established requirements for educational activities with students.

The need for organizing legal education and the formation of a legal culture in connection with the SVO (special military operation) and the unfolding sanctions against Russia is becoming especially noticeable. New course of the President of the Russian Federation V.V. Putin’s efforts to renew the country, move away from a monopolar world, orient the country towards special attention to issues of education and faithful behavior of citizens. Finally, after such a colossal period of oblivion, the topics of legal culture, legal consciousness and legal education are becoming central in scientific research. The idea of traditional values as the new ideological basis of the state and even of all humanity is also being consolidated. Many scientists argue that it is traditional values that can constitute an alternative to globalism.

From the perspective of the theory of state and law, the theoretical and legal aspects of the modern legal consciousness of people are studied using the example of various countries (E.T. Zhyrlykasymov [29]), certain categories of the population (O.V. Leshchenko [34]).

Some works attempt to define the legal culture of society from the perspective of the modern digital world (L.O. Makarenko) [36]. The authors derive a formula for the dependence of legal awareness on legal consciousness (R.A. Osipov) [40], determine the relationship between legal consciousness and the implementation of law (A.N. Frolov) [62].

It is worth welcoming the revival of the issues of studying professional legal consciousness and legal culture, the ideas of which were started by the famous lawyer in this area N.Ya. Sokolov back in the distant Soviet years (O.V. Chikalov [65], etc.). In recent years, legal consciousness and legal culture have begun to be studied in relation to the development of a digital society (N.N. Popova).

**The essence of constructions from the perspective of legal theory.** If you try to count the number of definitions that scientists have given to such legal constructs as “legal education”, “legal consciousness”, “legal culture”, then their number with different approaches can exceed 200. There are not just a lot of them, they are multi-polar and are understood absolutely according to -different. How to define this: as a kind of collapse in science or debatable opinions that give rise to something new? After all, science cannot develop quickly if its scientists do not agree on some kind of unification of understanding of terminology. I don't think that's the issue. The point is that each researcher tries to look at this construct from one specific side and the lack of understanding of the relationship between the three constructs from the perspective of the theory of state and law leads to some chaos in assimilation and comprehension. Among students studying the theory of state and law in their first years at universities, there is an opinion that these questions are not even worth studying properly – they are already understandable, and in an exam they can easily be answered without any special preparation, since they do not have clear design. This postulate is clearly incorrect, and it will be proven below.

The author does not set the task of presenting all the definitions in the article and giving them an analysis; they are too diverse and it is clear that the scientist gives them a definition based on the assigned tasks in the research process. However, the too different scatter of definitions from approximately the same perspective clearly dictates the need to give clear understandings of the original formulas, which should be equally understood in legal science, precisely from the position of the theory of state and law. These elementary formulas will be especially useful for novice lawyers.

So, the most common in the theory of state and law are the following definitions of these legal structures.

“Legal culture is the level of development of legal consciousness in society, compliance with legal norms by each member of society, guarantee of rights and freedoms in society” [46] – this is how it is proposed for all students to understand the construction of legal culture in the open spaces of the Internet. It is obvious that the words included in the explanation of the term indicate the connection between the constructs being studied, but this interdependence is not entirely accurately shown. Thus, it seems that equating legal culture with the level of development of legal consciousness is not entirely correct. After all, legal culture manifests itself exclusively in the behavior of people or their associations, and cannot be determined without active or passive actions of subjects of law. These constructions are clearly not identical in this sense.

Researchers of the topic define the construct “legal consciousness” as a form of social consciousness that contains the subjective attitude of an individual to legal reality and is manifested in socially significant actions and deeds of a person (Yu.K. Pogrebnaya [47]). The expanses of virtual reality are again replete with this definition. Once again there seems to be some chaos in the minds of those who are trying to understand the basics of legal constructions. If legal consciousness manifests itself in actions, then what is legal culture in this context?

Legal education in scientific works of recent years is generally weakly interconnected with the consideration of legal culture and legal consciousness. Within the framework of legal theory, they are generally silent about this, and only pedagogical research shows the importance of organizing such activities, starting from a very young age (T.N. Sorokina). Legal education from a legal point of view is defined as a purposeful constant influence on a person with the aim of developing a legal culture and active lawful behavior. On the open

## Theory of State and Law

---

Internet, the idea is clearly promoted that a person needs legal knowledge in life, he must be taught to respect and comply with the laws. A narrow approach to understanding legal education is highlighted, which is associated with work in relation to specific subjects of law or socio-demographic groups (for example, older schoolchildren).

In general, we must never forget that legal education is a component of the ideological function of the modern state. And state policy determines the content of this purposeful work. Legal information is transmitted using special means, forms and methods of broadcasting, which must take into account existing patterns. I would like to emphasize that the state must necessarily have a separate legal educational function as a systemic activity, which many theorists of state and law have been talking about for more than 15 years in scientific research.

The subjects of legal education are various authorities. During the Soviet period, one of the prominent subjects of legal educational work was the Ministry of Justice, and only then the Ministry of Education. Currently, the emphasis has changed, but the management of legal educational influence should always remain within the competence of the authorities. At the same time, active interaction with civil society institutions (public associations, family, religious organizations, trade union organizations, etc.), whose activities correspond to national interests in the field of crime prevention, is mandatory. The population of the country is declared as the object of legal education. However, the new world that humanity has entered in this century emphasizes the importance of subject-subject interaction, translating the understanding of the object into the subject of legal education.

**New understanding of legal structures.** The digitalization of public life, the key trends of the VUCA – the world, influencing each of us, cannot but make adjustments to the understanding of these structures, which it is important to agree to understand unambiguously from the beginning in order to make breakthrough discoveries in this direction.

*Firstly*, it is necessary to clearly define in relation to whom these constructions are being considered (youth, children, and maybe certain professional communities, for example, employees of internal affairs bodies or judges). A special place is occupied by such a category of people as school youth. Why? Yes, because it is during this period of personal growth that it is most easy, taking into account the sensitive zones of human development and his mental properties, to form the necessary content of these structures.

*Secondly*, it is necessary to clearly understand that each construct is independently a relatively isolated category, which, meanwhile, is in a clear relationship with each other. Changes in one design entail changes in the other. This is why it is important to agree on an understanding of the key content of each construct.

*Thirdly*, it is necessary to approach these concepts not from the position of a descriptive approach, but from the position of a constructive approach that allows one to measure their constituent elements. This is important for taking effective measures to prevent defects and develop the necessary content of internal components.

These stated postulates allow us to make the following elementary definitions of the above structures from the position of the theory of state and law.

Legal consciousness is a form of social consciousness, which is a set of views, beliefs, moods, emotions, feelings about law and its role in the development of society. As can be seen from this definition, we should not be talking about behavior or actions in reality, but we should focus specifically on the internal comprehension of the individual's consciousness. It can be individual (belongs to a specific person), group (for example, among school youth) or collective among the entire population of the country. In the structure of legal

consciousness, it is important to see from the position of a descriptive approach two components: psychological and ideological spheres and levels: scientific-theoretical, practical and everyday.

A constructive approach to understanding legal consciousness allows us to figuratively divide it into spheres of orientation, experience and motivation, each of which receives quantitative and qualitative assessments during the research process. And their totality gives a complete picture of the state of legal consciousness. This, in turn, makes it possible to more clearly develop and propose for rule-making ways and means of crime prevention, ensuring the legitimacy of the behavior of subjects of law in real legal life.

The leading components of the sphere of orientation are relatively independent blocks of legal consciousness, which include: the logical-normative block, the emotional-figurative block and the fundamental-volitional block. It is their condition, which is studied in the process of sociological research that determines the level of legal consciousness and legal culture. The components mentioned above may actually contradict each other. And this entails instability of the legal behavior of subjects, and, therefore, requires systematic work on legal education.

Legal consciousness is a component of legal culture. It differs from it in that it manifests itself in the actions and actions of subjects of law. And no matter what definition of legal culture is given (there really are many), it is important to understand that it is associated with the legal consciousness of people, but makes itself felt only in real legal life.

Legal culture is the totality of legal knowledge, emotions and feelings accumulated by human civilization, expressed exclusively in the lawful actions of an individual. From the perspective of legal theory, unlike sociology, unlawful acts cannot be included in the content of legal culture. As mathematicians put it, legal culture is the sum of such components as legal consciousness plus real lawful behavior, as well as activities aimed at forming legal consciousness in a rule-of-law state [22; 71].

And, finally, legal education is what connects the two previous concepts, for it is the means by which their content is formed.

**Conclusions.** The conducted research allowed us to conclude that:

*firstly*, legal education, legal consciousness and legal culture are legal constructs; they represent an independent subject of the theory of state and law. Their deep knowledge from a legal point of view provides potential opportunities for professional management of issues of establishing law and order and legality in the state, preventing crimes in the future;

*secondly*, legal culture, legal consciousness and legal education are closely interconnected. At the same time, legal consciousness can be considered as a component of legal culture, it is already in comparison with it, and legal education is a set of measures and mechanisms that have an active influence on the first two concepts;

*thirdly*, these structures are not static, they are subject to change, and therefore it is important to study them from the position of a constructive approach, examining the constituent blocks and elements using quantitative and qualitative indicators. These studies are carried out in the form of monitoring the state of legal culture and legal consciousness of society, based on specially designed questionnaires using methods of mathematics and sociology of law (questioning, interviewing).

The logical-normative block, which demonstrates the level of legal awareness and training of subjects, deserves close attention; emotional-figurative, showing the attitude towards law and laws, and motivational, reinforcing the mechanism of people's behavior in

legal life. It is measurability with the help of sociological methods of law that allows us to build quantitative and qualitative indicators of the state of legal consciousness (namely legal ideology and legal psychology), their influence on legal culture (that is, how they manifest themselves in behavior), in order to determine the most effective mechanism of legal education.

Such elementary postulates can become the basis for the formation of complex mechanisms of legal reality aimed at developing the legal system of society along the path to progress, based on traditional Russian values, which will ensure the leadership of the Russian state in all spheres of society.

### Bibliography

1. Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ (as amended on December 25, 2023) "On Education in the Russian Federation" (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2024) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
2. Agapov D.A. Legal culture as an element of civil society // *Legal culture*. 2007. No. 1 (2). Pp. 10–14.
3. Agranovskaya E.V. *Legal culture and ensuring individual rights*. Moscow: Nauka, 1988. 142 p.
4. Akimova T.I. Legal propaganda as a way of forming positive elements of legal consciousness that determine the indicator of loyalty of legal consciousness // *Modern current issues of state, law and legal education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Internet Conference*, November 1, 2004. Tambov: Pershina, 2004. Pp. 66–71.
5. Arsenyeva A.G. *Moral and legal culture and its formation among internal affairs employees: Author's abstract. diss. ...cand. legal Sci.* St. Petersburg, 1996. 19 p.
6. Akhmetov A.S. Problems of forming the legal culture of modern society // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2017. No. 3. Pp. 18–22.
7. Bainiyazov P.S. *Legal awareness and legal mentality in Russia*. Saratov: Syul MIA of Russia, 2008. 212 p.
8. Bainiyazov P.S. *Legal awareness and Russian legal mentality* // *Jurisprudence*. 2000. No. 2. P. 31–40.
9. Barinov E.E. *Municipal legal culture of Russian society: current state and main directions of development* // *State power and local self-government*. 2021. No. 7. Pp. 28–32.
10. Barkanov A.A. *Cultural and educational function of the modern Russian state. Author's abstract. diss. ...cand. legal Sci.* Moscow, 2007. 28 p.
11. Baumova M.G. *Functions of legal culture. Author's abstract. diss. ...cand. legal Sci.* N. Novgorod, 2005. 27 p.
12. Belyaev V.G. *Legal culture in civil society* // *Legal culture in Russia at the turn of the century: Materials of the All-Russian Federation. scientific-theoret. conf.* (Feb. 16–17, 2001). Volgograd, 2001. 239 p.
13. Bessarabov P.A. *Legal socialization and legal education* // *Philosophy of Law*. 2010. No. 4. P. 118–122.
14. Boer V.M. *Legal awareness and the formation of a person's legal culture (issues of theory). Author's abstract. diss. ...cand. legal Sci.* St. Petersburg, 1993. 22 p.
15. Bondarev A.S. *Legal anticulture in the legal space of society: Monograph*. Perm, 2006. 191 p.
16. Bondarev A.S. *Legal anticulture: concept and forms of expression* // *Legal culture*. 2007. No. 2 (3). Pp. 4–15.
17. Bondarev A.S. *Legal responsibility and irresponsibility of the side of legal culture and anti-culture of subjects of law*. St. Petersburg, 2008. 185 p.
18. Bugaenko Yu.Yu. *Legal culture in modern Russia: Diss. ...cand. Philosopher Sci.* Krasnodar, 2007. 23 p.
19. Volkova N.S. *Education as a nationally significant activity: legal aspects* // *Journal of Russian Law*. 2023. T. 27. No. 11. P. 26–37.

20. Voplenko N.H. Legal awareness and legal culture: textbook. allowance. Volgograd, 2000. 52 p.
21. Vorontsova I.V., Dolotina R.R., Suleymanova A.Sh. Material and procedural aspects of legal regulation of the state of legal capacity of a person when assessing his consciousness and elements of the psyche // Bulletin of civil process. 2022. T. 12. No. 6. P. 43–64.
22. Galiev F.Kh., Komarov S.A. Rule of law and legal culture: interrelation and interdependence: article // Legal science. 2016. No. 6. P. 5–10.
23. Grammatikov V.V. The nature of the deformation of professional legal consciousness (using the example of advocacy) // Current problems of Russian law. 2020. T. 15. No. 5. P. 19–27.
24. Grafsky V.G. On the uniqueness of Soviet legal culture // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2011. No. 4. P. 130–152.
25. Groshev A.B. Functions of legal consciousness in the mechanism of criminal legal regulation: Abstract of dissertation. ... doc. legal Sci. Ekaterinburg, 1997. 61 p.
26. Degtyareva M.V. Counterculture in the structure of Russian culture in the 20th century. Abstract of dissertation. ...cand. cultural studies. Krasnodar, 2005. 19 p.
27. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. On the formation of the legal culture of youth in Russia and Belarus // Sociological Research. 2006. No. 10 (270). Pp. 71–77.
28. Ilyin I.A. On the essence of legal consciousness. Moscow: TOO "Rarog", 1993. 234 p.
29. Zhyrlykasymov E.T. Theoretical and legal aspects of modern legal consciousness of citizens of the Republic of Kazakhstan. Diss. ...cand. legal Sci. Bishkek. 2020. 174 p.
30. Kalandarishvili Z.N. Deformation of the legal consciousness of young people and legal ways to overcome it. Monograph. St. Petersburg, 2005. 155 p.
31. Karpunina V.V. Legal anticulture. Author's abstract. diss. ... cand. legal Sci. Vladimir, 2011. 26 p.
32. Keizerov N.M. Political and legal culture: methodological problems. Moscow, 1983. 229 p.
33. Lazarev V.V. Legal science in the light of digitalization prospects // Journal of Russian Law. 2023. T. 27. No. 2. P. 5–19.
34. Leshchenko O.V. Legal consciousness of juvenile convicts held in isolation from society: issues of theory and practice. Diss. ...cand. legal Sci. Kursk 2017. 219 p.
35. Malikov E.Yu. The value-normative function of legal culture and its role in the formation of the conscientious exercise of subjective civil rights and the performance of duties // Legal Concept (Legal Paradigm). 2017. T. 16. No. 1. P. 21–27.
36. Makarenko L.O. Theoretical and methodological aspects of knowledge and formation of legal culture. Kyiv. 2019. 441 p.
37. Nekrasova E.V. Trends in the development of legal regulation of the participation of third parties in raising children in the countries of the European Union // Family and housing law. 2019. No. 3. Pp. 12–14.
38. New Encyclopedic Dictionary. Moscow, 2000. 1455 p.
39. Oksamytny V.V. Lawful personal behavior: theoretical and methodological problems. Diss. ... doc. legal Sci. Kyiv, 1990. 374 p.
40. Osipov R.A. Legal awareness and legal consciousness of citizens. Author's abstract. diss. ...cand. legal Sci. Saratov. 2018. 26 p.
41. Pavlov O.F. Professional legal culture in the field of law enforcement (using the example of police officers). Author's abstract. diss. ...cand. legal Sci. N. Novgorod, 2005. 29 p.
42. Pevtsova E.A. Functions of legal consciousness of students: state and problems of development // Lex Russica (Russian law). 2006. T. 65. No. 5. P. 873–892.
43. Pevtsova E.A., Sokolov N.Ya. Legal education in Russia: status, problems and development prospects. Moscow, 2019. 272 p.
44. Pevtsova E.A. Educational relations as an object of legal regulation in the modern world (theoretical and legal view) // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. 2021. No. 3. P. 26–38.
45. Petrov V.R. Deformation of the legal consciousness of Russian citizens: dissertation. ...cand. legal Sci. N. Novgorod, 2000. 222 p.

46. Legal culture in Russia at the turn of the century: Materials of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference / ed. N.N. Voplenko. Volgograd, 2001. 239 p.
47. Pogrebnaya Yu.K. Legal consciousness of modern Russian society (issues of theory and research methodology): diss. ...cand. legal Sci. Moscow, 2011. 187 p.
48. Romashov R.A. National legal culture of Russia: traditions, values, technology / Legal technology. 2016. No. 10. P. 49–52.
49. Salnikov V.P. Legal culture: theoretical and methodological aspect: diss. ... doc. legal Sci. Leningrad, 1990. 402 p.
50. Safronov A.A. Legal culture of the individual in the mechanism of sustainable development of the Russian state (theoretical and methodological analysis). Author's abstract. diss. ...cand. legal Sci. Rostov-on-Don, 2005. 27 p.
51. Semitko A.P. Development of legal culture as legal progress (problems of theory and methodology). Author's abstract. diss. ... doc. legal Sci. Ekaterinburg, 1996. 36 p.
52. Senin I.N., Kozhevnikov V.V. Legal nihilism as a social phenomenon. Monograph. Omsk, 2005. 167 p.
53. Sinyukov V.N. Russian legal system. Introduction to general theory. 2nd ed., add. Moscow, 2010. 670 p.
54. Sklifus S.V. Legal awareness and legal culture of civil society as a source of development of the Russian state // State power and local self-government. 2021. No. 9. Pp. 13–15.
55. Slavova N.A., Chvyakin V.A. Legal culture as a factor in the effective development of society and the state // State power and local self-government. 2019. No. 6. Pp. 11–16.
56. Smolensky M.B. Legal culture and the idea of statehood // State and Law. 2009. No. 4. P. 15–21.
57. Snashkov S.A. Trends in the development of legal culture of modern Russian society // International scientific research journal. 2022. Issue. No. 2 (116). Pp. 56–61.
58. Sokolov N.Ya. Professional culture of lawyers (based on the results of a sociological study). Scientific and practical manual. Moscow, 2007. 64 p.
59. Sokolov N.Ya. Professional consciousness of lawyers. Moscow: Nauka, 1988. 222 p.
60. Sokolskaya L.V. Concept and signs of legal acculturation // LEX RUS SICA (Scientific works of Moscow State Law Academy). 2009. T. 68. No. 3. P. 557–569.
61. Sorokin V.V. Legal awareness in the transitional period of social development // Journal of Russian Law. 2002. No. 10. P. 59–70.
62. Frolov A.N. The mechanism of influence of transformed legal consciousness on the content and implementation of law in modern Russia: dissertation. ...cand. legal Sci. Nizhny Novgorod. 2018. 284 p.
63. Khachaturov R.I. Formation of legal culture in the conditions of the formation of civil society in Russia: abstract. diss. ...cand. legal Sci. Kazan, 2005. 25 p.
64. Tsaliev A.M. On the relevance of improving legal education and legal education as the basis for the behavior of legal consciousness in the light of constitutional innovations // Constitutional and municipal law. 2023. No. 1. P. 58–59.
65. Chikalov O.V. Types of professional legal consciousness: abstract. diss. ...cand. legal Sci. Moscow, 2023. 199 p.
66. Shapovalov I.A. Some theoretical aspects of the formation of Russian legal consciousness // State and Law. 2005. No. 4. P. 84–90.
67. Sharandina N.L. Digital economy and the formation of tax culture: legal aspect // Financial law. 2019. No. 10. P. 25–32.
68. Yurashevich N.M. Legal awareness and law: commonality and differences // State and law. 2005. No. 7. P. 69–74.
69. Yakovlev M.V. Professional legal culture: theoretical and legal research (on the example of military personnel of the National Guard of the Russian Federation: abstract of thesis... candidate of legal sciences. Saratov. 2021. – 27 p.

70. Yakushin A.B., Khrisanova E.G. Legal education of the population: monograph. N. Novgorod, 2003. 192 p.

71. Conciencia juridica y cultura juridica de los ciudadanos rusos: formulacion teorica y juridica del problema: article // Vorobyov S.M., Zotova N.V., Komarov S.A., Kurmaev R.M., Leshchenko O.V. // Dilemas contemporaneos: educacion, politica y valores // <http://www.dilemascontemporaneoseducacionpoliticayvalores.com/> Aco: VII Numero: Ediciyn Especial Artículo №: 108 Periodo: Noviembre, 2019. DOI: <https://doi.org/10.46377/dilemas.v30i1.1092>

---

**For citation:** Pevtsova E.A. Modern theory of law on the relationship between legal culture, legal consciousness and legal education: article // Theory of State and Law. 2024. No. 1 (35). P. 202–214.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_188



## Научная статья

УДК 34.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_215

Какие шаги следует предпринять сегодня, если допустить, что эксперимент будет успешным?

Алан Тьюринг

А.А. Петрунина \*

## ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

**Аннотация:** Статья посвящена рассмотрению вопроса о формировании концепции правового регулирования нейронных сетей в условиях современных вызовов. Описывается процесс работы нейронных сетей, анализируются существующие доктринальные подходы к ключевому понятию, рассматриваются риски использования в юридической деятельности. На основе особенностей технического аспекта развития новых технологий делается вывод о необходимости комплексного подхода к разработке правового регулирования процесса использования нейронных сетей.

**Ключевые слова:** нейронная сеть, нейрон, программное обеспечение, риски, правовое регулирование.

**Введение.** О сходстве механизма работы человеческого мозга и электронно-вычислительных машин говорили ещё Джон фон Нейман и Алан Тьюринг. Учёными предлагалась архитектура работы мощнейших компьютеров, в основе которой лежал алгоритм функционирования биологических нейронных сетей. В XXI веке идеи учёных получили новый виток развития.

В условиях цифровизации экономики перед человеком появляется задача: обработать и проанализировать Большие данные за сравнительно небольшой промежуток времени. На базе технологий активно развиваются системы автоматизированного сбора и оценки информации [7], используемой для поиска решений различных, в том числе – маркетинговых задач.

Искусственные нейронные сети сегодня – популярный продукт на рынке. Но, несмотря на скорость развития технологий, единого подхода к правовому регулированию их использования до сих пор не разработано. Основными вопросами, на которые ищут ответ юристы, являются: «Как определить понятие «искусственная нейронная сеть?»»,

---

\* **Петрунина Алена Анатольевна**, студент Юридического института Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева. E-mail: petrunina1303@mail.ru

Научный руководитель – **Спирин Михаил Юрьевич**, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), председатель Самарского регионального отделения Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: smy@samaradom.ru

«Какие существуют риски при использовании нейронных сетей и как их минимизировать?», «Где баланс между свободой развития технологий и необходимостью контроля за ними?» и др.

Прежде чем ответить на поставленные вопросы, необходимо рассмотреть механизм работы искусственной нейронной сети.

**Технический аспект.** Основным структурным элементом нейронной сети является нейрон. На каждом входе принимается информация, которая затем оценивается с помощью весовых коэффициентов и отправляется на выход нейрона, таким образом нейрон передаёт сигнал дальше по сети.

Для решения сложных задач используются глубокие нейронные сети. В отличие от простых нейронных сетей, в них используются скрытые слои, служащие для более тщательной обработки информации. В самом общем виде их процесс работы можно описать следующим образом: информация (данные, изображение) попадает на входной слой, после этого в скрытых слоях происходит анализ и на выходном слое оператор получает решение.

Одним из самых простых представляется процесс распознавания лиц, в котором выделяются несколько этапов.

1. Обнаружение лица на фотографии и обработка изображения.
2. Помещение полученного изображения на входной слой нейронной сети и его анализ: выделение узловых точек, вычисление расстояния между ними и создание уникального вектора признаков.
3. Преобразование вектора в цифровой код – систему условных обозначений (нулей и единиц), используемую для представления информации.
4. Поиск совпадающих частей анализируемого кода с информацией, уже находящейся в базе данных.
5. Вычисление вероятности совпадения анализируемого кода с информацией из базы данных.
6. Получение результата совпадения.
7. Вывод результата на выходной слой нейронной сети, сохранение информации в базе данных и получение результата оператором.

Следовательно, работа нейронной сети представляет собой последовательность действий, которые направлены на приём и обработку с последующим получением результата. При этом, нейронные сети не могут считаться полноценным искусственным интеллектом. Ключевое отличие заключается в процессе принятия решения: искусственный интеллект не зависит от пользователя, а нейронные сети применяются лишь как алгоритм, позволяющий выявлять определённые закономерности и делать выводы на их основе [3].

Таким образом, с технической точки зрения, нейронная сеть представляет собой последовательность нейронов, которые обрабатывают поступающую информацию и выводят результат на экран оператора по определённой схеме.

**Подходы к определению понятия «нейронная сеть».** Легального определения нейронных сетей на сегодняшний день не существует, при этом в науке сложились различные точки зрения на этот вопрос.

Так, И. А. Филипова считает, что под нейронной сетью следует понимать математическую модель с её программным (или аппаратным) воплощением, построенную по принципу организации и функционирования биологических нейронных сетей, состоящую из искусственных нейронов [10, с. 12].

По мнению А. И. Галушкина, искусственная нейронная сеть представляет собой высокопараллельную динамическую систему с топологией направленного графа, которая получает выходную информацию посредством реакции на входные воздействия [4, с. 27].

Л. Г. Ефимова предполагает, что нейросеть – это электронный агент, который был разработан с помощью метода программирования, смоделированный на основе концепции человеческого мозга [11, с. 131].

Рати Шубхам полагает, что искусственные нейронные сети можно рассматривать как взвешенные ориентированные графы, в которых искусственные нейроны являются узлами, а направленные ребра с весами – связями между выходами нейронов и входами нейронов [13, с. 2]. При этом они отличаются от компьютерных программ своим стилем обучения (путём подачи в них данных), они способны к изобретательскому результату.

Лорен Фоссет отмечает, что нейронные сети – это, по сути, математические модели обработки информации. Они являют собой метод представления взаимосвязей, который сильно отличается от машин Тьюринга или компьютеров с сохранёнными программами [12, с. 16].

Рассмотренные определения можно условно разделить на две категории: понимание с точки зрения программирования (Р. Шубхам, А. И. Галушкин, Л. Г. Ефимова) или математики (Л. Фоссет, И. А. Филипова).

На наш взгляд, при формировании легального определения стоит исходить из того, что нейронные сети являются основой программного обеспечения, лежащего в основе функционирования «электронных помощников-консультантов». Поэтому предмет правового регулирования следует считать «внешнюю оболочку» математической модели, на основе которой функционирует нейронная сеть.

Таким образом, нейронную сеть можно определить как программу для ЭВМ, позволяющую обрабатывать информацию по заданному алгоритму на основе выявляемых ею закономерностей.

**Анализ рисков.** С одной стороны, нейронные сети могут значительно улучшить качество и эффективность различных процессов, в том числе в юридической практике. С другой стороны, их использование может вызвать определённые проблемы, связанные с правами и свободами человека, прозрачностью принятия решений и безопасностью данных. В системе менеджмента качества (ISO 90001) для оценки процессов используется категория «риск». В зависимости от степени влияния того или иного риска зависит итоговое решение по поводу обоснованности и безопасности внедрения того или иного продукта в дальнейшую деятельность организации [5].

В связи с этим в целях анализа вызовов для юридической сферы можно выделить следующие группы рисков использования нейронных сетей.

*Во-первых*, нарушение конституционных ценностей при использовании искусственных нейронных сетей. Риск заключается в информации, используемой при обучении нейронной сети. Например, для настройки системы распознавания лиц используются изображения людей, что может вызвать проблемы с защитой персональных данных [8; 9]. Использование нейронных сетей может повлечь за собой нарушение прав на приватность, свободу выражения мнения и право на равенство, поэтому необходимо ограничивать перечень материалов, на которых обучается нейронная сеть.

*Во-вторых*, нарушение материальных норм при принятии решения нейронной сетью и т.н. «слепое доверие» в правоприменительной практике. Нейронные сети обучаются на большом массиве данных, и, в зависимости от настройки чувствительности, принимаемые решения кардинально отличаются. Одновременно с этим, алгоритм, использующийся в нейронных сетях, является линейным, то есть ограничен в своих возможностях и не способен учитывать все факторы, которые могут влиять на решение задач. Поэтому в определённых сферах (например, при разрешении спора в суде) потенциально возникает угроза нарушения прав и законных интересов участников процесса. Помимо этого, нейронная сеть выводит на экран только результат обработки информации без правового обоснования. При дальнейшем использовании ответа такого «помощника» необходима его дополнительная проверка квалифицированным специалистом.

*В-третьих*, нарушение принципов судопроизводства при принятии решения. Риск связан с сущностью нейронной сети, основанной на алгоритмах и особенностях её настройки. Для обучения нейронной сети используются различные методы, но их суть сводится к контролируемой обработке исходного массива данных. В дальнейшем решения, принимаемые нейронной сетью, зачастую оказываются или сбором уже имеющейся в базе данных информации, или категорией «хорошо или плохо», заложенной оператором при обучении. Это приводит к тому, что автоматические системы принимают решения, которые будет трудно объяснить и обосновать с помощью действующего законодательства, что, в свою очередь, может вызвать проблемы с точки зрения юридической ответственности. Поэтому при работе суда также необходим дополнительный этап проверки решения квалифицированным специалистом.

Таким образом, при использовании нейронных сетей существует множество рисков, которые необходимо учитывать при построении системы нормативных правовых актов. При разработке правового регулирования нейронных сетей необходимо ориентироваться на комплексный подход, минимизирующий влияние каждого риска. При этом, поскольку нейронные сети функционируют на основе алгоритмов, фокус внимания в правовых актах должен быть не столько на ограничении механизма работы, сколько на необходимости обязательной оценки принятых решений человеком.

**Перспективы развития правового регулирования.** При разработке комплекса нормативных правовых актов необходимо учитывать специфику функционирования нейронной сети, степень включённости человека на этапе разработки, оснований и пределов ответственности. Сфера изучения нейронных сетей с точки зрения права является достаточно новой, поэтому законодательство в сфере регулирования нейронных сетей в различных странах, включая Российскую Федерацию, КНР, США, страны Европейского Союза, находятся на самой начальной стадии развития.

Вопросы использования искусственного интеллекта определяются на уровне принципов, декларирующих возможный вариант их внедрения в национальные правовые системы. Например, согласно Европейской этической хартии «Об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и использовании алгоритмов искусственного интеллекта в сфере отправления правосудия» в настоящее время ограничена лишь автоматизация некоторых процессов на уровне судебного документооборота, которые в то же время имеют важные процессуальные последствия [1].

Соответственно, автоматизируя только вопросы управления судебным документооборотом, мы говорим об использовании сотрудниками судебного аппарата компьютерных алгоритмов.

Внедрение нейронных сетей в судебную сферу находится лишь на начальном уровне и не имеет юридически обоснованных правил применения, в том числе, даже правил обеспечения контроля пользователей со стороны судебных органов [14].

Таким образом, процесс использования искусственных нейронных сетей является вызовом для правового регулирования. В настоящее время необходима разработка концепции правового регулирования, учитывающей особенности их работы.

По мнению некоторых авторов, настоятельным требованием времени является принятие Федерального закона, определяющего основные понятия и принципы правового регулирования цифровой экономики, вопросы юридической значимости цифровых данных и др. [6]. Предлагается также включить в соответствующий закон основные принципы функционирования нейронных сетей.

На наш взгляд, одного Федерального закона недостаточно для полноценного регулирования этой сферы общественных отношений. Поскольку искусственные сети можно рассматривать как программное обеспечение, необходим комплексный подход: определение основных положений на федеральном уровне, внесение изменений в действующее законодательство, разработка подзаконных и локальных правовых актов.

В связи с этим более предпочтительным может стать симбиоз федеральных нормативных правовых актов и внутренней системы технических регламентов и стандартов (система ГОСТов и СМК) [2]. Сочетание этих двух методов является наиболее успешным решением с учётом баланса между особенностями функционирования нейронных сетей и правовой регламентацией общественных отношений.

### Библиографический список

1. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях Принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 3–4 декабря 2018 года) // <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4>
2. *Бойченко И. С.* Модели правового регулирования нейросетей // Образование и право. – 2019. – № 1. – С. 235–237.
3. *Бунин К. А.* Нейросети: техническое развитие и правовое регулирование // Нейрокомпьютеры и их применение: тезисы докладов XVII Всероссийской научной конференции (г. Москва, 19 марта 2019 г.). – М.: Изд-во Московского государственного психолого-педагогического университета, 2019. – С. 194 – 196.
4. *Галушкин А. И.* Нейронные сети: основы теории. – М.: Горячая линия-Телеком, 2017. – 496 с.
5. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Риски в информационной цивилизации: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. 2019. № 3. С. 20–36.
6. *Логотов А. Л.* Правовое регулирование искусственного интеллекта в РФ // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: сборник научно-практических статей V Международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 11 ноября 2020 г.). – Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2021. – С. 173 – 177.
7. *Минбалеев А. В.* Проблемы гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав в процессе цифрового профилирования граждан // Гражданское право. – 2022. – № 2. – С. 9 – 11.
8. *Мицкая Е.В., Комаров С.А.* Юридическая ответственность за нарушение законодательства о персональных данных в Российской Федерации и Республике Казахстан: статья // Юридическая мысль. – 2018. – № 4. – С. 52–61.

9. Мицкая Е.В., Комаров С.А. Правовое регулирование обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных: монография. – СПб.: Изд-во Юридического института, 2018. – 168 с.

10. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2020. – 90 с.

11. Цифровое право / Под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. – М.: Проспект, 2020. – 640 с.

12. Fausett L. V. *Fundamentals of neural networks: architectures, algorithms and applications* // [Электронный ресурс]. URL: [https://dl.matlabiyar.com/siavash/ Neural%20Network/Book/Fausett%20L.-Fundamentals%20of%20Neural%20Networks\\_%20Architectures,%20Algorithms,%20and%20Applications%20\(1994\).pdf](https://dl.matlabiyar.com/siavash/Neural%20Network/Book/Fausett%20L.-Fundamentals%20of%20Neural%20Networks_%20Architectures,%20Algorithms,%20and%20Applications%20(1994).pdf)

13. Rathi S. Revival of the neural networks and the intellectual property nightmare // [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.iospress.nl/volumearticle/49372>

14. Valeev D. K. Using artificial intelligence algorithms in legal proceedings in the ecosystem services and digital economy // Caspian journal of environmental sciences. 2020 // [Электронный ресурс]. URL: [https://cjes.guilan.ac.ir/article\\_4490.html](https://cjes.guilan.ac.ir/article_4490.html)

---

**Для цитирования:** Петрунина А.А. Правовое регулирование нейронных сетей: проблемы и перспективы развития: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 215–220.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_215

### LEGAL REGULATION OF NEURAL NETWORKS: PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Alena A. Petrunina \*

**Annotation.** *The article is devoted to the consideration of the issue of formation of the concept of legal regulation of neural networks in the context of modern challenges. The process of operation of neural networks is described, existing doctrinal approaches to the key concept are analyzed, the risks of use in legal activity are considered. Based on the peculiarities of the technical aspect of the development of new technologies, it is concluded that a comprehensive approach to the development of legal regulation of the process of using neural networks is necessary.*

**Keywords:** *neural network, neuron, software, risks, legal regulation.*

**Introduction.** John von Neumann and Alan Turing spoke about the similarity between the mechanism of the human brain and electronic computers. Scientists proposed architecture for the operation of the most powerful computers, which was based on an algorithm for the functioning of biological neural networks. In the 21st century, the ideas of scientists have received a new round of development.

In the context of digitalization of the economy, a person faces a task: to process and analyze Big Data in a relatively short period of time. Technology-based systems are actively

---

\* **Petrunina Alena Anatolyevna**, student of the Law Institute of the Samara National Research University named by Academician S.P. Korolev. E-mail: [petrunina1303@mail.ru](mailto:petrunina1303@mail.ru)

Scientific supervisor – **Spirin Mikhail Yuryevich**, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Moscow State Law University named by O.E. Kutafina (MSAL), Chairman of the Samara regional branch of the Interregional Association of State and Law Theorists, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. E-mail: [smy@samaradom.ru](mailto:smy@samaradom.ru)

developing for automated collection and assessment of information [7], used to find solutions to various problems, including marketing ones.

Artificial neural networks are a popular product on the market today. But, despite the speed of technology development, a unified approach to the legal regulation of their use has not yet been developed. The main questions that lawyers are looking for answers to are: “How to define the concept of “artificial neural network?”, “What are the risks when using neural networks and how to minimize them?”, “Where is the balance between the freedom to develop technologies and the need to control them? » and etc.

Before answering the questions posed, it is necessary to consider the mechanism of operation of an artificial neural network.

**Technical aspect.** The main structural element of a neural network is a neuron. At each input, information is received, which is then evaluated using weighting coefficients and sent to the output of the neuron, so the neuron transmits the signal further along the network.

Deep neural networks are used to solve complex problems. Unlike simple neural networks, they use hidden layers to process information more thoroughly. In the most general form, their work process can be described as follows: information (data, image) enters the input layer, after which analysis occurs in the hidden layers and the operator receives a solution at the output layer.

One of the simplest is the process of face recognition, in which several stages are distinguished.

1. Face detection in a photo and image processing.
2. Placing the resulting image on the input layer of the neural network and analyzing it: selecting nodal points, calculating the distance between them and creating a unique feature vector.
3. Converting a vector into a digital code – a system of symbols (zeros and ones) used to represent information.
4. Search for matching parts of the analyzed code with information already in the database.
5. Calculation of the probability of a match between the analyzed code and information from the database.
6. Obtaining the match result.
7. Outputting the result to the output layer of the neural network, storing the information in the database and receiving the result by the operator.

Consequently, the work of a neural network is a sequence of actions that are aimed at receiving and processing with subsequent obtaining a result. At the same time, neural networks cannot be considered full-fledged artificial intelligence. The key difference lies in the decision-making process: artificial intelligence does not depend on the user, and neural networks are used only as an algorithm that allows one to identify certain patterns and draw conclusions based on them [3].

Thus, from a technical point of view, a neural network is a sequence of neurons that process incoming information and display the result on the operator’s screen according to a certain scheme.

**Approaches to defining the concept of “neural network”.** There is no legal definition of neural networks today, and in science there are different points of view on this issue.

Thus, I. A. Filipova believes that a neural network should be understood as a mathematical model with its software (or hardware) implementation, built on the principle of

organization and functioning of biological neural networks, consisting of artificial neurons [10, p. 12].

According to A.I. Galushkin, an artificial neural network is a highly parallel dynamic system with a directed graph topology, which receives output information by reacting to input influences [4, p. 27].

L. G. Efimova suggests that a neural network is an electronic agent that was developed using a programming method, modeled on the concept of the human brain [11, p. 131].

Rati Shubham believes that artificial neural networks can be considered as weighted directed graphs, in which artificial neurons are nodes, and directed edges with weights are connections between neuron outputs and neuron inputs [13, p. 2]. At the same time, they differ from computer programs in their learning style (by feeding data into them), they are capable of inventive results.

Lauren Fossett notes that neural networks are essentially mathematical models of information processing. They are a method of representing relationships that is very different from Turing machines or stored program computers [12, p. 16].

The considered definitions can be divided into two categories: understanding from the point of view of programming (R. Shubham, A. I. Galushkin, L. G. Efimova) or mathematics (L. Fossett, I. A. Filipova).

In our opinion, when forming a legal definition, it is worth proceeding from the fact that neural networks are the basis of the software that underlies the functioning of “electronic assistant consultants”. Therefore, the subject of legal regulation should be considered the “outer shell” of the mathematical model on the basis of which the neural network functions.

Thus, a neural network can be defined as a computer program that allows you to process information according to a given algorithm based on the patterns it identifies.

Risk analysis. On the one hand, neural networks can significantly improve the quality and efficiency of various processes, including in legal practice. On the other hand, their use may cause certain problems related to human rights and freedoms, transparency of decision-making and data security. The quality management system (ISO 90001) uses the “risk” category to evaluate processes. Depending on the degree of influence of a particular risk, the final decision regarding the validity and safety of introducing a particular product into the further activities of the organization depends [5].

In this regard, for the purpose of analyzing challenges for the legal field, the following groups of risks from the use of neural networks can be distinguished.

Firstly, the violation of constitutional values when using artificial neural networks. The risk lies in the information used to train the neural network. For example, images of people are used to set up a facial recognition system, which can cause problems with the protection of personal data [8; 9]. The use of neural networks may entail a violation of the rights to privacy, freedom of expression and the right to equality; therefore it is necessary to limit the list of materials on which the neural network is trained.

Secondly, violation of material norms when making decisions by a neural network, etc. “blind trust” in law enforcement practice. Neural networks are trained on a large amount of data, and, depending on the sensitivity setting, the decisions made are radically different. At the same time, the algorithm used in neural networks is linear, that is, it is limited in its capabilities and is not able to take into account all factors that may influence the solution of problems. Therefore, in certain areas (for example, when resolving a dispute in



court), there is a potential threat of violation of the rights and legitimate interests of the participants in the process. In addition, the neural network displays only the result of information processing without legal justification. If you continue to use the answer from such an “assistant,” it must be additionally checked by a qualified specialist.

Thirdly, violation of the principles of legal proceedings when making a decision. The risk is associated with the essence of the neural network, based on the algorithms and features of its configuration. Various methods are used to train a neural network, but their essence boils down to controlled processing of the original data array. Subsequently, decisions made by the neural network often turn out to be either a collection of information already available in the database, or the “good or bad” category laid down by the operator during training. These results in automated systems making decisions that would be difficult to explain and justify using existing legislation, which in turn could cause problems in terms of legal liability. Therefore, when the court operates, an additional stage of verification of the decision by a qualified specialist is also necessary.

Thus, when using neural networks, there are many risks that must be taken into account when building a system of regulatory legal acts. When developing legal regulation of neural networks, it is necessary to focus on an integrated approach that minimizes the impact of each risk. At the same time, since neural networks operate on the basis of algorithms, the focus of attention in legal acts should be not so much on limiting the mechanism of operation, but on the need for mandatory assessment of human decisions.

**Prospects for the development of legal regulation.** When developing a set of regulatory legal acts, it is necessary to take into account the specifics of the functioning of the neural network, the degree of human involvement at the development stage, the grounds and limits of responsibility. The field of studying neural networks from a legal point of view is quite new, therefore legislation in the field of regulation of neural networks in various countries, including the Russian Federation, China, the USA, and the countries of the European Union, is at the very initial stage of development.

Issues of using artificial intelligence are determined at the level of principles declaring a possible option for their implementation in national legal systems. For example, according to the European Ethical Charter “On the use of artificial intelligence in judicial systems and the use of artificial intelligence algorithms in the administration of justice,” currently only the automation of certain processes at the level of judicial document flow, which at the same time have important procedural consequences, is limited [1].

Accordingly, by automating only issues of managing judicial document flow, we are talking about the use of computer algorithms by judicial staff.

The introduction of neural networks into the judicial sphere is only at the initial level and does not have legally valid rules of application, including even rules for ensuring user control by judicial authorities [14].

Thus, the process of using artificial neural networks is a challenge for legal regulation. Currently, it is necessary to develop a concept of legal regulation that takes into account the peculiarities of their work.

According to some authors, an urgent requirement of the time is the adoption of a Federal Law that defines the basic concepts and principles of legal regulation of the digital economy, issues of the legal significance of digital data, etc. [6]. It is also proposed to include in the relevant law the basic principles of the functioning of neural networks.

In our opinion, the Federal Law alone is not enough to fully regulate this area of public relations. Since artificial networks can be considered as software, an integrated ap-

proach is required: determining the main provisions at the federal level, amending the current legislation, developing by-laws and local legal acts.

In this regard, a symbiosis of federal regulatory legal acts and the internal system of technical regulations and standards (system of GOSTs and QMS) may become more preferable [2]. The combination of these two methods is the most successful solution, taking into account the balance between the peculiarities of the functioning of neural networks and the legal regulation of social relations.

### Bibliography

1. European Ethical Charter on the use of artificial intelligence in judicial systems and the realities surrounding them Adopted at the 31st plenary meeting of the CEPEJ (Strasbourg, December 3–4, 2018) // <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4>
2. Boychenko I. S. Models of legal regulation of neural networks // *Education and Law*. 2019. No. 1. P. 235–237.
3. Bunin K. A. Neural networks: technical development and legal regulation // *Neurocomputers and their application: abstracts of the XVII All-Russian Scientific Conference (Moscow, March 19, 2019)*. Moscow: Publishing house of the Moscow State Psychological and Pedagogical University, 2019. Pp. 194–196.
4. Galushkin A.I. Neural networks: basic theory. Moscow: Hotline-Telecom, 2017. 496 p.
5. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Risks in information civilization: theoretical and legal understanding: article // *Theory of State and Law*. 2019. No. 3. P. 20–36.
6. Logutov A. L. Legal regulation of artificial intelligence in the Russian Federation // *Current problems of modern law: the relationship between public and private principles: a collection of scientific and practical articles of the V International Scientific and Practical Conference (Krasnodar, November 11, 2020)*. Krasnodar: Research Institute of Current Problems of Modern Law, 2021. Pp. 173 – 177.
7. Minbaleev A.V. Problems of civil law protection of personal non-property rights in the process of digital profiling of citizens // *Civil law*. 2022. No. 2. P. 9–11.
8. Mitskaya E.V., Komarov S.A. Legal liability for violation of legislation on personal data in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: article // *Legal Thought*. 2018. No. 4. P. 52–61.
9. Mitskaya E.V., Komarov S.A. Legal regulation of information security and personal data protection: monograph. St. Petersburg: Publishing House of the Legal Institute, 2018. 168 p.
10. Filipova I. A. Legal regulation of artificial intelligence: textbook. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University Publishing House, 2020. 90 p.
11. Digital law / Under general. ed. V. V. Blazheeva, M. A. Egorova. Moscow: Prospekt, 2020. 640 p.
12. Fausett L. V. Fundamentals of neural networks: architectures, algorithms and applications // [Electronic resource]. URL: [https:// dl.matlabyar.com/ siavash/ Neural%20Network/ Book/ Fausett%20L.-Fundamentals%20of%20Neural%20Networks\\_%20Architectures,%20Algorithms,%20and%20Applications%20\(1994\).pdf](https://dl.matlabyar.com/siavash/Neural%20Network/Book/Fausett%20L.-Fundamentals%20of%20Neural%20Networks_%20Architectures,%20Algorithms,%20and%20Applications%20(1994).pdf)
13. Rathi S. Revival of the neural networks and the intellectual property nightmare // [Electronic resource]. URL: <https://ebooks.iospress.nl/volumearticle/49372>
14. Valeev D. K. Using artificial intelligence algorithms in legal proceedings in the ecosystem services and digital economy // *Caspian journal of environmental sciences*. 2020 // [Electronic resource]. URL: [https://cjes.guilan.ac.ir/article\\_4490.html](https://cjes.guilan.ac.ir/article_4490.html)

---

**For citation:** Petrunina A.A. Legal regulation of neural networks: problems and development prospects: article // *Theory of State and Law*. 2024. No. 1 (35). P. 220–224.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_215

## Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI 10.47905/MATGIP.2024\_1\_35\_225

К.Г. Прокофьев \*

## ИНСТИТУТ СЕМЬИ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНОГО КОНСЕНСУСА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: НРАВСТВЕННЫЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

***Аннотация.** Законотворческая деятельность должна иметь ориентиром общественный консенсус относительно важнейших нравственно-правовых ценностей. Семья как социальный институт является одной из основных национальных и общечеловеческих ценностей. Закрепление значения этого института в качестве нравственно-правовой ценности на конституционном уровне не только содействует сплочению российского общества, но и обеспечивает аксиологическую легитимацию законотворчества.*

***Ключевые слова:** семья, право, нравственность, ценности, законотворчество, консенсус, Конституция Российской Федерации.*

Начиная с Г. Кельзена, современная теоретико-правовая наука опирается на понятие ценностей [12, с. 20; 13]. Ценности – это тот зримый образ абсолютного в праве, который, с одной стороны, является совершенно объективным, воспринимается человеком как нечто, превосходящее круг его сиюминутных интересов и потребностей, а с другой стороны, входит в область его субъективных чувств и воспринимается как нечто сугубо внутреннее. Понимая нормы права и нормы нравственности как ценность, человек выходит за узкие пределы представления о них как о системе простых социальных детерминант или установок государства. Следование этим нормам, таким образом, субъективно ощущается человеком как высшее благо.

Но в то же время человек остается в этом своем подчинении высшему объективно свободным, поскольку ценность не связывается им с давлением извне, а воспринимается как нечто, данное разумом: «Ценностное измерение институтов гражданского общества, государства, права закладывается их трактовкой классиками в качестве способов проявления высшей нравственной идеи, которая входит во внутреннее содержание личности человека, его живой индивидуальности. Само понятие ценности не является этически нейтральным. Оно предполагает отношение к идее абсолютного добра как к объективному ориентиру практического действия» [12, с. 20]. Таким образом, в понятии ценности связываются все важнейшие сущностные составляющие понятия права: понятие абсолютного, субъективного и объективного, понятие свободы, понятие разума [14, с. 187, 189]. И более того: понятие ценности позволяет объединить в общий комплекс нравственные и правовые нормы, вопрос о единстве которых всегда был одним из наиболее сложных вопросов в истории философии права [15, с. 186–187].

---

\* Прокофьев Константин Георгиевич, доцент филиала Московского финансово-юридического университета в г. Орске, кандидат юридических наук. E-mail: 775777@bk.ru

Понятие ценности позволяет соотнести законотворчество с реальным уровнем и качественными параметрами общественного правосознания и правовой культуры. В более широком плане речь идет о том, что законотворчество будет лишь тогда успешно, когда оно будет опираться на социальный консенсус относительно значимости определенного круга нравственно-правовых ценностей. Именно это имел в виду выдающийся правовед XIX столетия Ф.К. Савиньи, рассматривая законотворчество как продукт деятельности профессиональных юристов, которые должны перевести исторически складывающееся народное правосознание в рациональных дискурс юридических категорий [6, с. 184–185].

Особенностью нравственно-правового сознания народов России было стремление связать нормы права с идеей справедливости и правды. «В России всегда искали правду жизни, не удовлетворялись полезностью и умозрительностью. Правда не может быть чисто юридической регламентацией поведения граждан, правда – это стремление к справедливости, к истинности человеческих отношений, к добру и совершенству. «Русская Правда» как юридический памятник, открытый В. Н. Татищевым и по истокам восходящий к древнейшей истории Руси, свидетельствует о глубине слияния в России юридических, нравственных и религиозных категорий», – писал академик А.А. Корольков [8, с. 287]. Опираясь на традиционные идеалы правды и справедливости, всегда удавалось выйти из острых конфликтных ситуаций, нередко складывавшихся в истории нашей страны, выйти даже в условиях глубокого кризиса и раскола российского общества.

Очевидно, что ценностный консенсус не может быть каким-либо раз и навсегда данным идеалом, скорее, мы имеем дело со сложным социальным процессом согласования и примирения различных нравственно-правовых принципов, представлений, социальных, классовых, экономических интересов, идеологических и религиозных представлений. Поэтому параметры связи ценностного консенсуса и практики законотворчества не могут быть заданы на все времена некоей идеальной конструкцией: они также требуют своего непрерывного обновления и постоянного преодоления социальных противоречий, требуют позитивного разрешения социальных конфликтов. А значит, и сама эта связь ценностного консенсуса и практики законотворчества никогда не бывает абсолютной связью. И напротив: процесс законотворчества – это непрерывный процесс, требующий, к тому же, постоянного совершенствования, серьезной аналитической поддержки со стороны философии права, выявляющей смыслы нравственно-правовых ценностей современного общества, а также со стороны социологии права, исследующей качественные и количественные параметры общественного правосознания.

Наглядным примером может служить дискуссия, развернувшаяся в нашем недавнем прошлом, относительно поправок в Конституцию Российской Федерации [1]. Сами эти поправки носили, преимущественно, ценностный характер, так что в первые на конституционном уровне защищались именно правовые ценности, а тем самым в общественном сознании закреплялся ценностный потенциал самой Конституции, закреплялся ценностный статус закона [9, с. 36–45]. Важно зафиксировать смысл этого заданного российскому правотворчеству импульса на уровне общественного правосознания и особенно на уровне правовой теории, на уровне суверенной правовой идеологии и суверенной философии права [16, с. 149–161].

Широкая общественная дискуссия и результаты всенародного голосования показали, что стопроцентного согласия в обществе нет. Его, видимо, и не может

быть в любом, действительно, живом социальном организме. Одни ценности поддерживаются более активно, другие – менее, в ряде случаев можно было зафиксировать и достаточно значительные общественные разногласия.

В числе наиболее важных социальных и нравственно-правовых ценностей, задача поддержки которых на конституционном уровне сплотила общества, является семья как социальный и нравственный институт. О семье как ценности нашего общества говорил и Президент Российской Федерации В.В. Путин: «Самоотверженность, патриотизм, любовь к родному дому, к своей семье, к Отечеству – эти ценности и сегодня являются для российского общества фундаментальными, стержневыми. На них, по большому счету, во многом держится суверенитет нашей страны» [2]. Не случайно российская семья была признана фундаментальной конституционной ценностью в 2020 году в результате всенародного обсуждения поправок к Конституции Российской Федерации [1]. В ней признается необходимость защиты государством российской семьи, материнства, отцовства и детства, кроме того, института брака как союза мужчины и женщины. Закреплена необходимость создания условий для достойного воспитания детей в семье, обязанность совершеннолетних детей заботиться о родителях (п. ж. 1 ч. 1 ст. 72 Конституции РФ).

По справедливому замечанию Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, эти и иные конституционные ценности являются краеугольными для всех народов России независимо от этнической и религиозной принадлежности. Они взяты государством под охрану [7, с. 303–304]. Конституционные же ценности все без исключения не имеют иерархии [3, с. 130–163; 4]; следовательно, семья в нашем Отечестве имеет такую же значимость, как и другие ценности, закрепленные в Конституции: приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины [11].

Статус семьи как нравственно-правовой ценности тем более очевиден, что здесь мы имеем дело не только с общенациональной, но и с подлинно общечеловеческой ценностью. Об этом свидетельствует фиксация семьи в числе категорий этики и философии права в классической философской традиции.

Так, в философии права И. Канта, ставшей основой парадигмы права, основанной на идее свободы [10, с. 52–57], семья рассматривается, прежде всего, в этическом аспекте как плод любви и «благорасположения», т.е. стихийного влечения людей друг к другу. В то же время чисто моральных начал недостаточно для образования семьи – здесь необходимо «подключение» норм права. Именно потому, что ни сами по себе нормы морали, ни сами по себе нормы права не могут создать семью как социальный институт, а значит, именно в институте семьи на ценностном уровне объединяется мораль и право: «Моральная любовь и гражданское правосознание могут только оформить то, что изначально учреждает любовь благорасположения, но создать это вместо нее они не правомочны. Поэтому на одном правосознании, как и на одном человеколюбии, основать «дедукцию брака» для разумных и живых существ нет рациональной возможности» [18, с. 41–42].

Равным образом, и для Г.Гегеля семья имеет исходным началом нравственное единение людей в любви, результатом чего являются правовые отношения, в которых «светится видимостью» нравственность как их сущность: «Первым моментом

в любви является то, что я не хочу быть самостоятельным лицом для себя и что, если бы я был таковым, я чувствовал бы свою недостаточность и неполноту. Вторым моментом является то, что я обретаю себя в лице другого, что я обладаю в нем значимостью, которую он в свою очередь обретает во мне... Любовь есть одновременно создание и разрешение противоречия; в качестве его разрешения она – нравственное единение» [5, с. 208].

В системе гегелевских логических категорий «действительность» является результатом единства явления и сущности, так что последняя как раз и «светится видимостью» в явлении. Таково именно отношение нравственности и права в семье. Поэтому для Г.Гегеля семья – это более высокая ступень развития права, чем описанные в разделе «Философии права», носящем название «Абстрактное право», отношения между людьми, которые могут быть зафиксированы гражданско-правовым договором: «... брак в его существенной основе не есть отношение договора... ибо сущность его именно и состоит в том, что он исходит из договорной точки зрения самостоятельной в своей единичности личности, чтобы снять эту точку зрения» [5, с. 211]. Таким образом, и у Г.Гегеля институт семьи определяет ценностное содержание и права, и нравственности.

Как представляется, раскрытие ценностного значения института семьи как в аспекте интерпретации классической философии права [17, с. 185–192], так и в аспекте исследования и анализа традиций и современного состояния правосознания общества, является важной предпосылкой законодательства и на уровне семейного, и на уровне конституционного законодательства Российской Федерации.

### Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с. (Серия: Профессиональный комментарий).
2. Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Российская газета, 2020, 19 июня.
3. Виноградова Е.В. Грани современного российского конституционализма: Монография / Институт государства и права РАН. – М.: РИТМ, 2021. – 240 с.
4. Виноградова Е.В. Конституционные ценности – система без иерархии // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 3. – С. 78–82.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
6. Денисов А.М., Исмагилов И.Р., Масленников Д.В. Гегель и Савиньи: становление идеи историзма в праве // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 181–185.
7. Зорькин В.Д. Право против хаоса: Монография. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2023. – 536 с. DOI 10.12737/1958344.
8. История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; отв. ред.: Альбов А.П., Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (СПб); Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 640 с.
9. Лазарев В.В. Конституция и аксиология государственно-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 1. – С. 36–46.
10. Масленников Д.В., Пономарев А.А. Кантовская философия права в системе парадигм правовой мысли // Юридическая мысль. – 2016. – № 5 (97). – С. 52–58.

11. Патрушев: фундамент русского общества – система традиционных ценностей // <https://rossaprimavera.ru/news/90f07c22>
12. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации; Фонд «Университет», 2022. – 490 с.
13. Ревнов Б.А. Нормативизм Ганса Кельзена: взгляд из XXI века. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2014. – 268 с.
14. Сальников В.П., Масленников Д.В., Жук А.С. Идея нравственно-правовых ценностей и идея государства в парадигмах кантовской и гегелевской философии (к вопросу о проблеме равенства абсолютных ценностей) // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 12. – С. 186–192.
15. Сальников В.П., Масленников Д.В., Прокофьев К.Г. Смысл различия в подходе И. Канта и И.Г. Фихте к задаче дедукции права и морали // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 4. – С. 185–192.
16. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149–162.
17. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 185–193.
18. Судаков А.К. Философия любви и этика семьи у Канта – 2. Критика способности суждения // Кантовский сборник. – 2017. – Т. 36. – № 3. – С. 21–43.

---

**Для цитирования:** Прокофьев К.Г. Институт семьи в системе ценностного консенсуса российского общества: нравственный и правовой аспекты: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 225–229.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_225

### THE INSTITUTION OF FAMILY IN THE SYSTEM OF VALUE CONSENSUS OF RUSSIAN SOCIETY: MORAL AND LEGAL ASPECTS

**Konstantin G. Prokofiev\***

**Annotation.** *Legislative activity should be guided by public consensus regarding the most important moral and legal values. The family as a social institution is one of the main national and universal values. Consolidating the significance of this institution as a moral and legal value at the constitutional level not only contributes to the unity of Russian society, but also provides axiological legitimation of lawmaking.*

**Key words:** *family, law, morality, values, lawmaking, consensus, Constitution of the Russian Federation.*

Starting with G. Kelsen, modern theoretical and legal science is based on the concept of values [12, p. 20; 13]. Values are that visible image of the absolute in law, which, on the one hand, is completely objective, is perceived by a person as something that exceeds the range of his immediate interests and needs, and on the other hand, enters the area of his

---

\* **Prokofiev Konstantin Georgievich**, associate professor of the branch of the Moscow University of Finance and Law in Orsk, candidate of legal sciences. E-mail: 775777@bk.ru

subjective feelings and perceptions. -is accepted as something purely internal. Understanding the norms of law and norms of morality as a value, a person goes beyond the narrow limits of understanding them as a system of simply social determinants or state guidelines. Following these norms is thus subjectively felt by a person as the highest good.

But at the same time, a person remains objectively free in this subordination to the highest, since value is not associated with external pressure, but is perceived as something given by reason: "The value dimension of the institutions of civil society, state, law is laid down by them interpretation by the classics as ways of manifestation of the highest moral idea, which is included in the internal content of a person's personality, his living individuality. The concept of value itself is not ethically neutral. It presupposes an attitude towards the idea of absolute good as an objective guideline for practical action" [12, p. 20]. Thus, the concept of value connects all the most important essential components of the concept of law: the concept of absolute, subjective and objective, the concept of freedom, the concept of reason [14, p. 187, 189]. And moreover: the concept of value allows us to combine moral and legal norms into a common complex, the question of the unity of which has always been one of the most difficult issues in the history of legal philosophy [15, p. 186–187].

The concept of value allows us to correlate lawmaking with the real level and qualitative parameters of public legal consciousness and legal culture. In a broader sense, we are talking about the fact that lawmaking will only be successful when it is based on social consensus regarding the significance of a certain range of moral and legal values. This is exactly what the outstanding jurist of the 19th century F.K. meant. Savigny, considering lawmaking as a product of the activities of professional lawyers who must translate the historically developing national legal consciousness into a rational discourse of legal categories [6, p. 184–185].

A feature of the moral and legal consciousness of the peoples of Russia was the desire to connect the rules of law with the idea of justice and truth. "In Russia they have always searched for the truth of life, and have not been satisfied with usefulness and speculativeness. Truth cannot be a purely legal regulation of the behavior of citizens; truth is the desire for justice, for the truth of human relations, for goodness and perfection. "Russian Truth" as a legal monument, discovered by V.N. Tatishchev and whose origins go back to the ancient history of Rus', testifies to the depth of the merger of legal, moral and religious categories in Russia," wrote academician A.A. Korolkov [8, p. 287]. Relying on the traditional ideals of truth and justice, we have always managed to get out of acute conflict situations that have often developed in the history of our country, even in conditions of a deep crisis and split in Russian society.

It is obvious that value consensus cannot be a once and for all given ideal; rather, we are dealing with a complex social process of coordination and reconciliation of various moral and legal principles, ideas, social, class, economic interests, ideological and religious ideas. Therefore, the parameters of the connection between value consensus and lawmaking practice cannot be set for all times by some ideal design: they also require their continuous renewal and constant overcoming of social contradictions; they require a positive resolution of social conflicts. This means that this very connection between value consensus and the practice of lawmaking is never an absolute connection. And on the contrary: the process of lawmaking is a continuous process, which also requires constant improvement, serious analytical support from the philosophy of law, which reveals the meaning of moral and legal values of modern society, as well as from the sociology of law, which studies qualitative and quantitative parameters of public legal consciousness.



A clear example is the discussion that unfolded in our recent past regarding amendments to the Constitution of the Russian Federation [1]. These amendments themselves were predominantly of a value nature, so that for the first time at the constitutional level it was legal values that were protected, and thereby the value potential of the Constitution itself was consolidated in the public consciousness, the value status of the law was consolidated [9, p. 36–45]. It is important to fix the meaning of this impulse given to Russian lawmaking at the level of public legal consciousness and especially at the level of legal theory, at the level of sovereign legal ideology and sovereign philosophy of law [16, p. 149–161].

A wide public discussion and the results of the popular vote showed that there is no absolute agreement in society. It, apparently, cannot exist in any truly living social organism. Some values are supported more actively, others less, and in some cases quite significant social disagreements could be recorded.

Among the most important social and moral-legal values, the task of supporting which at the constitutional level has united societies is the family as a social and moral institution. The President of the Russian Federation V.V. also spoke about family and the value of our society. Putin: “Selflessness, patriotism, love for one’s home, for one’s family, for the Fatherland – these values are still fundamental and core values for Russian society today. By and large, the sovereignty of our country rests on them” [2]. It is no coincidence that the Russian family was recognized as a fundamental constitutional value in 2020 as a result of a nationwide discussion of amendments to the Constitution of the Russian Federation [1]. It recognizes the need for the state to protect the Russian family, motherhood, paternity and childhood, in addition, the institution of marriage as a union of a man and a woman. The need to create conditions for the decent upbringing of children in the family, the obligation of adult children to take care of their parents is established (clause 1, part 1, article 72 of the Constitution of the Russian Federation).

According to the fair remark of the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation V.D. Zorkin, these and other constitutional values are cornerstone for all peoples of Russia, regardless of ethnicity and religious affiliation. They are taken under state protection [7, p. 303–304]. Constitutional values, without exception, do not have a hierarchy [3, p. 130–163; 4]; therefore, the family in our Fatherland has the same importance as other values enshrined in the Constitution: the priority of the spiritual over the material, the protection of human life, human rights and freedoms, creative work, service to the Fatherland, morality and ethics, humanism, mercy, justice, mutual assistance, collectivism, historical unity of the peoples of Russia, continuity of the history of our Motherland [11].

The status of the family as a moral and legal value is all the more obvious because here, we are dealing not only with a national, but also with a truly universal human value. This is evidenced by the fixation of the family among the categories of ethics and philosophy of law in the classical philosophical tradition.

Thus, in the philosophy of law of I. Kant, which became the basis of the paradigm of law based on the idea of freedom [10, p. 52–57], the family is considered primarily in the ethical aspect as the fruit of love and “benevolence”, i.e. spontaneous attraction of people to each other. At the same time, purely moral principles are not enough to form a family – here it is necessary to “connect” the rules of law. Precisely because neither the moral norms themselves, nor the legal norms themselves can create a family as a social institution, which means that it is in the institution of the family that morality and law are united at the value level: “Moral love and civil legal knowledge can only formalize what love of benevolence initially establishes, but they are not competent to create this in its place. There-

fore, on legal knowledge alone, as well as on philanthropy alone, there is no rational possibility to base the “deduction of marriage” for rational and living beings” [18, p. 41–42].

Likewise, for G. Hegel, the family has as its initial principle the moral unity of people in love, the result of which are legal relations in which morality as their essence “shines with appearance”: “The first moment in love is that I do not I want to be an independent person for myself and that if I were such, I would feel insufficient and incomplete. The second point is that I find myself in the person of another, that I have significance in him, which he in turn acquires in me... Love is at the same time the creation and resolution of contradiction; as its resolution it is moral unity” [5, p. 208].

In the system of Hegelian logical categories, “reality” is the result of the unity of appearance and essence, so that the latter “shines with appearance” in the phenomenon. This is precisely the relationship between morality and law in the family. Therefore, for G. Hegel, the family is a higher level of development of law than those described in the section “Philosophy of Law”, called “Abstract Law”, relations between people that can be fixed by a civil contract: “... marriage its essential basis is not the relation of a contract... for its essence lies precisely in the fact that it proceeds from the contractual point of view of an independent individual in its individuality in order to remove this point of view” [5, p. 211]. Thus, for G. Hegel, the institution of family determines the value content of both law and morality.

It seems that the disclosure of the value significance of the institution of family both in the aspect of interpretation of classical philosophy of law [17, p. 185–192], both in terms of research and analysis of traditions and the current state of legal consciousness of society, is an important prerequisite for lawmaking both at the level of family and at the level of constitutional legislation of the Russian Federation.

### Bibliography

1. “The Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house “Urayt”, 2023. 325 p. (Series: Professional commentary).
2. Putin V.V. 75 years of the Great Victory: shared responsibility to history and the future // Rossiyskaya Gazeta, 2020, June 19.
3. Vinogradova E.V. Facets of modern Russian constitutionalism: Monograph / Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow: RITM, 2021. 240 p.
4. Vinogradova E.V. Constitutional values – a system without hierarchy // Legal science: history and modernity. 2022. No. 3. P. 78–82.
5. Hegel G.V.F. Philosophy of law. Moscow: Mysl, 1990. 524 p.
6. Denisov A.M., Ismagilov I.R., Maslennikov D.V. Hegel and Savigny: the formation of the idea of historicism in law // Legal science: history and modernity. 2017. No. 3. P. 181–185.
7. Zorkin V.D. Law against chaos: Monograph. 3rd ed., revised and supplemented. Moscow: NORM: INFRA-M, 2023. 536 p. DOI 10.12737/1958344.
8. History of the philosophy of law: Monograph / Albov A.P., Baranov V.M., Idrisov Z.Sh., Maslennikov D.V., Peshkov A.I., Revnova M.B., Salnikov V.P., Salnikov M.V., Sotnikova N.N., Chegovadze L.A.; resp. ed.: Albov A.P., D.V. Maslennikov, V.P. Salnikov. St. Petersburg: Law Institute (SPb); St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1998. 640 p.
9. Lazarev V.V. Constitution and axiology of state-legal ideology // Legal science: history and modernity. 2021. No. 1. P. 36–46.
10. Maslennikov D.V., Ponomarev A.A. Kantian philosophy of law in the system of paradigmas of legal thought // Legal thought. 2016. No. 5 (97). pp. 52–58.

11. Patrushev: the foundation of Russian society is a system of traditional values // <https://rossaprimavera.ru/news/90f07c22>

12. Political and legal management and threats to state sovereignty: Monograph / Under the general. ed. V.P. Salnikova. St. Petersburg: Military Institute of the National Guard of the Russian Federation; University Foundation, 2022. 490 p.

13. Revnov B.A. Hans Kelsen's normativism: a view from the 21st century. St. Petersburg: Law Institute (St. Petersburg), 2014. 268 p.

14. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zhuk A.S. The idea of moral and legal values and the idea of the state in the paradigms of Kantian and Hegelian philosophy (on the issue of the equality of absolute values) // Legal science: history and modernity. 2022. No. 12. P. 186–192.

15. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Prokofiev K.G. The meaning of the difference is in the approach of I. Kant and I.G. Fichte to the problem of deduction of law and morality // Legal science: history and modernity. 2018. No. 4. P. 185–192.

16. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I. The value basis of sovereignty (on the issue of sovereign state-legal ideology) // Legal science: history and modernity. 2019. No. 11. P. 149–162.

17. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Salnikov M.V. Development of the idea of absolute freedom in classical Russian philosophy as a source of sovereign philosophy of law // Legal science: history and modernity. 2019. No. 12. P. 185–193.

18. Sudakov A.K. Kant's philosophy of love and family ethics – 2. Criticism of the ability to judge // Kant's collection. 2017. T. 36. No. 3. P. 21–43.

---

**For citation:** Prokofiev K.G. The institution of family in the system of value consensus of Russian society: moral and legal aspects: article // Theory of State and Law. 2024. No. 1 (35). P. 229–233.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_225

## Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI 10.47905/MATGIP.2024\_1\_35\_234

**М.В. Сальников\***

**К.Г. Прокофьев\*\***

**А.И. Морозов\*\*\***

**О.М. Борисенко\*\*\*\***

## **НРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

***Аннотация.** В современном демократическом обществе система государственного управления может быть эффективна только в том случае, если ее функционирование опирается на глубоко укорененную среди служащих профессиональную культуру. Профессиональная культура должна целенаправленно формироваться как в процессе подготовки государственных служащих, так и воспроизводиться в ходе самой службы. Основой профессиональной культуры государственных служащих в Российской Федерации является система традиционных национальных ценностей. В процессе формирования и углубления профессиональной культуры различных категорий государственных служащих, включая и представителей государственной правоохранительной службы, должны выделяться приоритетные ценности при обязательном сохранении всей ценностной основы жизнедеятельности российских граждан.*

***Ключевые слова:** культура, правовая культура, профессиональная культура, общество, государство, нравственно-правовые ценности, государственная служба.*

Сегодня наше государство столкнулось со сложным системным вызовом, состоящим из многих негативных факторов. Среди них: активизация враждебных действий западных государств, включая подготовку к прямой военной агрессии; несбалансированность экономической системы страны, сохраняющаяся импортозависимость, в том числе в критически важных отраслях экономики; чрезмерная дифференциация социальных страт, имущественное расслоение, десоциализация значи-

---

\* **Сальников Михаил Викторович**, Президент Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», главный научный сотрудник Юридического института (г. Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН. E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

\*\* **Прокофьев Константин Георгиевич**, доцент филиала Московского финансово-юридического университета в г. Орске, кандидат юридических наук. E-mail: 775777@bk.ru

\*\*\* **Морозов Алексей Игоревич**, заместитель генерального директора «Лидер и К» (г. Санкт-Петербург, Россия) E-mail: n0055050@gmail.com

\*\*\*\* **Борисенко Олег Михайлович**, магистрант АНО ВО «Институт деловой карьеры» (г. Москва) E-mail: borisenko-5@mail.ru

тельных слоев населения, отсутствие ясной миграционной политики государства; явления социальной аномии, включая значительную деградацию общественного правосознания и криминализацию заметной части общества.

Однако эти вызовы могут вести не только к углублению социально-экономического кризиса с перспективой выхода на кризис политический, но и, наоборот, к обретению государством и обществом нового качества, нового уровня развития, адекватного реалиям XXI века. Для позитивного разрешения кризиса требуется, во-первых, политический и ценностный консенсус общества относительно целей укрепления суверенитета, утверждения и закрепления в обществе базовых нравственно-правовых ценностей [45, с. 227–237]; а во-вторых, наличие государственной воли на выход из кризиса через обновление и развитие государства, нивелирование рисков его суверенитету [29].

Для реализации государственной воли требуется соответствующий государственный механизм, обладающий необходимыми качественными параметрами [53, с. 51–53]. Очевидно, что современное общество не может воспроизводиться и динамично развиваться без эффективно действующей системы государственной службы, реализующей предоставленные ей обществом полномочия и обладающей способностью к активному целеполаганию. Само понимание природы государства с точки зрения его положения в комплексе общественных процессов, может быть различным, что отражает всю сложность его отношения к институтам гражданского общества и к личности [47, с. 329–335]. В юридическом смысле государство рассматривается как некий «правовой феномен», прежде всего как механизм управления и регулирования социальных процессов. С точки зрения, задаваемой социологической теорией, государство предстает как своеобразная социальная действительность, как существенный элемент живого социального организма со своими законами, обычаями, способами правовой институционализации, правовой культурой общества [16; 32; 33; 34; 35] и личности [3; 9; 39], то есть граждан собственного государства.

Обращение к проблематике профессиональной культуры государственных служащих может быть связано с аналитическим обобщением опыта взаимодействия властных инстанций с гражданами, с представляющими их законные интересы организациями и социальными институтами; может быть связано с необходимостью осмыслить предшествующий и свой собственный управленческий опыт и трансформировать его в комплекс новых умений и профессиональных компетенций; может быть, далее, связано с необходимостью соответствовать имиджу государственного служащего, отвечать требованиям служебного этикета не только в соответствии с буквой, но и с духом существующих этических кодексов, обладая соответствующими моральными, правовыми и волевыми качествами. При этом должна учитываться как юридическая, так и социологическая модель государства. Понятие профессиональной культуры оказывается одним из тех интегративных понятий, которое позволяет связать его различные значения и смыслы.

Здесь уместно будет вспомнить, что еще великий немецкий философ Г.В.Ф. Гегель определял культуру как прежде всего «привычку к разделению труда» [17, с. 343]. С этой стороны, профессиональную культуру можно трактовать как «привычку» к участию в общественном труде в его определенном сегменте, как комплекс умений и знаний для этой деятельности, а также как понимание ее значимости и ценности для общества (в качестве объекта деятельности) и для участвующего

в ней человека (в качестве субъекта деятельности). Профессиональная культура предполагает личную заинтересованность человека в результатах своей профессиональной деятельности, а значит, и готовность к ответственности как перед государством и обществом, так и перед собственной совестью. Эти общие качества профессиональной культуры должны характеризовать ее в такой особой форме деятельности, какой является государственная служба.

В основе всех функций профессиональной культуры государственного служащего лежит их ценностное содержание. Каждая функция, так или иначе, в той или иной степени, направлена на реализацию и закрепление сложившейся системы нравственно-правовых ценностей, обеспечивающих воспроизводство государства и деятельность механизма, обеспечивающего его воспроизводство. Центральное, стержневое, место ценностной составляющей функционального механизма профессиональной культуры государственного служащего определяется, во-первых, аксиологической природой культуры в целом [5, с. 36–37], а во-вторых, аксиологической природой самого государства [46, с. 149–161]. «Профессиональные ценности, преломляясь в сознании специалистов в процессе их профессиональной деятельности, становятся регуляторами их поведения, подталкивая к выбору определенной формы действий или поступков в различных служебных ситуациях» [21, с. 67].

Ценностные основы профессиональной культуры государственных служащих должны совпадать с общими ценностными основами нашего общества и государств, с ценностями и нравственными идеалами большинства его граждан, от которых они принципиально не могут отличаться. Они носят нравственно-правовую окраску и синкретический характер [11; 12; 13; 14]. Это совпадение вытекает из требования единства государства и общества, из требования достижения и сохранения ценностного консенсуса в нашем обществе. Более того, важнейшая задача государства и государственной службе видится именно в служении этим ценностям: «В нашей стране государственная служба должна быть не только глубоко профессиональной, но и способной гармонизировать отношения власти и общества, государства и гражданина» [18, с. 25].

Именно синкретизм современной профессиональной правовой культуры способен обеспечить указанную гармонию, так как культура в данной интерпретации предполагает единение господствующих в обществе предписаний не только права, но и морали, этики, обычаев, традиций, корпоративных норм и религиозных таинств, то есть традиционных ценностей. По справедливому замечанию профессора В.Д. Зорькина, право «как форма воплощения разумных начал человеческого общежития, т.е. как форма свободы человека в его социальном взаимодействии, – это не только понятие, резюмирующее в себе сущностные характеристики человека как социального существа, обладающего свободной разумной волей. Это еще и система нормативной регуляции, регламентирующая реальную повседневную жизнь людей» [24, с. 13]. Эта же жизнь людей регламентируется не только правом, а всей совокупностью действующих в обществе социальных регуляторов, которые и должны выступать формами свободы человека [25]. Данная ситуация и заставляет государственного служащего обладать такой профессиональной культурой, которая и приобретает качество синкретизма правовой культуры, отличающейся традиционными ценностями общества. По справедливому замечанию Ф.Х. Галиева, сущность «синкретизма правовой культуры сводится к тому, что ни одна из действующих социальных норм в современном обществе не функционирует изолированно

от других... Сущность синкретизма правовой культуры заключается в том, что правовая культура формируется, функционирует и проявляет основные тенденции своего дальнейшего развития, будучи составляющим элементом целостного процесса социального регулирования и воздействия права на общественные отношения, сознание и поведение людей в тесном единстве с другими социальными регуляторами» [15, с. 85].

Начиная с конституционной реформы 2020 года, правовая политика российского государства все более ориентируется на поддержание традиционных ценностей народов нашей страны. Сами поправки в Основной Закон носили, преимущественно, ценностный характер, так что впервые на конституционном уровне защищались именно нравственно-правовые ценности, а тем самым в общественном сознании закреплялся ценностный потенциал самой Конституции, закреплялся ценностный статус закона и государственной службы [10; 22; 26, с. 36–45; 31].

С одной стороны, такого рода «аксиологизация» государственной политики, наметившаяся пять лет назад, задала новые ориентиры для профессиональной культуры государственных служащих, потребовала развития этой культуры и более отчетливого выражения ценностной акцентировки в деятельности государственных служащих. С другой стороны, все более настоятельной становилась задача теоретического осмысления ценностной природы Российского государства с закреплением его результатов на законодательном и нормативном уровнях [41, с. 177–179].

Общим итогом ведущейся широкой научной дискуссии и итогом развития нормативно-правовой базы в данной области можно считать «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденные Указом Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809. В ст. 1.5. Основ говорится: «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [1].

Возможно, данный перечень традиционных ценностей и не является исчерпывающим. Тем не менее, он вполне может служить ориентиром в процессе целенаправленного формирования профессиональной культуры государственных служащих в нашей стране. Культура всегда имеет своей основой определённую систему ценностей [8, с. 186–192]. Принципиально важно, чтобы профессиональная культура государственных служащих в нашей стране основывалась на традиционных ценностях, указанных в приведенных документах. С этой целью следует стимулировать знакомство действующих и будущих государственных служащих с отечественной классической художественной культурой: литературой, музыкой, изобразительным искусством, а также с основами религиозных и семейных традиций и ценностей народов Российской Федерации. Наши традиционные ценности выражают всеобщее, общечеловеческое содержание, и потому также не могут противоречить мировому классическому наследию. Приобщение к последнему также должно рассматриваться как способ формирования ценностных основ профессиональной культуры государственных служащих в России.

Вместе с тем, государственные служащие должны в полной мере представлять себе меру кризиса системы ценностей в современном мире, в особенности

в странах Запада, а также степень угроз, исходящих для современного человека от кризиса западной культуры. В п. 87 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» указывается, что «традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности подвергаются активным нападкам со стороны США и их союзников, а также со стороны транснациональных корпораций, иностранных некоммерческих неправительственных, религиозных, экстремистских и террористических организаций. Они оказывают информационно-психологическое воздействие на индивидуальное, групповое и общественное сознание путем распространения социальных и моральных установок, противоречащих традициям, убеждениям и верованиям народов Российской Федерации» [2]. Нападкам коллективного Запада на наши отечественные традиционные ценности [4; 6; 7; 20; 23; 27; 28; 30; 38; 44; 51; 52] в России должен быть поставлен барьер [36; 37; 43; 48; 49; 50].

Подрыв традиционных ценностей в среде государственных служащих особенно опасен. Последствия здесь могут быть в достаточно широком диапазоне: от потери уважения к российскому обществу в целом и к его отдельным представителям до размывания нравственных основ социального самоопределения служащего, что открывает путь к самым серьезным преступлениям, включая коррупцию и даже измену Родине. При этом важно выработать у государственных служащих как устойчивые мотивы к противодействию внешнему разрушительному воздействию на его систему ценностей, так и установку на противодействие такого рода негативным воздействиям извне.

В п. 93. Указанной Стратегии четко определены задачи, решение которых необходимо для защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. В числе первых указаны следующие задачи, которые не исчерпывают всего перечня:

«1) укрепление гражданского единства, общероссийской гражданской идентичности, межнационального и межконфессионального согласия, сохранение самобытности многонационального народа Российской Федерации;

2) защита исторической правды, сохранение исторической памяти, преемственности в развитии Российского государства и его исторически сложившегося единства, противодействие фальсификации истории;

3) укрепление института семьи, сохранение традиционных семейных ценностей, преемственности поколений россиян;

4) реализация государственной информационной политики, направленной на усиление в массовом сознании роли традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, неприятие гражданами навязываемых извне деструктивных идей, стереотипов и моделей поведения;

5) развитие системы образования, обучения и воспитания как основы формирования развитой и социально ответственной личности, стремящейся к духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому совершенству».

Нравственные и социально-правовые ценности обладают потенциалом воздействия на личность человека потому, что связаны с абсолютным духовным содержанием, превосходящим узкий горизонт «четырёх стен домашнего обихода» [19]. Следуя этим ценностям, государственный служащий, в особенности находящийся на военной или правоохранительной службе, готов ставить интерес государства выше личного интереса, жертвовать последним во имя решения государственных задач,



в том числе и с готовностью пожертвовать главным, что есть у человека – его собственной жизнью. Это предельное, но совершенно необходимое в сфере государственной службы требование к готовности самопожертвования, также является необходимым элементом профессиональной культуры государственных служащих (очевидно, более значимым для военной и правоохранительной государственной службы, чем для службы гражданской). Скажем, для сотрудников правоохранительных органов профессиональная культура особенно ярко приобретает характер правовой [42].

Нужно отметить, что приведенный в нормативных документах список традиционных ценностей отличается неструктурированностью, рядоположенностью отдельных ценностей. Здесь следует иметь в виду, во-первых, что мы все же имеем дело не с научным трудом, а во-вторых в таком положении дел также есть смысл, заключающийся в том, что ценности, именно в силу их причастности абсолютному духовно-нравственному содержанию не имеют между собой иерархических отношений. Следует согласиться с выводом петербургских ученых о том, что «ценность может быть только абсолютной для человека... Относительно значимое не следует считать ценностью. Абсолютное же именно потому и абсолютно, что его нельзя оценивать количественно, говорить о большей или меньшей степени, выстраивать иерархию. Человек, общество и государство занимают разное место в онтологической структуре бытия, но в аксиологической позиции они равнозначны, будучи ценностями абсолютными. В особенности это становится очевидно, если мы будем понимать государство не механистически, а рассматривать его как выражение высшей нравственной идеи» [40, с. 190].

Однако тезис об отсутствии иерархии ценностей вовсе не исключает возможность установления их приоритета, в особенности там, где речь идет о фундаменте профессиональной культуры. В зависимости от места служащего в системе разделения труда по государственному управлению социальными процессами можно и нужно выделить ценности, которые должны составлять приоритет в ходе его служебной деятельности. Эти приоритеты, при общей ценностной основе профессиональной культуры государственных служащих, очевидно, будут различаться у представителей гражданской, военной и правоохранительной государственной службы.

Так, на наш взгляд, для сотрудников государственной правоохранительной службы приоритетными будут такие ценности как права и свободы человека, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, справедливость, взаимопомощь и взаимоуважение. Не будет ошибкой наряду с этими ценностями, из числа перечисленных в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», также указать на Конституцию, закон, правопорядок, само российское государство, его суверенитет и безопасность. Эти категории, по мысли отечественных российских ученых, также имеют аксиологическую природу [45, с. 236–237]. Они выражают ценности современного общества, особенно значимые для российских правоохранителей.

### Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-

нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

2. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.

3. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Роль традиций философии права в формировании правовой культуры личности // История философии права / Отв. ред. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 3–12.

4. Ананских И.А., Уткин Н.И. Семья как нравственно-правовая ценность российского общества // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 10. – С. 12–15.

5. Богатырев Д.К., Сальников В.П. Ценности христианского гуманизма и государственно-правовая идеология // Мир политики и социологии. – 2019. – № 11. – С. 36–43.

6. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия права Ф.М. Достоевского и система нравственно-правовых ценностей народов России в XXI столетии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 9. – С. 168–181.

7. Бастрыкин А.И., Сальников В.П., Захарцев С.И. Система нравственно-правовых ценностей в наследии Ф.М. Достоевского // Юридическая орбита. – 2021. – № 1. – С. 32–37.

8. Богатырев Д.К., Сальников В.П. Ценности, мышление, культура в пространстве духовной жизни // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 186–194.

9. Боер В.М. Правовая информированность и формирование правовой культуры личности: Вопросы теории: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1993. – 178 с.

10. Виноградова Е.В., Раттур М.В. Общероссийская идентичность как конституционная ценность в конституционных поправках 2020 года // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 3 (183). – С. 22–24.

11. Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. – № 4. – С. 1352–1356.

12. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4 (34). – С. 36–73.

13. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – Том 19. – № 1. – С. 336–341.

14. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.

15. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.

16. Галиев Ф.Х., Комаров С.А. Правовое государство и правовая культура: взаимосвязь и взаимообусловленность: статья // Юридическая наука. – 2016. – № 6. – С. 5–10.

17. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. – М.: Мысль, 1977. – 471 с.

18. Грязнова В.Н. Ценностная основа развития профессионального капитала государственной гражданской службы в условиях изменений // Этносоциум и межнациональная культура. – 2018. – № 11 (125). – С. 25–28.

19. Добро, доверие, справедливость в философско-правовой мысли: античность и современность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2022. – 463 с.

20. Епископ Филипп (М. Филипченко). Православная семья: духовность, быт, здоровье. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 283 [2] с.

21. *Заслонкина О.В.* К вопросу об управлении развитием профессиональной культуры государственных служащих // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2010. – № 5.
22. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Поправки в российское законодательство и компаративная теория права как основа суверенной философии права // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 172–187.
23. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17–31.
24. *Зорькин В.Д.* Право против хаоса: Монография. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 536 с. DOI 10.12737/1958344.
25. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.
26. *Лазарев В.В.* Конституция и аксиология государственно-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 1. – С. 36–46.
27. *Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю.* Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107–114.
28. *Патрушев:* фундамент русского общества – система традиционных ценностей // <https://rossaprimavera.ru/news/90f07c22>
29. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022. – 490 с.
30. Право. Порядок. Ценности: Монография / Под общ. ред. Е.А. Фроловой. – М: Блок-Принт, 2022. – 688 с.
31. *Ромашов Р.А.* Изменение Конституции России: исторические предпосылки, целеполагания, юридическая техника // Изменения в праве: новаторство и преемственность. – СПб.: РАНХиГС, 2022. – С. 110–135.
32. *Сальников В.П.* Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1. – С. 187–189.
33. *Сальников В.П.* Правовая культура общества: понятие и структура // Вопросы теории государства и права. – № 7. – Саратов: б.и., 1986. – С. 44–54.
34. *Сальников В.П.* Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503–530.
35. *Сальников В.П.* Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // Ученые записки юридического факультета. – 1997. – № 2. – С. 10.
36. *Сальников В.П., Груздева М.Л.* Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11–22.
37. *Сальников В.П., Романовская В.Б.* «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 11–15.
38. *Сальников В.П., Сальников М.В.* Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4 (84). – С. 70–86.
39. *Сальников В.П., Стремоухов А.В.* Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 4 (8). – С. 19–22.

40. Сальников В.П., Масленников Д.В., Жук А.С. Идея нравственно-правовых ценностей и идея государства (к вопросу о проблеме равенства абсолютных ценностей) // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 12. – С. 186–192.
41. Сальников В.П., Масленников Д.В., Морозов А.И. Человек в системе нравственно-правовых ценностей и задача формирования суверенной философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – Уфа, 2020. – С. 176–187.
42. Сальников В.П., Гуцериев Х.С., Федоров В.П., Худяк А.И. Правовая и духовная культура сотрудников правоохранительных органов. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996. – 156 с.
43. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11–18.
44. Сальников В.П., Захарцев С.И., Масленников Д.В., Морозов А.И. К вопросу об историко-философских основаниях суверенной философии права как формы выражения национальных социально-правовых ценностей // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 174–180.
45. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Конституционная реформа как реализация ценностного консенсуса общества // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 227–238.
46. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149–162.
47. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Хабибулин А.Г. Правовое государство и гражданское общество: к вопросу о первичности // Правовое государство в современном мире: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 18 мая 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 329–336.
48. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58–68.
49. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173–179.
50. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192–198.
51. Сальников М.В. Политико-правовая традиция России: генезис и эволюция: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 203 с.
52. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: итоги и размышления // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 170–188.
53. Фастович Г.Г. К вопросу о теоретическом исследовании правовой категории «государственный механизм» // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 1 (217). – С. 51–53.

---

**Для цитирования:** Сальников М.В., Прокофьев К.Г., Морозов А.И., Борисенко О.М. Нравственно-правовые ценности как основание профессиональной культуры сотрудников государственной службы: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 234–242.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_234

## MORAL AND LEGAL VALUES AS THE BASIS FOR THE PROFESSIONAL CULTURE OF CIVIL SERVICE EMPLOYEES

**Mikhail V. Salnikov** \*  
**Konstantin G. Prokofiev** \*\*  
**Alexey I. Morozov** \*\*\*  
**Oleg M. Borisenko** \*\*\*\*

**Annotation.** *In a modern democratic society, a public administration system can only be effective if its functioning is based on a deeply rooted professional culture among employees. Professional culture must be purposefully formed both in the process of training civil servants and reproduced during the service itself. The basis of the professional culture of civil servants in the Russian Federation is the system of traditional national values. In the process of forming and deepening the professional culture of various categories of civil servants, including representatives of the state law enforcement service, priority values should be highlighted while necessarily preserving the entire value basis of the life of Russian citizens.*

**Key words:** *culture, legal culture, professional culture, society, state, moral and legal values, public service.*

Today our state is faced with a complex systemic challenge consisting of many negative factors. Among them: intensification of hostile actions by Western states, including preparations for direct military aggression; imbalance of the country's economic system, continued dependence on imports, including in critical sectors of the economy; excessive differentiation of social strata, property stratification, desocialization of significant sections of the population, lack of a clear migration policy of the state; phenomena of social anomie, including significant degradation of public legal consciousness and criminalization of a significant part of society.

However, these challenges can lead not only to a deepening of the socio-economic crisis with the prospect of a political crisis, but also, conversely, to the acquisition of a new quality by the state and society, a new level of development adequate to the realities of the 21st century. A positive resolution of the crisis requires, firstly, a political and value consensus of society regarding the goals of strengthening sovereignty, establishing and consolidating basic moral and legal values in society [45, p. 227–237]; and secondly, the presence of the state will to overcome the crisis through the renewal and development of the state, leveling the risks to its sovereignty [29].

To implement the state will, an appropriate state mechanism is required that has the necessary qualitative parameters [53, p. 51–53]. It is obvious that modern society can-

---

\* **Salnikov Mikhail Viktorovich**, President of the University Foundation for the Promotion of Science and Education in the Field of Law Enforcement, Chief Researcher of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences. E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

\*\* **Prokofiev Konstantin Georgievich**, associate professor of the branch of the Moscow University of Finance and Law in Orsk, candidate of legal sciences. E-mail: 775777@bk.ru

\*\*\* **Morozov Alexey Igorevich**, Deputy General Director of Leader and K (St. Petersburg, Russia). E-mail: n0055050@gmail.com

\*\*\*\* **Borisenko Oleg Mikhailovich**, master's student of the ANO VO "Business Career Institute" (Moscow). E-mail: borisenko-5@mail.ru

not reproduce itself and develop dynamically without an effectively functioning public service system that implements the powers granted to it by society and has the ability to actively set goals. The very understanding of the nature of the state from the point of view of its position in the complex of social processes may be different, which reflects the complexity of its relationship to the institutions of civil society and to the individual [47, p. 329–335]. In the legal sense, the state is considered as a kind of “legal phenomenon”, primarily as a mechanism for managing and regulating social processes. From the point of view set by sociological theory, the state appears as a unique social reality, as an essential element of a living social organism with its own laws, customs, methods of legal institutionalization, and the legal culture of society [16; 32; 33; 34; 35] and personality [3; 9; 39], that is, citizens of their own state.

Addressing the issues of professional culture of civil servants may be associated with an analytical generalization of the experience of interaction between government authorities and citizens, with organizations and social institutions representing their legitimate interests; may be associated with the need to comprehend previous and one’s own management experience and transform it into a set of new skills and professional competencies; It may, further, be associated with the need to conform to the image of a civil servant, to meet the requirements of official etiquette not only in accordance with the letter, but also with the spirit of existing ethical codes, having the appropriate moral, legal and volitional qualities. In this case, both the legal and sociological model of the state must be taken into account. The concept of professional culture turns out to be one of those integrative concepts that allow us to connect its various meanings and meanings.

Here it would be appropriate to remember that the great German philosopher G.W.F. Hegel defined culture as, first of all, “the habit of division of labor” [17, p. 343]. On this side, professional culture can be interpreted as a “habit” of participation in social work in its specific segment, as a set of skills and knowledge for this activity, as well as an understanding of its significance and value for society (as an object of activity) and for the participant in it there is a person (as a subject of activity). Professional culture presupposes a person’s personal interest in the results of his professional activities, and therefore a readiness to be responsible both to the state and society, and to his own conscience. These general qualities of professional culture should characterize it in such a special form of activity as the public service.

All functions of a civil servant’s professional culture are based on their value content. Each function, one way or another, to one degree or another, is aimed at implementing and consolidating the existing system of moral and legal values that ensure the reproduction of the state and the activities of the mechanism that ensures its reproduction. The central, core, place of the value component of the functional mechanism of the professional culture of a civil servant is determined, firstly, by the axiological nature of culture as a whole [5, p. 36–37], and secondly, the axiological nature of the state itself [46, p. 149–161]. “Professional values, refracted in the minds of specialists in the process of their professional activities, become regulators of their behavior, pushing them to choose a certain form of action or behavior in various work situations” [21, p. 67].

The value foundations of the professional culture of civil servants must coincide with the general value foundations of our society and states, with the values and moral ideals of the majority of its citizens, from which they cannot fundamentally differ. They are of a moral and legal nature and syncretic in nature [11; 12; 13; 14]. This coincidence stems from the requirement for the unity of state and society, from the requirement to achieve

and maintain a value consensus in our society. Moreover, the most important task of the state and the civil service is seen precisely in serving these values: “In our country, the civil service should not only be deeply professional, but also capable of harmonizing the relations between government and society, state and citizen” [18, p. 25].

It is the syncretism of modern professional legal culture that is able to ensure this harmony, since culture in this interpretation presupposes the unity of the prevailing prescriptions in society not only of law, but also of morality, ethics, customs, traditions, corporate norms and religious sacraments, that is, traditional values. According to the fair remark of Professor V.D. Zorkin, law “as a form of embodiment of the rational principles of human society, i.e. as a form of human freedom in his social interaction, is not only a concept that summarizes the essential characteristics of a person as a social being with a free rational will. It is also a system of normative regulation that regulates the real everyday life of people” [24, p. 13]. The same life of people is regulated not only by law, but by the entire set of social regulators operating in society, which should act as forms of human freedom [25]. This situation forces a civil servant to have a professional culture that acquires the quality of syncretism of a legal culture, distinguished by the traditional values of society. According to the fair remark of F.Kh. Galiev, the essence of “syncretism of legal culture comes down to the fact that none of the existing social norms in modern society functions in isolation from others... The essence of syncretism of legal culture lies in the fact that legal culture is formed, functions and shows the main trends of its further development, being a constituent element of the holistic process of social regulation and the impact of law on social relations, consciousness and behavior of people in close unity with other social regulators” [15, p. 85].

Starting with the constitutional reform of 2020, the legal policy of the Russian state is increasingly focused on maintaining the traditional values of the peoples of our country. The amendments themselves to the Basic Law were predominantly of a value nature, so that for the first time at the constitutional level it was moral and legal values that were protected, and thereby the value potential of the Constitution itself was consolidated in the public consciousness, the value status of the law and the public service was consolidated [10; 22; 26, p. 36–45; 31].

On the one hand, this kind of “axiologization” of public policy, which emerged five years ago, set new guidelines for the professional culture of civil servants, demanded the development of this culture and a more clear expression of the value emphasis in the activities of civil servants. On the other hand, the task of theoretically understanding the value nature of the Russian state with consolidating its results at the legislative and regulatory levels became increasingly urgent [41, p. 177–179].

The general result of the ongoing broad scientific discussion and the result of the development of the regulatory framework in this area can be considered “Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values”, approved by Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809. In Art. 1.5. The fundamentals say: “Traditional values include life, dignity, human rights and freedoms, patriotism, citizenship, service to the Fatherland and responsibility for its fate, high moral ideals, a strong family, creative work, the priority of the spiritual over the material, humanism, mercy, justice, collectivism, mutual assistance and mutual respect, historical memory and continuity of generations, the unity of the peoples of Russia” [1].

Perhaps this list of traditional values is not exhaustive. Nevertheless, it may well serve as a guide in the process of goal-oriented formation of the professional culture of civil

servants in our country. Culture always has as its basis a certain value system [8, p. 186–192]. It is fundamentally important that the professional culture of civil servants in our country is based on the traditional values specified in the above documents. To this end, current and future civil servants should be encouraged to familiarize themselves with the national classical artistic culture: literature, music, fine arts, as well as the basics of religious and family traditions and values of the peoples of the Russian Federation. Our traditional values express universal, universal human content, and therefore also cannot contradict the world's classical heritage. Incorporation into the latter should also be considered as a way of forming the value foundations of the professional culture of civil servants in Russia.

At the same time, civil servants must fully understand the extent of the crisis of the value system in the modern world, especially in Western countries, as well as the degree of threats posed to modern people from the crisis of Western culture. Paragraph 87 of the “National Security Strategy of the Russian Federation” states that “traditional Russian spiritual, moral, cultural and historical values are under active attack from the United States and its allies, as well as from transnational corporations, foreign non-profit, non-governmental, religious, extremist and terrorist organizations. They have an informational and psychological impact on individual, group and public consciousness through the dissemination of social and moral attitudes that contradict the traditions, convictions and beliefs of the peoples of the Russian Federation” [2]. The attacks of the collective West on our domestic traditional values [4; 6; 7; 20; 23; 27; 28; thirty; 38; 44; 51; 52] a barrier should be erected in Russia [36; 37; 43; 48; 49; 50].

Undermining traditional values among civil servants is especially dangerous. The consequences here can be in a fairly wide range: from a loss of respect for Russian society as a whole and for its individual representatives to the erosion of the moral foundations of the social self-determination of an employee, which opens the way to the most serious crimes, including corruption and even treason. At the same time, it is important to develop among civil servants both stable motives to counteract external destructive influences on their value system, and an attitude to counteract such negative influences from the outside.

Clause 93 of this Strategy clearly defines the tasks, the solution of which is necessary to protect traditional Russian spiritual and moral values, culture and historical memory. Among the first are the following tasks, which do not exhaust the entire list:

“1) strengthening civil unity, all-Russian civic identity, interethnic and interfaith harmony, preserving the identity of the multinational people of the Russian Federation;

2) protection of historical truth, preservation of historical memory, continuity in the development of the Russian state and its historically established unity, countering the falsification of history;

3) strengthening the institution of family, preserving traditional family values, continuity of generations of Russians;

4) implementation of state information policy aimed at strengthening the role of traditional Russian spiritual, moral, cultural and historical values in the mass consciousness, citizens' rejection of destructive ideas, stereotypes and behavior patterns imposed from outside;

5) development of the system of education, training and upbringing as the basis for the formation of a developed and socially responsible personality striving for spiritual, moral, intellectual and physical perfection.”

Moral and socio-legal values have the potential to influence a person's personality because they are associated with absolute spiritual content that exceeds the narrow hori-



zon of the “four walls of home life” [19]. Following these values, a civil servant, especially one in military or law enforcement service, is ready to put the interest of the state above personal interest, to sacrifice the latter in the name of solving state problems, including willingly sacrificing the main thing a person has – his own life. This is an extreme, but absolutely necessary requirement in the field of public service for the readiness of self-sacrifice, and is also a necessary element of the professional culture of civil servants (obviously, more significant for military and law enforcement public service than for civilian service). For example, for law enforcement officers, professional culture especially clearly acquires a legal character [42].

It should be noted that the list of traditional values given in regulatory documents is characterized by unstructuredness and the juxtaposition of individual values. Here it should be borne in mind, firstly, that we are still not dealing with scientific work, and secondly, in this state of affairs there is also a meaning, which consists in the fact that values, precisely because of their involvement in the absolute spiritual and moral content have no hierarchical relationships with each other. One should agree with the conclusion of St. Petersburg scientists that “value can only be absolute for a person... What is relatively significant should not be considered a value. The absolute is absolute precisely because it cannot be assessed quantitatively, talk about a greater or lesser degree, or build a hierarchy. Man, society and the state occupy different places in the ontological structure of existence, but in the axiological position they are equivalent, being absolute values. This becomes especially obvious if we understand the state not mechanistically, but consider it as an expression of the highest moral idea” [40, p. 190].

However, the thesis about the absence of a hierarchy of values does not at all exclude the possibility of establishing their priority, especially where we are talking about the foundation of professional culture. Depending on the place of the employee in the system of division of labor in the state management of social processes, it is possible and necessary to highlight the values that should be a priority in the course of his official activities. These priorities, given the general value basis of the professional culture of civil servants, will obviously differ among representatives of the civil, military and law enforcement civil service.

So, in our opinion, for employees of the state law enforcement service the priority values will be such values as human rights and freedoms, service to the Fatherland and responsibility for its fate, justice, mutual assistance and mutual respect. It would not be a mistake, along with these values, from those listed in the “Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values,” to also point out the Constitution, law, law and order, the Russian state itself, its sovereignty and security. These categories, according to domestic Russian scientists, also have an axiological nature [45, p. 236–237]. They express the values of modern society, which are especially significant for Russian law enforcement officers.

### Bibliography

1. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 “On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 46. Art. 7977.
2. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation” // Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (part II). St. 5351.

3. Albov A.P., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. The role of traditions of legal philosophy in the formation of a person's legal culture // History of legal philosophy / Responsible. ed. A.P. Albov, D.V. Maslennikov, V.P. Salnikov. St. Petersburg: Law Institute (St. Petersburg), St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1998. P. 3–12.
4. Ananskikh I.A., Utkin N.I. Family as a moral and legal value of Russian society // Legal science: history and modernity. 2023. No. 10. P. 12–15.
5. Bogatyrev D.K., Salnikov V.P. The values of Christian humanism and state-legal ideology // World of Politics and Sociology. 2019. No. 11. P. 36–43.
6. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. Philosophy of law F.M. Dostoevsky and the system of moral and legal values of the peoples of Russia in the 21st century // Legal science: history and modernity. 2020. No. 9. P. 168–181.
7. Bastrykin A.I., Salnikov V.P., Zakhartsev S.I. The system of moral and legal values in the heritage of F.M. Dostoevsky // Legal orbit. 2021. No. 1. P. 32–37.
8. Bogatyrev D.K., Salnikov V.P. Values, thinking, culture in the space of spiritual life // World of politics and sociology. 2019. No. 9. P. 186–194.
9. Boer V.M. Legal awareness and the formation of legal culture of the individual: Questions of theory: Dis. ...cand. legal Sci. St. Petersburg, 1993. 178 p.
10. Vinogradova E.V., Rattur M.V. All-Russian identity as a constitutional value in the constitutional amendments of 2020 // Law and state: theory and practice. 2020. No. 3 (183). Pp. 22–24.
11. Galiev F.Kh. The impact of law on public relations and the syncretism of legal culture // Bulletin of the Bashkir University. 2013. Volume 18. No. 4. P. 1352–1356.
12. Galiev F.Kh. On the syncretism of legal culture // Rule of law: theory and practice. 2013. No. 4 (34). P. 36–73.
13. Galiev F.Kh. Syncretism of legal culture and optimization of public relations // Bulletin of the Bashkir University. 2014. Volume 19. No. 1. P. 336–341.
14. Galiev F.Kh. Syncretism of the legal culture of modern Russia: theoretical-methodological and historical-applied research: Author's abstract. dis. ... doc. legal Sci. Moscow: Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 2014. 55 p.
15. Galiev F.Kh. Syncretism of modern legal culture: Monograph. Ufa: Bashkir State University, 2011. 354 p.
16. Galiev F.Kh., Komarov S.A. Rule of law and legal culture: interrelation and interdependence: article // Legal science. 2016. No. 6. P. 5–10.
17. Hegel G.V.F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. T. 3. Philosophy of spirit. Moscow: Mysl, 1977. 471 p.
18. Gryaznova V.N. The value basis for the development of professional capital of the state civil service in the conditions of change // Ethnosocium and interethnic culture. 2018. No. 11 (125). Pp. 25–28.
19. Goodness, trust, justice in philosophical and legal thought: antiquity and modernity: Monograph / Ed. ed. V.P. Salnikova. St. Petersburg: St. Petersburg Military Institute of National Guard Troops, University Foundation, 2022. 463 p.
20. Bishop Philip (M. Filipchenko). Orthodox family: spirituality, life, health. Rostov-on-Don: Phoenix, 2007. 283 [2] p.
21. Zaslonskaya O.V. On the issue of managing the development of professional culture of civil servants // Human Science: Humanitarian Research. 2010. No. 5.
22. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Amendments to Russian legislation and the comprehensive theory of law as the basis of sovereign philosophy of law // Amendments to the Constitution of the Russian Federation and prospects for the development of regional legislation: Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Ufa, March 24, 2021) / Rep. ed. N.V. Yamal'tdinova. Ufa: RIC BashSU, 2021. P. 172–187.
23. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Legal progress and values of law // World of politics and sociology. 2015. No. 9. P. 17–31.

24. Zorkin V.D. Law against chaos: Monograph. – 3rd ed., revised and supplemented. Moscow: Norma: INFRA-M, 2023. 536 p. DOI 10.12737/1958344.
25. The idea of freedom. Right. Morality (classical and postclassical philosophy of law): Monograph / Ed. doc. legal Sciences S.I. Zakhartseva. Moscow: Yurlitinform, 2020. 288 p.
26. Lazarev V.V. Constitution and axiology of state-legal ideology // Legal science: history and modernity. 2021. No. 1. P. 36–46.
27. Morozov A.I., Prokofiev K.G., Sergeeva A.Yu. The institution of family as a moral and legal value (on the issue of sovereign legal ideology as the basis of family law in the Russian Federation) // Legal science: history and modernity. 2019. No. 12. P. 107–114.
28. Patrushev: the foundation of Russian society is a system of traditional values // <https://rossaprimavera.ru/news/90f07c22>
29. Political and legal management and threats to state sovereignty: Monograph / Under the general. ed. V.P. Salnikova. St. Petersburg: St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, University Foundation, 2022. 490 p.
30. Right. Order. Values: Monograph / Under general. ed. E.A. Frolova. Moscow: Block-Print, 2022. 688 p.
31. Romashov R.A. Changing the Constitution of Russia: historical background, goal setting, legal technique // Changes in law: innovation and continuity. St. Petersburg: RANEPА, 2022. P. 110–135.
32. Salnikov V.P. Legal culture as a factor in the stabilization of modern Russian society // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after. N.I. Lobachevsky. Series: Law. 2001. No. 1. P. 187–189.
33. Salnikov V.P. Legal culture of society: concept and structure // Questions of the theory of state and law. No. 7. Saratov: b.i., 1986. P. 44–54.
34. Salnikov V.P. Legal culture. Ch. XX // General theory of state and law. Academic course in three volumes / Rep. ed. M.N. Marchenko. 4th ed., revised. and additional Volume 3: State, law, society. Moscow: INFRA-M, 2013. P. 503–530.
35. Salnikov V.P. Formation of legal culture in the conditions of the formation of civil society: structure and functions // Scientific notes of the Faculty of Law. 1997. No. 2. P. 10.
36. Salnikov V.P., Gruzdeva M.L. Overcoming Europe: philosophical and legal essay // World of Politics and Sociology. 2015. No. 8. P. 11–22.
37. Salnikov V.P., Romanovskaya V.B. “Orient” or “oxident”: which way is the Russian eagle looking? // World of politics and sociology. 2014. No. 11. P. 11–15.
38. Salnikov V.P., Salnikov M.V. Legal culture and political and legal traditions in the context of absolute values // Legal Thought. 2014. No. 4 (84). P. 70–86.
39. Salnikov V.P., Stremoukhov A.V. The legal culture of society and the individual is the most important means of protecting human rights // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2000. No. 4 (8). Pp. 19–22.
40. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zhuk A.S. The idea of moral and legal values and the idea of the state (on the issue of equality of absolute values) // Legal science: history and modernity. 2022. No. 12. P. 186–192.
41. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Morozov A.I. Man in the system of moral and legal values and the task of forming a sovereign philosophy of law // Human rights in the dialogue between state authorities and civil society: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to Human Rights Day (Ufa, December 10, 2020). In 2 parts. Part 1 / Answer. ed. E.O. Tulupova. Ufa: RIC BashGU, 2020. Ufa, 2020. P. 176–187.
42. Salnikov V.P., Gutseriev Kh.S., Fedorov V.P., Khudyak A.I. Legal and spiritual culture of law enforcement officers. St. Petersburg: St. Petersburg Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1996. 156 p.
43. Salnikov V.P., Zhdanov P.S., Salnikov M.V., Romanovskaya V.B. Russian religious philosophy of law as the protection of national values from foreign cultural expansion // World of Politics and Sociology. 2015. No. 7. P. 11–18.

44. Salnikov V.P., Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Morozov A.I. On the question of the historical and philosophical foundations of the sovereign philosophy of law as a form of expression of national socio-legal values // *World of Politics and Sociology*. 2018. No. 11. P. 174–180.

45. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I. Constitutional reform as the implementation of the value consensus of society // *Amendments to the Constitution of the Russian Federation and prospects for the development of regional legislation: Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Ufa, March 24, 2021) / Rep. ed. N.V. Yamaletdinova*. Ufa: RIC BashSU, 2021. P. 227–238.

46. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I. The value basis of sovereignty (on the issue of sovereign state-legal ideology) // *Legal science: history and modernity*. 2019. No. 11. P. 149–162.

47. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Khabibulin A.G. The rule of law and civil society: on the issue of primacy // *The rule of law in the modern world: Collection of materials of the International scientific and practical conference (Ufa, May 18, 2021) / Rep. ed. N.V. Yamaletdinova*. Ufa: RIC BashSU, 2021. P. 329–336.

48. Salnikov V.P., Romanovskaya V.B., Salnikov M.V., Romanovskaya L.R. Why to the East: Russia's turn in the modern political and legal space // *Legal field of modern economics*. 2015. No. 9. P. 58–68.

49. Salnikov V.P., Romanovskaya V.B., Salnikov M.V., Romanovskaya L.R. Religious and other spiritual traditions as protection against the threat of degradation of society // *Legal science: history and modernity*. 2015. No. 7. P. 173–179.

50. Salnikov V.P., Romanovskaya V.B., Salnikov M.V., Romanovskaya L.R. "Russian turn" in political and legal discourse // *Scientific notes of the Faculty of Law*. 2015. No. 38(48). Pp. 192–198.

51. Salnikov M.V. Political and legal tradition of Russia: genesis and evolution: Monograph. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. 203 p.

52. Salnikov M.V. Political and legal tradition: results and reflections // *Legal science: history and modernity*. 2015. No. 1. P. 170–188.

53. Fastovich G.G. On the issue of theoretical research of the legal category "state mechanism" // *Law and State: Theory and Practice*. 2023. No. 1 (217). Pp. 51–53.

---

**For citation:** Salnikov M.V., Prokofiev K.G., Morozov A.I., Borisenko O.M. Moral and legal values as the basis for the professional culture of civil service employees: article // *Theory of State and Law*. 2024. No. 1 (35). P. 243–250.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_234

## Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI 10.47905/MATGIP\_2024\_1\_35\_251

**А.Г. Хабибулин\***

## ИДЕОЛОГИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ ГОСУДАРСТВА

***Аннотация.** Статья посвящена определению роли государства в политической системе и значению идеологии в ходе политической самоидентификации. Подчеркивается системообразующее значение идеологии в развитии государства и общества. Особую значимость приобретает идеологическое обеспечение государственной политики в современной России, что связано с отстаиванием интересов России и противостоянием санкционной политики стран Западной Европы и США.*

***Ключевые слова:** государство, идеология, общество, государственная идеология, политическая система, политическая субъектность.*

Идеологическое обеспечение деятельности публичных институтов приобретает особую важность в условиях современной России, что обусловливается политическим и экономическим кризисом, необходимостью формирования стратегии устойчивого развития российского общества и государства, определяемой системой базовых идеологических ценностей.

Ценностные ориентиры существуют в общественном сознании и складываются исторически. В этой связи Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил: «Людей ... не обманешь. Они остро чувствуют лицемерие, неуважение к себе и любую несправедливость. Их мало интересует бюрократическая волокита, бумажная текучка. Для людей важно, что реально сделано и как это улучшает их жизнь, жизнь их семей. И не когда-нибудь, а сейчас. Мы не должны повторять ошибок прошлых десятилетий и ждать "пришествия коммунизма". Нужно сейчас менять ситуацию к лучшему» [1].

Государство занимает центральное место в политической системе общества, так как оно обладает властью и играет регулятивную роль. Государство имеет монополию на установление юридических норм, которые обязательны для всех субъектов политики, и контролирует их исполнение. Все остальные политические институты, социальные группы и отдельные люди действуют в рамках правового пространства, установленного государством в соответствии с его правилами.

Роль государства в политических системах, как в прошлом, так и в настоящем обусловлена его объективным положением, оно является основным источником из-

---

\* **Хабибулин Алик Галимзянович**, заведующий кафедрой экономических и финансовых исследований Высшей школы государственного аудита (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор. E-mail: 21alik@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3245-6278>

менений в политической системе, так как имеет полномочия вносить изменения, а также утверждать предложения, исходящие от других субъектов. Легитимные изменения в политической системе должны происходить с участием государства.

Однако государство не является единственным актором в политической сфере, помимо него, существуют и другие политические институты, такие как парламенты, правительства, политические партии, которые также вносят свой вклад в формирование и изменение политической системы. Социальные группы, такие как профсоюзы, общественные организации, также активно участвуют в политической жизни, выражая свои интересы и влияя на принятие решений.

В современном мире наблюдается увеличение роли неправительственных организаций и глобальных институтов, которые влияют на политические процессы и принимают участие в формировании международных норм и правил. Таким образом, политическая система становится все более сложной и многомерной, с участием различных акторов, включая государство.

Важно отметить, что государство также не является статичным и неподвижным. Оно подвержено влиянию различных факторов, таких как экономические изменения, социальные движения, технологический прогресс. Эти факторы могут привести к изменению политической системы и роли государства в ней.

Таким образом, государство играет ведущую роль в политической системе общества, взаимодействие различных политических институтов, социальных групп и глобальных организаций формирует сложную политическую динамику, которая определяет будущее общества.

Всякий политический субъект обладает властью только в той степени, в которой ему это позволяет государство. Например, политическая партия может получить политическую власть только через победу на выборах, и это зависит от правил и законов, установленных государством. Таким образом, политическая власть всегда ограничена государственной властью.

Понятие политической субъектности тесно связано с политической властью, но имеет и свои отличительные черты. Возможность влиять на процессы, происходящие в обществе, можно рассматривать как проявление власти. Однако политическая субъектность не сводится только к власти. Она также включает в себя другие аспекты, такие как участие в принятии решений, формирование общественного мнения и т.д. Политическая субъектность является более широким понятием, охватывающим различные аспекты политической активности.

Государственная власть, в отличие от политической, основана на принуждении. Власть всегда предполагает возможность применения силы, и в некоторых случаях сила может быть единственным основанием власти. Государство имеет возможность регулировать процессы в обществе благодаря своим правоохранным и силовым ресурсам, а также наличию институтов и структур, позволяющих ему воздействовать в соответствии с законом. Однако государственная власть – это только одна из составляющих политического феномена. Она не охватывает все аспекты политической субъектности и политической власти.

Опасность сильного государства и его влияние на общество давно обсуждаются в контексте классического либерализма. Однако российский опыт позволяет нам посмотреть на эту проблему с другой стороны. Важно понимать, что слабое государство с низкой политической субъектностью также представляет серьезную опасность. Если государство не способно или не желает выполнять свои регулятивные

функции, это может привести к катастрофическим последствиям не только для самого государства, но и для всего международного сообщества.

В современном мире, где коммуникативные связи стали плотными, взаимосвязь между различными общественными процессами стала очевидной. Поэтому, если в прошлом гибель и распад великих империй, локальные военные конфликты и политические кризисы не оказывали прямого воздействия на удаленные страны, то сегодня такая невмешательность уже не является возможной. Это создает определенную опасность для всего человечества.

Понятие «политическая субъектность» становится важным инструментом для анализа государств прошлого и настоящего. Оно помогает раскрыть реальную роль и место каждого государства в политической системе общества. Политическая субъектность отображает способность государства оказывать существенное воздействие на политические процессы и выполнять свои регулятивные функции.

Поэтому, необходимо стремиться к достижению баланса между сильным и слабым государством. Слишком сильное государство может подавлять свободу и права граждан, а слишком слабое государство не сможет обеспечить необходимую стабильность и безопасность. Российский опыт показывает, что важно развивать политическую субъектность государства, чтобы оно могло эффективно управлять своими внутренними и внешними делами, содействуя благополучию своих граждан и способствуя мировой стабильности.

Таким образом, исторический опыт позволяет определить, что и сильные, и слабые государства могут представлять опасность для общества. Важно стремиться к созданию сбалансированного государства, которое обладает достаточной политической субъектностью, чтобы эффективно управляться и обеспечивать благополучие своих граждан, сохраняя при этом гармонию в международных отношениях.

В современном мире, характеризующемся быстрыми изменениями и вызовами, государственная идеология играет все более важную роль. Она определяет общие цели и ориентиры развития общества, а также служит основой для формирования общественного согласия и консолидации.

В России, пережившей в последние годы ряд серьезных потрясений, необходимость в формировании новой государственной идеологии особенно актуальна. «Не может быть общество без идеологии, это элементарные понятия государства и права. Сейчас проходит специальная военная операция и одна из целей СВО – денацификация Украины, то есть уничтожение идеологии фашизма. Одна из задач СВО сегодня решается, поэтому я предлагаю серьезно подумать над этим. С учетом нашего исторического общества, с учетом современных реалий, в которых мы живем, думая о перспективах развития нашего общества, необходимо все-таки сформулировать идеологию нашего общества, наших целей и закрепить ее в Конституции РФ» [4].

В этой ситуации государственная идеология может стать инструментом для преодоления кризиса и возрождения страны. Она должна помочь сформировать у населения чувство патриотизма, гордости за свою страну и веру в ее будущее. При этом важным условием политического и экономического развития России является установление взаимовыгодного международного сотрудничества.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в этой связи отметил, что «наша политика никогда не будет основываться на претензиях на исключительность, мы защищаем свои интересы и уважаем интересы других стран, руководствуемся международным правом, считаем незыблемой ключевую роль ООН. Именно такие прин-

ципы и подходы позволяют нам выстраивать прочные, добрые и равноправные отношения с абсолютным большинством государств мира. Новую динамику получают наши отношения с очень многими странами мира. Мы заинтересованы в нормальном, конструктивном взаимодействии с США и Евросоюзом. Рассчитываем, что возобладаст здравый смысл, и наши партнеры сделают выбор в пользу честного, равноправного сотрудничества» [2].

Помимо международных договоров Российской Федерации в отечественную правовую систему включены принципы и нормы международного права, признанные мировым сообществом общепризнанными. Последние в настоящее время приобрели особую актуальность в правотворческой и правоприменительной деятельности органов государственной власти Российской Федерации.

Государственная идеология должна быть основана на общечеловеческих ценностях, таких как свобода, равенство, справедливость, гуманизм. Она должна учитывать особенности российской истории и культуры, а также вызовы, стоящие перед страной в современном мире. В частности, государственная идеология России должна основываться на следующих принципах сохранения суверенитета и территориальной целостности страны: развития экономики на основе рыночных принципов; социальной справедливости и обеспечения равных возможностей для всех граждан; укрепления семьи и традиционных ценностей; поддержки патриотизма и гражданственности.

Формирование государственной идеологии является сложной и многогранной задачей. Она должна осуществляться с участием всех слоев общества, различных политических партий и общественных организаций. Государство должно создать условия для свободного и открытого обсуждения идеологии, а также обеспечить ее популяризацию среди населения.

В настоящее время в России ведется активная работа по формированию новой государственной идеологии. Так, в 2022 году был принят Указ Президента Российской Федерации Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [3], определяющим стратегическое планирование в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, систему целей, задач и инструментов реализации стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» в части, касающейся защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Таким образом, идеология является важным инструментом для развития политической субъектности государства. Она может помочь преодолеть кризис, консолидировать общество и обеспечить устойчивое развитие страны. В этой связи становление и развитие государственной идеологии является важнейшим фактором в отстаивании политической самоидентификации России и продвижении ее интересов на международной арене в условиях глобализации мирового сообщества. При этом политическая субъектность российского государства основывается на участии в политическом процессе всех слоев общества и отстаивании общечеловеческих ценностей.

### Библиографический список

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 20.02.2019 "Послание Президента Федеральному Собранию" // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)



2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 г. // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

3. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)

4. Выступление Председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина 22 ноября 2023 г. на 17-й Международной научно-практической конференции «Державинские чтения» в Минюсте России // <https://www.rbc.ru/politics/22/11/2023/655db8f39a7947609f6e6b9e?from=copy>

---

**Для цитирования:** Хабibuлин А.Г. Идеология как фактор политической субъектности государства: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 251–255.

DOI: 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_251

### IDEOLOGY AS A FACTOR IN THE POLITICAL SUBJECTIVITY OF THE STATE

Alik G. Khabibulin\*

**Annotation.** *The article is devoted to the definition of the role of the state in the political system and the importance of ideology in the course of political self-identification. The system-forming significance of ideology in the development of the state and society is highlighted. Of particular importance is the ideological support of the state in modern Russia, which is associated with defending the interests of Russia and opposing the sanctions policy of Western Europe and the United States.*

**Keywords:** *state, ideology, society, state ideology, political system, political subjectivity.*

Ideological support for the activities of public institutions is of particular importance in the conditions of modern Russia, which is determined by the political and economic crisis, the need to form a strategy for the sustainable development of Russian society and the state, determined by a system of basic ideological values.

Value guidelines exist in the public consciousness and develop historically. In this regard, President of the Russian Federation V.V. Putin noted: “You can’t deceive people. They acutely feel hypocrisy, disrespect for themselves and any injustice. They are of little interest in bureaucratic red tape and paperwork. For people, what is important is what has actually been done and how it improves their lives, the lives of their families. And not someday, but now. We should not repeat the mistakes of past decades and wait for the “coming of communism”. We need to change the situation for the better now” [1].

The state occupies a central place in the political system of society, as it has power and plays a regulatory role. The state has a monopoly on the establishment of legal norms that are binding on all political subjects and controls their implementation. All other politi-

---

\* **Khabibulin Alik Galimzyanovich**, Head of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit (Faculty) Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor. E-mail: 21alik@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3245-6278>

cal institutions, social groups and individuals operate within the legal space established by the state in accordance with its rules.

The role of the state in political systems, both in the past and in the present, is determined by its objective position; it is the main source of changes in the political system, since it has the authority to make changes, as well as approve proposals coming from other entities. Legitimate changes in the political system must occur with the participation of the state.

However, the state is not the only actor in the political sphere; in addition to it, there are other political institutions, such as parliaments, governments, political parties, which also contribute to the formation and change of the political system. Social groups, such as trade unions and public organizations, also actively participate in political life, expressing their interests and influencing decision-making.

In the modern world, there is an increasing role of non-governmental organizations and global institutions that influence political processes and take part in the formation of international norms and rules. Thus, the political system is becoming increasingly complex and multidimensional, with the participation of various actors, including the state.

It is important to note that the state is also not static and motionless. It is influenced by various factors such as economic changes, social movements, and technological progress. These factors can lead to changes in the political system and the role of the state in it.

Thus, the state plays a leading role in the political system of society; the interaction of various political institutions, social groups and global organizations forms complex political dynamics that determine the future of society.

Every political subject has power only to the extent that the state allows it. For example, a political party can only gain political power through winning elections, and this depends on the rules and laws set by the state. Thus, political power is always limited by state power.

The concept of political subjectivity is closely related to political power, but it also has its own distinctive features. The ability to influence processes occurring in society can be considered as a manifestation of power. However, political subjectivity is not limited to power. It also includes other aspects such as participation in decision making, formation of public opinion, etc. Political subjectivity is a broader concept that covers various aspects of political activity.

State power, unlike political power, is based on coercion. Power always presupposes the possibility of using force and in some cases force may be the only basis of power. The state has the ability to regulate processes in society thanks to its law enforcement and security resources, as well as the presence of institutions and structures that allow it to act in accordance with the law. However, state power is only one of the components of the political phenomenon. It does not cover all aspects of political subjectivity and political power.

The dangers of a strong state and its impact on society have long been discussed in the context of classical liberalism. However, Russian experience allows us to look at this problem from a different perspective. It is important to understand that a weak state with low political agency also poses a serious danger. If a state is unable or unwilling to fulfill its regulatory functions, this can lead to catastrophic consequences not only for the state itself, but also for the entire international community.

In the modern world, where communication connections have become dense, the relationship between various social processes has become obvious. Therefore, if in the past the death and collapse of great empires, local military conflicts and political crises did not

## Theory of State and Law

---

have a direct impact on distant countries, today such non-interference is no longer possible. This creates a certain danger for all humanity.

The concept of “political subjectivity” is becoming an important tool for analyzing states of the past and present. It helps to reveal the real role and place of each state in the political system of society. Political subjectivity reflects the state’s ability to have a significant impact on political processes and perform its regulatory functions.

Therefore, it is necessary to strive to achieve a balance between a strong and weak state. A state that is too strong can suppress the freedom and rights of citizens and a state that is too weak will not be able to provide the necessary stability and security. Russian experience shows that it is important to develop the political agency of the state so that it can effectively manage its internal and external affairs, promoting the well-being of its citizens and contributing to global stability.

Thus, historical experience allows us to determine that both strong and weak states can pose a danger to society. It is important to strive to create a balanced state that has sufficient political agency to govern effectively and ensure the well-being of its citizens, while maintaining harmony in international relations.

In today's world, characterized by rapid change and challenges, state ideology plays an increasingly important role. It determines the general goals and guidelines for the development of society, and also serves as the basis for the formation of public consent and consolidation.

In Russia, which has experienced a number of serious upheavals in recent years, the need for the formation of a new state ideology is especially urgent. “There cannot be a society without ideology; these are elementary concepts of state and law. A special military operation is currently underway and one of the goals of the North Military District is the denazification of Ukraine, that is, the destruction of the ideology of fascism. One of the tasks of the SVO is being solved today, so I propose to seriously think about it. Taking into account our historical society, taking into account the modern realities in which we live, thinking about the prospects for the development of our society, it is still necessary to formulate the ideology of our society, our goals and enshrine it in the Constitution of the Russian Federation” [4].

In this situation, state ideology can become a tool for overcoming the crisis and reviving the country. It should help to form among the population a sense of patriotism, pride in their country and faith in its future. At the same time, an important condition for the political and economic development of Russia is the establishment of mutually beneficial international cooperation.

President of the Russian Federation V.V. Putin noted that “our policy will never be based on claims to exclusivity, we protect our interests and respect the interests of other countries, we are guided by international law, and we consider the key role of the UN unshakable. It is these principles and approaches that allow us to build strong, kind and equal relations with the absolute majority of states in the world. Our relations with many countries of the world are gaining new dynamics. We are interested in normal, constructive interaction with the United States and the European Union. We hope that common sense will prevail and our partners will make a choice in favor of honest, equal cooperation” [2].

In addition to the international treaties of the Russian Federation, the domestic legal system includes the principles and norms of international law that are generally recognized by the international community. The latter have now acquired particular relevance in the law-making and law enforcement activities of government bodies of the Russian Federation.

State ideology must be based on universal human values, such as freedom, equality, justice, humanism. It must take into account the peculiarities of Russian history and culture, as well as the challenges facing the country in the modern world.

In particular, the state ideology of Russia should be based on the following principles of preserving the sovereignty and territorial integrity of the country: economic development based on market principles; social justice and ensuring equal opportunities for all citizens; strengthening family and traditional values; support of patriotism and citizenship.

The formation of state ideology is a complex and multifaceted task. It must be carried out with the participation of all sectors of society, various political parties and public organizations.

The state must create conditions for free and open discussion of ideology, as well as ensure its popularization among the population.

Currently, active work is underway in Russia to form a new state ideology. Thus, in 2022, Decree of the President of the Russian Federation was adopted. Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 No. 809 "On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" [3], which defines strategic planning in the field of ensuring national security of the Russian Federation, a system of goals, objectives and tools for the implementation of the strategic national priority "Protection of traditional Russian spiritual and moral values, culture and historical memory" as it relates to the protection of traditional Russian spiritual and moral values.

Thus, ideology is an important tool for the development of the political subjectivity of the state. It can help overcome the crisis, consolidate society and ensure sustainable development of the country.

In this regard, the formation and development of state ideology is the most important factor in defending Russia's political self-identification and promoting its interests in the international arena in the context of the globalization of the world community. At the same time, the political subjectivity of the Russian state is based on the participation in the political process of all sectors of society and the upholding of universal human values.

### Bibliography

1. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated February 20, 2019 "Message of the President to the Federal Assembly" // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
2. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation dated March 1, 2018 // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
3. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
4. Speech by the Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation A.I. Bastrykin on November 22, 2023 at the 17th International Scientific and Practical Conference "Derzhavin Readings" at the Ministry of Justice of Russia // <https://www.rbc.ru/politics/22/11/2023/655db8f39a7947609f6e6b9e?from=copy>

---

**For citation:** Khabibulin A.G. Ideology as a factor in the political subjectivity of the state: article // Theory of State and Law. 2024. No. 1 (35). P. 255-258.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_251

## 5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

### Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI 10.47905/MATGIP.2024\_1\_35\_259

А.Г. Самусевич\*

### ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФОРМА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ (ЧАСТЬ 1)

***Аннотация.** Рассматриваются теоретические основы сущности и роли интерпретационной деятельности в механизме конституционного правоприменения. Анализируются различные точки зрения на понимание интерпретации конституционных норм. Делается вывод о том, что интерпретация конституционных норм выступает одним из действенных факторов обеспечения правильного и действенного правоприменения положений Конституции. Определяется, что интерпретация является формой конституционного правоприменения, наполняющая данный процесс существенным содержанием, придавая тем самым динамику рассматриваемому механизму.*

***Ключевые слова:** реализации конституционных норм, правоприменение, конституционное правоприменение, интерпретация конституционных норм, интерпретационная деятельность.*

Данной статьей открывается цикл статей, посвященных конкретизации концепции конституционного правоприменения, которая могла бы отвечать современным реалиям в сфере применения норм Основного Закона. В частности, ранее автором предварительно было определено, что интерпретация конституционных норм в какой-то мере может выступать формой конституционного правоприменения и структурным элементом его механизма. Проще говоря, неистолкованная норма, в том числе и конституционная, не может применяться [16, с. 134].

Однако, при исследовании интерпретационной деятельности в механизме конституционного правоприменения, ломается логика теоретических представлений о правоприменении в целом, где процесс толкования выступает отдельной стадией и осуществляется соответствующим субъектом с целью правильного и эффективного применения интерпретируемой нормы, без дополнительных обращений в другие компетентные органы для ее интерпретации.

Начнем с того, что в рамках современной российской юриспруденции интерпретация конституционных норм рассматривается как исключительная и особая де-

---

\* Самусевич Алексей Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); Иркутский национальный исследовательский технический университет. E-mail: samusevich79@mail.ru.

тельность Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный суд РФ). И здесь возникает немало вопросов теоретического и прикладного характера, на которые нельзя однозначно дать полноценные ответы ни в рамках теории права, ни в конституционно-правовой науке. Например, как интерпретационная деятельность влияет на эффективность применения конституционных норм, и какое место занимает в механизме конституционного правоприменения? Является ли интерпретация отдельной стадией правоприменительного процесса или ее можно считать специфической формой применения конституционных норм? Является ли интерпретация конституционных норм исключительной прерогативой Конституционного суда РФ или ее могут осуществлять иные субъекты конституционного правоприменения? Полагаем, что даже приблизительные ответы на эти вопросы дают возможность определить интерпретацию как специфическую форму конституционного правоприменения.

Сразу оговоримся, что не ставим под сомнение те выводы и заключения ученых, которые были достигнуты в отношении интерпретации положений Конституции, в том числе и в сфере применения конституционных норм. Исследованию подлежит такая форма конституционного правоприменения как интерпретация конституционных норм. Так, нам интересен вопрос о том, какую роль интерпретационная деятельность играет в механизме конституционного правоприменения.

Объектом исследования является сама интерпретационная деятельность, которая является одновременно формой конституционного правоприменения и совокупностью общественных отношений в сфере реализации конституционных норм.

Предметом выступает совокупность тех проблемных аспектов, которые связаны с пониманием и структурированием механизма конституционного правоприменения как базовой основы реализации конституционных норм, а также его структурных элементов, которые, на наш взгляд, имеют наибольшее значение, как для теории, так и для конституционно-правовых отношений.

Целью исследования является комплексный теоретический анализ научных подходов к пониманию интерпретации (толкования) конституционных норм и определения ее как формы конституционного правоприменения. Достижение этой цели предполагает решение ряда задач, наиболее значимыми из которых являются: определение роли интерпретации (толкования) в правоприменении и выяснения особенностей их соотношения; осуществление характеристики интерпретации конституционных норм в контексте сопоставления с деятельностью Конституционного суда РФ.

В ходе работы над статьей были проанализированы работы отечественных исследователей (С.А. Авакьяна, С.С. Алексеева, К.А. Ишекова, Д.А. Мирошниченко, Л.О. Мурашко, Н.И. Петренко, П.П. Сергуна, Е.Е. Тонкова и др.), в которых затрагиваются различные аспекты, как конституционного правоприменения в целом, так и интерпретации конституционных норм, в частности. Вместе с тем, стоит отметить, что в зарубежных источниках рассматриваемой теме уделяется не так много внимания, как в отечественной юриспруденции.

*О роли интерпретации (толкования) в правоприменении.* Итак, что такое интерпретация (толкование) норм права? Ш.А. Сайдуллаев, проанализировав различные точки зрения, приходит к выводу, что «Толкование в юриспруденции – это рациональный процесс, с помощью которого мы понимаем тот или иной текст и нормы права, в частности. Посредством интерпретации мы приходим к пониманию

нормативного послания текста» [14, с. 3]. С.А. Комаров считает, что толкование норм права – это деятельность по выявлению воли законодателя, выраженной в правовой норме [9, с. 427].

Еще С.С. Алексеев писал: «Толкование как интеллектуальная деятельность направлена на поиск смысла, присущего некоторому объекту. Следовательно, она предполагает, что этот объект уже существует и доступен для познания, в отличие от творчества, которое конструирует свой собственный объект. Поэтому толкование чаще всего понимается как «деятельность по установлению содержания правового акта для его практической реализации» [2, с. 290]. При этом Д.А. Мирошниченко добавляет, что толкование права является необходимым промежуточным этапом между правотворчеством и правореализацией, поскольку для того, чтобы привести свои действия в соответствие с требованиями закона, необходимо, прежде всего, понять смысл этих требований [12, с. 10].

Из этого можно сделать промежуточный вывод о том, что толкование может способствовать эффективности применения правовых норм, полноте правового регулирования. Кроме того, логический анализ верховенства права, проводимый в процессе толкования, позволяет оценить качество существующих нормативных правовых актов и, при необходимости, привести к реформированию законодательства. Только при детальном изучении источников права, которое происходит в процессе толкования, можно выявить актуальные и «мертвые» нормы права.

В этой связи, можно согласиться с мнением авторов о том, что толкование опережает применение закона и в то же время, сопутствует ему. Это также рассматривается как средство обратной связи между отдельным случаем, нуждающимся в урегулировании, и предельно конкретной нормой права, которая интерпретируется для этих целей. Таким образом, взаимосвязь толкования и применения права носит двусторонний характер. Результатом синтеза применения и толкования права является формулировка специального правоприменительного толкования [5, с. 98].

Если же вести речь о соотношении правоприменительной деятельности и толкования, то в данном случае согласимся с мнением Л.В. Юн, что «толкование норм права играет ключевую роль в правоприменительной деятельности высшего судебного органа конституционного контроля, независимо от рассматриваемых материалов дела. Толкование правовых норм выражается через процессы уточнения и разъясняющего смысла правовых норм. В процессе толкования правовых норм сотрудники правоохранительных органов используют приемы логического мышления и уникальные юридические знания в области права и доктрины конституционного правосудия» [18, с. 183].

В то же время интерпретация является кульминационным моментом, вершиной юридической деятельности. Юридическое толкование – это деятельность, которая с практической стороны связана с завершением урегулирования жизненно важных отношений законом. Правовые нормы становятся готовыми к реализации и практическому применению осуществление в результате интерпретации [19, с. 147].

*Интерпретация в конституционном правоприменении.* Отмечая проработанность отдельных проблемных вопросов, связанных с заявленной темой, следует обратить внимание на практическую не исследованность феномена «конституционного правоприменения» в отечественной теоретической и отраслевой юридической науке. Ранее мы уже обращали внимание на проблемы определения «конституционное правоприменение», где формулировали свое видение к этой теме [15].

Известно, что конституционные нормы, как и право в целом, становятся «живыми» только в процессе их реализации. В свою очередь, для полноценного развития права необходимо сформировать понятийный аппарат, который наиболее полно отражал бы правовую действительность. Полагаем, что на сегодняшний день возникает необходимость переосмысления сущности конституционного правоприменения и интерпретационной деятельности как его формы.

Вместе с тем, тема интерпретации конституционных положений всегда вызывала дискуссии среди ученых-конституционалистов и теоретиков права.

На страницах юридической литературы бытует мнение о том, что «для утверждения законности и правопорядка большое значение имеют правильное применение и толкование конституционных установлений. Толкование осуществляется не по абстрактным основаниям, а только в ходе конституционного судопроизводства для решения конкретного дела, возникшего из реальной, как правило, непростой жизненной ситуации» [8, с. 34]. Отсюда логичным представляется тот факт, что пока норма не будет истолкована Конституционным судом РФ, другим субъектам ее применять не следует, так как она имеет признаки коллизионности и затруднительная для понимания и реализации. Вместе с тем, толкование осуществляется в строгих процессуальных рамках. Мы не оспариваем данные точки зрения, но возникает вполне закономерный вопрос: если субъект, который применяет ту или иную конституционную норму, столкнется с ее неопределенностью, может ли он без обращения в Конституционный суд РФ продолжить ее применять, растолковав собственными силами?

Отвечая на поставленный вопрос, полагаем, что интерпретация в конституционном правоприменении не должна сводиться только к особой деятельности Конституционного суда РФ. Действительно, при указанном подходе не учитывается роль в толковании и других субъектов. Необходимость толкования Конституции обусловлена необходимостью точного понимания содержания ее норм, выявления их истинного значения, чтобы правильно соотнести с ним реальную юридическую практику. Эффективность реализации конституционных норм зависит от правильного понимания их смысла и содержания каждым из участников правовых отношений [13, с. 69].

Традиционно, в науке конституционного права принято считать, что целью толкования Конституции РФ является устранение неопределенности в понимании конституционных положений, обеспечении их надлежащего применения, соблюдения, правоприменения и использования. Посредством толкования Конституционный суд РФ, разъясняя действительный смысл конституционных положений, исходит из его духа и буквы, с целью наиболее точного понимания и единообразного применения конституционных норм [6, с. 37]. Однако, по мнению И.А. Микова, частое толкование свидетельствует о неоднозначном понимании многих конституционных положений, подрывает стабильность конституционного регулирования и, в конечном счете, приводит к своеобразному пересмотру Конституции [11, с. 131]. Кроме того, О.В. Кистринова обращает внимание на то, что отдельные постановления не устраняют полностью неопределенность в понимании некоторых конституционных положений, о чем свидетельствует наличие особого мнения судей по многим делам [7, с. 62].

Таким образом, интерпретационная деятельность становится более важным этапом в процессе применения конституционных норм, когда она становится частью



государственно-управленческой деятельности субъекта правоприменения, определяющей необходимые правовые последствия при разрешении конкретного жизненного случая. Важность такой деятельности обусловлена еще и тем, что в процессе применения статей Конституции РФ, в том числе тех, которые появились в ходе конституционной реформы 2020 года [1; 10], в настоящее время возникает немало проблем в теоретическом и практическом плане. Полагаем, что в данном случае толкование приобретает юридически обязывающий смысл, а элемент разъяснения (интерпретации) часто является существенным и непосредственно влияет на правовое регулирование общественных отношений.

В этой связи, отметим, что интерпретация конституционных норм выступает одним из действенных факторов обеспечения правильного и действенного правоприменения Конституции РФ. Качественное и правильное толкование норм, их содержание, ясность, правильное понимание и правоприменение будут способствовать установлению правового порядка в стране в интересах общества и укреплению верховенства Основного закона.

Как видно из вышеизложенного, на современном этапе развития правовой системы проблема интерпретационной юридической техники и технологии требует независимого, всестороннего и тщательного научного исследования. Существует необходимость в глубоком и всестороннем изучении субъектов, функций, принципов, механизма интерпретационной деятельности, в изучении противоречий, ошибок и иных погрешностей в технологии юридического толкования, повышении ее эффективности и качества.

Если же говорить об интерпретации как о форме конституционного правоприменения, то приведем точку зрения Ю.П. Боруленкова относительно того, что в правоприменении налицо процессуальная цепочка, результатом которой является окончательная интерпретация. На ее основе формируется внутреннее убеждение компетентного лица и принимается решение. При этом следует иметь в виду, что точность значений становится все более фрагментарной и субъективной [4, с. 82]. В целом, юридическая форма представлена в отечественной юриспруденции как деятельность, как структура права, как совокупность источников права и как процедура [17, с. 11].

Вместе с тем, нельзя не отметить, что юридическая форма представляется учеными как единая конструкция любого вида юридического процесса и научная модель процессуальных правоотношений, представленная логически связанными структурными элементами, взаимодействие которых обеспечивает удовлетворение потребности в оптимизации различные виды государственно-правительственной деятельности [3, с. 212].

Таким образом, мы будем исходить из того, что форма какой-либо деятельности – это способ ее организации, существования и выражения содержания. Степень соответствия формы и содержания может варьироваться, однако очевидно, что форма всегда оказывает существенное влияние на достижение целей и решение задач конкретных видов определенной деятельности [17, с. 10].

Проведенный концептуальный анализ позволяет предположить, что термин «интерпретация» в механизме конституционного правоприменения может быть наполнен различным смысловым и функциональным содержанием, что исключает возможность сведения его к единому «универсальному» определению. Подводя итог анализу категорий «интерпретация» и «конституционное правоприменение», представляется возможным сделать следующие выводы.

*Во-первых*, конституционное правоприменение может быть представлено в виде особой организационной деятельности компетентных органов государства, обладающих властными полномочиями, в сфере реализации конституционно-правовых норм с целью претворения их в жизнь по конкретному жизненному случаю. Сам механизм конституционного правоприменения вполне можно определить как систему взаимодействующих структурных элементов, посредством которых обеспечивается динамика процесса воплощения в жизнь предписаний конституционно-правовых норм в форме конституционного правоприменения. Причем механизм конституционного правоприменения, помимо стандартных элементов, может быть дополнен различными структурными компонентами.

*Во-вторых*, интерпретация как форма конституционного правоприменения характеризуется особой деятельностью субъектов соответствующих правоотношений с соблюдением определенных правил и процедур, установленных правовыми нормами. Иначе говоря, интерпретация конституционных норм наполняет конституционное правоприменение содержательным смыслом, придавая последнему динамические характеристики, способствуя достижению эффективности самого процесса применения. Вместе с тем, интерпретация (толкование) выступает в качестве отдельной стадии (этапа) процесса применения положений Конституции РФ, суть которой заключается в правильном понимании применяемой нормы.

Вполне очевидно, что не все ответы на поставленные вопросы нам удалось сформулировать, что говорит о перспективности дальнейших исследований. Вместе с тем, для более полного понимания возникает необходимость, основываясь на современных научных представлениях о реализации конституционных норм, разработать оптимальную концепцию конституционного правоприменения, выявив существенные особенности, а также дальнейшие пути развития и внедрения в правоприменительную практику, что и будет предпринято автором в дальнейших публикациях.

### Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. *Алексеев С.С.* Общая теория права. – Т. 2. – М., 1982. – 360 с.
3. *Борисов Г.А.* Теория государства и права: учебное пособие. – Белгород: БелГУ, 2009. – 320 с.
4. *Боруленков Ю.П.* Интерпретационная деятельность в правовой системе общества // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. – 2013. – № 12 (12). – С. 71–84.
5. *Ефремова А.А.* О толковании нормативно-правовых актов как одной из стадий процесса правоприменения // Научные достижения и открытия 2021: сборник статей XIX Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 15 апреля 2021 года. – Пенза: Общество с ограниченной ответственностью «Наука и Просвещение», 2021. – С. 97–100.
6. *Кажлаев С.А.* О правообразующей роли Конституционного Суда Российской Федерации в развитии права // Судья. – 2018. – № 12. – С. 35–40.
7. *Кистринова О.В.* Толкование Конституции как форма «корректировки» Конституционно-правовых норм // Конституционные чтения. – 2014. – № 6. – С. 56–62.
8. *Колесников Е.В., Солостовская Я.В.* Толкование основных норм конституционным судом России: проблема способов толкования // Правовая политика и правовая жизнь. – 2018. – № 1. – С. 33–41.

9. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.
10. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с. (Серия: Профессиональный комментарий).
11. Миков И.А. Толкование Конституционных норм // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2011. – № 4. – С. 130–132.
12. Мирошниченко Д.А. Интерпретационная деятельность суда как проблема юридической науки // Современные научные исследования. – 2011. – № 3 (3). – С. 10.
13. Петренко Н.И., Рыбакова Я.Н. Толкование конституционных норм как вид правовой деятельности // Марийский юридический вестник. – 2016. – № 3 (18). – С. 68–71.
14. Сайдуллаев Ш.А. Интерпретация правовых норм – важный этап правоприменительного процесса // Журнал юридических исследований. – 2019. – Т. 4, – № 2. – С. 3–6.
15. Самусевич А.Г., Шутова В.Н. Проблемы понимания конституционного правоприменения // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 4 (70). – С. 84–98.
16. Самусевич А.Г. Конституционное правоприменение: критический взгляд на различные концепции // Теория государства и права. – 2023. – № 2 (31). – С. 130–140.
17. Тонков Е.Е. Юридические формы государственной деятельности и функции государства: соотношение понятий // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2010. – № 2 (16). – С. 7–12.
18. Юн Л.В. Толкование норм права через призму правоприменительной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Правотворчество и применение права: тенденции развития правовых концепций и отраслевых правовых институтов: Сборник статей X Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Верховного Суда Российской Федерации (Казань, 20 октября 2022 года). – Казань: Отечество, 2023. – С. 179–183.
19. Plavich V.P. Enhancement of interpretation of legal norms and law enforcement // The Genesis of Genius. 2015. No. 2-2. P. 137–148.

---

**Для цитирования:** Самусевич А.Г. Интерпретационная деятельность как форма конституционного правоприменения (часть 1): статья // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 259–265.

DOI: 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_259

### INTERPRETATIVE ACTIVITY AS A FORM OF CONSTITUTIONAL LAW ENFORCEMENT: (PART 1)

Alexey G. Samusevich\*

**Annotation.** *The theoretical foundations of the essence and role of interpretative activity in the mechanism of constitutional law enforcement are considered. Various points of view on understanding the interpretation of constitutional norms are analyzed. It is concluded that the interpretation of constitutional norms is one of the effective factors in ensuring the correct and effective enforcement of the provisions of the Constitution. It is determined that interpretation is a form of constitutional law enforcement, filling this process with essential content, thereby giving dynamics to the mechanism under consideration.*

---

\* **Samusevich Alexey Gennadievich** – Associate Professor of Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University. E-mail: samusevich79@mail.ru.

*Keywords: implementation of constitutional norms, law enforcement, constitutional law enforcement, interpretation of constitutional norms, interpretative activity.*

This article opens a series of articles devoted to concretizing the concept of constitutional law enforcement, which could meet modern realities in the sphere of application of the norms of the Basic Law. In particular, the author previously determined that the interpretation of constitutional norms, to some extent, can act as a form of constitutional law enforcement and a structural element of its mechanism. Simply put, an uninterpreted norm, including a constitutional one, cannot be applied [16, p. 134].

However, when studying interpretative activity in the mechanism of constitutional law enforcement, the logic of theoretical ideas about law enforcement in general breaks down, where the process of interpretation acts as a separate stage and is carried out by the relevant subject in order to correctly and effectively apply the interpreted norm, without additional appeals to other competent authorities for its interpretation.

Let's start with the fact that within the framework of modern Russian jurisprudence, the interpretation of constitutional norms is considered as an exclusive and special activity of the Constitutional Court of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Constitutional Court of the Russian Federation). And here many questions of a theoretical and applied nature arise, which cannot be answered unambiguously either within the framework of legal theory or in constitutional legal science. For example, how does interpretive activity affect the effectiveness of the application of constitutional norms, and what place does it occupy in the mechanism of constitutional enforcement? Is interpretation a separate stage of the law enforcement process or can it be considered a specific form of application of constitutional norms? Is the interpretation of constitutional norms the exclusive prerogative of the Constitutional Court of the Russian Federation or can it be carried out by other subjects of constitutional law enforcement? We believe that even approximate answers to these questions make it possible to define interpretation as a specific form of constitutional law enforcement.

Let us immediately make a reservation that we do not question the findings and conclusions of scientists that have been reached regarding the interpretation of the provisions of the Constitution, including in the field of application of constitutional norms. The form of constitutional law enforcement that is subject to research is the interpretation of constitutional norms. Thus, we are interested in the question of what role interpretive activity plays in the mechanism of constitutional law enforcement.

The object of the study is the interpretive activity itself, which is both a form of constitutional law enforcement and a set of social relations in the sphere of implementation of constitutional norms.

The subject is a set of those problematic aspects that are associated with the understanding and structuring of the mechanism of constitutional law enforcement as the basic basis for the implementation of constitutional norms, as well as its structural elements, which, in our opinion, are of greatest importance, both for theory and for constitutional and legal relations.

The purpose of the study is a comprehensive theoretical analysis of scientific approaches to understanding the interpretation (interpretation) of constitutional norms and defining it as a form of constitutional law enforcement. Achieving this goal involves solving a number of problems, the most significant of which are: determining the role of interpretation (interpretation) in law enforcement and clarifying the features of their relationship;

characterization of the interpretation of constitutional norms in the context of comparison with the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation.

During the work on the article, the works of domestic researchers were analyzed (S.A. Avakyan, S.S. Alekseev, K.A. Ishekov, D.A. Miroshnichenko, L.O. Murashko, N.I. Petrenko, P.P. Sergun, E.E. Tonkov, etc.), which touch upon various aspects of both constitutional law enforcement in general and the interpretation of constitutional norms in particular. At the same time, it is worth noting that in foreign sources the topic under consideration is not given as much attention as in domestic jurisprudence.

On the role of interpretation (interpretation) in law enforcement. So, what is interpretation (interpretation) of legal norms? Sh.A. Saidullaev, having analyzed various points of view, comes to the conclusion that "Interpretation in jurisprudence is a rational process with the help of which we understand this or that text and the rules of law, in particular. Through interpretation we come to understand the normative message of the text" [14, p. 3]. S.A. Komarov believes that the interpretation of legal norms is an activity to identify the will of the legislator, expressed in a legal norm [9, p. 427].

Also S.S. Alekseev wrote: "Interpretation as an intellectual activity is aimed at finding the meaning inherent in a certain object. Therefore, it assumes that this object already exists and is accessible to knowledge, in contrast to creativity, which constructs its own object. Therefore, interpretation is most often understood as "the activity of establishing the content of a legal act for its practical implementation" [2, p. 290]. At the same time, D.A. Miroshnichenko adds that the interpretation of law is a necessary intermediate stage between the creation of law and the implementation of law, since in order to bring one's actions into compliance with the requirements of the law, it is necessary, first of all, to understand the meaning of these requirements [12, p. 10].

From this we can draw an intermediate conclusion that interpretation can contribute to the effectiveness of the application of legal norms and the completeness of legal regulation. In addition, the logical analysis of the rule of law, carried out in the process of interpretation, allows us to assess the quality of existing regulations and, if necessary, lead to legislative reform. Only with a detailed study of the sources of law, which occurs in the process of interpretation, can it be possible to identify current and "dead" rules of law.

In this regard, we can agree with the opinion of the authors that interpretation precedes the application of the law and, at the same time, accompanies it. It is also seen as a means of feedback between the individual case in need of regulation and the very specific rule of law that is interpreted for these purposes. Thus, the relationship between the interpretation and application of law is two-way in nature. The result of the synthesis of application and interpretation of law is the formulation of a special law enforcement interpretation [5, p. 98].

If we are talking about the relationship between law enforcement activities and interpretation, then in this case we agree with the opinion of L.V. Yun that "the interpretation of the law plays a key role in the law enforcement activities of the highest judicial body of constitutional control, regardless of the case materials being considered. The interpretation of legal norms is expressed through the processes of clarifying and clarifying the meaning of legal norms. In the process of interpreting legal norms, law enforcement officers use logical thinking techniques and unique legal knowledge in the field of law and the doctrine of constitutional justice" [18, p. 183].

At the same time, interpretation is the culmination, the pinnacle of legal activity. Legal interpretation is an activity that, on the practical side, is associated with the completion

of the settlement of vital relations by law. Legal norms become ready for implementation and practical application as a result of interpretation [19, p. 147].

Interpretation in constitutional law enforcement. Noting the elaboration of certain problematic issues related to the stated topic, one should pay attention to the practical lack of research into the phenomenon of “constitutional enforcement” in domestic theoretical and sectoral legal science. Previously, we already drew attention to the problems of defining “constitutional enforcement”, where we formulated our vision on this topic [15].

It is known that constitutional norms, like law in general, become “living” only in the process of their implementation. In turn, for the full development of law, it is necessary to form a conceptual apparatus that would most fully reflect legal reality. We believe that today there is a need to rethink the essence of constitutional law enforcement and interpretative activity as its form.

At the same time, the topic of interpretation of constitutional provisions has always caused debate among constitutional scholars and legal theorists.

On the pages of legal literature, there is an opinion that “for the establishment of legality and order, the correct application and interpretation of constitutional provisions is of great importance. Interpretation is carried out not on abstract grounds, but only in the course of constitutional proceedings to resolve a specific case that arose from a real, usually difficult, life situation” [8, p. 34]. Hence, it seems logical that until the norm is interpreted by the Constitutional Court of the Russian Federation, other entities should not apply it, since it has signs of conflict of laws and is difficult to understand and implement. However, interpretation is carried out within a strict procedural framework. We do not dispute these points of view, but a completely logical question arises: if a subject who applies one or another constitutional norm is faced with its uncertainty, can he, without appealing to the Constitutional Court of the Russian Federation, continue to apply it, interpreting it on his own?

Answering the question posed, we believe that interpretation in constitutional law enforcement should not be reduced only to the special activities of the Constitutional Court of the Russian Federation. Indeed, this approach does not take into account the role of other subjects in the interpretation. The need to interpret the Constitution is determined by the need to accurately understand the content of its norms, to identify their true meaning in order to correctly correlate actual legal practice with it. The effectiveness of the implementation of constitutional norms depends on the correct understanding of their meaning and content by each of the participants in legal relations [13, p. 69].

Traditionally, in the science of constitutional law it is generally accepted that the purpose of interpreting the Constitution of the Russian Federation is to eliminate uncertainty in the understanding of constitutional provisions, ensuring their proper application, compliance, enforcement and use. Through interpretation, the Constitutional Court of the Russian Federation, explaining the actual meaning of constitutional provisions, proceeds from its spirit and letter, with the goal of the most accurate understanding and uniform application of constitutional norms [6, p. 37]. However, according to I.A. Mikov, frequent interpretation indicates an ambiguous understanding of many constitutional provisions, undermines the stability of constitutional regulation and, ultimately, leads to a kind of revision of the Constitution [11, p. 131]. In addition, O.V. Kistrinova draws attention to the fact that individual resolutions do not completely eliminate the uncertainty in the understanding of some constitutional provisions, as evidenced by the presence of dissenting opinions of judges in many cases [7, p. 62].

Thus, interpretative activity becomes a more important stage in the process of applying constitutional norms, when it becomes part of the state-administrative activity of the subject of law enforcement, determining the necessary legal consequences when resolving a specific life case. The importance of such activities is also due to the fact that in the process of applying articles of the Constitution of the Russian Federation, including those that appeared during the constitutional reform of 2020 [1; 10], at present many problems arise in theoretical and practical terms. We believe that in this case the interpretation acquires a legally binding meaning, and the element of clarification (interpretation) is often significant and directly affects the legal regulation of social relations.

In this regard, we note that the interpretation of constitutional norms is one of the effective factors in ensuring the correct and effective enforcement of the Constitution of the Russian Federation. High-quality and correct interpretation of the norms, their content, clarity, correct understanding and enforcement will contribute to the establishment of the legal order in the country in the interests of society and strengthening the supremacy of the Basic Law.

As can be seen from the above, at the present stage of development of the legal system, the problem of interpretive legal technique and technology requires independent, comprehensive and thorough scientific research. There is a need for a deep and comprehensive study of the subjects, functions, principles, mechanisms of interpretive activity, to study contradictions, errors and other errors in the technology of legal interpretation, to improve its efficiency and quality.

If we talk about interpretation as a form of constitutional law enforcement, then we will cite the point of view of Yu.P. Borulenkov regarding the fact that in law enforcement there is a procedural chain, the result of which is the final interpretation. On its basis, the internal conviction of a competent person is formed and a decision is made. It should be borne in mind that the accuracy of the values is becoming increasingly fragmented and subjective [4, p. 82]. In general, the legal form is presented in domestic jurisprudence as an activity, as a structure of law, as a set of sources of law and as a procedure [17, p. eleven].

At the same time, it should be noted that the legal form is presented by scientists as a single structure of any type of legal process and a scientific model of procedural legal relations, represented by logically connected structural elements, the interaction of which ensures the satisfaction of the need for optimization of various types of state-governmental activities [3, p. 212].

Thus, we will proceed from the fact that the form of any activity is the way of its organization, existence and expression of content. The degree of correspondence between form and content may vary, but it is obvious that form always has a significant impact on achieving goals and solving problems of specific types of specific activities [17, p. 10].

The conceptual analysis carried out suggests that the term "interpretation" in the mechanism of constitutional law enforcement can be filled with different semantic and functional content, which excludes the possibility of reducing it to a single "universal" definition. Summarizing the analysis of the categories "interpretation" and "constitutional enforcement", it seems possible to draw the following conclusions.

*Firstly*, constitutional law enforcement can be presented in the form of special organizational activities of the competent state bodies with powers in the sphere of implementation of constitutional legal norms with the aim of putting them into practice in a specific life case. The mechanism of constitutional law enforcement itself can be completely defined as a system of interacting structural elements, through which the dynamics of the

process of implementing the prescriptions of constitutional legal norms in the form of constitutional law enforcement is ensured. Moreover, the mechanism of constitutional law enforcement, in addition to standard elements, can be supplemented with various structural components.

*Secondly*, interpretation as a form of constitutional law enforcement is characterized by the special activities of the subjects of relevant legal relations in compliance with certain rules and procedures established by legal norms. In other words, the interpretation of constitutional norms fills constitutional law enforcement with meaningful meaning, giving it dynamic characteristics, helping to achieve the effectiveness of the application process itself. At the same time, interpretation (interpretation) acts as a separate stage (stage) in the process of applying the provisions of the Constitution of the Russian Federation, the essence of which lies in the correct understanding of the applied norm.

It is quite obvious that we were not able to formulate all the answers to the questions posed, which indicates the prospects for further research. At the same time, for a more complete understanding, there is a need, based on modern scientific ideas about the implementation of constitutional norms, to develop an optimal concept of constitutional law enforcement, identifying the essential features, as well as further ways of development and implementation in law enforcement practice, which will be undertaken by the author in further publications.

### Bibliography

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Alekseev S.S. General theory of law. T. 2. Moscow, 1982. 360 p.
3. Borisov G.A. Theory of state and law: textbook. allowance. Belgorod: BelGU, 2009. 320 p.
4. Borulenkov Yu.P. Interpretive activity in the legal system of society // Current problems of the theory and history of the legal system of society. 2013. No. 12 (12). pp. 71–84.
5. Efremova A.A. On the interpretation of regulatory legal acts as one of the stages of the law enforcement process // Scientific achievements and discoveries 2021: collection of articles of the XIX International Scientific Research Competition, Penza, April 15, 2021. Penza: Limited Liability Company "Science and Enlightenment", 2021. pp. 97–100.
6. Kazhlaev S.A. On the law-forming role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the development of law // Judge. 2018. No. 12. P. 35–40.
7. Kistrinova O.V. Interpretation of the Constitution as a form of "adjustment" of constitutional legal norms // Constitutional readings. 2014. No. 6. P. 56–62.
8. Kolesnikov E.V., Solostovskaya Ya.V. Interpretation of basic norms by the Constitutional Court of Russia: the problem of methods of interpretation // Legal policy and legal life. 2018. No. 1. pp. 33–41.
9. Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for universities / S. A. Komarov. – 10th ed., rev. and additional Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 528 p.
10. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarova. Moscow: Publishing house "Urayt", 2023. 325 p. (Series: Professional commentary).
11. Mikov I.A. Interpretation of Constitutional norms // Legality and law and order in modern society. 2011. No. 4. P. 130–132.
12. Miroshnichenko D.A. Interpretive activity of the court as a problem of legal science // Modern scientific research. 2011. No. 3 (3). P. 10.



13. Petrenko N.I., Rybakova Ya.N. Interpretation of constitutional norms as a type of legal activity // *Mari Legal Bulletin*. 2016. No. 3 (18). pp. 68–71.

14. Saidullaev Sh.A. Interpretation of legal norms is an important stage of the law enforcement process // *Journal of Legal Research*. 2019. T. 4. No. 2. P. 3–6.

15. Samusevich A.G., Shutova V.N. Problems of understanding constitutional law enforcement // *Leningrad Legal Journal*. 2022. No. 4 (70). pp. 84–98.

16. Samusevich A.G. Constitutional enforcement: a critical look at various concepts // *Theory of State and Law*. 2023. No. 2 (31). pp. 130–140.

17. Tonkov E.E. Legal forms of state activity and functions of the state: the relationship of concepts // *Bulletin of the Belgorod Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin*. 2010. No. 2 (16). pp. 7–12.

18. Yun L.V. Interpretation of legal norms through the prism of law enforcement activities of the Constitutional Court of the Russian Federation // *Lawmaking and application of law: trends in the development of legal concepts and sectoral legal institutions: Collection of articles of the X All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the Supreme Court of the Russian Federation (Kazan , October 20, 2022)*. Kazan: Fatherland, 2023. pp. 179–183.

19. Plavich V.P. Enhancement of interpretation of legal norms and law enforcement // *The Genesis of Genius*. 2015. No. 2-2. P. 137–148.

---

**For citation:** Samusevich A.G. Interpretive activity as a form of constitutional law enforcement (part 1): article // *Theory of State and Law*. 2024. No. 1 (35). P. 265–271.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_259

## Научная статья

УДК 342.72

ББК 67.400.32; 67.401.124

DOI: 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_272

К.В. Шафигулин\*

## ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются некоторые проблемы закрепления и реализации конституционных прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь. Анализу подвергнуты нормы федеральных законов «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также положения иных нормативных правовых актов, связанных с рассматриваемой темой.*

*Через призму Стратегии национальной безопасности, предусматривающей необходимость сбережения народа России, определена взаимосвязь нормативных правовых актов в сфере охраны здоровья граждан и законодательства, регулирующего обработку и защиту информации, из которой следует, что данные правовые нормы корреспондируются, создавая при этом правовую коллизию при интерпретации права человека в вопросе допустимости аудио и видео-фиксации пациентом приема у лечащего врача.*

*Поскольку существующее законодательство не содержит четких и однозначных формулировок, касающихся возможности и условий осуществления пациентом записи своего приема в медицинской организации, автором сформулировано предложение по изменению законодательства, которое позволит исключить нарушения как прав медицинских работников, так и обозначит правила поведения граждан при получении ими медицинской помощи. Одновременно, учитывая необходимость практического решения обозначенной в статье проблемы, автором предложен вариант поведения, позволяющий урегулировать вопросы аудио- и видеозаписи пациентами своих посещений медицинских организаций.*

***Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации; национальная безопасность; сбережение народа России; право на охрану здоровья и медицинскую помощь; пациент; медицинские организации; медицинские работники; аудио и видео запись; правила поведения пациента в медицинской организации.*

Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь, что закреплено в числе основных прав и свобод человека и гражданина в ч. 1 ст. 41 Конститу-

---

\* Шафигулин Кирилл Витальевич, аспирант кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Научный руководитель – Винокуров Владимир Анатольевич, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, профессор кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт», Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент. E-mail: v.vinokurov.jd@gmail.com

ции Российской Федерации [1]. В целях решения множества вопросов, необходимых для обеспечения данного права в 2011 году был принят Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2], пришедший на смену Основам законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан [3], который действовал с 1993 года.

Вопросам здравоохранения в любом государстве уделяется большое внимание, особенно в современный период – период бурного развития техники, новых технологий, не требующих от человека больших физических затрат, но предполагающих существенное увеличение нагрузки на умственную деятельность.

Понимая возникающие с развитием общества очередные задачи и новые проблемы, Президентом Российской Федерации в 2021 году утверждена обновленная Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, где первым в числе мер по обеспечению национальной безопасности является направление по сбережению народа России и развитию человеческого потенциала. В данной сфере определены цели государственной политики, в которых немаловажное значение приобретает укрепление здоровья граждан, обеспечиваемое путем решения задач, направленных на повышение качества и доступности медицинской помощи [6, п. 32, п. 33].

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определяет предметы регулирования, в перечне которых указаны не только права и обязанности медицинских организаций и медицинских работников, но и права и обязанности человека и гражданина в сфере охраны здоровья [2, ст. 1].

Действия юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих медицинскую деятельность, подробно урегулированы в названном Федеральном законе. Медицинские организации, кроме обязанности организовывать и осуществлять медицинскую деятельность в соответствии с законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, обязаны также предоставлять пациентам достоверную информацию об оказываемой медицинской помощи; информировать граждан об осуществляемой медицинской деятельности и о медицинских работниках медицинских организаций [2, ст. 79]. Медицинские работники, в свою очередь, обязаны, в числе прочих обязанностей, оказывать медицинскую помощь, соблюдать врачебную тайну и назначать в установленном порядке лекарственные препараты [2, ст. 73].

Следует отметить, что в части обязанностей медицинских организаций федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения [7, п. 1], издано значительное число нормативных правовых актов [6–10], которыми должны руководствоваться и медицинские организации, и медицинские работники.

Различные аспекты деятельности указанных организаций через призму их прав и обязанностей рассматривались многими учеными и специалистами, например, Н.А. Озовой [18], В. Орленко [19], Е.О. Даниловым [13], Ю.В. Павловым [20]. В отношении обязанностей медицинского персонала проводили исследования, в том числе М.А. Шишов [25], О.В. Романовская [21], Г.Б. Романовский [22], Е.О. Данилов [14].

Обратимся к отдельным законодательным нормам, регламентирующим права и обязанности граждан в сфере охраны здоровья. Пациент в соответствии Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» имеет право, в частности, на выбор врача и медицинской организации; на диагно-

стику и лечение; на получение консультаций врачей-специалистов; на получение информации о состоянии своего здоровья, включая возможность получения консультации у других специалистов; на защиту сведений, составляющих врачебную тайну [2, ч. 5 ст. 19; ч. 4 ст. 22]. В числе обязанностей пациента указанный Федеральный закон определяет: заботу о сохранении своего здоровья, необходимость прохождения медицинских осмотров, а в предусмотренных законодательством случаях – медицинских обследований и лечения, а для граждан, находящихся на лечении, – соблюдение режима лечения и правил поведения пациента в медицинских организациях [2, ст. 27].

Учитывая развитие техники, появление и применение в повседневной жизни новейших средств связи, позволяющих практически каждому их обладателю осуществлять не только фото- и аудио-, но и видеосъемку, привело к тому, что пациенты стали использовать эти средства для записи своих посещений лечащего врача. В связи с этим в литературе и сети Интернет возникла полемика о праве пациента на осуществление аудио- и видеосъемки собственного приема у лечащего врача [15; 16; 17; 23; 24].

При грамотном правовом решении данного вопроса следует принять за основу ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, предусматривающую, что каждый имеет право «свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» [1], упомянутую выше норму Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», по которой пациент вправе получать информацию о состоянии своего здоровья [2, п. 5, ч. 5 ст. 19], а также нормы базового в этом вопросе Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», устанавливающие, во-первых, право физических лиц «осуществлять поиск и получение любой информации в любых формах и из любых источников», во-вторых, возможность свободного распространения информации (правда, при соблюдении требований, установленных законодательством Российской Федерации, которые к рассматриваемому нами вопросу не относятся), в-третьих, обязанность обладателя информации соблюдать права и законные интересы других лиц [4, ч. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 10, п. 1 ч. 4 ст. 6]. Последняя норма основана на ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, предусматривающей, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» [1].

Учитывая данные правовые нормы, с одной стороны, пациент вправе всеми легальными способами получать сведения о своем здоровье, назначенном лечении, в том числе фиксировать действия и высказывания лечащего врача, если исходить из того, что все его данные и так должны быть в свободном доступе, а с другой стороны, существует опасность, что, скажем, на видеозапись попадет другой пациент или иной медицинский работник, что наличие видеокамеры или диктофона перед лицом врача помешает доктору принять правильное решение, собьет его с верной мысли и, вполне вероятно, исключит доверительные отношения между ним и пациентом. Надо заметить, что далеко не все готовы «работать на публику», более того, сделанные лицом, пришедшим на прием, записи могут разлететься по всей стране (например, через сеть Интернет) и – что совсем недопустимо – использоваться в качестве рекомендаций другим лицам, которым станет известна записанная информация. В подобном случае существует опасность распространения ошибочных или даже ложных (для отдельных категорий лиц) медицинских рекомендаций, которые

при самолечении могут привести к необратимым последствиям, что нанесет вред деятельности государства в сфере сбережения народа России.

На одном из сайтов в сети Интернет приводятся примеры ограничений возможности записи посещений медицинских организаций пациентами: в Германии и Швеции фото и видео съемка без согласия медработников запрещена, в Великобритании и Нидерландах – съемка разрешена в определенных случаях, когда не нарушаются права на приватность и безопасность. Лишь в Финляндии съемка медработников обычно допускается [15].

Судебные решения по рассматриваемой теме противоречивы, поскольку четкое законодательное закрепление возникших вопросов отсутствует, потому и подход к решению проблемы различен [16].

Урегулировать вопросы, связанные с возможностью пациента на видеозапись медицинского вмешательства, предложил депутат Государственной Думы В.С. Селезнев в 2014 году, сформулировав в законопроекте право обратившегося за медицинской помощью «на осуществление видеозаписи, фиксирующей любое медицинское вмешательство по отношению к пациенту, проводимое в медицинской организации, на личное техническое средство (устройство), позволяющее осуществлять видеозапись» но при условии, чтобы процесс видеозаписи не создавал условий, препятствующих нормальному выполнению врачом своих обязанностей. Однако, к сожалению, данный законопроект был снят с рассмотрения «субъектом права законодательной инициативы», то есть самим депутатом [5].

Для решения проблем, связанных с правом пациента фиксировать на аудио- или видеозапись своё посещение врача, рассматривая их как меру, являющуюся частью работы государственных структур по сбережению народа России, что предусмотрено Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, полагаем необходимым вернуться к тому, чтобы внести законодательную определенность в этот вопрос.

Принимая во внимание конституционное требование, предусматривающее возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина только федеральным законом, предлагается дополнить часть 5 статьи 19 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», устанавливающим права пациента, новым пунктом 12 в следующей редакции:

«12) разрешение на личное техническое средство (устройство) аудио- и видеозаписи в медицинских организациях только с письменного согласия лечащего врача при условии, если такая запись не затрагивает права и свободы иных лиц и не препятствует врачу осуществлять свои обязанности по лечению.»

До получения определенности в рассматриваемом нами вопросе, полагаем необходимым обратить внимание на существующие в законодательстве об охране здоровья граждан обязанности граждан, находящихся на лечении соблюдать правила поведения пациента в медицинских организациях. Поскольку нормативного правового акта, регламентирующего порядок издания и содержание таких правил, не существует, то такие правила утверждаются локальным актом медицинской организации. Это означает, что в правилах поведения пациента в медицинских организациях можно установить запрет пациентам на все виды аудио и видео записей без письменного на то согласия лечащего врача, что позволит врачу выполнять свои обязанности, не отвлекаясь на ненужные раздражители, или отказать пациенту в медицинской помощи. При этом следует учитывать риски оспаривания указанных правил, ограничивающих права пациента на локальном уровне.

## Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с. (Серия: Профессиональный комментарий).
2. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
3. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 года № 5487-1) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 33. Ст. 1318.
4. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
5. Законопроект от 24 января 2014 года № 435908-6 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”», которым предлагалось дополнить названный Федеральный закон новой статьей 221 «Право пациента на видеозапись медицинского вмешательства» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/435908-6>.
6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
7. Положение о Министерстве здравоохранения Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 19 июня 2012 года № 608 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 26. Ст. 3526.
8. Приказ Минздрава России от 29 сентября 1993 года № 228 «Об утверждении Положения о клиническом лечебно-профилактическом учреждении» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
9. Приказ Минздрава России от 30 ноября 1993 года № 283 «О совершенствовании службы функциональной диагностики в учреждениях здравоохранения Российской Федерации» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
10. Приказ Минздрава России от 22 июня 1998 года № 198 «О дальнейшем развитии рентгенохирургических методов диагностики и лечения»; от 28 июля 1999 года № 297 «О совершенствовании организации медицинской помощи гражданам пожилого и старческого возрастов в Российской Федерации» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
11. Приказ Минздрава России от 13 августа 2002 года № 254 «О совершенствовании организации оказания диализной помощи населению Российской Федерации» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
12. Приказ Минздрава России от 18 мая 2021 года № 464н «Об утверждении Правил проведения лабораторных исследований» // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
13. Данилов Е.О. К вопросу о правовом статусе медицинской организации // Административное право и процесс. – 2020. – № 1. – С. 76–79.
14. Данилов Е.О. О правовом статусе медицинских работников вообще и врачей в частности // Медицинское право. – 2023. – № 2. – С. 7–11.
15. Запрет на фото и видео съемку медработников: правила и последствия // <https://kur-nov.ru/blog/pravo/zapret-na-foto-i-video-semku-medrabotnikov-pravila-i-posledstviya> ?ysclid=lp6wqy3y8g44249400.
16. Информация о судебных решениях в публикации «Права и обязанности пациента при осуществлении им видеосъемки» // <https://barrist.ru/prava-i-obyazannosti-pacienta-pri-osushchestvlenii-im-videosemki/?ysclid=lp6wqy3y8g44249400>
17. Можно ли пациенту снимать видео или записывать звуковые документы без согласия медицинского персонала? // <https://sp-kadnikovskoe.ru/blog/press-czentr/mozhno-li>

paczientu-snimat-video-ili-zapisyvat-zvukovye-dokumenty-bez-soglasiya-mediczinskogo-persona  
la?ysclid=lp6vzh1ri5716568131.

18. *Озова Н.А.* Некоторые юридические аспекты медицинских правоотношений // Медицинское право. – 2016. – № 4. – С. 33–37.

19. *Орленко В.* Административно-правовые риски при осуществлении медицинской деятельности // Административное право. – 2018. – № 1. – С. 79–88.

20. *Павлова Ю.В.* Первичная медицинская документация как объект экспертной оценки качества и безопасности медицинской деятельности // Медицинское право. – 2020. – № 6. – С. 7–12.

21. *Романовская О.В.* Особенности профессиональной деятельности медицинских работников в Российской Федерации // Трудовое право в России и за рубежом. – 2013. – № 3. – С. 38–41.

22. *Романовский Г.Б.* Обязанности медицинских работников // Медицинское право. – 2014. – № 4. – С. 16–21.

23. *Федотова Ю.* «Врач – публичная профессия». Юрист – о том, когда можно и нужно снимать на видео работу медиков // <https://www.e1.ru/text/health/2021/08/22/70092311/?ysclid=lp6w3ojnd4144576090>

24. *Чернокрыльцев Д.А.* Как законно осуществлять видеосъемку в медицинской организации // [https://zakon.ru/blog/2019/2/6/kak\\_zakonno\\_osuschestvlyat\\_videosemku\\_v\\_meditskoj\\_organizacii](https://zakon.ru/blog/2019/2/6/kak_zakonno_osuschestvlyat_videosemku_v_meditskoj_organizacii).

25. *Шишов М.А.* Актуальные вопросы юридической ответственности врача // Медицинское право. – 2013. – № 3. – С. 39–43.

---

**Для цитирования:** *Шафигулин К.В.* Отдельные проблемы реализации права граждан Российской Федерации при оказании медицинской помощи: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 272–277.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_272

### SELECTED PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE RIGHTS OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE PROVISION OF MEDICAL CARE

**Kirill V. Shafigulin \***

**Annotation.** *The article discusses some problems of securing and realizing their constitutional rights of citizens to health protection and medical care. The norms of the federal laws "On the basics of public health protection in the Russian Federation" and "On information, information technologies and information protection", as well as the provisions of other regulatory legal acts related to the topic under consideration, were analyzed.*

*Through the prism of the National Security Strategy, which provides for the need to save the people of Russia, the interrelation of normative legal acts in the*

---

\* **Shafigulin Kirill Vitalievich**, graduate student of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Law Institute" (St. Petersburg). E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Scientific supervisor – **Vinokurov Vladimir Anatolyevich**, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Law Institute", Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: v.vinokurov.jd@gmail.com

*field of public health protection and legislation regulating the processing and protection of information is determined, from which it follows that these legal norms correspond, while creating a legal conflict in the interpretation of human rights in the issue of the admissibility of audio and video recording by the patient of admission to the attending physician.*

*Since the existing legislation does not contain clear and unambiguous formulations concerning the possibility and conditions for the patient to make an appointment with a medical organization, the author formulated a proposal to amend the legislation, which will eliminate violations of both the rights of medical workers and will indicate the rules of conduct of citizens when they receive medical care. At the same time, taking into account the need for a practical solution to the problem identified in the article, the author suggests a behavior option that allows to resolve issues of audio and video recording by patients of their visits to medical organizations.*

**Keywords:** *The Constitution of the Russian Federation; national security; preservation of the people of Russia; the right to health protection and medical care; patient; medical organizations; medical workers; audio and video recording; rules of patient behavior in a medical organization.*

Everyone has the right to health care and medical care, which is enshrined among the fundamental rights and freedoms of man and citizen in Part 1 of Art. 41 of the Constitution of the Russian Federation [1].

In order to resolve many issues necessary to ensure this right, in 2011 the Federal Law “On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation” [2] was adopted, which replaced the Fundamentals of Legislation of the Russian Federation on the Protection of the Health of Citizens [3], which has been in operation since 1993.

Health issues in any state receive great attention, especially in the modern period – a period of rapid development of technology, new technologies that do not require great physical effort from a person, but involve a significant increase in the load on mental activity.

Understanding the emerging challenges and new problems that arise with the development of society, the President of the Russian Federation approved the updated National Security Strategy of the Russian Federation in 2021, where the first among the measures to ensure national security is the direction of saving the people of Russia and developing human potential. In this area, the goals of state policy are defined, in which strengthening the health of citizens, ensured by solving problems aimed at improving the quality and accessibility of medical care, is of no small importance [6, paragraph 32, paragraph 33].

The Federal Law “On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation” defines the subjects of regulation, the list of which indicates not only the rights and responsibilities of medical organizations and medical workers, but also the rights and responsibilities of individuals and citizens in the field of health protection [2, Art. 1].

The actions of legal entities and individual entrepreneurs carrying out medical activities are regulated in detail in the aforementioned Federal Law. Medical organizations, in addition to the obligation to organize and carry out medical activities in accordance with legislative and other regulatory legal acts of the Russian Federation, are also obliged to provide patients with reliable information about the medical care provided; inform citizens about ongoing medical activities and about medical workers of medical organizations [2, Art. 79]. Medical workers, in turn, are obliged, among other duties, to provide medical



care, maintain medical confidentiality and prescribe medications in the prescribed manner [2, Art. 73].

It should be noted that in terms of the responsibilities of medical organizations, the federal executive body, which carries out the functions of developing and implementing state policy and legal regulation in the field of healthcare [7, paragraph 1], has issued a significant number of regulatory legal acts [6–10], which should guide both medical organizations and medical workers.

Various aspects of the activities of these organizations through the prism of their rights and obligations were considered by many scientists and specialists, for example, N.A. Ozova [18], V. Orlenko [19], E.O. Danilov [13], Yu.V. Pavlov [20]. Studies have been conducted regarding the responsibilities of medical personnel, including M.A. Shishov [25], O.V. Romanovskaya [21], G.B. Romanovsky [22], E.O. Danilov [14].

Let us turn to individual legislative norms regulating the rights and responsibilities of citizens in the field of health care. The patient, in accordance with the Federal Law “On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation,” has the right, in particular, to choose a doctor and a medical organization; for diagnosis and treatment; to receive consultations from medical specialists; to receive information about the state of your health, including the opportunity to obtain advice from other specialists; to protect information constituting medical confidentiality [2, part 5 of Art. 19; Part 4 Art. 22]. Among the responsibilities of the patient, the specified Federal Law defines: concern for the preservation of one’s health, the need to undergo medical examinations, and in cases provided for by law – medical examinations and treatment, and for citizens undergoing treatment – compliance with the treatment regimen and rules of conduct patient in medical organizations [2, Art. 27].

Considering the development of technology, the emergence and use in everyday life of the latest means of communication, allowing almost every owner to carry out not only photo and audio, but also video recording, has led to the fact that patients began to use these means to record their visits attending physician. In this regard, a controversy has arisen in the literature and on the Internet about the patient’s right to audio and video record his own appointment with the attending physician [15; 16; 17; 23; 24].

With a competent legal solution to this issue, Part 4 of Art. 29 of the Constitution of the Russian Federation, which provides that everyone has the right to “freely seek, receive, transmit, produce and disseminate information in any legal way” [1], the above-mentioned norm of the Federal Law “On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation”, according to which the patient has the right receive information about the state of your health [2, clause 5, part 5 of Art. 19], as well as the norms of the Federal Law “On Information, Information Technologies and Information Protection”, which is basic in this matter, establishing, firstly, the right of individuals “to search for and receive any information in any forms and from any sources” , secondly, the possibility of free dissemination of information (albeit, subject to the requirements established by the legislation of the Russian Federation, which are not relevant to the issue we are considering), thirdly, the obligation of the owner of the information to respect the rights and legitimate interests of other persons [4, part 1 art. 8, part 1 art. 10, paragraph 1, part 4, art. 6]. The latest norm is based on Part 3 of Art. 17 of the Constitution of the Russian Federation, which provides that “the exercise of the rights and freedoms of man and citizen should not violate the rights and freedoms of other persons” [1].

Taking into account these legal norms, on the one hand, the patient has the right to obtain information about his health and prescribed treatment by all legal means, including

recording the actions and statements of the attending physician, assuming that all his data should already be freely accessible, and on the other hand, there is a danger that, say, another patient or another medical worker will be caught on video, and that the presence of a video camera or voice recorder in front of the doctor will prevent the doctor from making the right decision, will lead him astray and, quite likely, will exclude a trusting relationship between him and the patient. It should be noted that not everyone is ready to “work for the public”; moreover, notes made by a person who came to an appointment can be scattered throughout the country (for example, via the Internet) and – which is completely unacceptable – used as recommendations for other persons who become aware of the recorded information. In such a case, there is a danger of disseminating erroneous or even false (for certain categories of people) medical recommendations, which, if self-medicated, can lead to irreversible consequences, which will harm the activities of the state in the sphere of saving the people of Russia.

One of the Internet sites provides examples of restrictions on the ability to record visits to medical organizations by patients: in Germany and Sweden, photo and video filming without the consent of health workers is prohibited; in the UK and the Netherlands, filming is allowed in certain cases when they are not violated rights to privacy and security. Only in Finland is filming of healthcare workers generally permitted [15].

Court decisions on the topic under consideration are contradictory, since there is no clear legislative recognition of the issues that have arisen, and therefore the approach to solving the problem is different [16].

State Duma deputy V.S. proposed to resolve issues related to the patient’s ability to video record medical intervention. Seleznev in 2014, having formulated in the bill the right of a person seeking medical help “to make a video recording any medical intervention in relation to a patient, carried out in a medical organization, to a personal technical means (device) that allows video recording” but with provided that the video recording process does not create conditions that impede the normal performance of the doctor’s duties. However, unfortunately, this bill was withdrawn from consideration by the “subject of the right of legislative initiative,” that is, the deputy himself [5].

To solve problems related to the patient’s right to record his visit to a doctor on audio or video, considering them as a measure that is part of the work of government agencies to save the people of Russia, which is provided for by the National Security Strategy of the Russian Federation, we believe it is necessary to return to that to bring legislative certainty to this issue.

Taking into account the constitutional requirement that provides for the possibility of limiting the rights and freedoms of man and citizen only by federal law, it is proposed to supplement Part 5 of Article 19 of the Federal Law “On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation,” which establishes the rights of the patient, with a new paragraph 12 in the following edition:

“12) to make audio and video recordings on a personal technical device (device) in medical organizations only with the written consent of the attending physician, provided that such recording does not affect the rights and freedoms of other persons and does not prevent the doctor from fulfilling his duties for treatment.”

Until we obtain certainty on the issue we are considering, we believe it is necessary to pay attention to the existing legislation on the protection of the health of citizens of the obligation of citizens undergoing treatment to comply with the rules of patient behavior in medical organizations. Since there is no normative legal act regulating the procedure for

issuing and the content of such rules, such rules are approved by a local act of the medical organization. This means that the rules of patient conduct in medical organizations can establish a ban on patients from all types of audio and video recordings without the written consent of the attending physician, which will allow the doctor to perform his duties without being distracted by unnecessary stimuli, or refuse the patient medical care. At the same time, the risks of challenging these rules that limit the patient's rights at the local level should be taken into account.

### Bibliography

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house "Urayt", 2023. 325 p. (Series: Professional Commentary).
2. Federal Law "On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation" on November 21, 2011 No. 323-FZ) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
3. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on the protection of the health of citizens (signed by the President of the Russian Federation on July 22, 1993 No. 5487-I) // Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1993. No. 33. Art. 1318.
4. Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" dated July 27, 2006 No. 149-FZ) // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
5. Bill dated January 24, 2014 No. 435908-6 "On Amendments to the Federal Law "On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation"," which proposed to supplement the said Federal Law with a new article 221 "The patient's right to video recording of medical intervention" // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/435908-6>.
6. National Security Strategy of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (part II). Art. 5351.
7. Regulations on the Ministry of Health of the Russian Federation, approved by Decree of the Government of the Russian Federation of June 19, 2012 No. 608 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2012. No. 26. Art. 3526.
8. Order of the Ministry of Health of Russia dated September 29, 1993 No. 228 "On approval of the Regulations on a clinical treatment and preventive institution" // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
9. Order of the Ministry of Health of Russia dated November 30, 1993 No. 283 "On improving the functional diagnostic service in healthcare institutions of the Russian Federation" // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
10. Order of the Ministry of Health of Russia dated June 22, 1998 No. 198 "On the further development of X-ray surgical methods of diagnosis and treatment"; dated July 28, 1999 No. 297 "On improving the organization of medical care for elderly and senile citizens in the Russian Federation" // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
11. Order of the Ministry of Health of Russia dated August 13, 2002 No. 254 "On improving the organization of providing dialysis care to the population of the Russian Federation" // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
12. Order of the Ministry of Health of Russia dated May 18, 2021 No. 464n "On approval of the Rules for conducting laboratory research" // [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
13. Danilov E.O. On the issue of the legal status of a medical organization // Administrative law and process. 2020. No. 1. Pp. 76–79.
14. Danilov E.O. On the legal status of medical workers in general and doctors in particular // Medical Law. 2023. No. 2. P. 7–11.

15. Ban on photo and video recording of health workers: rules and consequences. Website of the Municipal Budgetary Educational Institution Novoposelenovskaya Secondary School [Electronic resource] // <https://kur-nov.ru/blog/pravo/zapret-na-foto-i-video-semku-medrabotnikov-pravila-i-posledstviya?ysclid=lp6wqy3y8g44249400>.

16. Information about court decisions in the publication “Rights and Responsibilities of the Patient when Filming,” posted on the website of B&O Barristers LLC // [https://barrist.ru/prava-i-obyazannosti-pacienta-pri-osushchestvlenii-im-videosemki/?ysclid=lp6w\\_mkof9c236697242](https://barrist.ru/prava-i-obyazannosti-pacienta-pri-osushchestvlenii-im-videosemki/?ysclid=lp6w_mkof9c236697242)

17. Is it possible for a patient to shoot video or record audio documents without the consent of medical personnel? Website of the Administration of the Rural Settlement Kadnikovskoe // <https://sp-kadnikovskoe.ru/blog/press-czentr/mozhno-li-pacientu-snimat-video-ili-zapisyvatzvu-kovye-dokumenty-bez-soglasiya-mediczinskogo-personala?ysclid=lp6vzh1ri5716568131>.

18. Ozova N.A. Some legal aspects of medical legal relations // Medical law. 2016. No. 4. Pp. 33–37.

19. Orlenko V. Administrative and legal risks in the implementation of medical activities // Administrative law. 2018. No. 1. Pp. 79–88.

20. Pavlova Yu.V. Primary medical documentation as an object of expert assessment of the quality and safety of medical activities // Medical Law. 2020. No. 6. P. 7–12.

21. Romanovskaya O.V. Features of the professional activities of medical workers in the Russian Federation // Labor law in Russia and abroad. 2013. No. 3. Pp. 38–41.

22. Romanovsky G.B. Responsibilities of medical workers // Medical law. 2014. No. 4. Pp. 16–21.

23. Fedotova Y. “Doctor is a public profession.” A lawyer talks about when it is possible and necessary to film the work of doctors. [Electronic resource] // <https://www.e1.ru/text/health/2021/08/22/70092311/?ysclid=lp6w3ojnd4144576090>

24. Chernokryltsev D.A. How to legally film video in a medical organization // [https://zakon.ru/blog/2019/2/6/kak\\_zakonno\\_osuschestvlyat\\_videosemku\\_v\\_medicin\\_skoj\\_organizacii](https://zakon.ru/blog/2019/2/6/kak_zakonno_osuschestvlyat_videosemku_v_medicin_skoj_organizacii).

25. Shishov M.A. Current issues of legal liability of a doctor // Medical law. 2013. No. 3. Pp. 39–43.

---

**For citation:** Shafigulin K.V. Selected problems of implementing the rights of citizens of the Russian Federation in the provision of medical care: article // Theory of State and Law. 2024. No. 1 (35). P. 277–282.

**DOI:** 10.25839/MATGIP\_2024\_1\_35\_272

## Theory of State and Law

<b>АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЗА 2023 ГОД</b>		
<b>Ф.И.О.</b>	<b>Наименование публикации</b>	<b>Номер, страницы</b>
<b>5.1.1. – ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ</b>		
<i>Абузярова Н.А.</i>	Понятие и механизм обеспечения законности .....	№ 1; с. 12
<i>Алексеев Е.А.</i>	Механизм взаимодействия прокуратуры Российской Федерации с органами публичной власти в сфере защиты прав и свобод личности: структурные признаки .....	№ 1; с. 24
<i>Ахмедов Т.А.</i>	Современные неклассические формы правления в странах мира .....	№ 3; с. 13
<i>Банникова О.М.</i>	Роль цифровизации в защите прав человека и гражданина на примере института уполномоченного по правам человека в Российской Федерации .....	№ 4-1; с. 13
<i>Бегунов М.А.</i>	Система стратегического планирования в механизме государственного управления Российской Федерации .....	№ 3; с. 24
<i>Битерман О.Э.</i>	Правовые основы обеспечения национальных проектов в сфере развития искусственного интеллекта в Российской Федерации .....	№ 2; с. 20
	Понятие, значение и перспективы реализации приоритетных национальных проектов для российской государственности .....	№ 3; с. 55
	Эволюция реализации приоритетных национальных проектов .....	№ 4; с. 13
<i>Беновицкая Е.Р.</i>	В.М. Хвостов о социальной природе человека и государства .....	№ 3; с. 34
<i>Бородин В.В.</i>	Влияние автоматизированной системы фиксации на предупреждение дорожно-транспортных происшествий: на примере Республики Саха (Якутия) .....	№ 4; с. 33
	Институт ограничений прав и свобод человека и гражданина в условиях военного положения: теория и практика .....	№ 4; с. 48
<i>Бояршинов А.Л.</i>	Влияние автоматизированной системы фиксации на предупреждение дорожно-транспортных происшествий: на примере Республики Саха (Якутия) .....	№ 4; с. 33
<i>Бредихин А.Л.</i>	Интересы личности, общества и государства в процессе трансформации форм государства .....	№ 2; с. 12
<i>Бурла В.М.</i>	Исследование аксиологии постсоветских конституций как перспективное направление развития юридической науки .....	№ 4; с. 56
<i>Винокуров В.А.</i>	Теоретико-правовые и правоприменительные проблемы разграничения контрольно-надзорной и уголовно-процессуальной деятельности при осуществлении государственного пожарного надзора .....	№ 3; с. 79
<i>Вождаев М.М.</i>	Актуальные проблемы позитивистской концепции права .....	№ 4; с. 67
	Социальная функция российского государства как гарантия защиты правового статуса личности .....	№ 4-1; с. 20
	Постмодернистская концепция государства и права в современном дискурсе .....	№ 4-1; с. 27
<i>Волощук Р.Д.</i>	Нормативно-правовое регулирование института страхования жизни и здоровья людей в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) .....	№ 4-1; с. 35
<i>Воробьев С.М.</i>	Правовые основы обеспечения национальных проектов в сфере развития искусственного интеллекта в Российской Федерации .....	№ 2; с. 20
	Правовое обеспечение действия «цифровой зрелости» в качестве основного показателя развитости информационно-технологической трансформации государства .....	№ 4; с. 77
<i>Выменец П.С.</i>	Власть как юридический феномен .....	№ 4-1; с. 52

## Теория государства и права

<i>Галиев М.С.</i>	Влияние информатизации и цифровизации на правовую категорию «защита» в современной государственности .....	№ 4-1; с. 85
<i>Галиев Ф.Х.</i>	Верность долгу – верность стране (судьба монарха) .....	№ 1; с. 34
	Соционормативные регуляторы в политической системе общества .....	№ 4; с. 95
	К вопросу об устойчивом развитии общества в условиях информатизации и цифровизации .....	№ 4-1; с. 96
<i>Глуздак Г.Н.</i>	Злоупотребление правом на обращение в органы прокуратуры: способы противодействия .....	№ 4-1; с. 113
<i>Горбунов М.Д.</i>	Теоретические основы понимания эффективности права в отечественном позитивизме .....	№ 1; с. 49
<i>Губарева А.В.</i>	Определение и содержание санкции: теория и практика .....	№ 2; с. 43
<i>Гутман М.Ю.</i>	Факторы, обеспечивающие эффективность правового регулирования контртеррористической операции .....	№ 4-1; с. 71
<i>Денисов А.М.</i>	Ф.К. фон Савиньи: идея абсолютного в праве и иррационализм ее истолкования .....	№ 4; с. 106
<i>Дицевич Я.Б.</i>	Применение искусственного интеллекта в решении экологических проблем современности .....	№ 2; с. 50
<i>Дроздова А.М.</i>	Общество, государство, власть: связь и взаимодействие .....	№ 1; с. 65
	О некоторых современных формах взаимодействия личности и государства в механизме защиты прав человека .....	№ 3; с. 95
	Информатизация и цифровизация в образовательном пространстве современного российского общества .....	№ 4-1; с. 125
<i>Жигитов А.А.</i>	Истинный смысл как объект толкования права .....	№ 3; с. 107
<i>Завурбеков Ф.З.</i>	Ведомственная система Фатимидского халифата (X–XII вв.) (историко-правовой обзор) .....	№ 4-1; с. 135
<i>Захарцев С.И.</i>	Теория правовой вибрации и другие перспективные тезисы о праве .....	№ 4-1; с. 144
<i>Игнатъева С.В.</i>	Правовое регулирование актуальных проблем применения цифрового рубля в современной России .....	№ 4; с. 118
	Информатизация и цифровизация в образовательном пространстве современного российского общества .....	№ 4-1; с. 125
<i>Исмагилов Р.Ф.</i>	Соционормативные регуляторы в политической системе общества .....	№ 4; с. 95
	Ф.К. фон Савиньи: идея абсолютного в праве и иррационализм ее истолкования .....	№ 4; с. 106
	К вопросу об устойчивом развитии общества в условиях информатизации и цифровизации .....	№ 4-1; с. 96
	Теория правовой вибрации и другие перспективные тезисы о праве.....	№ 4-1; с. 144
	Роль индейского племени ирокезов в становлении формы государственного устройства США .....	№ 4-1; с. 167
	Источник и форма права в основных доктринах советской теоретической юриспруденции (С.Ф. Кечекьян, Н.Г. Александров, Д.А. Керимов, А.Ф. Шебанов, С.Л. Зивс) .....	№ 4-1; с. 230
<i>Ивлиев П.В.</i>	Правовое регулирование актуальных проблем применения цифрового рубля в современной России .....	№ 4; с. 118
	Цифровизация экономики: правовое регулирование и пути развития .....	№ 4; с. 127
<i>Комаров В.С.</i>	Переосмысление и реформирование правопонимания как интеллектуальной функции правовой культуры .....	№ 4; с. 150
	Отличительные особенности воздействия правопонимания на категории теории государства и права .....	№ 4-1; с. 187

## Theory of State and Law

<i>Комаров С.А.</i>	Правовые основы обеспечения национальных проектов в сфере развития искусственного интеллекта в Российской Федерации .....	№ 2; с. 20
	Правовое обеспечение действия «цифровой зрелости» в качестве основного показателя развитости информационно-технологической трансформации государства .....	№ 4; с. 77
<i>Комарова Т.Л.</i>	Эволюция реализации приоритетных национальных проектов .....	№ 4; с. 13
<i>Корякин И.И.</i>	О субъекте института организационного обеспечения деятельности судов .....	№ 1; с. 75
<i>Крижановская Г.Н.</i>	Цифровизация экономики: правовое регулирование и пути развития .....	№ 4; с. 127
	Информатизация и цифровизация в образовательном пространстве современного российского общества .....	№ 4-1; с. 125
<i>Крылова Ю.А.</i>	«Риск в праве» как категория юридической науки .....	№ 3; с. 119
<i>Крымов А.В.</i>	К вопросу о русской идее и евразийской идеократии .....	№ 1; с. 89
<i>Кузнецов Я.А.</i>	Представительство в силу закона в Конституционном Суде Российской Федерации .....	№ 1; с. 102
<i>Кузнецов М.В.</i>	В.Д. Зорькин о разработке концептуальных основ кодификации права .....	№ 3; с. 132
<i>Куксин И.Н.</i>	Правовые исключения и его характерные черты .....	№ 1; с. 122
	Россия – сильное государство .....	№ 1; с. 133
	Конституция как основа государственной идеологии: постановка проблемы .....	№ 4; с. 137
<i>Латыпова Н.С.</i>	Роль индейского племени ирокезов в становлении формы государственного устройства США .....	№ 4-1; с. 167
<i>Литвинов А.М.</i>	Роль и место парламента в процессе совершенствования Конституции Российской Федерации: баланс полномочий президента и парламента .....	№ 2; с. 65
<i>Магомедов Б.Г.</i>	История развития судебной системы и ее социального обеспечения в России .....	№ 1; с. 150
<i>Мамедов Э.Ф.</i>	Терминология законодательства об информации, информационных технологиях и о защите информации как средство обеспечения информационной безопасности .....	№ 1; с. 163
	Некоторые проблемы использования терминов в российском законодательстве о физической культуре и спорте .....	№ 2; с. 72
<i>Матвеев А.Г.</i>	Цифровое право: отрасль права или юридическая метафора? .....	№ 4-1; с. 176
<i>Матюхин А.А.</i>	Институт ограничений прав и свобод человека и гражданина в условиях военного положения: теория и практика .....	№ 4; с. 48
	Конституция как основа государственной идеологии: постановка проблемы .....	№ 4; с. 137
	Переосмысление и реформирование правопонимания как интеллектуальной функции правовой культуры .....	№ 4; с. 150
	Влияние информатизации и цифровизации на правовую категорию «защита» в современной государственности .....	№ 4-1; с. 85
	Отличительные особенности воздействия правопонимания на категории теории государства и права .....	№ 4-1; с. 187
<i>Микуленок Ю.А.</i>	Правовое регулирование системы высшего образования в двадцатые годы XX столетия .....	№ 1; с. 175
<i>Михайлов В.В.</i>	Защита национальных меньшинств до начала XX века: колонии Европы и инородцы России .....	№ 2; с. 84
	Защита национальных меньшинств до начала XX века: колонии Европы и инородцы России .....	№ 3; с. 148
	Групповые права и проблемы признания культурного геноцида иноязычных сообществ на Украине .....	№ 4; с. 164
	Вопросы формализации международных актов о защите групповых прав коренных и аборигенных народов после крушения мировой колониальной системы .....	№ 4-1; с. 205

## Теория государства и права

<i>Оль П.А.</i>	Нация – источник власти и позитивного права .....	№ 4-1; с. 215
<i>Островский М.А.</i>	Определение и содержание санкции: теория и практика .....	№ 2; с. 43
<i>Паравай Е.Б.</i>	Альтернативные способы урегулирования споров (на примере донского казачества и народа Кыргызстана) .....	№ 3; с. 157
<i>Паронян К.М.</i>	Либеральные основы института цензуры в отечественном государственно-правовом режиме конца XX – начала XXI вв. ....	№ 2; с. 93
<i>Потайнов П.О.</i>	Особенности правового регулирования организации деятельности юридических лиц .....	№ 2; с. 101
<i>Прохоров Е.В.</i>	Г.В. Мальцев о справедливости как о начале и принципе права .....	№ 3; с. 168
<i>Ревнов Б.А.</i>	Иностранцы граждане и избирательное право .....	№ 2; с. 107
<i>Романовская В.Б.</i>	К вопросу о русской идее и евразийской идеократии .....	№ 1; с. 89
<i>Сальников В.П.</i>	Теория правовой вибрации и другие перспективные тезисы о праве .....	№ 4-1; с. 144
<i>Севергин А.Д.</i>	Иностранцы граждане и избирательное право .....	№ 2; с. 107
<i>Сергеева А.Ю.</i>	Институт семьи как объект философско-правового анализа (Кант – Гегель) .....	№ 4; с. 176
<i>Середа Е.В.</i>	Понятие и механизм обеспечения законности .....	№ 1; с. 12
<i>Смольяков А.А.</i>	Институт ограничений прав и свобод человека и гражданина в условиях военного положения: теория и практика .....	№ 4; с. 48
<i>Спирин М.Ю.</i>	Источник и форма права в основных доктринах советской теоретической юриспруденции (С.Ф. Кечекьян, Н.Г. Александров, Д.А. Керимов, А.Ф. Шебанов, С.Л. Зивс) .....	№ 4-1; с. 230
<i>Старовойтова О.Э.</i>	Правовое обеспечение действия «цифровой зрелости» в качестве основного показателя развитости информационно-технологической трансформации государства .....	№ 4; с. 77
	Ф.К. фон Савиньи: идея абсолютного в праве и иррационализм ее истолкования .....	№ 4; с. 106
	Правовое регулирование актуальных проблем применения цифрового рубля в современной России .....	№ 4; с. 118
	Факторы, обеспечивающие эффективность правового регулирования контртеррористической операции .....	№ 4-1; с. 71
	Роль индейского племени ирокезов в становлении формы государственного устройства США .....	№ 4-1; с. 167
<i>Степанов М.М.</i>	Эволюция функций государства в условиях появления новых групп общественных отношений .....	№ 4; с. 185
<i>Сосин М.А.</i>	Влияние автоматизированной системы фиксации на предупреждение дорожно-транспортных происшествий: на примере Республики Саха (Якутия) .....	№ 4; с. 33
<i>Султанов А.Х.</i>	Верность долгу – верность стране (судьба монарха) .....	№ 1; с. 34
<i>Тихонова К.Р.</i>	К вопросу о сходствах и различиях судебных систем США и Канады .....	№ 4-1; с. 248
<i>Ткаченко А.В.</i>	Правосознание современной молодежи: понятие, содержание, функции .....	№ 3; с. 179
<i>Тользак А.Е.</i>	Применение искусственного интеллекта в решении экологических проблем современности .....	№ 2; с. 50
<i>Уткин Н.И.</i>	Факторы, обеспечивающие эффективность правового регулирования контртеррористической операции .....	№ 4-1; с. 71
<i>Фомичев С.М.</i>	Интересы личности, общества и государства в процессе трансформации форм государства .....	№ 2; с. 12
<i>Хабибуллина Л.С.</i>	Правовое государство: проблемы определения понятия и сущностная характеристика .....	№ 1; с. 187
<i>Хаяли Б.Р.</i>	Реформа школьного образования мусульман Российской империи во взглядах Решиды Медиева .....	№ 4-1; с. 260
<i>Храмцов А.Б.</i>	Составы органов местного самоуправления в городах Сибири в условиях Первой мировой войны .....	№ 3; с. 188



## Theory of State and Law

<i>Шаульский В.С.</i>	Постмодернистская концепция государства и права в современном дискурсе .....	№ 4-1; с. 27
<i>Щманцарь Д.А.</i>	Теоретико-правовые и правоприменительные проблемы разграничения контрольно-надзорной и уголовно-процессуальной деятельности при осуществлении государственного пожарного надзора .....	№ 3; с. 79
<i>Юсупова А.Р.</i>	Механизм противодействия правонарушениям в сфере банкротства юридических лиц в Российской Федерации .....	№ 3; с. 200
<i>Явид Я.А.</i>	Взаимодействие международного права и национального законодательства в области охраны объектов культурного наследия .....	№ 2; с. 121
	Теоретико-правовое понимание концепции культурного наследия.....	№ 3; с. 209
<b>5.1.2. – ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ</b>		
<i>Васильев Г.В.</i>	Проблема накопления государственного долга субъектом Российской Федерации .....	№ 3; с. 220
<i>Винокуров В.А.</i>	Проблемы привлечения физических лиц к административной ответственности за нарушение требований пожарной безопасности в связи с изменением законодательства .....	№ 1; с. 203
<i>Иванов И.В.</i>	Конституционно-правовой механизм публичной власти в Российской Федерации .....	№ 4; с. 198
<i>Кадаев А.А.</i>	Правовой механизм конституционной реформы в республиках в составе Российской Федерации как явление российского конституционализма: философско-правовой аспект и практические проблемы правоприменения .....	№ 4; с. 206
<i>Костенков В.А.</i>	Искусственный интеллект и права человека: риски взаимодействия .....	№ 4; с. 224
<i>Крижановская Г.Н.</i>	Правовой механизм защиты основ конституционного строя от решений межгосударственных и иностранных юрисдикционных институтов .....	№ 4-1; с. 275
<i>Магомедов Б.Г.</i>	Сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и зарубежных стран при регулировании индемнитета судей .....	№ 4; с. 235
<i>Мамитова Н.В.</i>	Правовой механизм защиты основ конституционного строя от решений межгосударственных и иностранных юрисдикционных институтов .....	№ 4-1; с. 275
<i>Назарова Л.А.</i>	Подходы к определению правовой природы нотариата и его функций в правовой системе Российской Федерации .....	№ 4; с. 242
<i>Полищук Д.А.</i>	Правовой механизм защиты основ конституционного строя от решений межгосударственных и иностранных юрисдикционных институтов .....	№ 4-1; с. 275
<i>Рыбакова О.С.</i>	Конституционное обеспечение защиты семьи и традиционных семейных ценностей российского общества .....	№ 4; с. 255
<i>Самусевич А.Г.</i>	Конституционное правоприменение: критический взгляд на различные концепции .....	№ 2; с. 130
<i>Соломяный А.В.</i>	Роль и место цифрового рубля в денежном обращении Российской Федерации .....	№ 3; с. 234
<i>Твердова Т.В.</i>	О нарушении конституционных прав граждан на полноценное обжалование судебных актов по уголовным делам в кассационном и надзорном порядке .....	№ 2; с. 141
<i>Чепус А.В.</i>	Внедрение цифровых технологий в транспортную отрасль России .....	№ 3; с. 244

## Теория государства и права

<i>Чмырева В.С.</i>	Методы реализации механизма гарантий прав человека в деятельности полиции в период вооруженных конфликтов .....	№ 2; с. 151
<i>Фатуллаева Э.А.</i>	Электронное голосование в зарубежном избирательном праве .....	№ 2; с. 159
<i>Шапошников А.В.</i>	Конституционно-правовые и организационные механизмы обеспечения прав граждан при использовании цифровых технологий в политическом процессе .....	№ 4; с. 270
<i>Шманцарь Д.А.</i>	Проблемы привлечения физических лиц к административной ответственности за нарушение требований пожарной безопасности в связи с изменением законодательства .....	№ 1; с. 203
<b>В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ</b>		
<i>Мурсалимов К.Р.</i>	Форма государства как категория общей теории государства и права .....	№ 3; с. 257
<i>Хабибулин А.Г.</i>	Форма государства как категория общей теории государства и права .....	№ 3; с. 257
<b>ЮБИЛЕЙ</b>		
<i>Галиев Ф.Х.</i>	Толкачеву Константину Борисовичу – 70 лет .....	№ 2; с. 170
<i>Комаров С.А.</i>	Толкачеву Константину Борисовичу – 70 лет .....	№ 2; с. 170
	Наши поздравления А.И. Бастрыкину .....	№ 3; с. 287
	Наши поздравления В.Е. Сафонову .....	№ 4; с. 286
	Наши поздравления С.М. Воробьеву .....	№ 4-1; с. 291
<i>Мамитова Н.В.</i>	К 85-летию со дня рождения Тараса Мироновича Шамба. «Шамбовские чтения» .....	№ 4; с. 294
<i>Полищук Н.И.</i>	Наши поздравления А.И. Бастрыкину .....	№ 3; с. 287
	Наши поздравления С.М. Воробьеву .....	№ 4-1; с. 291
<i>Хабибулин А.Г.</i>	Толкачеву Константину Борисовичу – 70 лет .....	№ 2; с. 170
	Наши поздравления А.И. Бастрыкину .....	№ 3; с. 287
	Наши поздравления В.Е. Сафонову .....	№ 4; с. 286

## **ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»**

Для публикации рукописи (статьи, обзора, отзыва или рецензии) в журнале «Теория государства и права» необходимо на адрес электронной почты komarova\_tl@mail.ru направить Оферту, текст рукописи, справку системы «Антиплагиат», рецензию научного руководителя (для студентов и аспирантов).

Предложение делать оферты, а также текст Оферты размещены в публичном доступе на странице журнала по адресу: <http://matgip.ru/trebuem>

Все рукописи проходят процедуру рецензирования в соответствии с установленным порядком.

### **ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА**

Статья (обзор, отзыв, рецензия) предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски в квадратных скобках на источник из библиографического списка.

Допустимый объем одной публикации 6–10 страниц.

К статье прилагаются:

- а) аннотация статьи (4–5 строк) и ключевые слова;
- б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе предоставляются на русском и английском языках.

## **RULES FOR PUBLICATION OF ARTICLES IN THE JOURNAL "THEORY OF STATE AND LAW"**

To publish a manuscript (article, review, review or review) in the journal "Theory of State and Law", it is necessary to send the Offer, the text of the manuscript, a certificate of the Antiplagiat system, a review of the scientific advisor (for students and graduate students).

The offer to make offers, as well as the text of the Offer, are posted in the public domain on the journal's page at: <http://matgip.ru/trebuem>

All manuscripts are reviewed in accordance with the established procedure.

### **RULES FOR REGISTRATION OF THE MATERIAL**

Article (review, review, review) is provided in electronic form, file in Microsoft Office Word format, font Times New Roman, size 14, spacing 1.5, automatic paragraph 1.25 mm, footnotes in square brackets to the source from the bibliographic list.

The allowed volume of one publication is 6–10 pages.

Attached to the article:

- a) abstract of the article (4–5 lines) and keywords;
- b) information about the author, including: full name (full name), academic degree, academic title, place of work (study), position, contact information: address with zip code, contact phone number, E-mail.

## **ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»**

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии – специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи.

В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов – специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

8.1.1. соответствие содержания рукописи ее названию;

8.1.2. актуальность темы исследования;

8.1.3. научная новизна полученных результатов;

8.1.4. целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения);

8.1.7. законность и обоснованность заимствований.

8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

8.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале;

8.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки;

8.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту);

8.3.4. рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.

9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2-8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.

11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает Редакционный совет на основании рецензии.

12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом.

13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии предоставляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

#### **PROCEDURE FOR REVIEWING MANUSCRIPTS, SUBMITTED FOR PUBLICATION IN THE JOURNAL "THEORY OF STATE AND LAW"**

1. This Procedure for reviewing manuscripts submitted for publication in the journal Theory of State and Law (hereinafter referred to as the Procedure) determines the procedure for reviewing manuscripts of scientific articles, reviews, reviews and reviews provided by authors for publication in the journal Theory of State and right-va "(hereinafter – the Journal).

2. Each manuscript submitted to the editorial office of the Journal must undergo a review procedure.

3. The manuscript received by the editorial office of the Journal is reviewed by the chief editor for its compliance with the profile of the Journal, the requirements for formatting and is sent for review to a specialist.

4. As a general rule, reviewing is carried out by one of the members of the editorial board – a specialist on the subject of the reviewed materials, who has scientific publications on the subject of the reviewed manuscript over the past three years.

For a more effective expert assessment of manuscripts, the editorial board has the right to involve external reviewers – specialists on the subject of the reviewed materials (doctors or candidates of science, including practitioners who have had scientific publications on the subject of the reviewed manuscript over the past three years).

5. Reviewers are advised that the review procedure is confidential. Reviewers are not allowed to make copies of articles and transfer them to third parties.

6. Reviewing is carried out confidentially for the authors of articles. The review is provided to the author of the manuscript upon his written request without a signature and without specifying the name, position, place of work of the reviewer.

7. Terms of reviewing manuscripts:

7.1. The editor-in-chief of the Journal considers the manuscript submitted for publication in accordance with clause 3 of the Procedure within seven days from the date of its submission to the editorial office.

7.2. The reviewing of the manuscript by a specialist is carried out within four to eleven days from the moment the manuscript was submitted to him by the editor-in-chief.

7.3. Within the terms specified in sub. 7.1 and 7.2 Order, excluding weekends and holidays established by the current legislation of the Russian Federation.

7.4. By agreement of the editorial board and the reviewer, the review of the manuscript can be carried out in a shorter time frame in order to rationally form the editorial portfolio.

8. Content of the review:

8.1. The review should contain an expert assessment of the manuscript according to the following parameters:

8.1.1. correspondence of the content of the manuscript to its title;

8.1.2. Relevance of the research topic;

8.1.3. scientific novelty of the results obtained;

8.1.4. the expediency of publishing the manuscript, taking into account the literature previously released on this issue;

8.1.5. presentation of material (language, style, completeness and logic of presentation);

8.1.7. the legality and validity of borrowing.

8.2. The reviewer has the right to give recommendations to the author on how to improve the manuscript. The comments and wishes of the reviewer should be objective and principled, aimed at improving the scientific level of the manuscript.

8.3. The final part of the review must contain one of the following solutions:

8.3.1. recommend to accept the manuscript for publication in the Journal;

8.3.2. recommend to accept the manuscript for publication in the Journal with technical revisions;

8.3.3. to recommend to accept the manuscript for publication in the Journal after the author has eliminated the reviewer's comments (with subsequent referral to the same reviewer for re-review);

8.3.4. recommend to refuse publication of the manuscript in the Journal due to the discrepancy between its scientific level or other criteria to the requirements for the corresponding manuscripts.

9. If the reviewer makes the decision specified in sub. 8.3.3 Procedure, revised (revised) by the author, the manuscript is re-sent for review. If the reviewer makes a similar decision during re-reviewing, the manuscript is considered rejected and is no longer subject to review by the editors of the Journal.

10. In cases where the reviewer makes the decisions specified in sub. 8.3.2–8.3.4 Order, the text of the review is sent to the author of the manuscript.

11. The final decision on the acceptance of the manuscript for publication in the Journal is made by the Editorial Board based on the review.

12. The originals of the reviews are kept in the editorial office of the Journal for five years from the moment they are signed by the reviewer.

13. Within the period established by clause 12 of the Procedure, a copy of the review is submitted to the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in case of a corresponding request received by the editorial office of the Journal.

Редактор, переводчик **М.В. Старцева**  
Верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, д. 19, корп. 1, офис 12  
E-mail: [matgip2017@yandex.ru](mailto:matgip2017@yandex.ru); [komarova\\_tl@mail.ru](mailto:komarova_tl@mail.ru)  
Сайт: <http://matgip.ru/magazine>  
Телефон: (499) 431-5806

Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков  
государства и права»  
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12  
E-mail: [matgip2017@yandex.ru](mailto:matgip2017@yandex.ru)

Выход в свет 20.02.2024. Формат 61x86 <sup>1</sup>/<sub>8</sub>.  
Бумага офсетная. Печать цифровая.  
Уч.-изд. л. 35,63. Усл. п.л. 24,39. Тираж 100 экз. Заказ № 26536.

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»  
ООО «Сам Полиграфист»  
[www.onebook.ru](http://www.onebook.ru)

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»